

Г. А. Черемисинов

ПАРАДИГМА
ДИРЕКТИВНО-ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ:
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В двух частях

Часть 2

Саратов
Издательство Саратовского университета
2013

УДК 330.342.17 (83); 334.012 (470) (09); 338.0

ББК 65.01 (013.7); 65.02; 65.9 (2)

Ч46

Черемисинов, Г. А.

Ч46 Парадигма директивно-плановой экономики : российский опыт хозяйственных преобразований : в 2 ч. / Г. А. Черемисинов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. – Ч. 2. – 460 с.

ISBN 978-5-292-04187-0 (ч. 2)

В настоящее издание вошли переработанные статьи и фрагменты научных монографий, опубликованные в 1994–2011 гг., а также новые материалы. В них исследуются методологические и теоретические проблемы экономической науки, дается историко-хозяйственный анализ возникновения, становления и трансформации директивно-плановой системы отечественной экономики, рассматриваются воззрения представителей различных направлений социально-экономической мысли на российскую хозяйственную практику советского периода.

Для преподавателей, научных работников, аспирантов, студентов и всех интересующихся теорией и историей отечественной экономики, развитием экономической науки.

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор *Н. Г. Барашов*

доктор экономических наук, профессор *А. В. Латков*

*Работа издана по тематическому плану 2013 года
(утвержден на Ученом совете Саратовского государственного
университета, протокол № 6 от 26.03.2013 г.)*

УДК 330.342.17 (83); 334.012 (470) (09); 338.0

ББК 65.01 (013.7); 65.02; 65.9 (2)

ISBN 978-5-292-04187-0 (ч. 2)

ISBN 978-5-292-04167-2

© Черемисинов Г. А., 2013

© Саратовский государственный университет, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел III

МЕТОДОЛОГИЯ ПАРАДИГМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Глава 12. Историко-экономическая герменевтика.....	6
Философско-методологические аспекты.....	6
Теоретико-методологические подходы.....	19
Исторический опыт политико-экономической герменевтики.....	26
Глава 13. Становление парадигмы директивно-планового хозяйствования	43
Военно-коммунистическое понимание планового хозяйства	43
Плановое руководство в условиях послевоенного восстановления экономики.....	48
Хозрасчетная модель государственного предпринимательства	53
Дискуссия о методологии планирования	64
Развитие теории рыночного хозяйства	77
Опыт теоретического анализа советского хозяйства.....	92
Парадигма директивно-планового хозяйствования в контексте истории экономической мысли	134
Теоретическая модель воспроизводства товарного дефицита	155

Макроэкономические пропорции ускоренного экономического роста.....	167
Осмысление парадигмы государственно-организованного предпринимательства.....	174
Глава 14. Эволюция неоклассической теории директивно-плановой экономики: системная парадигма Я. Корнаи.....	187
Исходные предпосылки неоклассической теории системных парадигм.....	187
Экономика «Дефицита» и экскурсы в историю экономической мысли.....	190
Критическое переосмысление ортодоксальной либеральной доктрины.....	208
Историко-экономическая верификация неолиберальной парадигмы директивно-плановой экономики.....	224
Глава 15. Неомарксистская историко-экономическая парадигма: миросистемный анализ И. Валлерстайна.....	230
Концептуальные основы миросистемного анализа.....	230
Противоречия миросистемы и ее современное состояние.....	250
Модель больших циклов в парадигме миросистемного анализа.....	270
Глава 16. Неомарксистская интерпретация развития экономики СССР в миросистемном анализе И. Валлерстайна.....	293
Теоретико-методологические предпосылки.....	293
«Призраки коммунизма»: идеология и политика антисистемных движений.....	309
«Эксперимент» под эгидой марксизма.....	331
Государственно организованный капитализм.....	341
Глава 17. Экономика развития: «Другой канон» Э. Райнерта.....	354
«Рикардианский грех» классической теории.....	355
«Конец истории» или холодной войны либерализма с марксизмом.....	365

Альтернативная парадигма «Другого канона».....	370
Модель инновационного капитализма.....	379
Теория и история неравномерного экономического развития.....	396
Аномалии экономической науки	411
Глава 18. Теоретико-методологические и духовно-нравственные проблемы формирования российской модели экономики.....	415
Методология использования основ протестантской этики в теоретических моделях капиталистического хозяйства М. Вебера и А. Смита.....	418
Католическая доктрина социально-рыночного хозяйства	437
Православно-богословское осмысление формирования российской модели экономики.....	442

Раздел III
МЕТОДОЛОГИЯ ПАРАДИГМ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Глава 12
Историко-экономическая герменевтика

Каждое поколение понимает себя и свое прошлое по-своему. Почему так происходит? Ответом на этот вопрос занимается особая наука – герменевтика. Она не ограничивается оценкой историко-экономических теорий по критериям достоверности фактов, непротиворечивости, изящности умозаключений и прагматичности, практической применимости выводов. Герменевтика пытается объяснить, как понимаются и истолковываются те или иные теоретические положения разными людьми в различные исторические периоды.

Философско-методологические аспекты

Термин «герменевтика» обязан своим происхождением персонажу древнегреческой мифологии Гермесу, который исполнял обязанности посредника между богами и людьми, истолковывал земным жителям повеления богов, а богам пересказывал просьбы человеческие. Изначально герменевтика считалась искусством толкования древних текстов, разных языков, смысла изречений мудрецов. В средневековье объектами толкования преимущественно были религиозные сочинения. Дальнейшее развитие расширило сферу интересов герменевтики и оформило ее в XIX веке в самостоятельное философское направление.

Философский аспект придает герменевтике методологическое значение в сфере социально-исторических наук. Именно как способ познания и понимания окружающего мира рассматривает герменевтику известный немецкий философ Х.-Г. Гадамер в своей монографии «Истина и метод...». Широта взгляда определяется авторским подходом, согласно которому древняя теологическая и филологическая вспомогательная дисциплина герменевтика поднималась над своей первоначальной прагматической целью – обеспечения или облегчения понимания литературных источников. По его мнению, понимание и истолкование текстов не только являются научной задачей, но и относятся ко всей совокупности человеческого опыта в целом¹.

Ученый так разъясняет свою позицию: «Не только литературная традиция предстает как дух, требующий отчужденного и нового, правильного усвоения; все, что уже не пребывает непосредственно в своем мире, а высказывается к нему и в нем, включая все традиции, искусство наряду со всеми другими проявлениями духовного творчества прошлого, право, религию, философию и т.д., отчужденные от своего первоначального смысла, – все устремляется к раскрывающему и посредующему духу, который мы вслед за греками называем Гермесом, посланцем богов. Герменевтика обязана своей центральной в среде гуманитарных наук функцией становлению исторического сознания»².

Нередко герменевтическая проблема возникает в науке при конкретизации общих теоретических положений как необходимость преодолеть разрыв между закономерностью и случайным единичным фактом. Дедуктивные построения обычно абстрагируются от исторического масштаба. Если к этому разрыву между всеобщим и конкретным прибавляется исторический разрыв, то разворачивается собственно герменевтическое творчество³.

Суть проблем гуманитарных наук, по разумению Х.-Г. Гадамера, нельзя верно понять, если измерять их по шкале прогрес-

---

¹ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 38.

² Там же. С. 216.

³ Там же. С. 594.

сирующего познания закономерностей. Познание социально-исторического мира не может подняться до уровня науки при помощи применения индуктивных методов естественных наук. Историческое познание не преследует цель представить конкретное явление как случай, иллюстрирующий общее правило. Единичное не служит простым подтверждением закономерности, позволяющей делать предсказание. Напротив, идеалом здесь должно быть понимание самого явления в его однократной и исторической конкретности. При этом допустимо воздействие сколько угодно большого объема общих знаний. Цель состоит не в их фиксации и расширении для более глубокого понимания общих законов развития людей, народов и государств, а в понимании того, каковы этот человек, этот народ, это государство, каково было становление, как могло получиться, что они стали такими⁴.

Отдавая предпочтение конкретности идеографического описания и многообразию его причинно-следственных связей, Х.-Г. Гадамер признает справедливость номографического подхода к изучению нравственных и социальных явлений: «Применение индуктивного метода в этих областях свободно от всех метафизических допущений и сохраняет полную независимость от того, каким именно мыслится становление наблюдаемого явления. Здесь не примысливают, например, причины определенных проявлений, но просто констатируют регулярность. Тем самым независимо от того, верят ли при этом, например, в свободу воли или нет, в области общественной жизни предсказание в любом случае оказывается возможным. <...> Осуществление свободных решений – если таковые существуют – не прерывает закономерности процесса, а само по себе принадлежит к сфере обобщений и регулярность которой допускает возможность предсказания»⁵.

Обычно задачи герменевтики располагаются между крайностями: реконструкцией и интеграцией. В основе первого подхода лежит желание воспроизвести изначальный результат работы автора текста. Историческое знание помогает возмещению утраченного,

---

⁴ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 45–46.

⁵ Там же. С. 45.

возобновлению традиции, возвращению «оказиального» (случайного) и исходного. Реконструкция условий, в которых дошедшее до нас произведение соответствовало своему первоначальному назначению, важна для его понимания. Однако такое определение герменевтики не менее абсурдно, чем всякое восстановление и реставрация прошедшей жизни. Это бессильное начинание перед лицом историчности нашего бытия⁶. Другая традиция, уходящая корнями в философию Гегеля, утверждает, что «сущность исторического духа состоит не в восстановлении прошедшего, а в мыслящем опосредовании с современной жизнью»⁷.

Х.-Г. Гадамер считает герменевтику универсально значимым методом познания: «Поскольку отныне не существует больше никакого различия между интерпретацией священных или мирских произведений и, стало быть, есть одна герменевтика, постольку герменевтика <...> не ограничивается только пропедевтической функцией всякой исторической науки – в качестве искусства правильного истолкования письменных источников, – но еще и перекрывает все поле деятельности самой исторической науки. Ибо то, что справедливо относительно письменных источников, то справедливо также и относительно сообщаемых ими сведений»⁸.

Человек в истории обусловлен соотношением индивидуальности и объективных обстоятельств. Эту двойственность разъясняет ученый. С одной стороны, индивидуальное понимание предопределяется окружающей действительностью. «Сама жизнь, эта текущая временность, предрасположена к выработке устойчивых единств значений. Жизнь истолковывает сама себя. Она сама имеет герменевтическую структуру»⁹. Поэтому «историк сам является частью того исторического хода вещей, который он исследует и который он может наблюдать лишь с той точки зрения, которую он сам принял в одно из мгновений этой истории»¹⁰. Человек «определен и ограничен своей принадлежностью к определенным

---

⁶ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 218.

⁷ Там же. С. 220.

⁸ Там же. С. 224.

⁹ Там же. С. 275.

¹⁰ Там же. С. 589.

нравственным сферам, своему отечеству, своими политическими и религиозными убеждениями. Но именно на этой неустранимой односторонности основывается его сопричастность»¹¹.

С другой стороны, понимание предполагает индивидуальную свободу, активную деятельность. «Тот, кто “понимает” текст (или даже закон!), – не только понимающе проецирует себя на некий смысл усилием понимания; совершенное понимание выступает для него как состояние новой духовной свободы. Это включает в себя многообразие возможностей истолкования, усмотрения связей, извлечения выводов и т.п., в которых заключается – в области понимания текста – то, что называется “разобраться в...”»¹² Всякое понимание есть в конечном итоге самопонимание.

Герменевтика основывается на нашем собственном отношении к реальным проблемам. Об этом говорит Х.-Г. Гадамер: «Понять текст всегда означает применить его к нам самим, сознавая, что всякий текст, хотя его всегда можно понять иначе, остается тем же самым текстом, лишь раскрывающимся нам по-разному»¹³. Историкование таким образом входит в содержание того, что понимается. «Мыслить исторически – значит проделать те изменения, которые претерпевают понятия прошедших эпох, когда мы сами начинаем мыслить в этих понятиях. Историческое мышление всегда и с самого начала включает в себя опосредование этих понятий с нашим собственным мышлением. Пытаться исключать из толкования свои собственные понятия не только невозможно, но и бессмысленно. Ведь истолковывать как раз и значит: ввести в игру свои собственные пред-понятия, дабы мнение текста действительно обрело язык»¹⁴. Историческая жизнь традиций и преданий состоит в необходимости все новых усвоений и толкований.

Понимание полнее реализует свои потенциальные возможности, когда предварительные мнения обоснованы, а не случайны. Поэтому, считает ученый, «есть глубокий смысл в том, чтобы ис-

---

¹¹ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 264.

¹² Там же. С. 312.

¹³ Там же. С. 463.

¹⁴ Там же. С. 462.

толкователь не просто подходил к тексту со всеми имеющимися у него готовыми пред-мнениями, а, напротив, подверг их решительной проверке с точки зрения их оправданности, то есть с точки зрения происхождения и значимости»¹⁵.

Философ полемизирует против традиционного неприятия, дискредитации предварительных суждений, убеждает в необходимости их обоснования и критического переосмысления, ибо они закладывают теоретико-методологическую основу, указывают исходные пункты, от которых разворачивается логика понятий и познания предмета изучения. Негативный оттенок понятие «предрассудок» приобрело в эпоху Просвещения, провозгласившую разум, а не традицию, последним авторитетом в утверждении истинности. Преодоление всех предрассудков – наиболее общее требование эпохи Просвещения – выявляет собственную абстрактность и революционность, избличает себя в качестве исторически обусловленного предрассудка.

Слово «предрассудок» означает пред-суждение, т.е. суждение, высказанное предварительно до окончательной проверки всех фактических моментов. Это отнюдь не говорит о неверности суждения. Х.-Г. Гадамер в соответствии с кантовской традицией ограничивает притязания рационализма априорными моментами: «Разум существует для нас лишь как реальный исторический разум, а это означает только одно: разум не сам по себе господин, он всегда находится в зависимости от тех реальных условий, в которых проявляется его деятельность»¹⁶.

Автор развивает мысль о том, что не только история принадлежит нам, но и мы принадлежим истории. «Задолго до того, как мы начинаем постигать самих себя в акте рефлексии, мы с полнейшей самоочевидностью постигаем себя в качестве членов семьи, общества и государства, в которых мы живем. Субъективность фокусируется системой кривых зеркал. Самосознание индивида есть лишь вспышка в замкнутой цепи исторической жизни. Поэтому предрассудки отдельного человека в гораздо

---

¹⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 319.

¹⁶ Там же. С. 328.

большей степени, чем его суждения, составляют историческую действительность его бытия»¹⁷.

Традиция, вопреки взглядам Просвещения, не может быть жестким ограничителем свободы, поскольку предполагаются согласие, забота, сохранение принятых устоев во время исторических новаций. По мнению Х.-Г. Гадамера, «даже там, где жизнь меняется стремительно и резко, как, например, в революционные эпохи, при всех видимых превращениях сохраняется гораздо больше старого, чем полагают обыкновенно, и это старое господствует, объединяясь с новым в новое единство. Во всяком случае, сохранение старого является свободной установкой не в меньшей мере, чем переворот и обновление»¹⁸.

Сопринадлежность, момент традиции в историко-герменевтической установке обуславливаются общностью основополагающих предрассудков. Но связь с прошлым не может быть непосредственным единством, непрерывно длящейся традицией. Поэтому герменевтика занимает промежуточную позицию «между чуждостью и близостью», между понимаемой исторически, отстоящей от нас предметностью и принадлежностью к определенной традиции. Эта «промежуточность» и есть истинное место герменевтики¹⁹.

Фактор времени активно формирует герменевтическое творчество. Рассуждения философа о воздействии отстояния во времени на понимание текста схожи с определением исторического места событий и эпох. «В рамках исторической науки <...> объективное познание достижимо лишь при наличии определенной исторической дистанции. Суть какого-либо дела, его подлинное содержание выделяется из актуальности преходящих обстоятельств лишь с течением времени. Обозримость, относительная завершенность исторического события, его удаленность от сиюминутных оценок современности действительно являются, в определенном отношении, позитивными условиями исторического понимания»²⁰.

---

¹⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 329.

¹⁸ Там же. С. 335.

¹⁹ Там же. С. 350.

²⁰ Там же. С. 352.

Объективность многообразия точек зрения и незавершенность процесса возникновения новых взглядов в исторической науке отражают следующее замечание автора: «Каждая эпоха понимает дошедший до нее текст по-своему, поскольку он принадлежит целостности исторического предания, к которому она проявляет фактический интерес и в котором стремится понять самое себя»²¹. Действительный смысл текста не исчерпывается преходящими моментами, представленными автором и его первой публикой. Он определяется также исторической ситуацией, в которой находится читатель, и объективным ходом истории.

Хронологический подход позволяет Х.-Г. Гадамеру показать взаимосвязь философско-методологических понятий герменевтики: «Понятие ситуации определяется как раз тем, что она представляет собой точку зрения, ограничивающую возможности этого зрения. Это значит, что в понятие ситуации существенным образом входит понятие горизонта. Горизонт – поле зрения, охватывающее и обнимающее все то, что может быть увидено из какого-либо пункта. В применении к мыслящему сознанию мы говорим, далее, об узости горизонта, о возможности расширения горизонта, об открытии новых горизонтов и т.д.»²². Выбор соответствующего исторического горизонта необходим каждый раз, когда мы хотим понять исторические события в их истинных размерах.

Горизонты познания смещаются вместе с движущимся исследователем. Таким образом, по мнению ученого, обеспечивается целостность герменевтического процесса. «Когда наше историческое сознание переносится в исторические горизонты, то речь идет не об удалении в какие-то чуждые миры, никак не связанные с нашим собственным, но все они, вместе взятые, образуют один большой, внутренне подвижный горизонт, который, выходя за рамки современности, охватывает исторические глубины нашего самосознания. В действительности, следовательно, есть только один-единственный горизонт, обнимающий собой все то,

---

²¹ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 358.

²² Там же. С. 350–351.

что содержит в себе историческое сознание. Наше собственное и чуждое нам прошлое, к которому обращено наше историческое сознание, участвует в построении этого подвижного горизонта, в котором и из которого всегда живет человеческая жизнь и который определяет ее в качестве предания и истоков»²³.

Перенесение себя на место другого, по справедливому уточнению, «не есть ни вчувствование одной индивидуальности в другую, ни приложение к другому наших собственных масштабов – оно всегда означает достижение более высокой общности, преодолевающей не только нашу собственную партикулярность, но и партикулярность другого. Понятие горизонта напрашивается здесь потому, что оно дает выражение той возвышенной дальновидности, которой должен обладать понимающий. Обрести горизонт всегда означает: научиться видеть дальше, за пределы близкого и ближайшего»²⁴.

Герменевтическая ситуация определяется теми предрассудками, которые мы в нее привносим и которые образуют горизонт настоящего, очерчивающий видение проблемы. Но текущие оценки и мнения не складываются в непоколебимый фундамент, строго ограничивающий познание прошлого. Горизонт настоящего вовлечен в процесс непрерывного формирования, поскольку мы обязаны подвергать постоянной проверке все наши предрассудки. Такой же проверкой служат встреча с прошлым и понимание того предания, из которого мы исходим. Горизонт настоящего формируется с участием прошедшего, и «понимание всегда есть процесс слияния этих якобы для себя сущих горизонтов»²⁵.

Историческое понимание, напоминает Х.-Г. Гадамер, всегда означает, что движущееся к нам предание обращается к настоящему и должно быть понято в его опосредовании этим последним, именно как это опосредование²⁶. Стало быть, понимание текста обретает конкретность и завершенность лишь в истолковании, которое выступает здесь в виде интерпретации. Интерпретирую-

---

²³ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 361.

²⁴ Там же. С. 360–361.

²⁵ Там же. С. 362.

²⁶ Там же. С. 388.

вать приходится там, где смысл текста не может быть понят непосредственно, где нельзя доверять непосредственности явления.

Интерпретация предполагает не разумеющийся самим автором, а скрытый и подлежащий раскрытию смысл. Всякий текст нуждается в многообразных толкованиях, с учетом индивидуальности говорящего или пишущего. Текст изучается как документ, подлинный смысл которого следует искать за пределами его буквального смысла, например, путем сравнения с другими данными, позволяющими определить его историческую ценность²⁷.

Смысл текста обычно превосходит авторское понимание. Познание поэтому не только репродуктивно, но продуктивно. Частенько говорят о том, что писателя нужно понять лучше, чем он сам себя понимал. Х.-Г. Гадамер предостерегает от такой самоуверенности, ибо едва ли мы понимаем лучше. «В действительности понимание не может быть лучшим, будь то в смысле лучше фактического знания, достигнутого благодаря более отчетливым понятиям, будь то в смысле принципиального превосходства, которым обладает осознанное по сравнению с тем неосознанным, что свойственно всякому творчеству. Достаточно сказать, что мы понимаем иначе – если мы вообще понимаем»²⁸.

Любопытны рассуждения немецкого философа о герменевтике в социальных исследованиях. «В век, когда до суеверия верят в науку», она может осуществлять свою общественную функцию, пока не скрывает своих границ и условности своего поля деятельности. «Герменевтика занимает соответствующее ей место и в теории науки, если она открывает внутри науки – с помощью герменевтической рефлексии – условия истины, которые не лежат в логике исследования, а предшествуют ей»²⁹. Предметом гуманитарных наук является то, к чему принадлежит и сам познающий.

Обоснованной следует признать авторскую ремарку о том, что в эмпирических социальных науках постановку вопроса направляет пред-понимание. «Речь идет о сложившейся обществен-

---

²⁷ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 397.

²⁸ Там же. С. 350.

²⁹ Там же. С. 616.

ной системе, которая имеет значение исторически ставшей, научно недоказуемой нормы. Она представляет не только предмет опытно-научного рационализирования, но и его рамки, в которые „вставляется“ методическая работа. Исследование разрешает в данном случае проблему, большей частью учитывая помехи в существующих общественных функциональных взаимосвязях или также путем объяснения критикой идеологии, которая оспаривает существующие господствующие отношения»³⁰. Суть научного овладения ходом событий такова, что она может использоваться в разных целях, выбор которых зависит от общественно-хозяйственных интересов.

Ученый-обществовед должен видеть условность посылок теоретических построений, критически воспринимать собственные научные предрассудки, очерчивающие горизонт познания. Тот, кто полагается на объективность своих методов и отрицает свою историческую обусловленность, мнит себя свободным от предрассудков, тот испытывает на себе могущество этих предрассудков, господствующих над ним без всякого контроля с его стороны. Кто не отдает себе отчета в господствующих над ним суждениях, тот не сумеет правильно понять то, что является ему в свете этих суждений³¹.

Абстрактно изолированный исторический вопрос или факт мало дает для познания. Статистические показатели, экспериментальные данные получают свое подтверждение только в контексте исследования. Поэтому вся наука включает в себя герменевтический компонент. Кроме выдвижения гипотез и их проверки, за герменевтикой остается проблема «перевода» научного знания на общезначимый язык. Таким образом, наука получает свою коммуникативную универсальность и соединяется с «донаучным» массовым сознанием.

Обыденное, рационально непроверяемое «пред-знание» играет важную роль в переработке жизненного опыта и общественной жизни. Такое пред-знание не является критической инстанцией

---

³⁰ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 617.

³¹ Там же. С. 424.

по отношению к науке, а само подвергается критическим замечаниям со стороны науки, но оно есть и остается ведущим медиумом (посредником между людьми и миром «духов». – Г. Ч.) всего понимания³².

Научная терминология связана с повседневным словоупотреблением общей средой осуществления – языком. Точно так же герменевтика находит общие точки соприкосновения с риторикой – искусством убеждения, поскольку процесс познания объединяет рациональное и эмоциональное. Х.-Г. Гадамер выражает глубокий скепсис по отношению к переоценке роли философии в общественной деятельности, к переоценке разума по сравнению с эмоциональными мотивациями человеческой души³³.

Языковые формулировки указывают на содержание предмета, проясняют и уточняют его значение. Здесь герменевтика переключается с риторической стилистикой, где убеждение достигается возбуждением аффектов – сильных страстей. Герменевтика, по мнению ученого, не ограничивается сферой разумного в письменных источниках. Понимание написанного важно, но оно оказывается запоздалым и потому вторичным феноменом. Герменевтический опыт простирается далеко, на всю сферу готовности к разговору разумного существа³⁴.

«Я сожалею, – пишет автор, – о непризнании того факта, что эту область герменевтика разделяет с риторикой – область убедительных аргументов (а не логически принуждающих). Это область практики и гуманности вообще, проблемы которых находятся не там, где имеет значение власть “железных заключений”, <...> а там, куда следует приходить путем разумного обдумывания спорного вопроса. Здесь уместны красноречие и искусство аргументации (и его молчаливое отражение – осмысленное совещание с самим собой). Если красноречие претендует на аффекты – как это было ясно с древних времен, – то оно, однако, никак не выпадает по этой причине из области разумного»³⁵.

---

³² См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 626.

³³ Там же. С. 632.

³⁴ Там же. С. 633.

³⁵ Там же. С. 633–634.

Риторика незаменима в дискуссии между герменевтикой и критикой идеологии. Эту мысль Х.-Г. Гадамер сопровождает беглым замечанием: «Маркс, Мао Цзэдун и Маркузе – которых ныне объединяют в некоторых настенных надписях – имеют популярность, которой они обязаны, разумеется, не “рациональным непри- нужденным разговором”»³⁶.

По разумению философа, нелепо риторике предписывать принудительный характер, противопоставляя ей свободную рациональную беседу. «Ибо в таком случае недооценивается не только опасность манипуляций красноречия и лишения самостоятельности, но и шанс соглашения с помощью красноречия, на чем основана общественная жизнь. Вся социальная практика – в том числе и по-настоящему революционная – немыслима без функции риторики. Именно научная культура нашей эпохи создает возможность для иллюстрации данного факта. Она поставила перед практикой человеческого соглашения все более расширяющуюся колоссальную задачу – в каждом случае интерпретировать частную область научного овладения предметом в практике общественного разума: здесь выступают средства массовой информации»³⁷.

Воздействие на массовое сознание нередко осуществляется при помощи мнимой объективной научности, тенденциозной подборки исторических фактов. В этом смысле исторический объективизм подобен статистике, которая является удобным средством пропаганды потому, что говорит языком фактов и тем самым создает видимость объективности, которая на самом деле зависит от оправданности ее постановок вопроса³⁸.

Часто риторику рассматривают как голую технику и как инструмент общественной манипуляции. Однако она составляет существенный момент всякого разумного отношения. Обосновывая такую посылку, Х.-Г. Гадамер говорит: «Способ образования организованного публичного мнения, которое развилось в нашем индустриальном обществе, отнюдь не исчерпывается областью разумной аргументации и критической рефлексии, которыми вла-

---

³⁶ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 632–633.

³⁷ Там же. С. 634.

³⁸ Там же. С. 356.

деет общественная практика, как бы ни была велика их область воздействия и какой бы высокой степени оценки в манипуляциях они не заслуживали»³⁹. Поэтому теоретические положения социальных наук используются в политической борьбе, хозяйственной деятельности, средствах массовой информации лишь после того, как они пройдут риторико-герменевтическую обработку.

Теоретико-методологические подходы

Общефилософские аспекты герменевтики конкретизируются в теоретико-методологических подходах различных отраслей науки. Великолепным образцом историко-экономической герменевтики служит «История экономического анализа» австро-американского ученого Й. Шумпетера. Почти вся вводная часть его фундаментального труда посвящена описанию проблем герменевтики, хотя сам этот термин не употребляется. Авторское изложение метода экономической науки во многих местах перекликается с вышеуказанными размышлениями Х.-Г. Гадамера.

Й. Шумпетер верно думает, что состояние любой науки в каждый данный момент времени в скрытом виде содержит ее историю: «Процесс научного анализа напоминает, скорее, непрерывную борьбу с тем, что уже создано нами и нашими предшественниками. Его прогресс (насколько он существует) диктуется не логикой, а влиянием новых идей, наблюдений, потребностей и не в последнюю очередь особенностями характера новых исследователей. Поэтому любой трактат, претендующий на освещение „современного состояния науки“, в действительности излагает методы, проблемы и выводы, которые исторически обусловлены и имеют смысл только в контексте исторических условий их возникновения»⁴⁰.

Специфические критерии естественных дисциплин не следует прикладывать к социальной, гуманитарной науке экономике. Так, по возможности измерений лишь незначительная часть экономической теории войдет в состав «науки». Поэтому Й. Шумпетер предпочитает широкие определения науки, под которые подпадает

---

³⁹ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 634.

⁴⁰ Шумпетер Й. А. История экономического анализа : в 3 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 5.

и экономика: любая область знаний, создавшая специализированную технику поиска и интерпретации (анализа) фактов; знание, вооруженное инструментами; усовершенствованный здравый смысл. Незазорно называть какую-либо область знаний наукой; это не комплимент и не порицание⁴¹.

Однако, по мнению автора, изучение экономики представляет особую трудность, поскольку здесь соотношение между обыденными и научными знаниями смещено в сторону первых гораздо больше, чем в других областях научных исследований. Эти знания являются преднаучными, и бессмысленно видеть в них, если они встречаются в старых книгах, научные открытия. Примитивный аппарат теории спроса и предложения научен. Но научные достижения в данном случае весьма скромны, и различить здравый смысл и научное знание здесь можно только по субъективным критериям⁴².

Австрийский экономист настаивает на том, что побудительные мотивы и цели исследователя не предопределяют степень научности полученных результатов и что на основании неприязни к целевым установкам ученого нельзя ставить под сомнение его теоретические достижения. «Даже если цель исследования нас не устраивает, мы не можем отказаться от признания его результатов, если эта цель не искажает факты и аргументацию. Отсюда следует, что аргументы „апологетов“ (оплаченных или нет – неважно) при условии, что они носят научный характер, для нас ничем не хуже доводов ”беспристрастных мыслителей“, если такие, конечно, существуют»⁴³.

Экономическая герменевтика исторична, ибо предмет экономической науки представляет собой уникальный исторический процесс. Трудно понять суть явлений любой эпохи, в том числе и современности, без владения историческими фактами, без «исторического чутья». Правильное взаимоотношение между экономическими и неэкономическими фактами, учет институциональных форм предполагают изучение документальных материалов про-

---

⁴¹ См.: Шумпетер Й. А. История экономического анализа. С. 8.

⁴² Там же. С. 11.

⁴³ Там же. С. 13.

шло. Большинство серьезных ошибок в экономическом анализе вызваны скорее недостатком исторического опыта, чем дефектами других инструментов из арсенала экономиста. Из таких посылок весьма органично вытекает герменевтическое замечание Й. Шумпетера: «Поскольку история – важнейший (хотя и не единственный) источник фактов для экономиста и поскольку, что еще важнее, экономист сам – продукт своего и всего предшествующего времени, экономический анализ и его результаты безусловно исторически ограничены, относительноны»⁴⁴.

Историческая или эволюционная природа экономических процессов ограничивает число общих категорий и общих связей между ними – экономических законов, которые менее устойчивы, чем законы естественных наук, ибо по-разному действуют в различных институциональных условиях. Поэтому более корректным представляется использование понятия экономической закономерности как устойчивой причинно-следственной связи между явлениями, возникающей и существующей при определенных условиях.

Пренебрежение социально-исторической спецификой экономики порождает множество ошибок. Эту мысль поясняет пространное рассуждение ученого-методолога: «Стараясь истолковать сознание людей, далеких от нас по времени или культуре, мы рискуем не понять их не только в том случае, когда просто ставим себя на их место, но и тогда, когда мы изо всех сил стараемся проникнуть во внутреннее устройство их сознания. К сожалению, каждый аналитик тоже является продуктом социальной среды и зависим от своего положения в обществе. Это побуждает его обращать внимание на конкретные факты и рассматривать их под определенным углом зрения. Кроме того, под влиянием среды человек подсознательно стремится видеть факты в том или ином свете. Это подводит нас к проблеме влияния идеологии на экономический анализ»⁴⁵.

Роль идеологии в историко-экономической герменевтике Й. Шумпетер раскрывает на основе критического осмысления марксистского подхода. «Маркс установил, что идеи и системы

---

⁴⁴ Шумпетер Й. А. История экономического анализа. С. 15–16.

⁴⁵ Там же. С. 41.

идей человечества не являются первичными двигателями исторического процесса, как до сих пор утверждают историографы, а образуют „надстройку“ над более фундаментальными факторами. <...> При этом идеи и системы идей, господствующие в данное время в данной социальной группе, интерпретируют факты и вытекающие из них следствия искаженно. Это происходит по тем же причинам, что и искажение представлений человека о собственном поведении. Иными словами, человеческие идеи имеют тенденцию прославлять интересы и действия господствующих классов и поэтому содержат (или подразумевают) такое их изображение, которое может значительно расходиться с истиной»⁴⁶. Такие системы идей К. Маркс называл идеологиями, заявляя, что большая часть современной ему экономической науки выражала идеологию промышленной и торговой буржуазии.

Австрийский экономист справедливо говорит, что К. Маркс внес большой вклад в наше понимание исторических процессов и общественных наук, однако его значение ограничивается некоторыми оговорками. Во-первых, Маркс не замечал идеологических элементов своей собственной системы. Но ведь его понятие идеологии универсально. Нельзя сказать: все вокруг нас идеология, а мы стоим на острове абсолютной истины. Идеология трудящихся не лучше и не хуже, чем другая. Во-вторых, марксистский анализ идеологических систем сводит их к сгусткам классовых интересов, которые, в свою очередь, находят выражение исключительно в экономических терминах. Но это положение не заключено в самом марксистском принципе идеологической ориентации и представляет собой другую, гораздо более сомнительную теорию⁴⁷.

Из признания социального положения могущественным фактором, влияющим на наше сознание, не обязательно следует вывод о том, что наше сознание определяется исключительно экономическими составляющими нашей классовой позиции; даже если это так, идеологическое влияние не может быть сведено лишь к влиянию классового или группового материального интереса. Принцип идеологической ориентации надо понимать шире: идеология есть

---

⁴⁶ Шумпетер Й. А. История экономического анализа. С. 42.

⁴⁷ Там же. С. 42–43.

надстройка над реальной объективной социальной структурой и одновременно ее порождение; идеология имеет тенденцию отражать эту реальную структуру в специфическом, искаженном виде.

В-третьих, большинство марксистов предполагают, что высказывания, в которых заметно идеологическое влияние, безоговорочно подлежат осуждению. Но ученый подчеркивает, что идеология, как и индивидуальная рационализация, вовсе не ложь, а входящие в нее суждения о фактах не обязательно должны быть ошибочными. Велико искушение одним ударом избавиться от системы неудобных нам положений, объявив ее идеологией. Этот прием весьма эффективен, так же как и личные нападки на оппонента, но логически неприемлем⁴⁸.

Общественное сознание неоднородно и отражает деление общества на группы, слои и классы различной природы. Возможность утвердиться в масштабах всего общества и оставить свой след в литературе для будущих поколений у каждой группы неодинакова. Это порождает трудноразрешимые проблемы интерпретации. Общественное сознание разных групп в данное время и в данном месте различается и зависит от положения и интеллекта людей, входящих в ту или иную группу. Общественное сознание может проявляться в системах политической экономии, создаваемых авторами, принадлежащими или примыкающими к определенным общественным группам⁴⁹.

История экономического анализа, по убеждению австрийского теоретика, отличается от истории систем политической экономии и от истории экономической мысли. Понятие поступательного прогресса касается только научно-аналитического аппарата, поскольку существуют общепринятые группой профессионалов стандарты, позволяющие ранжировать экономические теории по степени превосходства. Эта иерархия прослеживается во времени – более поздняя по происхождению теория обычно превосходит предшествующую. Ничего похожего на прогресс анализа мы не встретим ни в истории экономической мысли, ни в исторической последовательности систем политической экономии. Здесь

---

⁴⁸ Шумпетер Й. А. История экономического анализа. С. 43.

⁴⁹ Там же. С. 46.

допустимо ранжирование в порядке своего предпочтения. Но ранг любой экономической идеи или меры экономической политики в такой иерархии будет определяться оценочными суждения ее составителя, его эмоциональными и эстетическими предпочтениями, ибо отсутствует база для сравнений⁵⁰.

Очень интересно излагает Й. Шумпетер процесс формирования «видения», аналогичный возникновению предрассудков в терминологии Х.-Г. Гадамера. Предлагается посмотреть, на каком этапе научного исследования в него могут проникнуть элементы идеологического влияния, как их можно опознать и попытаться устранить. «Чтобы поставить перед собой какую-либо проблему, мы должны прежде всего иметь перед глазами определенный набор связанных явлений, представляющих собой достойный объект для исследования. Иными словами, аналитической работе должен предшествовать преаналитический акт познания, поставляющий материал для анализа. <...> Такой преаналитический акт познания мы называем “видением”. <...> Такое видение не только исторически предшествует любой аналитической работе, но и может вторгнуться в историю уже сложившейся науки. Это происходит тогда, когда кто-либо учит “видеть” вещи в новом свете, никак не обусловленном фактами, методами и результатами, характерными для предыдущей стадии развития науки»⁵¹.

Исходная задача состоит в воплощении нашего видения в слова или его концептуализации, чтобы элементы, обозначенные терминами (понятиями), заняли свое место в упорядоченной схеме или картине. Одновременно решаются еще две задачи. С одной стороны, мы собираем новые факты в дополнение к уже известным и сомневаемся в надежности некоторых из них, входивших в наше первоначальное видение. С другой стороны, создание схемы или картины обогащает первоначальное видение новыми связями между фактами, новыми понятиями, а иногда и разрушает какую-то часть видения. Изучение фактов и «теоретическая» работа, обогащая и проверяя друг друга, ставя друг другу новые задачи, в конце концов, создают научные модели, временные продукты их

---

⁵⁰ Шумпетер Й. А. История экономического анализа. С. 48.

⁵¹ Там же. С. 49.

взаимодействия, сохраняющие некоторые элементы первоначального видения, к которому предъявляются все более жесткие требования адекватности и последовательности.

Этот процесс широко открыт для идеологического воздействия. Оно осуществляется уже на первом этапе преданалитического познавательного акта. Тут надо осознавать возможные последствия, о которых достойно говорит Й. Шумпетер: «Аналитическая работа начинается с видения, а оно идеологично почти по определению. Если есть хоть какой-нибудь мотив, побуждающий нас видеть факты так, а не иначе, то можно не сомневаться, что мы увидим их так, как нам хочется. Чем простодушнее и наивнее наше видение, тем больше опасностей нас подстерегает в попытке получить из него универсальные выводы. Кстати, тот, кто ненавидит свою общественную систему, вовсе не обязательно создаст более объективный ее образ, чем тот, кто ее любит. Ненависть не менее слепа, чем любовь. Единственное, что утешает, так это то, что существует широкий круг явлений, никак не затрагивающих наши эмоции и поэтому представляющихся разным людям одинаково. Кроме того <...> правила и приемы анализа в той же мере независимы от идеологии, в какой наше видение пронизано ею»⁵².

Эти методы, по мнению оригинального мыслителя, позволяют распознать их некорректное применение, устранить порожденные идеологией ошибки, содержащиеся в первоначальном видении. Новые факты, накапливаемые исследователем, воздействуют на его теоретическую схему. Новые концепции и взаимосвязи, открываемые им или другими учеными, подтверждают или опровергают его идеологию. Если не препятствовать этому процессу, то он, хотя и не защитит нас от возникновения новых идеологий, очистит существующую идеологию от ошибочных взглядов.

Впрочем, Й. Шумпетер скептически относился к окончательному устранению идеологического влияния на экономическую науку. Достижимо лишь ограничение области идеологически искаженных положений и определение их возможного местонахождения. Многие явления входят в область личного опыта, а уж

---

⁵² Шумпетер Й. А. История экономического анализа. С. 51.

отсюда изгнать идеологию или сознательную нечестность невозможно⁵³. Рациональное видение мира имеет полную силу лишь в сфере науки. Но жизнь разнообразна и далеко выходит за рамки научных аргументов

Исторический опыт политико-экономической герменевтики

Обращение к историко-экономической герменевтике не праздный интерес. Она незаменима в изучении истории нашей российской экономики, особенно в научных исследованиях директивно-планового советского хозяйства. Необходима «инвентаризация предрассудков», которые определяют видение ученых и их теоретико-методологические подходы. В частности, следует уточнить роль, которую играли идеологические установки, обозначаемые как марксизм-ленинизм, социализм, в формировании и функционировании экономики в период правления советской власти, в 1917–1989 гг.

До сих пор в научном сообществе преобладает неоднозначность и противоречивость мнений, затрудняющие, а то и запутывающие понимание проблемы. Даже в современных фундаментальных концептуальных теоретических схемах присутствуют логически противоположные посылки.

Авторитетный американский ученый И. Валлерстайн в своей теории миросистемного анализа отводит существенное место идеологическим установкам. Презентуя собственную книгу в первом русском издании, автор говорит, что Советский Союз был наследником русской революции и большевизма (или марксизма-ленинизма) как идеологии. Это факт, которым нельзя пренебрегать. Но среди сторонников и оппонентов была распространена его неверная, часто намеренная интерпретация. Опыт марксизма-ленинизма следует рассматривать широко, в рамках истории антисистемных движений всей капиталистической мироэкономики⁵⁴.

---

⁵³ См.: Шумпетер Й. А. История экономического анализа. С. 52.

⁵⁴ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 14–15.

В то же время исследователь отмечает преимущество в развитии нашей страны от Екатерины II до Витте, затем до Сталина и 1980-х годов, когда высшее руководство считало главным приоритетом быструю индустриализацию отечественного хозяйства на основе интенсивного накопления капитала в целях улучшения места державы в мировой экономике⁵⁵. Таким образом, целевые установки и вектор экономического развития оказываются независимыми не только от идеологии, но и от политического устройства государства.

Использование абстрактно-лозунговой формулировки идеологии – марксизм-ленинизм – допустимо лишь с оговорками. Вероятно, речь идет об интерпретации В. И. Ульяновым-Лениным политических взглядов и теоретических положений из произведений К. Маркса. Однако наследие ленинской политико-экономической герменевтики настолько обширно и разноречиво, что в нем можно отыскать высказывания практически на все случаи жизни, но свести их воедино крайне трудно, если вообще возможно. Ленинская интерпретация марксизма представляет собой уникальный опыт историко-экономической герменевтики, изучение которого помогает критически переосмыслить устоявшиеся идеологические предрассудки, предопределяющие теоретико-методологические подходы к исследованию советского периода российской экономики.

В. И. Ленин был блестящим интерпретатором теоретического наследия К. Маркса. Вождя партии большевиков экономическая часть марксизма интересовала не сама по себе, а как средство достижения политических целей. Поэтому общие положения теории трудовой стоимости, которые принято считать одним из краеугольных камней теории эксплуатации рабочего класса и критики капиталистической системы хозяйства, занимали скромное место в ленинских работах. В. И. Ленин, как правило, ограничивался повторением воззрений социал-демократических теоретиков, в особенности К. Каутского, отстаивавших марксово понимание

---

⁵⁵ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 14, 256.

проблемы стоимости (ценности) в полемике с Е. Бём-Баверком или с его сторонниками внутри рабочего движения, в частности Э. Бернштейном.

Поверхностные критические рассуждения начинающего вождя не затрагивали существа дела. Так, в 1899 г. в рецензии на книгу К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа» В. И. Ленин выражал негодование по поводу чисто эклектических замечаний вроде того, что теория предельной полезности школы Госсена–Джевонса–Бёма не менее справедлива, чем теория трудовой стоимости Маркса. Но волновал его вопрос не о том, от какого свойства товаров мы вправе априори абстрагировать, а о том, как объяснить основные явления современного, основанного на обмене продуктов, общества⁵⁶. Стало быть, в политической деятельности исходные послышки важны лишь для того, чтобы из них можно было делать желаемые выводы.

Оправдывая стремление своей партии к власти, В. И. Ленин отстаивал идеологическое и теоретическое обоснование ее программы. В условиях длительного экономического подъема конца XIX – начала XX в., который наблюдался в большинстве развитых стран, в том числе и в России, защищать марксизм становилось все тяжелее. Рост производительности труда увеличивал производительности населения, позволял находить взаимоприемлемое сочетание интересов предпринимателей, лиц наемного труда, собственников, государственного аппарата. Заряженность марксизма на свержение существующего общественного строя не встречала симпатий в среде рабочего движения, ибо улучшения благосостояния можно было добиваться с помощью стачечной борьбы, переговоров, законодательных инициатив, не нарушая классового перемирия.

Смена тактики рабочего движения, пересмотр отношения европейских социал-демократов к учению К. Маркса, ревизия отдельных его положений оказались в центре внимания статьи В. И. Ленина «Марксизм и ревизионизм», изданной в 1908 г. Автор

---

⁵⁶ См.: *Ленин В. И.* Рецензия. Карл Каутский. Бернштейн и социал-демократическая программа // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 4. М., 1976. С. 203.

констатировал, что успешное распространение марксистских идей происходило с конца 40 до 90-х годов XIX века, т.е. в условиях долговременной неблагоприятной экономической конъюнктуры, революционизировавшей массы. Перелом хозяйственных дел к лучшему изменил общественное уmonoстроение, создал предпосылки к ревизии наиболее конфликтных, революционных марксистских взглядов.

Идеологические оппоненты получали отпор в разных формах: в виде презрительных упреков: «Ревизионисты лезли <...> в болото философского опошления науки, заменяя “хитрую” (и революционную) диалектику “простой” (и спокойной) “эволюцией”»⁵⁷, и в виде глубоких, эмоционально окрашенных научных обобщений: «Только самое короткое время и только самые близорукие люди могли думать о переделке основ учения Маркса под влиянием нескольких лет промышленного подъема и процветания. <...> Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического строя. Картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия. Что капитализм идет к краху – и в смысле отдельных политических и экономических кризисов и в смысле полного крушения всего капиталистического строя – это с особенной наглядностью и в особенно широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты»⁵⁸.

Падение популярности большевиков перед Первой мировой войной усугублялось аргументированной критикой различных положений марксизма в научной и политической литературе. Спасая теорию, В. И. Ленин защищал теоретическое обоснование партийной программы при помощи догматического толкования взглядов К. Маркса. Вышедшая в свет в 1913 г. статья «Три источника и три составные части марксизма» – классический образец канонизации

---

⁵⁷ Ленин В. И. Марксизм и ревизионизм. 5-е изд. Т. 17. С. 19.

⁵⁸ Там же. С. 21–22.

марксистского учения, суть которой передает знаменитая фраза: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно»⁵⁹.

В поименованной статье весьма примечательны указания на связь политико-экономических воззрений с интересами и положением в обществе различных социальных групп и отдельных людей. Первый абзац гласит: «Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде „вредной секты“. Иного отношения нельзя и ждать, ибо „беспристрастной“ социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но вся казенная и либеральная наука защищает наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную борьбу этому рабству»⁶⁰.

Концовка работы поражает своей откровенностью: «Люди всегда были и будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно не казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть только одно средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут – и по своему положению должны – составить силу, способную смести старое и создать новое»⁶¹. Стало быть, забота о людях труда на словах и на деле означала использование их большевиками в качестве орудия борьбы за господство в обществе.

Те же партийно-политические интересы обусловили смену ленинской риторики после захвата власти в октябре 1917 г., ибо революционный переворот совершился не по рецептам канонизированного марксизма. Уже через полгода, в мае 1918 г., В. И. Ленин в работе «О “левом” ребячестве и мелкобуржуазности» писал:

---

⁵⁹ Ленин В. И. Три источника и три составные части марксизма. 5-е изд. Т. 23. С. 43.

⁶⁰ Там же. С. 40.

⁶¹ Там же. С. 47.

«Маркс не связывал себе – и будущим деятелям социалистической революции – рук насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как часто и сильно будет она меняться в ходе переворота»⁶².

«Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отво-евали – у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять»⁶³, – было сказано немного раньше, в апреле 1918 г., в статье «Очередные задачи советской власти». Вопрос перешел в практическую плоскость. Предстояло разрабатывать новое, неканоническое толкование марксизма, совместимое с проводимой политикой.

Герменевтикой проникнута брошюра «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», напечатанная в июне 1920 г. В начале текста В. И. Ленин отдает дань прошлому упоминанием, что большевизм возник на самой прочной базе теории марксизма⁶⁴, а затем на протяжении почти ста страниц доказывает необходимость отхода от догматического понимания марксистского учения и невозможность неукоснительного соблюдения его принципов в партийной политике. Взгляд с поста главы правительства – председателя Совета народных комиссаров – почти полностью противоречит прежним воззрениям оппозиционера. В новой герменевтической ситуации В. И. Ленин оправдывает то, что ранее осуждал: ревизионизм в теории и оппортунизм – тактику уступок и соглашательства – в политике.

Неоднократно затрагивается тема компромиссов. Отрицание компромиссов вообще, «принципиально» называется ребячеством, которое трудно даже принять всерьез⁶⁵. Ибо вся история большевизма, и до и после Октябрьской революции, полна случаями лавирования, соглашательства, компромиссов с другими партиями⁶⁶. В обоснование подобной тактики приводятся соот-

---

⁶² Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности. 5-е изд. Т. 36. С. 304.

⁶³ Ленин В. И. Очередные задачи советской власти. 5-е изд. Т. 36. С. 172.

⁶⁴ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. 5-е изд. Т. 41. С. 7.

⁶⁵ Там же. С. 20.

⁶⁶ Там же. С. 54.

ветствующие аргументы: «Наша теория не догма, а руководство к действию, – говорили Маркс и Энгельс, – и величайшей ошибкой, величайшим преступлением таких “патентованных” марксистов, как Карл Каутский, Отто Бауэр и т.п., является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролетариата»⁶⁷.

Полемизируя с «принципиальной оппозицией», В. И. Ленин раскрывает механизм герменевтического воздействия на массовое сознание: «Всем известно, что массы делятся на классы; что противопоставлять массы и классы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями»⁶⁸.

«Соотношение вождей – партии – класса – масс, а вместе с тем отношение диктатуры пролетариата и его партии к профсоюзам представляется у нас теперь конкретно в следующем виде. Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков. <...> Партией <...> руководит выбранный на съезде Центральный Комитет из 19 человек, причем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям. <...> Выходит, следовательно, самая настоящая “олигархия”. Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии»⁶⁹.

Правящая элита навязывает идеологические предрассудки, укрепляющие ее престиж в массовых социальных слоях, проявляя

---

⁶⁷ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. 5-е изд. Т. 41. С. 55.

⁶⁸ Там же. С. 24.

⁶⁹ Там же. С. 30.

гибкое отношение к исходным партийным установкам. Для завоевания политической власти все средства хороши, так считает В. И. Ленин, призывая соединить строжайшую преданность идеям коммунизма с умением пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательства, зигзаги, отступления⁷⁰. Такая двусмысленная позиция, позволяющая сохранить внешнюю пристойность при любой смене политического курса, находит свое методологическое обоснование в рассуждениях о формах и содержании рабочего движения и социализма⁷¹. Искусно отделяя «форму» от «содержания», можно беспрепятственно начинять произвольными программными положениями формально марксистскую партийную платформу. Ссылаясь на изменившиеся обстоятельства, легко отрешиваться от «неудобных» высказываний К. Маркса по разным вопросам.

Так, обосновывая необходимость диктатуры пролетариата для подавления враждебных сил, В. И. Ленин настоятельно подчеркивал формальные марксистские критерии деления общества на классы. «Маркс и Энгельс, – говорил он, выступая на X съезде РКП(б) 16 марта 1921 г., – беспощадно боролись с людьми, которые забывали о различии классов, говорили о производителях, о народе или о трудящихся вообще. <...> Нет трудящихся вообще, или работающих вообще, а есть либо владеющий средствами производства мелкий хозяйчик, у которого вся психология и все навыки жизни капиталистические <...> либо наемный рабочий, с совершенно иной психологией, наемный рабочий в крупной промышленности, стоящий в антагонизме, в противоречии, в борьбе с капиталистами»⁷².

Спустя год, 27 марта 1922 г., на очередном XI съезде РКП(б) В. И. Ленин утверждал обратное, отказывая в пролетарской принадлежности тем самым наемным рабочим, от имени которых большевики установили политическую диктатуру: «Очень часто, когда говорят “рабочие” думают, что значит это фабрично-за-

---

⁷⁰ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. 5-е изд. С. 80.

⁷¹ Там же. С. 89.

⁷² Ленин В. И. Доклад о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне 16 марта 1922 г. на X съезде РКП(б). 5-е изд. Т. 41. С. 100.

водской пролетариат. Вовсе не значит. У нас со времен войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы спрятаться от войны, а разве у нас сейчас общественные и экономические условия таковы, что на фабрики и заводы идут настоящие пролетарии? Это неверно. Это правильно по Марксу, но Маркс писал не про Россию, а про весь капитализм в целом, начиная с пятнадцатого века. На протяжении шестисот лет это правильно, а для России теперешней неверно»⁷³.

Иногда ревизия марксизма осуществлялась не в виде резкого отрицания, а более мягко. В ноябре 1921 г. в статье «О значении золота теперь и после победы социализма» В. И. Ленин, растолковывая необходимость перехода от революционно-наступательной политики военного коммунизма к реформистским, осторожно-обходным методам новой экономической политики, писал: «Отношение реформ к революции определено точно и правильно только марксизмом, причем Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны, именно: в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата хотя бы в одной стране. В такой обстановке основой правильного отношения было: реформы есть побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата. <...> После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции. Принципиально дело остается тем же, но по форме является изменение, которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма»⁷⁴.

Весьма показательна герменевтическая обработка марксизма в разговоре о политике и экономике, диалектике и эклектике в январе 1921 г. в брошюре «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина». Интерпретации подвергаются известные положения Маркса о том, что политика относится к сфере надстройки, которая обуславливается экономическим ба-

---

⁷³ Ленин В. И. Политический отчет Центрального комитета 27 марта 1922 г. XI съезду РКП(б). 5-е изд. Т. 41. С. 106.

⁷⁴ Ленин В. И. О значении золота теперь и после полной победы социализма. 5-е изд. Т. 44. С. 228.

зисом, что политические интересы производны от экономических. Однако В. И. Ленин настаивал на своем «политическом» подходе: «Политика есть концентрированное выражение экономики. <...> Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма»⁷⁵.

Вождь большевиков считал недопустимой эклектикой соединение политического и хозяйственного подходов, которое подрывало партийное руководство профсоюзами. Отстаивая единое централизованное управление, он пускается в обстоятельное разъяснение преимуществ диалектической логики по сравнению с формальной⁷⁶. Аргументы черпаются из философии Гегеля, которую почитал партийный лидер. В то же время к самой ленинской герменевтике в целом применимы оценочные суждения немецкого ученого о философии софистов из «Лекций по истории философии».

Гегель взвешенно подходит к предмету исследования: «Если полагают, будто софистика дурна в том смысле, что она представляет собою своеобразную особенность, виновными в которой являются лишь дурные люди, то следует сказать, что она вместе с тем куда более распространена, чем это можно думать, ибо всякое рассуждение, исходящее из основания, приведение оснований за и против, выдвигание таких точек зрения есть софистика»⁷⁷.

Софистов отличает манера доказывать, не касаясь самого предмета, а посредством оснований, которые черпаются из собственных чувств, представляющихся последними целями человека. С такого рода рассуждениями можно зайти так далеко, – а если не доходят до этого, то причиной служит недостаток образования, софисты же были очень образованы, – что будешь знать, что если речь идет об основаниях, то можно посредством них все доказать, можно для всего находить основания за и против⁷⁸.

Софистика, будучи основой риторики, искусства красноречия, неустранимо присутствует в политике, выполняет важную герме-

---

⁷⁵ Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина». 5-е изд. Т. 42. С. 278.

⁷⁶ Там же. С. 286–291.

⁷⁷ Гегель Г. Лекции по истории философии. Книга вторая // Сочинения. М., 1932. Т. X. С. 18.

⁷⁸ Там же. С. 19.

невтическую функцию. Красноречие позволяет разъяснять смысл выдвигаемых идей, убеждать в их пользе, побуждать людей к желаемому действию, управлять народом, проводить государственную политику. Риторика характеризуется выдвижением разных точек зрения, стремится придать силу тем из них, которые кажутся выгодными в данном конкретном случае, остальные отодвигает на задний план⁷⁹. Отвергая незыблемость логических оснований, софистика развивает диалектичность мысли.

Новое прочтение Маркса диктовалось не только внутренними российскими причинами, но и изменениями в международном рабочем движении. Лидеры социалистического интернационала сформулировали и предложили привлекательную современную политическую платформу, которая заметно расходилась с установками марксизма второй половины XIX века. Придерживаться дальше марксистского видения социализма можно было либо ценной его реформаторского толкования, либо объявлением всех политических действий соответствующими идеям К. Маркса.

Подтверждением тому служат последние статьи, продиктованные В. И. Лениным в 1923 г. Он порицал «героев II Интернационала» за то, что они называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски; решающего в марксизме, его революционной диалектики, они не поняли⁸⁰. Лидер российских коммунистов констатировал, что с переходом к новой экономической политике «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»⁸¹. Герменевтическое творчество В. И. Ленина, связанное с толкованием марксизма, осталось незавершенным, допускающим и предполагающим новые интерпретации: «Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже все-таки отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками»⁸².

---

⁷⁹ Гегель Г. Лекции по истории философии. Книга вторая. Т. X. С. 9, 10.

⁸⁰ Ленин В. И. О нашей революции. 5-е изд. Т. 45. С. 378.

⁸¹ Ленин В. И. О кооперации. 5-е изд. Т. 45. С. 376.

⁸² Ленин В. И. О нашей революции. 5-е изд. Т. 45. С. 382.

В этой связи возникает вопрос, почему, несмотря на известную догматичность, учение социализма, именуемое марксизмом-ленинизмом, успешно справлялось с задачами научного обоснования экономической политики советского государства до середины 1980-х гг.?

Социальным фактором стабилизации была опора идеологии на интересы постоянно возраставших общественных сил: наемных работников казенного сектора экономики и правящей от их имени государственной бюрократии. Привлекательность марксистской теории поддерживалась также возможностями гибкого толкования ее основополагающих принципов в соответствии с изменяющейся исторической обстановкой.

Герменевтический подход необходим любой обществоведческой концепции, поскольку абстрактные предпосылки прилагаются к конкретным историческим ситуациям. Научные обобщения не воспринимаются непосредственно. Чтобы понять их смысл, нужна интерпретация. Поэтому парадигмы общественной мысли достигают логической завершенности лишь в истолковании.

Историческое понимание означает, что предшествующие социально-экономические воззрения, традиции соотносятся с настоящим и усваиваются при помощи этого сопоставления. Каждая эпоха переосмысливает одно и то же учение на свой лад. Творческий процесс познания не сводится к обыкновенному воспроизведению первоисточника. Его результаты обретают ту форму, какую задает им исследователь. Из единых исходных абстракций можно делать самые разные заключения, используя соответствующие посредствующие звенья и логические переходы.

Когда речь идет о приверженности социалистическому выбору или о новом прочтении К. Маркса, возникают проблемы герменевтики. Во-первых, неясна постановка вопроса – какой социализм и какие из взглядов К. Маркса имеются в виду. Во-вторых, всякий текст допускает и предполагает многообразные толкования. Стало быть, объектом диспута становятся не только основополагающие принципы, но и то, как они трактуются. Те же сложности представляет понимание литературных трудов и политических взглядов В. И. Ленина.

При таком подходе вызывает сомнение не только понимание, но и использование термина «марксизм-ленинизм». Первая проблема – выявить и собрать вместе мысли К. Маркса и В. И. Ленина о социализме, создать целостное представление. Уже на этом этапе возможны разночтения: каким образом свести воедино внешне не связанные друг с другом, а то и противоречащие друг другу высказывания. Следующий шаг не менее труден: как понять и истолковать идеи мыслителей, как «перевести» научные положения на общедоступный язык массового сознания, превратив их в идеологию. Впрочем, здесь на помощь герменевтике приходит риторика со своими специфическими методами.

Литературное наследие В. И. Ленина выходит за рамки интерпретации марксизма, оно содержит множество научных положений, которые могут обогатить развитие современной историко-экономической науки. В частности, герменевтическая обработка ленинских работ позволяет изменить концептуальное видение и понимание периода советской директивно-плановой экономики. Достоянны внимания брошюра «О продовольственном налоге», написанная в апреле 1921 г. с целью объяснения необходимости перехода к новой экономической политике.

Переходная ситуация в стране обусловила потребность в расширении герменевтического горизонта. Руководитель советского государства, прежде всего, приглашал «взглянуть на общий, коренной фон той картины, на которой теперь мы чертим узор определенных практических мероприятий политики данного дня»⁸³.

Описывая теоретическую модель, В. И. Ленин выделял пять общественно-экономических укладов: во-первых, патриархальное, в значительной степени натуральное хозяйство, когда крестьянин работал сам на себя; во-вторых, мелкое товарное производство, сбывающее продукты на рынке; в-третьих, частнохозяйственный капитализм, движимый личной инициативой и накоплениями предпринимателей, привлечением наемной рабочей силы; в-четвертых, государственный капитализм, который возник в результате сраживания крупных монополий с государственной властью. В послед-

---

⁸³ Ленин В. И. О продовольственном налоге. 5-е изд. Т. 43. С. 205.

нем случае оборот частного капитала вынужден был подчиняться централизованному контролю органов хозяйственного управления, получая от них взамен различные привилегии. Наконец, социализм, т.е. казенная собственность на факторы производства и средства обращения, – полная монополия государства на предпринимательскую деятельность⁸⁴.

Перечисленные снизу доверху уклады представляют общество в виде составных частей пирамиды, накладывающихся друг на друга, или воссоздают образ «ступенек исторической лестницы». Поэтому В. И. Ленин рассматривал общественное устройство двояко: как моментное состояние в определенный промежуток времени – нечто вроде портрета или фотографии и как процесс прогрессивного развития – смену низших социальных форм высшими.

Одновременное сосуществование различных социально-экономических систем говорит об их относительной самостоятельности и взаимной обусловленности. Каждый уклад имеет свои специфические механизмы (способы, методы) хозяйствования, из которых складывается целостный механизм самонастройки (регулирования) всей национальной экономики. Строго иерархическое расположение различных социально-экономических систем, по мысли В. И. Ленина, повторяло историю их возникновения. Очередной новый уклад появлялся на свет в виде надстройки над основаниями прежних укладов.

Ленинская теоретическая модель верно схватывала объективные тенденции развития России во второй половине XIX – начале XX в.: углубление общественного разделения труда, накопление, концентрацию и централизацию капитала, перемены в хозяйственном механизме страны, качественные сдвиги в отраслевой структуре, относительное уменьшение доли старых укладов по сравнению с утвердившимися позднее, усиление роли государства.

Однако В. И. Ленин абсолютизировал преобладавшие тенденции и однозначно представлял историческую перспективу, считая, что казенный сектор неизбежно вытеснит или заменит остальные социально-экономические уклады. По его мнению, непременно

---

⁸⁴ Ленин В. И. О продовольственном налоге. 5-е изд. Т. 43. С. 207.

должна была произойти ликвидация мелкого частного предпринимательства, а управление народным хозяйством будет осуществляться единым центром, т.е. государством. Доказывая надежность своего прогноза, автор ссылаясь на опыт Первой мировой войны, когда правительства ведущих европейских стран поставили под прямой контроль бюрократии национальные экономики. В огосударствлении российского хозяйства он видел не чрезвычайное явление мобилизации ресурсов, вызванное боевой обстановкой, а закономерный процесс становления нового общественного строя – социализма.

Сопоставляя ряд авторских высказываний, допустимо интерпретировать в них понятие «социализм» почти как синоним понятия «государственный капитализм». Существенная тождественность содержания понятий прослеживается в следующих цитатах. «Социализм немислим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов»⁸⁵. «Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»⁸⁶.

Государственный капитализм воспринимается как «последнее слово» крупной капиталистической техники и планомерной организации, подчиненной буржуазному государству. «Поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистического тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т.е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которая дает социализм»⁸⁷. Стало быть, социализм – дефиниция политической системы, устройства государственной власти, а не характеристика экономической системы страны.

---

⁸⁵ Ленин В. И. О продовольственном налоге. 5-е изд. Т. 43. С. 210.

⁸⁶ Там же. С. 213.

⁸⁷ Там же. С. 210.

Непростительной экономической ошибкой называл В. И. Ленин абстрактное противоположение «капитализма» «социализму», неумение видеть конкретных форм и ступеней перехода от одного к другому⁸⁸. «Возможно ли сочетание, соединение, совмещение советского государства, диктатуры пролетариата с государственным капитализмом? Конечно, возможно»⁸⁹. После ответа на этот риторический вопрос лидер большевиков дает краткое описание форм «государственного капитализма внутри нашей советской системы»: концессий, кооперации мелких производителей, частной торговли государственными продуктами за комиссионное вознаграждение – процент, сдачу в аренду предпринимателю-капиталисту государственного имущества⁹⁰.

Отсюда уже недалеко до определения советской системы экономики как разновидности государственно-организованного капитализма на базе новейшей техники и директивно-планового управления крупномасштабным производством. Или, быть может, корректнее использовать понятие «государственное предпринимательство» вместо терминов «капитализм» и «социализм» для характеристики верхнего уклада в ленинской модели многоукладной экономики.

Исходными теоретическими предпосылками концепции государственного предпринимательства в российской экономике служат взаимосвязь хозяйственной и управленческой деятельности государства, иерархическое и финансовое господство государственного аппарата в системе экономических отношений, решающее значение бюджета в формировании сферы государственного предпринимательства, историческая обусловленность самодовлеющей роли государства в экономике России. Таким образом, происходит расширение герменевтического горизонта, ибо истоки российского государственного предпринимательства восходят к временам Петра I.

Предлагаемый подход позволяет объяснять приверженность российской верховной власти политике поощрения накопления ка-

---

⁸⁸ Ленин В. И. О продовольственном налоге. 5-е изд. Т. 43. С. 212.

⁸⁹ Там же. С. 222.

⁹⁰ Там же. С. 223–227.

питала, индустриализации, ускоренного экономического роста державы с XVIII века до наших дней, о чем упоминалось выше в цитате И. Валлерстайна. Более того, изучение уникального исторического опыта СССР имеет непреходящее значение для общетеоретических постановок проблемы государственного предпринимательства точно так же, как практика Великобритании XIX века – для теории свободной конкуренции и частнокапиталистического предпринимательства. Советская экономика – это своего рода «классика» казенного ведения дел.

Объективную обусловленность вектора социально-экономического развития Советского Союза в XX столетии надо воспринимать с учетом исторического опыта передовых стран. Так, итальянский экономист Джованни Арриги в своей книге «Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени» говорит о фордистско-кейнсианском режиме накопления, который связан с особым этапом капиталистического развития, инвестициями в основной капитал, создающими потенциал для постоянного роста производства и массового потребления. Реализация этого потенциала потребовала соответствующей правительственной политики, социальных институтов, норм и привычек поведения. Кейнсианство стало тем способом регулирования, который позволил фордистской организации массового, конвейерного производства полностью раскрыть свои возможности⁹¹.

На этом фоне используемые во многих современных учебных пособиях дидактические схемы объяснения директивно-плановой модели советской экономики на основе противопоставления нереальной модели совершенной конкуренции выглядят схоластикой. От такого предрассудка желательнее отказаться и сопоставлять хозяйственный опыт Советского Союза с практикой «организованно-го капитализма» прошлого века в экономически развитых странах.

---

⁹¹ См.: *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век : деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006. С. 40.

Глава 13

Становление парадигмы директивно-планового хозяйствования

Военно-коммунистическое понимание планового хозяйства

Истоки парадигмы директивно-планового хозяйствования восходят к суровым годам Первой мировой войны. Российская общественность активно включилась в обсуждение проблем планового руководства отечественной экономикой, пожалуй, в 1916 г.¹ Идея планирования покоряла умы и овладевала душами людей по мере ухудшения дел в нашем хозяйстве. Виновником упадка было казенное предпринимательство, разрушавшее традиционный, рыночный механизм самонастройки экономики державы.

Затраты средств на содержание армии и оплату оборонных заказов превысили тот критический порог, до которого перераспределение национального дохода допустимо осуществлять обычными методами бюджетных изъятий и регулирования товарно-денежного оборота. Попытки покрытия чрезвычайных расходов при помощи необеспеченной эмиссии рублей и установления указных фиксированных цен перевели хозяйство в режим товарного дефицита или скрытой инфляции – избытка денег. Бестова-

---

¹ Обзор взглядов деятелей той поры представлен в монографии: *Май В. А. Реформы и догмы*. М., 1993. С. 24–57.

рье усугублялось также невозобновляемыми потерями основного и оборотного капитала предприятий и частных лиц, сокращением производства в гражданских отраслях.

Хроническая нехватка продуктов в сравнении с покупательским спросом вынудила правительство прибегнуть к нерыночным способам их дележа. Первым шагом в этом направлении была продовольственная разверстка – регламентированная скупка зерна. Затем разрядка коснулась мяса, масла, сахара, соли, топлива, металла, промышленного сырья и т.д.

Исчерпание стратегических резервов страны поставило на повестку дня вопрос о разумном использовании сохранившихся ресурсов. А рациональность в думавших головах ассоциировалась с государственным плановым регулированием изготовления и распределения товаров. Предполагалось, что централизованное руководство хозяйственной инициативой позволит лучше удовлетворять общественные потребности, нежели свободный рыночный обмен. Стало быть, планирование изначально противопоставлялось стихии рынка. Основанием для таких воззрений мог служить объективный ход событий.

Государство в собственных интересах постепенно заменяло куплю-продажу по вольным ценам благ и услуг их «плановым распределением» по указным ценам. Под натиском быстро нарастающей инфляции товарно-денежное обращение уступало место натуральным поставкам продукции. Самые важные продукты обьявлялись казенной монополией. Для налаживания подобной плановой деятельности создавались разного рода правительственные органы.

Но итоги управленческих мероприятий, в конце концов, оказывались плачевными. Чем агрессивнее государство транжирило национальные ресурсы на нужды войск, чем значительнее оно истощало производительные силы России, тем интенсивнее протекал процесс натурализации хозяйственных связей, тем дальше на «черный рынок» централизованное регулирование продуктообмена изгоняло нормальную торговлю по равновесным ценам. Недостаток товаров чувствовался все острее. Чем больше продуктов

попадало в разряд дефицитных, тем больше возникало «плановых» органов, которые занимались их производством, заготовкой, транспортировкой, использованием. Чрезвычайное планирование достигло апогея в годы гражданской войны.

Теоретическое осмысление государственного регулирования экономики, осуществлявшегося советской властью, запечатлелось в документах и публикациях 1920–1921 гг. Общественное мнение без разногласий признавало непосредственную зависимость между милитаризацией хозяйства и укреплением его централизованного «планового» руководства. Причем эта закономерность считалась глобальной. Так, резолюция III Всероссийского съезда СНХ (23–27 января 1920 г.) констатировала, что «последняя империалистическая война вызвала во всех странах острый недостаток в предметах массового потребления и средствах производства и породила бестоварье, являющееся главным мировым бедствием»².

Положение Советской России было неизмеримо тяжелее. Гражданская война препятствовала устранению затянувшегося товарного голода. Преодоление критической ситуации большевики видели в «рациональном использовании производительных сил страны, исключающем все лишние затраты, достигающем максимальной производительности и проводимом по строго составленному единому плану»³.

Правительственный документ свидетельствовал о качественном изменении государственного предпринимательства. Национализация предприятий многих отраслей сформировала огромный комплекс казенного хозяйства. Поэтому прямое управление ведомств проникло уже в сферу производства. И естественно, что идеальный проект народнохозяйственного плана в резолюции съезда СНХ получился преимущественно производственным: «Хозяйственный план должен устанавливать мероприятия, которые обеспечили бы: а) согласование работ всех отраслей народ-

---

² Резолюция III Всероссийского съезда СНХ (23–27 января 1920 г.) // Об едином хозяйственном плане: (Работы 1920–1921 годов). М., 1989. С. 14.

³ Там же.

ного хозяйства, и в том числе всех отраслей промышленности, б) своевременную заготовку сырья и топлива и ставили бы хозяйства, добывающие сырье, в благоприятные условия, обеспечивающие развитие этих хозяйств, в) рациональное использование рабочей силы, г) правильное разделение труда между частями страны в соответствии с условиями транспорта, местами нахождения сырья и пр., д) правильное разделение труда между предприятиями при рациональном использовании орудий производства, <...> е) неуклонное проведение в жизнь принципа специализации и массового производства, ж) экономное и целесообразное распределение готовых продуктов»⁴.

Необходимость планового регулирования воспринималась как первоочередная антикризисная мера. Соответственно содержание разрабатываемых планов и сроки их реализации обуславливались хозяйственной разрухой. Недостаток топлива и продовольствия, отсутствие требуемого числа рабочих, трудность перевозок, скудость запасов сырья позволяли составлять планы в общих чертах и на непродолжительный период.

Методы государственного руководства экономикой определялись конкретными историческими обстоятельствами. Об этом темпераментно писал в 1920 г. С. И. Гусев, призывая понять, «что в революционные эпохи могут быть только революционные методы хозяйственного строительства и что военные методы работы (особенно военные методы гражданской войны, которые резче, острее, стремительнее) весьма близко приближаются к революционным методам <...> что наша нищета переворачивает вверх дном все методы хозяйственного строительства <...> революционизирует до последних пределов всю нашу хозяйственную работу»⁵. Автор сравнивал главный орган управления экономикой с «полевым штабом»⁶, который должен разрабатывать и про-

---

⁴ Резолюция III Всероссийского съезда СНХ (23–27 января 1920 г.) // Об едином хозяйственном плане: (Работы 1920–1921 годов). М., 1989. С. 14.

⁵ Гусев С. И. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат // Там же. С. 50.

⁶ Там же. С. 57.

водить в жизнь единый хозяйственный план. Аналогия не была оторвана от реальности. «Трудовые армии», «трудовые мобилизации» существовали не только на бумаге.

В иной тональности в том же 1920 г. рассуждал о плановости А. М. Кактынь, сетуя на межведомственные трения, волокиту и бюрократизм при исполнении даже «ударных заданий». Он говорил, «что у нас нет единого хозяйственного плана потому, что <...> у нас нет единого хозяйственного центра, обуславливающего эту организованность и согласованность в системе нашего хозяйства»⁷. С точки зрения автора, советский хозяйственный аппарат в течение трех лет, с момента создания в 1918 г. ВСНХ, оставался распыленным и разбросанным. Единственным связующим звеном был СНК, который мало уделял внимания экономическим вопросам из-за напряженной политической борьбы. Отдельные комиссариаты «расползались врозь», зачастую проводили «чисто ведомственную политику»⁸.

Но в 1920 г., по мнению А. М. Кактыня, уже созрели предпосылки для окончания строительства единой общегосударственной системы планирования. Во-первых, основные орудия производства и обмена «огосударствлены». Во-вторых, процесс организационного охвата нашего хозяйства перешел свою кульминационную точку. В-третьих, налаживается учет ресурсов и результатов хозяйственной деятельности. В-четвертых, налицо составные части управленческого аппарата для разработки единого хозяйственного плана. Остается теперь сочетать эти части в единый хозяйственный центр⁹. Логическим завершением военно-коммунистических тенденций в отечественной экономике стало учреждение по декрету от 22 февраля 1921 г. Государственной общеплановой комиссии. На нее была возложена разработка общегосударственного хозяйственного плана. Но грянул нэп и заставил окинуть критическим взором опыт военно-коммунистического государственного предпринимательства.

---

⁷ *Кактынь А. М.* Единый хозяйственный план и единый хозяйственный центр // Об едином хозяйственном плане: (Работы 1920–1921 годов). С. 100.

⁸ Там же. С. 111.

⁹ Там же. С. 112, 113.

***Плановое руководство в условиях послевоенного
восстановления экономики***

Духом переоценки недавнего прошлого была пронизана брошюра Г. М. Кржижановского «Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана)», изданная в 1921 г. и посвященная анализу отрицательных последствий ударного хозяйства и излишне централизованного управленческого аппарата в послеоктябрьский период.

Автор писал: «В военное время поневоле пришлось отбросить всякие поползновения провести в жизнь стройные государственные планы, вытекающие из существа хозяйственной обстановки всей той громадной территории, границы которой надо было еще утверждать огнем и мечом. Приходилось создавать такой государственный аппарат, который мог бы решительно бросить наибольшее количество сил в любом направлении, наиболее угрожавшем в данный момент устойчивости Республики. А это означает, что военное время по преимуществу требовало работы ударными методами в ударных направлениях. Такая работа по самому существу своему исключает точный общий учет и вероятность предвидения, т.е. исключает как раз основные предпосылки планового хозяйства. Задачи фронта должны были неизбежно преломляться тысячами путей по всей тыловой работе, вплоть до милитаризации основных трудовых процессов, и сугубо централизованный аппарат управления вырос как неизбежное последствие войны. Где рубят лес, там неизбежно летят и щепки. Не удивительно, что хозяйственная структура военного периода отнюдь не отвечает нуждам хозяйственного управления в период мирный»¹⁰.

Г. М. Кржижановский констатировал наличие двух разрывов в поступательном движении отечественного хозяйства и его государственном регулировании. Первый раскол произошел в результате октябрьского революционного переворота. Второй раз «пре-

---

¹⁰ Кржижановский Г. М. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана) // Об едином хозяйственном плане: Работы 1920–1921 годов). С. 157.

емственность методологического подхода к плановым задачам» оборвалась с началом новой экономической политики¹¹.

Будучи председателем Госплана, Г. М. Кржижановский неоднозначно относился к хозяйственному расчету образца 1921 г. Он размышлял так: «Если бесхозяйственность была теснейшим образом связана с военной фазой нашей революции, то совершенно естественно, что теперь мы прежде всего должны начинать именно с хозяйственного расчета, не смущаясь тем, что самая оценка хозяйственности будет носить грубый эмпирический характер, будет различна в хозяйствах разного порядка <...> Перевод предприятий на начала хозяйственного расчета, выявление их “коммерческой выгоды” имеют лишь подсобное временное значение <...> Конечной решающей инстанцией явится тот учет хозяйственного удельного веса отдельных предприятий, который будет возможен, когда деятельность их будет отчетливо связана с выполнением заданий общегосударственного плана»¹².

Скепсис касательно коммерческой выгоды предприятий, вероятно, объяснялся конкретной обстановкой первого года нэпа. При обвальном падении покупательной способности денежных знаков трестам не удавалось высчитывать свои затраты, калькулировать себестоимость продукции, оптимально назначать цены на продаваемые товары и определять, сработали они с прибылью или с убытком. Условные же расчетные единицы не годились для составления обобщающих планов хотя бы по нескольким отраслям государственного сектора.

Совсем по-другому можно было воспринимать соотношение плана и хозяйственного расчета после проведения денежной реформы в 1922–1924 гг. Появление твердой валюты дало средство для точного, универсального денежного учета расходов и доходов и, следовательно, для построения любых планов.

Вот как высказывался в 1924 г. в статье «К вопросу о хозяйственном плане» В. А. Базаров: «Период так называемого военного коммунизма был эпохой идеологического и юридического

---

¹¹ Кржижановский Г. М. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана). С. 222, 223.

¹² Там же. С. 170.

торжества хозяйственного плана при его фактическом бессилии. В эти годы планомерность и рациональность отсутствовали не только в государственном производстве как целом, но даже и в отдельных отраслях, в отдельных предприятиях его, т.е. там, где строгий план и учет присущи частнокапиталистическому хозяйству. В деле использования производственных механизмов и живой рабочей силы, в деле распределения этой последней по цехам господствовали случай и стихия. И только принцип “хозяйственного расчета”, неразрывно связанный с восстановлением товарного рынка, позволил приступить к обузданию этой стихии путем более или менее планомерного осуществления, более или менее рационально построенных программ»¹³.

Очень верно автор подметил, что в натуральном хозяйстве военного коммунизма планомерность была невозможна. Без товарно-денежных отношений директивно-плановая парадигма зависала в сфере идеологии и организационно-правовых мероприятий, не опираясь на крепкий экономический фундамент. Поэтому правильно В. А. Базаров причислял к предпосылкам успешного планового руководства товарный рынок. «Во-первых, он облегчил восстановление личной заинтересованности каждого трудящегося в результатах труда и личной ответственности за добросовестность труда. Во-вторых, и это особенно важно, он чрезвычайно упростил функции фактической проверки работы предприятий, а следовательно, и всяческое хозяйственное регулирование»¹⁴.

Экономическая система советской власти, по мнению теоретика, представляла собой государственный капитализм, который нуждался в товарном рынке для осуществления хозяйственных планов. Однако централизованное управление советской экономикой не должно пассивно следовать за колебаниями рыночной конъюнктуры. Правительство обязано реализовать «широкий план возрождения народного хозяйства», верстать который надо не только по критерию коммерческой пользы – рентабельности предприятий.

---

¹³ Базаров В. А. К вопросу о хозяйственном плане // Каким быть плану : дискуссии 20-х годов. Л., 1989. С. 218.

¹⁴ Там же.

Особо ратовал В. А. Базаров за опережающий подъем тяжелой индустрии: «В настоящее время у нас относительно благополучно обстоит дело с предметами широкого потребления; рынок предъявляет к ним растущий спрос, и, несмотря на чрезвычайно высокие издержки производства и продажные цены, соответственные отрасли развиваются быстрее других и приносят, по-видимому, достаточную прибыль. В гораздо более тяжелом положении находится производство средств производства, обслуживающее по преимуществу государственную промышленность и транспорт. Здесь сокращение производства несравненно значительнее, нагрузка предприятий меньше, убыточность пока неустраима. Таким образом, стихийно сложившаяся конъюнктура отнюдь не создает тенденции к выравниванию имеющихся диспропорций, а, наоборот, стремится еще усугубить их. И если бы наша экономическая политика руководилась исключительно текущей конъюнктурой, т.е. непосредственной рентабельностью предприятий, мы быстро пришли бы к почти полному аннулированию металлургии, металлообработки, силового хозяйства, а вместе с тем подорвали бы тот базис, на котором может развиваться сравнительно рентабельная легкая индустрия. Вообще не надо закрывать глаз на то, что форсирование нашей крупной индустрии по непосредственным своим результатам есть дело весьма малорентабельное, требующее огромных затрат, которые начнут окупаться лишь в более или менее отдаленном будущем»¹⁵.

Знаменательно, что в статье 1924 г. у В. А. Базарова непрестанно звучал мотив сходства государственного капитализма с частным. Он был навеян одинаковостью процессов «трестирования» и «синдицирования» российской промышленности с образованием корпораций в ведущих индустриальных странах. Показательна следующая авторская реминисценция: «Наш юный государственный капитализм <...> является учеником западноевропейского и американского капитала; он стремится усвоить выработанные этим последним методы концентрации и специализации производства»¹⁶.

---

¹⁵ Базаров В. А. К вопросу о хозяйственном плане. С. 221.

¹⁶ Там же. С. 219.

Частнокапиталистическая система хозяйствования на рубеже XIX–XX веков внедряла техническую рациональность и строгую планомерность не только в отдельные предприятия, но и в целые отрасли производства. И в советской экономике первых лет нэпа довлело отраслевое, ведомственное регламентирование деятельности трестов и синдикатов при отсутствии централизованного управления народным хозяйством по одному плану. Поэтому точным отображением ситуации был вывод, что «государственный капитализм по объему своего планирования действительно ограничен примерно теми же рамками, как и высокоразвитый частный капитализм»¹⁷.

Воплощение пожеланий В. А. Базарова о форсированной индустриализации опрокинуло макроэкономическое равновесие в державе. Насыщенный рыночный спрос, а временами даже избыточное предложение продуктов на продажу сменились товарным голодом в 1925 г. Не остались прежними и научные взгляды оригинального ученого-обществоведа.

В 1926 г. в статье «“Кривые развития” капиталистического и советского хозяйства» В. А. Базаров сосредоточивает внимание на отличиях экономики СССР от промышленно развитых стран. Теперь уже отечественное государственное предпринимательство видится ему как полная противоположность частнокапиталистического бизнеса.

Исследователь писал: «До войны у нас, как и во всем капиталистическом мире, народное хозяйство страдало от противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением; несмотря на весьма скромный по своей абсолютной величине уровень развития производительных сил, промышленная продукция имела постоянную тенденцию к расширению за пределы до нельзя сжатого платежеспособного спроса основной массы населения. В настоящую “переходную эпоху” нашей системе хозяйства присуще прямо противоположное противоречие между довольно быстро растущим платежеспособным спросом трудящихся масс и недостаточным для удовлетворения этого спроса ростом общественных производительных сил. Если

---

¹⁷ Базаров В. А. К вопросу о хозяйственном плане. С. 220.

над старым миром дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозой товарного голода, кризиса недопроизводства. В настоящее время все яснее и яснее становится, что основная “диспропорция”, мешающая нашему хозяйству достичь подвижного равновесия на довоенном или близком к довоенному уровню, заключается именно в этом перманентном отставании общественной продукции от общественного спроса»¹⁸.

В состоянии товарного голода В. А. Базаров прозорливо разглядел коренное, существенное свойство советской экономики, которое совместимо с единым государственным плановым руководством. Более того, директивные органы даже при идеальной предусмотрительности и осведомленности могут лишь смягчать дефицит продуктов.

Тенденции развития отечественного хозяйства, по убеждению экономиста, определяются господством в нем государственного сектора и исторически обусловленным уровнем производительных сил. «Пока мы остаемся отсталой страной по абсолютному уровню развития производительных сил, создать стойкое относительное равновесие между продукцией и платежеспособным спросом можно только капиталистическими методами ограничения последнего. Поскольку же наш хозяйственный и политический строй исключает или, по крайней мере, существенно ограничивает эти методы, тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма»¹⁹.

Хозрасчетная модель государственного предпринимательства

Предпосылки новой парадигмы хозяйствования в нашей стране накапливались в ходе восстановительного подъема экономики в середине 1920-х гг. Их наличие осязаемо обнаружилось после официального провозглашения курса на индустриализацию. В

---

¹⁸ Базаров В. А. «Кривые развития» капиталистического и советского хозяйства // Плановое хозяйство. 1926. № 6. С. 52.

¹⁹ Там же. С. 53.

условиях преобладания государственного предпринимательства выстраивался механизм, которому предстояло обслуживать реконструкцию отечественного хозяйства на современной промышленной базе.

В 1926–1927 гг. между специалистами разгорелась нешуточная полемика по поводу состояния советской экономики и перспектив ее развития. Накал страстей свидетельствовал: научное сообщество вырабатывало концептуальные теоретические взгляды на происходившие перемены. Дискуссия шла на фоне событий, казавшихся повторением ближайшего прошлого.

Обострение товарного голода возродило явления, характерные для периода военного коммунизма. Активизировалось плановое творчество. Правительственные круги с головой погрузились в написание текущих и перспективных планов вверенных им частей народного хозяйства. Для выполнения спускаемых «сверху вниз» указаний понадобились надлежащие руководящие органы. Поэтому в управлении национализированной промышленностью были воссозданы «главки».

Переделка аппарата ВСНХ началась в 1926 г. с целью укрепления единого руководства казенной индустрией. Вместо директоров центрального управления промышленностью – ЦУГпрома – были образованы отраслевые главные управления – главки, которые непосредственно подчинялись Президиуму ВСНХ СССР. Главки командовали подготовкой годовых и многолетних планов снабжения, производства и сбыта продукции, формированием программ капитальных работ и строительства своих отраслей, осуществляли контроль за повседневным хозяйствованием трестов и синдикатов.

Реорганизация ведомственного управления индустрией противоречила правовым нормам, закрепленным в декрете от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)». Поэтому в 1926 г. был поставлен вопрос о ревизии законодательных положений в сторону стеснения предпринимательской инициативы трестов. В том же году увидело свет очередное (третье) издание

сборника «Законодательство о трестах и синдикатах» с предисловиями и комментариями А. М. Гинзбурга. Эти суждения специалиста помогают оценить взаимоотношения различных уровней руководства промышленностью.

Постановку проблемы поясняло высказывание автора о значении правовых моментов хозяйственной парадигмы: «Никакое хозяйство немислимо без правовой надстройки и внешней организационной структуры. <...> В то же время никакое построение в системе промышленного права невозможно без точного учета тенденций хозяйственного развития. <...> Никакая организационная схема не может найти применения в жизни, если она не приноровлена к конкретным условиям развития данной среды»²⁰.

Декрет от 10 апреля 1923 г. создал организационные формы, которые помогли промышленности успешно пройти восстановительную стадию, пополняя запасы оборотных средств, вовлекая в дело бездействовавший основной капитал. Переход к этапу реконструкции кардинально изменил обстановку. Сооружение новых производственных мощностей фабрик и заводов предполагало интенсивное сбережение и вложение капитала, причем таким темпом, чтобы не отстать от мирового хозяйства и удовлетворить запросы быстро растущей страны, уже два года пораженной товарным голодом.

Предстояло взвесить аргументы и выяснить, обеспечивают ли статьи декрета о коммерческом расчете подчинение инициативы трестов проведению экономической политики правительства. Допускают ли они широкомасштабное перераспределение инвестиционных ресурсов предприятий на нужды индустриализации. В этом ракурсе следовало уточнить границы хозяйственной самостоятельности основного производственного звена.

Организация казенной промышленности была внутренне противоречивой. В ней присутствовали как признаки частнокапиталистических заведений, так и черты некоммерческих учреждений, доходы и расходы которых определялись интересами бюджета.

---

²⁰ Гинзбург А.М. Предисловия к сборнику «Законодательство о трестах и синдикатах» // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 162.

Принадлежность трестов к государственной собственности сдерживала реализацию их коммерческих установок. Об этом подробно писал А. М. Гинзбург²¹.

Советские предприятия, хотя и представляли собой отдельную имущественную массу, были органами государственного управления. Оно осуществлялось через должностных лиц, отвечавших перед властями в гражданско-правовом, уголовном и дисциплинарном порядке. Не обладая специальной принудительной монополией, тресты пользовались известными преимуществами перед остальными субъектами хозяйствования.

Прибрав к своим рукам почти всю крупную промышленность, транспорт, банки и прочие «командные высоты экономики», государство не могло доверить взаимную увязку работы отдельных элементов народного хозяйства рыночной стихии и старалось гасить ее нежелательное влияние «плановым» вмешательством. Подобное регулирование было «призвано предотвращать частичные и общие кризисы», нарушавшие ход экономической жизни. Поскольку государство присвоило фабрично-заводскую промышленность и мешало распространению оборота частных предприятий, постольку оно взяло на себя обязательство снабжать рынок всеми нужными товарами по ценам, доступным широким слоям покупателей.

Рабочая сила нанималась на социалистические предприятия по форме индивидуального трудового соглашения. Но занятые в производстве рабочие объявлялись отрядом авангардного класса, от имени которого вершилась политическая власть в стране.

Обособленность трестов от остального государственного имущества могла быть только относительной, неполной. Их разрозненное хозяйствование сводилось воедино потребностями общесоюзной казны. Промышленность была представлена в доходах бюджета суммарным финансовым итогом по всем предприятиям, а не показателями прибыли по отдельным трестам. Точно так же в бюджетных расходах учитывались сводные цифры дотаций по важнейшим отраслям индустрии.

---

²¹ См.: Гинзбург А. М. Указ. соч. С. 165, 166.

Логика отношений собственности диктовала содержание хозяйственного права. На это обстоятельство обращал внимание автор комментариев к декрету о коммерческом расчете: «Если промышленность фигурирует в бюджете лишь конечным сальдо [остатком. – Г. Ч.], если между промышленностью и бюджетом устанавливаются взаимоотношения как между особым фондом и государственной казной, то из этого необходимо сделать вывод, что весь вообще капитал, вложенный в промышленные предприятия, представляет собой единое законченное целое»²².

При таком взгляде выручаемая трестом прибыль совершенно оправданно признавалась достоянием государства. Даже либеральный декрет от 10 апреля 1923 г. толковал не о праве бюджета на присвоение прибыли предприятий как части казенного имущества, а об отчислении ее в фонды Наркомфина.

Получение прибыли не являлось единственной задачей государственного предпринимательства. Собственность государства выходила за границы компетенции производственных звеньев. Поэтому его интересы были шире коммерческих устремлений каждого конкретного треста к росту доходов. Правительство было заинтересовано в социальной стабильности, укреплении внешнеполитического авторитета и военной мощи СССР, ускоренной индустриализации державы, эффективном пополнении и использовании финансовых источников.

Советская власть составляла баланс доходов и расходов по всему национализированному хозяйству. Она избегала открытой конкурентной борьбы между собственными предприятиями, ибо предсказуемым результатом соперничества были бы разорение слабых и потеря ресурсов внутри госсектора. Правительственные органы противостояли предпринимательской стихии «красных директоров», стремились поставить их в намеченные условия производства и торговли. Воздействие государства не исчерпывалось рынком товаров и услуг. Оно затрагивало рынки труда (рабочей силы), денег и капитала.

---

²² Гинзбург А. М. Указ. соч. С. 182.

Двойственность хозяйственного положения социалистических производственных единиц нашла отражение в комментариях к декрету от 10 апреля 1923 г., в которых трест назывался государственно-капиталистическим предприятием²³. Кодификатор без оценок говорил, что государственный капитализм воспринял все организационные формы управления промышленностью, свойственные частнокапиталистическому хозяйству, придав им лишь новое содержание²⁴. Таким образом, универсальные правовые формы, обслуживавшие рыночные хозяйственные связи, обеспечивали преемственность экономического развития России.

Новизна содержания юридических норм, регламентировавших деятельность треста, вытекала из его казенной принадлежности. Именно специфика государственной собственности подвинула бюрократию разом декретировать хозяйственную обособленность предприятия и его административное подчинение.

На момент обнародования весной 1923 г. декрет устанавливал коммерческое начало в качестве определяющего принципа управления промышленными трестами, ограничения которого детально прописывались в ряде пунктов законодательного акта. Но на практике было суждено идти в обратном направлении – по пути ослабления предпринимательской инициативы производственных звеньев под нарастающим нажимом централизованного руководства.

В первые годы нэпа в режим коммерческого расчета постепенно переводились те казенные предприятия, продукция которых пользовалась устойчивым покупательским спросом. Им вменялось в обязанность добиваться максимальной прибыли ради обогащения бюджета. Для осуществления сих намерений трестам предоставили по декрету от 10 апреля 1923 г. типичные частнокапиталистические права: установление вольных, договорных цен, выбор торговых агентов, привлечение кредитов и т.д.

Возрождение крупной индустрии сопровождалось интенсивным переходом фабрик и заводов из разряда убыточных в число

---

²³ См.: О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах) : декрет ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 г. // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 30.

²⁴ См.: Гинзбург А. М. Указ. соч. С. 178.

рентабельных. Между ними возобновлялись технологические цепочки. Росла взаимозависимость предприятий государственного сектора, вызывая настоятельную потребность в его едином плановом руководстве. Обратной стороной данной тенденции было ослабление методов стихийного рыночного регулирования деятельности трестов.

Предпринимательские свободы директорского корпуса таяли вместе с расширением полномочий вышестоящих управленческих структур. Передел областей влияния в пользу правящей бюрократии происходил периодически при возникновении конфликтных, неравновесных макроэкономических ситуаций. Кризисные явления, время от времени сотрясавшие отечественную экономику – «ножницы цен» и затруднения со сбытом промышленных изделий осенью 1923 г., «червонная инфляция» после денежной реформы 1924 г., «товарный голод» в 1925 г., – привели к глубокому вмешательству ведомств в повседневные дела предприятий.

Эволюция этого процесса была недолгой: от назначения указных цен на некоторые товары до введения планового порядка распределения готовых продуктов. А. М. Гинзбург так констатировал состояние товарообмена казенной индустрии в 1926 г.: «На деле принудительные цены установлены для очень большого числа предметов промышленного производства. Отпуск товаров ограничен системой плановых завозов, охватывающих всю территорию СССР и ряд важнейших продуктов массового потребления. Выбор контрагентов ограничен системой генеральных договоров кооперации. Заготовки сырья проводятся через немногие торгово-заготовительные органы с лишением всех других прав самостоятельного выступления на рынке»²⁵.

Торговые функции все больше возлагались на синдикаты, придавая трестам однобокую производственную специализацию. Вслед за администрированием торгового оборота правительственные чиновники приступили в 1925/26 г. к планированию производства на предприятиях. Развитие планирования было объективно обусловлено. В его основе лежала необходимость по-

---

²⁵ Гинзбург А. М. Указ. соч. С. 189.

стоянного разрешения противоречий интересов вокруг казенной собственности. Суть проблемы верно высветил А. М. Гинзбург, указывая, что «хотя предприятие и составляет самостоятельную имущественную массу, оно все же лишь часть государственного хозяйства»²⁶.

Вовлеченность в систему государственного предпринимательства очерчивала пределы, в которых предприятия могли распоряжаться своими средствами. Она также предполагала директивность, т.е. неукоснительное исполнение решений вышестоящих органов управления нижестоящими звеньями. Буквой директивности была проникнута и документация планов, составленных и «спущенных сверху».

Практика военно-коммунистического планирования вновь стала злободневной темой дискуссий в середине 20-х годов. В контексте декрета о коммерческом расчете обсуждал эту проблему А. М. Гинзбург. Он говорил о неопределенности самого понятия «плановое начало». Большинство в нем видело «ограничительные принципы государственного управления промышленностью»²⁷. Поэтому хозяйственная деятельность предприятий должна была подчиняться ведомствам, обязанным блюсти общегосударственные интересы. В методологии экономической науки такой подход выражался в непримиримом противопоставлении плана рыночной стихии.

Среди экономистов бытовало и иное толкование термина «плановое начало». Им обозначали «необходимость ведения всего государственного хозяйства на основе заранее разработанного и предусматривающего все детали плана, который должен определить работу всех ячеек народного хозяйства, образующих систему единого общественного хозяйства»²⁸. Повод к подобному суждению давала реальность. В стране складывалась структура целостного хозяйственного плана в виде «контрольных цифр Госплана», охватывавшего квартальное и годовое планирование всех сфер государственного сектора.

---

²⁶ Гинзбург А. М. Указ. соч. С. 167.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

Мнение же комментатора было не столь категоричным: «Применение планового начала <...> не должно вырождаться в систему глубоко идущей регламентации. <...> Экономическое планирование не должно уподобляться административным расписаниям и предписаниям, не учитывающим всей сложности хозяйственной жизни. Составление и утверждение хозяйственных планов не должны убивать хозяйственную самостоятельность тех первичных ячеек, которые призваны проводить план в жизнь»²⁹.

А. М. Гинзбург считал, что в статьях декрета от 10 апреля 1923 г. есть достаточный простор для выбора наилучшего сочетания коммерческой самостоятельности трестов с плановым управлением. Нормы законодательного акта гарантировали плановость не столько формой производственных программ и смет, сколько полномочиями центральных ведомств. Регулирующие инстанции наделялись правами троякого рода. Во-первых, лишь с их одобрения тресты могли распоряжаться своим имуществом. Во-вторых, начальственный состав трестов определялся предписаниями свыше. В-третьих, правительственная иерархия контролировала и визировала производственные и финансовые планы предприятий, по собственному усмотрению регламентировала отпускные цены и распределение товарной продукции³⁰.

Редактирование и пересмотр декрета о коммерческом расчете, по убеждению А. М. Гинзбурга, нельзя проделывать исходя лишь из соображений текущего момента. Не следует вносить в законодательство «принципов далеко идущей регламентации» под воздействием рыночного состояния товарного голода. По мысли автора, «управление государственной промышленностью, поскольку оно закрепляется в законодательных актах, не должно строиться только под влиянием отдельных колебаний промышленной конъюнктуры, но должно учитывать общую линию хозяйственного развития»³¹.

Тем временем государственное предпринимательство продолжало идти по пути становления системы директивно-планового

---

²⁹ Гинзбург А. М. Указ. соч. С. 168.

³⁰ Там же. С. 170.

³¹ Там же. С. 172.

управления. Возникавшие экономические отношения требовали своего юридического оформления. Упомянутый А. М. Гинзбург предлагал обновить определение статуса государственного треста следующим образом: «Тресты утверждаются в качестве самостоятельных хозяйственно-коммерческих единиц для объединенного управления на началах коммерческого расчета промышленными заведениями, поименованными в уставе, соответственно плановым заданиям ВСНХ и СТО и действующим узаконениям по регулированию промышленной деятельности»³².

Смену обстановки хозяйствования позволяет ощутить сравнение приведенной формулировки с принятой ранее нормой права – статьей первой декрета от 10 апреля 1923 г. Последняя гласила: «Государственными трестами признаются государственные промышленные предприятия, которым государство предоставляет самостоятельность в производстве своих операций согласно утвержденному для них уставу и которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли»³³.

В цитированном выше определении кодификатор убрал главную целевую характеристику коммерческой деятельности треста – получение прибыли и дописал решающее условие ее ограничения – соответствие плановым заданиям ВСНХ и СТО. Фактически же была введена еще более строгая по отношению к производственным единицам норма.

Новый законодательный акт – постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 29 июня 1927 г. «Положение о государственных промышленных трестах» – определял организационную форму казенного треста так: «Государственным промышленным трестом признается государственное промышленное предприятие, организованное на основе особого устава в виде самостоятельной хозяйственной единицы с правами юридического лица и неделимым на пай капиталом, состоящее в ведении одного, указанного в уставе государственного учреждения и действующее на началах коммерческого расчета в соответствии с плановыми заданиями, ут-

---

³² Гинзбург А. М. Указ. соч. С. 173.

³³ О государственных промышленных предприятиях... С. 29.

верждаемыми упомянутым учреждением»³⁴. Здесь уже прямо декларируется директивный, обязательный для исполнения, порядок планирования. А статус треста низводится до предприятия, состоящего в ведении указанного в уставе учреждения, т.е. отраслевого главка. Примечательно, что в заглавии «Положения» отсутствовали слова о коммерческом расчете.

Ослабление правомочий трестов проявилось в изменении содержания разделов законодательных актов. В частности, третий раздел декрета от 10 апреля 1923 г. назывался «Имущество и порядок ответственности треста». Аналогичный раздел в постановлении от 29 июня 1927 г. нарекли «Управление трестом». Статья 15 «Положения о государственных промышленных трестах» расширила компетенцию главков за счет прав утверждать производственно-финансовые планы и программы капитального строительства подведомственных хозяйственных единиц, устанавливать отпускные цены трестов, занаряживать их продукцию³⁵. От статьи 29 «апрельского декрета» 1923 г., в которой четко оговаривалось, что ВСНХ не вмешивается в текущую работу правления треста³⁶, остались одни воспоминания.

Серьезнее всего предпринимательская свобода руководителей трестов пострадала от практического лишения их возможности самостоятельно назначать цены продаваемых изделий. Одновременно уменьшилась доля прибыли, формально оставляемой в руках промышленных объединений, с 32 до 29,5%³⁷. Коммерческий результат теперь мало зависел от собственных усилий производителей и почти полностью предварялся указаниями центральной бюрократии. Поэтому из хозяйственного законодательства исчезло положение, вещавшее, что государственные тресты работают с целью извлечения прибыли.

Государственно-капиталистическое предпринимательство все больше становилось государственным и все меньше капиталистическим. Эту тенденцию наглядно показало сопоставление декрета

---

³⁴ Положение о государственных промышленных трестах : постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 29 июня 1927 г. // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 117.

³⁵ См.: Положение о государственных промышленных трестах... С. 120–122.

³⁶ См.: О государственных промышленных предприятиях... С. 49.

³⁷ См.: Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978. С. 160.

от 10 апреля 1923 г. с постановлением от 29 июня 1927 г. Юридические нормы фиксировали реально складывавшиеся отношения управления казенным имуществом. Перемены в экономике подталкивали к пересмотру правовых уложений.

К концу восстановительного этапа созрели условия для руководства государственным сектором при помощи единого плана. Новые взаимоотношения между трестами и правительственными органами были закреплены в положении 1927 г. Укреплявшаяся директивно-плановая хозяйственная парадигма получила свое правовое оформление.

Государство вынуждено было искать адекватную форму развития предприятий в режиме централизованного планирования. Из противоречивого сочетания оперативной самостоятельности производителей и плановых заданий выростала смешанная, гибридная, экономическая форма хозяйственного расчета.

Об отличиях двух принципов функционирования советской экономической системы писал А.М. Гинзбург: «Практически разница между предприятиями, работающими на хозяйственном, и предприятиями, работающими на коммерческом расчете, сводится к тому, что последним вменяется в обязанность извлекать из своих операций прибыль и для этого представляется относительная свобода в установлении цен как на продукцию, так и по заготовкам <...> Наоборот, хозрасчетные предприятия отпускают продукцию и оказывают услуги по тарифам, установленным властью»³⁸. Коммерческий расчет трестов как средство разрешения противоречий интересов в рамках государственного предпринимательства постепенно превращался в хозяйственный расчет. Так пробивал себе дорогу универсальный и довольно гибкий способ ведения дел на государственных предприятиях.

Дискуссия о методологии планирования

Бестоварье 1925 г. подстегнуло процесс формирования целостной системы централизованного планирования. Появились первые контрольные цифры развития советского народного хо-

---

³⁸ Гинзбург А. М. Указ. соч. С. 163.

зяйства на 1925/26 г. Но они еще не были комплексным, единым государственным планом, хотя содержали ряд взаимоувязанных показателей валовой и товарной продукции промышленности и сельского хозяйства, грузооборота транспорта, товарооборота, доходов и расходов госбюджета. Концепция построения плановых параметров основывалась на экстраполяции «кривых хозяйственного развития», т.е. на простом продлении текущих колебаний конъюнктуры всесоюзного рынка³⁹.

Следующие контрольные цифры на 1926/27 г. готовились с участием ведомств и республик по более развернутой программе. При их разработке использовался балансовый метод, а также применялось сочетание территориального и отраслевого планирования. Контрольные цифры рассматривались как ориентировочные задания и не стали директивами в собственном смысле слова. Они не были утверждены правительством, поскольку, по мнению верховной бюрократии, не предусматривали резкого увеличения капиталовложений на индустриализацию и электрификацию страны, не предполагали усиленного обложения частнопредпринимательских укладов.

Но служащие Госплана не успокаивались на годовых программах экономического роста страны. В 1926 г. они приступили к конструированию многолетних планов. И в 1927 г. в третьем номере журнала «Плановое хозяйство» были напечатаны материалы пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства СССР. Публичное издание госплановских «ориентировок» замышлялось как приглашение специалистов к научной дискуссии по проблемам планового руководства. Организаторы обсуждения надеялись, что его итоги продвинут вперед теорию и практику народнохозяйственного планирования.

Сотворение нового вида плановых документов обосновывал Г. М. Кржижановский: «Контрольные цифры, оперативные годовые хозпланы и конъюнктурные учеты становятся недостаточными; над заботами текущего момента все более и более доминируют многолетние перспективы, из которых пятилетний цикл

---

³⁹ См.: История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 3. М., 1977. С. 41, 42.

неизбежно должен привлечь наше особое внимание. Во-первых, потому, что пятилетний срок является достаточно охватывающим для крупных хозсооружений: больших районных централей, магистральных железных дорог, ирригационных работ и т.п. Во-вторых, потому, что в нашем сельском хозяйстве наблюдается известная цикличность, позволяющая именно для периода в 5 лет положить в основу перспективного учета среднюю урожайность, ибо благополучные годы в редких случаях выходят за рамки трех-леток. И наконец, в-третьих, потому, что разбивка генерального плана на пятилетние циклы имеет свои удобства в подразделении общих хозяйственных заданий на крупные строительные этапы, позволяющие сконцентрировать мысль проектирующих на основных, важнейших моментах всего хозяйственного строительства в целом»⁴⁰.

Представление изобретенного пятилетнего плана в периодической печати выпало на долю сотрудника Госплана С. Г. Струмилина. Достойным ему оппонентом выступил директор Института по изучению народнохозяйственных конъюнктур (Конъюнктурного института) Н. Д. Кондратьев. Полемике с С. Г. Струмилиным Н. Д. Кондратьев посвятил две статьи в 1927 г.: «План и предвидение: К вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности» и «Критические заметки о плане развития народного хозяйства».

Работы Н. Д. Кондратьева были ценны системным изложением методологических вопросов. Автор подробно говорил об исходном соотношении стихийности и планомерности в экономике и особенностях их сосуществования в отечественном хозяйстве. Повествование начиналось издалека: «Когда мы говорим о планомерном развитии народного хозяйства, то понимаем под этим такое развитие его, которое соответствует определенным задачам, поставленным руководящими органами экономической политики. Планомерное развитие народного хозяйства мы противопоставляем поэтому стихийному, лишенному целевого руководства <...> Стро-

---

⁴⁰ *Кржижановский Г. М.* К построению перспективной пятилетки // Каким быть плану : дискуссии 20-х годов. Л., 1989. С. 24.

го говоря, в истории нет и не было такого народного хозяйства, развитие которого совершалось бы без всякого воздействия со стороны органов экономической политики <...> Однако это не значит, что роль планового начала у нас и в капиталистических странах одна и та же. Она различна и причем не только количественно, но и качественно. Воздействие государства на ход хозяйственной жизни при частнокапиталистическом строе ограничивается относительно узкими сферами хозяйства и, как правило, имеет косвенный характер»⁴¹.

Иная картина наблюдалась у нас. В отношении предприятий казенного сектора государство выступало не только с позиций силы, воздействовавшей на них извне, но и в роли их хозяина и руководителя. Н. Д. Кондратьев указывал на двойственность положения социализированных хозяйственных звеньев: «После установления нэпа государственные предприятия существуют на хозяйственном расчете и связаны как между собой, так и с частными предприятиями через рынок. Государство предоставило своим предприятиям известную долю хозяйственно-оперативной автономии. Но все же в конечном счете основные нити руководства работой государственных предприятий объединены в руках центральных органов экономической политики»⁴².

Поскольку в отечественном хозяйстве сохранились частные уклады, функционировавшие в режиме конкуренции, постольку в нем противоборствовали два начала – стихийное и планомерное. В этих условиях государственные планы должны были сочетать в себе элементы непосредственного руководства и косвенного воздействия, в зависимости от той сферы экономики, к которой они прикладывались.

Незаурядный специалист в области изучения конъюнктуры выделял три основных момента в логической структуре плана: 1) анализ объективной хозяйственной действительности и тенденций ее стихийного развития; 2) построение системы мероприятий и средств воздействия государства на ход этого стихийного развития в целях направления его по максимально желаемому руслу;

---

⁴¹ Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 92.

⁴² Там же. С. 93.

3) построение перспектив различных отраслей экономики. Под таким углом зрения плановые перспективы виделись не только директивной программой действий, но и прогнозом⁴³.

Автор с удовольствием ссылался на знаменитую формулу О. Конта: знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы управлять. Он также дал изумительное по емкости и лаконичности определение понятия: «План является системой заданий, но сама система этих заданий строится на основе известного предвидения хода действительности, протекающего при условии наших сознательных воздействий на нее»⁴⁴.

Н. Д. Кондратьев подчеркивал взаимозависимость всех элементов экономической жизни и объяснял ей шаткость предпосылок планирования, когда изменение одного параметра сопровождается соответствующими отклонениями других показателей. Переплетение причинно-следственных связей образует порочный круг, из которого можно выйти лишь по зыбкому мостку прогнозирования объективных тенденций. Центр тяжести построения плановых перспектив, по мнению ученого, лежит в углубленном экономическом анализе проблем, а не в расчетах числовых значений показателей⁴⁵.

Директор научно-исследовательского института, выпускавшего статистические бюллетени с обзорами конъюнктуры, предостерегал от лукавой игры с цифрами, от их «гипноза» и «фетишизма». Кроме того, он указывал на пределы использования балансового метода при моделировании будущих ситуаций в народном хозяйстве: «Формально, арифметически можно построить очень много таких моделей. Но вопрос о том, какая или какие из этих моделей могут быть реальны и какая из последних в то же время является наилучшей – эти вопросы балансовым методом решить уже нельзя. Для этого необходимо опять-таки проанализировать те основания, которые определяют реализуемость именно той, а не другой модели хозяйства»⁴⁶.

---

⁴³ См.: Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. С. 99, 102.

⁴⁴ Там же. С. 140.

⁴⁵ Там же. С. 130, 147.

⁴⁶ Там же. С. 148.

Мудрая очевидность сквозила в трех правилах планирования, выдвинутых Н. Д. Кондратьевым. Он советовал: «Во-первых, необходимо отказаться от количественного выражения тех элементов, предвидеть изменения которых в количественной форме, по крайней мере на данной стадии нашего знания, мы вообще не можем <...> Во-вторых, в тех случаях, когда явление допускает количественное выражение и доступно некоторому количественному предвидению, но лишь на короткий срок, необходимо отказаться от количественного выражения его перспектив на длительные сроки вперед, ограничиваясь на эти длительные сроки так же лишь характеристикой общих тенденций его. В-третьих, когда явление допускает известное количественное предвидение на относительно длительный срок, но лишь при условии отказа от дробления его на мелкие составные части, следует при проектировании перспектив на длительное будущее ограничиться рассмотрением явления в суммарном виде»⁴⁷.

С обозначенных методологических позиций автор анализировал материалы пятилетки в трактовке С. Г. Струмилина. Дабы критический разбор был научно добросовестным, Н. Д. Кондратьев взял за эталон критерии построения плана, поименованные его разработчиками. В устах С. Г. Струмилина преамбула звучала так: «В наиболее общей форме задача построения перспективного плана народного хозяйства СССР в настоящий момент может быть сформулирована как задача такого перераспределения наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу, и материальные ресурсы страны, которое в оптимальной степени обеспечивало бы бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил возможно быстрым темпом в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс»⁴⁸.

Желание одновременно решать задачи быстрого и бескризисного роста производительных сил и максимального ублажения запросов населения было ошибочным, несбыточным. В своей край-

⁴⁷ Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. С. 127.

⁴⁸ Струмилин С. Г. К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27–1930/31 гг. // Плановое хозяйство. 1927. № 3. С. 17.

ности эти устремления, по словам Н. Д. Кондратьева, «вступают друг с другом в коллизию». Запланированное увеличение накоплений, необходимое для достижения намеченных темпов индустриализации державы, могло быть обеспечено лишь при медленном подъеме личного благосостояния граждан.

Но госплановские «спецы» не только игнорировали методологию экономической науки, но и «плавали» в конкретных статистических выкладках. Их ориентировочные прикидки недоучитывали взаимосвязь показателей промышленности, сельского хозяйства и социальной сферы. Плановики заложили в прогнозы низкий темп роста аграрного производства, уповая лишь на стихийное повышение интенсивности деревенского труда при пассивном участии государства в сельских делах.

«Всю систему указанных построений в отношении сельского хозяйства при взятом курсе на индустриализацию, – писал Н. Д. Кондратьев, – мы считаем не только теоретически спорной, но и практически опасной. Опасность ее вытекает из того, что она обрекает народное хозяйство на путь явных и глубоких кризисов. Не обеспечивая программы накопления и вложений, не обеспечивая достаточного экспорта, а следовательно, и импорта, она не обеспечивает и принятой программы индустриализации и реконструкции. В то же время она, по собственному признанию С. Г. Струмилина, не подвигает нас и по пути решения проблемы аграрного перенаселения»⁴⁹.

И уж совсем как приговор, обвиняющий в некомпетентности или злом умысле, читалось заключение специалиста по изучению народнохозяйственных конъюнктур: «Если верны построения плана, наша страна в ближайшие годы должна обратиться в страну, импортирующую сельскохозяйственные товары»⁵⁰.

На критические заметки Н. Д. Кондратьева С. Г. Струмилин ответил полемическими выпадами, которые прозвучали в его статье «К теории планирования», напечатанной в журнале «Плановое хозяйство» № 11 за 1928 год. Разговор не снисходил до конкретных цифр и расчетов показателей плана. Авторская мысль витала

---

⁴⁹ Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. С. 162.

⁵⁰ Там же. С. 156.

в «облаках высоких материй» вокруг методологии планирования и спускалась на «грешную землю» лишь тогда, когда отстаивала свои интересы и идеологические предпочтения.

Спорить с Н. Д. Кондратьевым по теоретико-методологическим вопросам оказалось непросто, и чиновник Госплана постарался всячески принизить роль экономической науки в хозяйственной практике. Из риторической постановки проблемы – что же такое плановое строительство: особая теоретическая наука, искусство хозяйственного управления или прикладная наука планирования – С. Г. Струмилин приходил к выводу, что всего приложимее к этому делу термин «плановое искусство», по аналогии со строительным искусством и с инженерным делом вообще. Далее следовало пояснение архитектурных параллелей: «Характер народнохозяйственного плана всегда в известной мере определяется тем социальным зодчим, который его строит, его классовым стилем или, говоря иначе, его социальными устремлениями»⁵¹.

Собственное, воинствующее понимание планирования С. Г. Струмилин довольно надуманно противопоставлял науке вообще: «Чистая наука ставит перед собой только познавательные задачи. Она стремится только познать мир, приемля его таким, какой он есть, был или будет. Это пассивное восприятие мира. А хозяйственный план – прежде всего программа действий <...> И он дает директиву к соответствующим действиям. Плановое искусство не приемлет сущего мира. Оно ставит перед собой задачу не познания, а пересоздания этого мира. Оно активно создает свой новый мир»⁵².

От такой абстрактно-логической конструкции, в которой вместо экономической науки фигурировала безликая, «чистая» наука, С. Г. Струмилин переходил к атаке на оппонента. Он толковал с явными передержками: «Если послушать, например, рассуждения проф. Н. Д. Кондратьева о плановой методологии, то у него задача построения плана сводится почти целиком к одному лишь научному предвидению грядущих хозяйственных процессов. А так как

---

⁵¹ Струмилин С. Г. К теории планирования // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. С. 65.

⁵² Там же. С. 66.

пределы возможного предвидения он ограничивает лишь выявлением наиболее общих тенденций развития, то и вообще роль хозяйственного плана суживается им до рамок весьма абстрактного академического трактата о вероятных перспективах хозяйственного развития. Всякая конкретизация плана в определенную программу действий в соответствии с намеченной системой вполне конкретных цифровых лимитов и заданий представляется этому ученому совершенно незаконным выходом за пределы доступного познанию»⁵³.

Изымая недовольство взглядами Н. Д. Кондратьева, плановик-практик почти берет свои слова назад: «Собственно говоря, против того, что в каждом плане должны сочетаться и научный прогноз, и целевые директивы или, как это по-иному выражается, и генетика, и телеология, никто не спорит. Спор идет лишь об относительном значении каждого из этих моментов в плановом деле»⁵⁴.

Ссылка на греческие термины – «генетику» и «телеологию» – отразила очередную моду в обществоведении тех лет. В научных кругах дебатировался вопрос о соотношении объективного развития экономики и целеполагания в хозяйственной деятельности. «Генетический подход» в планировании предполагал учет объективных тенденций и закономерных связей, хронологической преемственности, преобладающее использование прогнозов. «Телеологическое видение» основывалось на активном выдвижении желаемых целей в качестве плановых ориентиров.

С. Г. Струмилин был приверженцем «примата» телеологии над генетикой. Он писал: «Целевая установка плана подлежит четкой конкретизации в зависимости от той конкретной обстановки времени и места, от которой мы исходим, тех сроков действий плана, какими мы располагаем, и той конечной цели или, говоря иначе, тех общественных идеалов, к которым мы стремимся. Таким образом, в числе моментов, определяющих собою целевую установку, а стало быть, и все содержание плана, наряду с

---

⁵³ Струмилин С. Г. К теории планирования. С. 66.

⁵⁴ Там же. С. 66–67.

объективными фактами, – исходная хозяйственная обстановка, – мы сразу же наталкиваемся на субъективный фактор – идеологию субъекта планирования»⁵⁵.

Указание на «проектировщика плановой постройки» – это серьезное уточнение, устраняющее бессубъектность теоретического анализа. Оно сразу привносит в исследование неотъемлемые характеристики социально-экономических явлений: интересы и идеологию. Именно идеологические «предрассудки», тесно связанные с общественно-хозяйственными интересами, определяли научное толкование процессов планирования.

Ортодоксальное мировоззрение марксизма помогало сплести нити доказательства исторической неизбежности прихода к власти правительства большевиков и формулирования ими целевых установок планового строительства в державе. Автор интерпретировал концепцию К. Маркса о месте буржуазии в хозяйственной истории так: «Буржуазия даже в рамках наиболее развитого государственного капитализма в лучшем случае могла бы воспринять лишь голую форму, т.е. внешнюю пустую оболочку планового хозяйства, но не его внутреннее экономическое содержание. Попыты такого псевдопланового хозяйничанья буржуазии мы уже испытали в период последней империалистической войны. И тогда уже оно служило целям величайшего расхищения, а не накопления производительных сил общества»⁵⁶.

Стало быть, первой предпосылкой планового хозяйства является «свержение капитализма», что и осуществила диктатура пролетариата, завладевшая после Октябрьской революции всеми «командными высотами» в экономике страны и оградившая себя от влияний капиталистического окружения монополией внешней торговли. Подчеркнув сие, кадровый управленец конкретизировал затем размышления о собственном сословии, приговаривая: «Советская власть – это идеальный аппарат диктатуры пролетариата»⁵⁷.

Благоразумно умолчав о том, что «псевдоплановым хозяйничаньем» и «расхищением производительных сил страны» вы-

---

⁵⁵ Струмилин С. Г. К теории планирования. С. 62.

⁵⁶ Там же. С. 61.

⁵⁷ Там же.

нужденно занималась также и политическая диктатура во главе с В. И. Ульяновым-Лениным, покуда шла гражданская война, С. Г. Струмилин продолжал «вязать кружева» своей аргументации. Дабы подвести теоретическую базу под господство интересов государственного предпринимательства, он сравнивал генетический и телеологический подходы в планировании по экономичности их процедуры.

Изначальное целеполагание, по усмотрению разработчика перспективных ориентировок, имело неоспоримые преимущества. «Отправляясь от известной цели к отбору пригодных для этой цели средств, мы резко ограничиваем поле и объем своих познавательных задач. Вне этого поля остается сразу вся та огромная масса возможных причинных связей, которая не имеет прямого и непосредственного отношения к намеченной цели. При обратном, т.е. генетическом, ходе исследования мы должны были бы подвергнуть своему анализу для построения прогнозов о будущем всю совокупность явлений прошлого и настоящего, ибо каждое из них чревато каким-то будущим. Необъятность этой задачи усугублялась бы еще тем, что в круг фактов, подлежащих предвидению, пришлось бы включить и сумму тех волеизъявлений, которые должны определяться нашим хозяйственным планом. А это предполагает уже в начале работы известным тот план, который может быть построен только в качестве ее завершения»⁵⁸.

В круговращении процитированных тезисов и антитезисов важны следующие моменты. Во-первых, обратный порядок построения плана – не от причин к следствиям, а от директив к средствам их исполнения. В крайнем выражении такой подход равнозначен установке: «цель оправдывает средства», т.е. достижение желаемого любой ценой. Это социальная философия радикализма, допускающая необузданное экспериментирование государства с населением и хозяйством страны. Во-вторых, безапелляционно декларировался приоритет интересов партийно-хозяйственной номенклатуры управленцев: «Исходя из заранее заданных целевых установок, мы уже тем самым ставим перед собой плановую проблему нахождения оптимальных путей хозяйственного развития

---

⁵⁸ Струмилин С. Г. К теории планирования. С. 76.

не в общем виде, а сознательно ограничиваем ее пределы одним лишь вполне определенным частным случаем»⁵⁹. В-третьих, из планового строительства фактически исключалась «сумма волеизъявлений» всех остальных, неказенных субъектов хозяйственной деятельности под предлогом «необъятности задачи».

Достаточно откровенно С. Г. Струмилин писал: «Мы очень сомневаемся в целесообразности постановки таких проблем (планирования. – Г. Ч.) “в общем виде” и по другим соображениям. Понятие “оптимального” пути развития весьма относительно. Оно неизбежно подразумевает какого-то определенного субъекта, для которого этот путь явится оптимальным. Ставить эту проблему в общем виде – это значит искать таких путей, которые для всего общества в целом оказались бы оптимальными <...> Если же мы заранее исходим из интересов только одного пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в данной стране, то этот “частный случай” разрешается <...> проще. Но тут уж примат телеологии, т.е. определенной классовой установки, в проектировках оптимального плана сам собою подразумевается»⁶⁰.

Здесь подчеркивается противоречие между выгодами государственного предпринимательства и интересами народа. Партийно-хозяйственная бюрократия, как пытался доказать ее представитель, вовсе не обязана выбирать путь экономического развития, оптимальный «для всего общества в целом». Очевидно, что С. Г. Струмилин приводил не рациональный, научный довод против Н. Д. Кондратьева, а аргумент политической силы.

Идеи Н. Д. Кондратьева о плановом руководстве советской экономикой опирались на признание «суверенности», самоценности всех ее укладов. Он призывал государство не только радеть о пользе казенного предпринимательства, но и создавать условия для благоденствия других секторов хозяйства, особенно мелкотоварного, крестьянского. Ведь темпы экономического роста и социальная стабильность в СССР зависели от взаимоотношений промышленности и сельского хозяйства, от баланса интересов города и деревни.

---

⁵⁹ Струмилин С. Г. К теории планирования. С. 76.

⁶⁰ Там же. С. 76.

Позиция Н. Д. Кондратьева была уязвима из-за «общенаучности» и «всесубъектности». Попытка поставить главного и самого мощного субъекта хозяйствования в один ряд с другими действующими лицами, опираясь на гражданско-правовые традиции рыночной экономики, была обречена на неудачу. Правящая власть стремилась выйти за узкие границы эквивалентного товарно-денежного обмена. Большевики воспринимали планирование как способ преодоления рыночного регулирования, подчинения не-социалистических укладов политике индустриализации. Доводы в защиту негосударственных форм экономической деятельности, даже приносящих прямую выгоду казенному сектору, «отметались с порога».

Номенклатурный управленец выражал точку зрения «родного» социального слоя, когда отрицал значимость и равноправие иных сословных убеждений. Он писал: «Постановка задачи нахождения оптимальных путей развития в общем виде, исходя только из прошлого <...> игнорирует прежде всего классовое строение нашего общества. И если даже такая генетическая постановка плановой проблемы претендует на звание сугубо научной, мы не можем оказать ей должного кредита, ибо не верим в силу и объективность общественной науки, парящей над классами в безвоздушном пространстве»⁶¹.

Приоритет идеологических предрассудков партийно-государственного аппарата наглядно демонстрировала «субъективная» логика С. Г. Струмилина: «Целевые установки пролетариата, его классовая воля и программа действий нам уже даны. В наиболее общем виде они зафиксированы в программе Коминтерна. Дальнейшее развитие этой программы применительно к рамкам СССР мы находим в партийной программе ВКП(б). Хозяйственный перспективный план СССР в своих целевых установках должен явиться дальнейшим экономическим развитием этой программы на тот или иной календарный отрезок времени»⁶².

Конфронтация теоретических взглядов Н. Д. Кондратьева и С. Г. Струмилина осталась ярким фрагментом общей полемики

---

⁶¹ Струмилин С. Г. К теории планирования. С. 77.

⁶² Там же. С. 78.

1926–1927 гг. Поток российской экономической мысли разделился надвое из-за альтернативности подходов к пониманию механизма отечественного хозяйства. Методологические «предрассудки» (предпосылки) очерчивали временной горизонт видения экономистов, направляли ход их исследования, влияли на построение логических конструкций, предопределяли концептуальные выводы и практические рекомендации.

По руслу одного течения нашей науки двигался среди прочих Н. Д. Кондратьев, а С. Г. Струмилин и иже с ним держались меж берегов другого ее рукава. Странники первого рода воззрений продолжали традиции «классической», рыночной парадигмы в экономической теории, пытались приспособить ее к изменившимся реалиям. Представители второй школы, наоборот, превозносили свежие тенденции военно-коммунистического периода, брали за основу народившуюся парадигму плановой, государственно-управляемой экономики.

Развитие теории рыночного хозяйства

Противопоставление двух образцов мышления – рыночного и директивно-планового – запечатлелось также в оригинальных, замечательных научных трудах Л. Н. Юровского и Е. А. Преображенского. Стойко защищал преимущества рыночного хозяйства Л. Н. Юровский. Он принял участие в обсуждении первых опытов народнохозяйственного планирования, напечатав статью «К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе» в журнале «Вестник финансов» № 12 за 1926 г. Публикация затрагивала широкий спектр вопросов: от методологии экономической теории до отдельных мероприятий хозяйственной политики.

Приступая к обсуждению заявленной проблемы, Л. Н. Юровский делал многозначительную оговорку о том, что отечественная экономика подошла к грани полного использования старого основного капитала и собирается соорудить новые предприятия, т.е. вступает в новую полосу, тенденции и закономерности кото-

рой еще не обнаружались. Потому природа нашей хозяйственной системы еще недостаточно изучена и методы руководства ею далеко еще не оформлены⁶³.

Краткое «пред-рассуждение» автора о неопределенности предмета исследования играло важную роль в изложении его взглядов. Оно позволяло выбрать удобный исходный пункт для развертывания звеньев в цепи умозаключений. Л. Н. Юровский закладывал в фундамент своей концепции положение о рыночной природе нашего хозяйства времен нэпа; ее не смогли уничтожить революционные преобразования и военные разрушения. Соответственно закономерности функционирования экономики СССР раскрывались классической теорией рыночного хозяйства при введении в нее конкретизирующих допущений.

Поименованная отправная точка помогала рисовать рыночную перспективу развития советского хозяйства, отстаивать ее в полемике с оппонентами. Избранный угол зрения раздвигал временные горизонты видения. Они не ограничивались военно-коммунистической эпохой, а уходили корнями глубже в историю России. Внимание акцентировалось не только на отличиях, но и на общих чертах между прошлым, настоящим и будущим.

Постулат о рыночной природе отечественной экономики дополнялась авторским обоснованием необходимости ее планомерного регулирования: «Советский Союз управляет хозяйством в большей мере, чем управляло им когда-либо, какое бы то ни было государство. Он делает это, во-первых, потому, что ему принадлежат все крупные и средние предприятия в области промышленности, транспорта, кредита, внешней и отчасти даже внутренней торговли. Он делает это, во-вторых, потому, что принцип его экономической политики заключается в регулировании народнохозяйственных процессов с целью внесения в них планомерности»⁶⁴.

Тезис о планировании вводился в авторскую концепцию как условие совершенствования стихийного рыночного регулирова-

---

⁶³ См.: *Юровский Л. Н.* К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // *Финансовое оздоровление экономики : опыт нэпа. М., 1990. С. 177.*

⁶⁴ Там же. С. 178.

ния, а не как его отрицание. Методология планового хозяйства и назначение планов должны зависеть от особенностей той хозяйственной системы, в которой и для которой они готовятся. «Хозяйственный план, составленный на 1926/27 г., – по мнению рецензента, – есть нечто принципиально иное, чем тот план, который имелось в виду составить в 1920 г., несмотря на то, что у всех планов, стремящихся объять все народное хозяйство, окажутся некоторые общие черты и некоторые сходные элементы»⁶⁵.

Здесь Л. Н. Юровский категорично выступил против повторения «антирыночной» кампании гражданской войны. Он считал, что народнохозяйственные планы способны обеспечивать равновесный экономический рост при помощи товарно-ценностных отношений.

Уникальные размеры казенного сектора в нашей экономике, по искреннему убеждению Л. Н. Юровского, не отменяют действия в ней «закона ценности» как закона товарного хозяйства. «Закон ценности действует всюду, где есть рынок и товар. Хозяйственная обстановка может приближаться к условиям свободной конкуренции. В хозяйственной обстановке могут играть крупную роль организации монопольного типа. Государство может “не вмешиваться” в условия производства, обмена и распределения. Государство может вести политику покровительства одним формам или отраслям хозяйства и оттеснения других, регулировать условия внешней торговли, кредита и производства. Если при всех этих условиях остается рынок, то действует “закон ценности”»⁶⁶.

Конкретные условия ценообразования, конечно, могут быть специфическими в разных странах и в разное время. «Наши условия являются новыми хотя бы потому, что в советском хозяйстве существует небывалая раньше концентрация средств производства в руках единого распорядителя, что этим распорядителем является государство, а в этом государстве существует диктатура пролетариата»⁶⁷.

---

⁶⁵ Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе. С. 178.

⁶⁶ Там же. С. 207.

⁶⁷ Там же. С. 208.

Государственное предпринимательство вынуждено было приравниваться к рыночной среде своего существования при выработке плановых ориентировок. Это «размягчение» директивности централизованного управления отмечено в авторской констатации: «Мы имеем <...> в своем народном хозяйстве сектор государственного хозяйства, состоящий в тройком окружении: потребительском, крестьянском и мировом. Что касается первого и второго, то государство в отношении их уже далеко не всеильно, хотя оно и в состоянии влиять на них, ибо в его распоряжении имеются могущественные средства воздействия: политика заработной платы, налоги, железнодорожные тарифы, заготавливающие органы, продажные цены промышленных изделий; но все же в этой области приходится уже не управлять (как в государственном секторе), а направлять и предвидеть. Что касается третьего “окружения”, то тут в настоящее время все сводится к предвидению»⁶⁸.

По мнению Л. Н. Юровского, «контрольные цифры» должны находить компромисс интересов всех рыночных сил. Необходимо определить возможные размеры ресурсов, которые государственный сектор найдет в себе самом и извлечет из негосударственного «окружения», чтобы обеспечить максимальный подъем отраслей индустрии. Одновременно надо составить такие строительные, производственные, внешнеторговые и прочие программы, при которых гарантировалось бы динамическое равновесие внутри госсектора и равновесие между ним и всем его рыночным окружением⁶⁹.

Узловые моменты авторских суждений верно отразили «злобу дня» экономической политики середины 20-х годов. Страна тронулась по пути массового инвестирования средств в новые производственные мощности. Высшее руководство озаботилось тем, где найти резервы накопления капитала и какими способами их вовлечь в сооружение казенных объектов.

Последнее обстоятельство было «камнем преткновения» в спорах специалистов. Ряд экономистов, и Л. Н. Юровский среди

---

⁶⁸ Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе. С. 181–182.

⁶⁹ Там же. С. 182.

них, предлагали налечь на рычаги рыночного механизма и перераспределять национальный доход традиционными для России мерами правительственного попечения индустрии. Дабы рынок приносил наибольшую отдачу, надлежало поддерживать его в состоянии близком к равновесному. Властям не стоило «перегибать палки» и угнетать деловую инициативу частных укладов.

Но у этой точки зрения были противники. Они думали, что ресурсы на подъем отечественной промышленности дозволено собирать любыми методами, а не только рыночными. Стремление правительства сохранять равновесие на рынках и паритет интересов между укладами порицалось, ибо означало уступку настроениям крестьянства, отказ от быстрого технического обновления нашего хозяйства. Увеличивать объемы капитальных вложений в госсектор можно было и при помощи системы планового распределения ресурсов, которая показала свою эффективность в период гражданской войны. Поэтому зарождение единого народнохозяйственного планирования в СССР приветствовалось как добрая примета – начало вытеснения рыночной стихии из экономики.

Нелегко было Л. Н. Юровскому возражать научным оппонентам. Во-первых, уровень разработанности методологии и теории классической, рыночной школы экономической мысли не соответствовал специфической исследовательской проблеме – изучению национального хозяйства, в котором корпоративный уклад целиком принадлежал государству. Во-вторых, в современной истории России был многолетний военно-коммунистический период, когда государственная власть во благо себе и в ущерб остальному населению «успешно» занималась демонтажем вольного рынка.

К тому же именно в процессе подавления конкурентной стихии и развала рыночных основ отечественного хозяйства его корпоративные структуры отошли в казенные руки. Крупные предприятия, очутившись в собственности государства, переключились с коммерческого расчета в режим нерыночных, бюджетных взаимозачетов. Благодаря нэпу многое из утраченного удалось вернуть на круги своя. Но с 1926 г. тенденция к притеснению рыночной свободы потребителей и производителей опять набрала угрожающую инерцию.

Чтобы достойно отвечать на полемические выпады поборников директивно-плановой парадигмы, следовало углублять отдельные теоретико-методологические положения рыночной концепции, а также умело критиковать практику прямого планового распределения продуктов и услуг. Сложнее всего было доказывать заинтересованность советской власти в нормальном функционировании рыночного механизма.

В традициях европейской, особенно английской, экономической школы казенное ведение дел противопоставлялось коммерческому, частному предпринимательству. Государство рассматривалось в виде внешней надстройки над рыночными структурами, которая регламентирует хозяйственную деятельность в стране и, увы, сдерживает ее свободное развитие сборами налогов и иных принудительных платежей. Предпринимательская деятельность государства обычно охватывала те сферы, в которых не предполагалось получение высоких прибылей, скорее, наоборот, возникала потребность в простом покрытии расходов или возмещении убытков.

Приведенные выше цитаты показывают, что Л. Н. Юровский обосновывал значимость рыночного механизма для госсектора необходимостью контактировать с другими участниками торгового оборота. Стало быть, рынок витал как внешняя по отношению к казенному хозяйствованию предпосылка. Подобная аргументация не отличалась весомостью. Ведь правительство до известной степени способно было воздействовать на рыночную среду, перекраивать ее по собственному усмотрению и даже замещать иными способами обмена продуктами и услугами, как это было в 1915–1920 гг.

Автор журнальной публикации прибегал к доказательству «от противного», убеждая читателей, что у рыночной экономики нет социально приемлемой альтернативы. «Закону ценности» как закону товарного хозяйства, по мнению экономиста, может противостоять в качестве антипода лишь закономерный плановый порядок распределения всех производительных сил и продуктов⁷⁰, т.е. чрезвычайная система, аналогичная военно-коммунистической.

---

⁷⁰ См.: Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе. С. 210–211.

«Плановый порядок, – по разумению Л. Н. Юровского, – мыслим в полной своей законченности и с совершенным устранением из хозяйственной системы „закона ценности“. Для того чтобы это могло быть сделано, необходимо <...> осуществление одного <...> в высшей степени важного условия: отказа от свободного потребления, т.е. отказа от права потребителя выбирать продукты из ограниченного запаса. Если потребителю, как это происходило в эпоху “военного коммунизма” или как это происходит в современной армии, предметы потребления будут предоставляться в определенных количествах в натуре, а не в виде определенной “суммы” с правом распоряжения частями этой суммы по собственному усмотрению, тогда “закон ценности” сможет окончательно исчезнуть и государству остается только избрать способ учета, гарантирующего целесообразное построение его хозяйственных планов»⁷¹.

Итак, без ограничения частной экономической свободы устранение рыночной организации едва ли возможно. «Стоит, однако, предоставить потребителям свободу выбора предметов потребления путем распоряжения какой-либо суммой, пусть не денег, но любых знаков, что-то реально собой представляющих, и рынок – хотя бы даже суженный рынок одних только предметов потребления – будет налицо. На рынке будет спрос и будет предложение, и вопрос о равновесии на нем для хозяйствующего государства не будет уже безразличен, а будет связывать и обязывать его»⁷².

Все-таки ученый не чувствовал достаточной убедительности высказанных доводов и делал реалистическую посылку: «Можно, конечно, допустить <...> что в этих условиях государство станет несколько пренебрегать вопросом о том, имеется ли на этом суженном рынке полное равновесие, ибо отсутствие сбыта каких-либо товаров не повлечет за собою общего кризиса, а “боны”, находящиеся на руках у потребителя, больших хозяйственных неудобств причинить государству не могут, хотя бы и оказалось, что временно на некоторую их часть ничего нельзя получить»⁷³. Но тут же он обходил ее стороной, не изучая по существу.

⁷¹ Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе. С. 212.

⁷² Там же. С. 213.

⁷³ Там же.

Отмеченные ситуации несовпадения товарного спроса и предложения Л. Н. Юровский трактовал как качественные преобразования хозяйства, в котором либо отсутствует рынок, либо он занимает такое положение, когда государство в состоянии пренебрегать его показаниями.

По мнению автора, анализ научных абстракций не предполагает их историческую конкретизацию: «Можно, конечно, утверждать, что от нынешней системы к той, о которой мы говорим, логически ведет ряд постепенных переходов. Поиски переходных форм всегда возможны. Можно искать постепенных переходов от товарно-капиталистического хозяйства 1913 г. к товарно-социалистическому хозяйству 1926 г. и находить их в целом ряде явлений довоенной, военной и революционной экономики <...> Но когда речь идет о теоретическом описании, тогда необходимо схватить специфические черты, не затуманенные переходными формами, и взять каждую систему в полном ее своеобразии»⁷⁴.

Впрочем, для характеристики советской экономики было маловато одних лишь исходных посылок «классической» рыночной парадигмы. Приходилось дополнять их функциями государства: плано-регулирующей и хозяйственной. Поэтому теоретик развивал идею об особой экономической форме – товарно-социалистической. Вот несколько его соображений по этому поводу: «Наша хозяйственная система есть система товарно-денежного и планового хозяйства, притом планового хозяйства, покоящегося на ценностном принципе»⁷⁵. «Она есть система товарного хозяйства, но только особая его система. Нормальные плановые элементы нашего хозяйства (мы анализируем теоретически и отвлекаемся от того, что могут быть и бывают крупные ошибки в планах и затем мероприятия, неизбежно вытекающие из этих ошибок) вовсе не ликвидируют товарного хозяйства и не вытесняют его»⁷⁶.

Основополагающими свойствами товарно-социалистической системы, в понимании Л. Н. Юровского, оставались равновесие

---

⁷⁴ Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе. С. 213.

⁷⁵ Там же. С. 215.

⁷⁶ Там же. С. 214.

между спросом и предложением на рынке и адекватное установление цен, соответствие цен издержкам производства. Но здесь возникла неприятная проблема – как теоретически объяснить поведение государственных учреждений и предприятий на рынке. Ибо очевидно, что действовали они отнюдь не по правилам свободной конкуренции.

Экономист допускал возможность монопольного ценообразования в рамках предпринимательства на казенный счет: «Советское государство в качестве монополиста может <...> вести политику высоких цен на продукцию своих предприятий <...> однако только в пределах тех закономерностей, которые свойственны образованию монопольных цен. То же относится к возможной (но тоже не обязательной) политике низких цен на продукты, заготавливаемые советскими монопольными предприятиями»⁷⁷.

Правительство могло при желании проводить и противоположную политику ценообразования, поощряя те или иные отрасли производства низкими продажными или высокими заготовительными ценами. Государство способно продавать товары ниже себестоимости изготовления и даже отпускать их бесплатно потребителям, если из других источников будут покрываться произведенные затраты. Но перечисленные случаи не отменяли «закона ценности», т.е. товарной природы нашего хозяйства.

Не всякое государственное регулирование рынка приводило к положительным результатам. Так, назначение заниженных цен создавало обстановку растущих очередей и бестоварья в пунктах продажи. Справедливы слова специалиста: «Организация очередей едва ли может рассматриваться как прием экономической политики и подлинный метод преодоления тех затруднений, которые вытекают из отсутствия равновесия между спросом и предложением. Преодолеть эти затруднения можно только при помощи “системы пайка”, известной всем по опыту войны и революции»⁷⁸. Стало быть, советская власть, отвергая баланси-

---

⁷⁷ Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе. С. 215.

⁷⁸ Там же. С. 217.

рование цен и покупательского спроса, делала шаги к преодолению и ликвидации в данной сфере товарно-денежного хозяйства.

Л. Н. Юровский вынужден был соглашаться в том, что отечественная экономика качественно отличалась от традиционной товарно-капиталистической: «Планирование хозяйства в советской экономической системе, воздействие на цены сырья, на вывоз и ввоз, на направление капитального строительства <...> не означает вытеснения товарного хозяйства, а означает регулирование его. Такого регулирования в советской экономической системе несравненно больше, чем в капиталистическом хозяйстве, и различие здесь не количественное, а качественное»⁷⁹. Вмешательство в свободную игру рыночных сил – правило, а не исключение в плановой экономике.

Ученый указывал еще на одно «существенное своеобразие» товарно-социалистического хозяйства: «Суть дела заключается в том, что концентрация средств производства в руках одного распорядителя заставляет или позволяет проводить в качестве внутрихозяйственных такие операции, которые иначе проходили бы в качестве межхозяйственных, т.е. рыночных, и <...> в том, что государство, будучи само этим распорядителем, проводит таким внутрихозяйственным способом ряд мероприятий своей экономической политики»⁸⁰.

Централизованное управление частенько достигало целей не нажимом на главный коммерческий стимул – прибыль, а директивными предписаниями государственным и даже кооперативным предприятиям исполнить действия, намеченные планом. «Но административные распоряжения, – по убеждению Л. Н. Юровского, – становятся бесхозяйственными, если они проводятся без учета тех ценностных соотношений, которые складываются на рынке, а рынок <...> сохраняется в качестве критерия и регулятора»⁸¹.

Таким образом, советское государственное предпринимательство выходило за пределы типичного капиталистического рыноч-

---

⁷⁹ Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе. С. 220.

⁸⁰ Там же. С. 222.

⁸¹ Там же. С. 223.

ного хозяйства. В нем могла отсутствовать мотивация предприятий к получению прибыли, позволялось превышение продажных цен издержками производства и торговли, осуществление убыточных хозяйственных операций, т.е. ведение дел при параметрах, отклонявшихся от рыночного равновесия. Но при этом государство калькулировало в ценах, во что обойдется директивно-плановое руководство. Ведь плановый расчет строился не на пустом месте, а на основе сложившихся цен, на которые государство могло влиять, в свою очередь, оставаясь постоянно под их влиянием⁸².

Автор ощущал, что ему не удалось однозначно описать отечественное хозяйство как рыночную систему. Хуже того, он воочию наблюдал тенденции к подавлению рыночных сил и сознательной порче правительством большевиков денежных и ценовых механизмов, но не хотел видеть в том объективную неизбежность: «Своеобразие существующей хозяйственной системы очень велико. Не во всем оно может быть уже теоретически изучено и установлено, потому что после нескольких лет новой экономической политики трудно еще сказать, что именно принадлежит к существу этой системы и что составляет в ней случайную аномалию. Но пока имеется гораздо больше оснований считать, что <...> она, будучи системой товарного хозяйства, регулирует последнее, а не <...> преодолевает, переходя в систему, аналогичную той, которая строилась в эпоху военного коммунизма»⁸³.

Содержательно разбирал Л. Н. Юровский одно из фундаментальных понятий рыночной парадигмы – «равновесие». Речь шла о равновесии хозяйственной системы в историческом движении. Это предполагало сохранение многоукладности экономики, поиск компромисса разнородных интересов. Равновесие необходимо, если считать, что система будет длительно существовать и что цель экономической политики заключается не в её разрушении для постановки на место иной системы, а в постепенном укреплении и развитии⁸⁴.

---

⁸² Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе. С. 225.

⁸³ Там же. С. 224.

⁸⁴ Там же. С. 183.

Поддержание рыночного равновесия совместимо с плановым управлением. На том настаивал теоретик: «Требование сохранения равновесия не исключает вообще различных конкретных заданий экономической политики, а только ограничивает их. Это требование оставляет свободу действия в отношении содержания экономических мероприятий с тем однако, чтобы последние не расшатывали целостности всей экономической системы»⁸⁵.

Отсутствие равновесия могло, по мнению экономиста, вызвать двоякого рода реакцию. Одна сводилась к принятию мер по восстановлению равновесия. Другая состояла в попытках обойтись без восстановления равновесия на рынке путем введения в народное хозяйство нового, нерыночного, принципа.

Особое беспокойство вызывала у Л. Н. Юровского ситуация товарного голода, который обострился в 1925 г. и не исчез окончательно в 1926 г. Бестоварье способно было инициировать правительственную политику свертывания рынка под предлогом заботы о потребителях; ведь еще незабытое военно-коммунистическое прошлое давало немало наглядных уроков вытеснения «псевдоплановым» распределением продуктов вольной купли-продажи.

Ученый обращал внимание на то, что мероприятиям, принимаемым по нужде и вытекающим из фактов отклонения от рыночного равновесия, свойственно нарастать и размножаться в силу присущей им внутренней логики: «Регулирование в товарно-денежном хозяйстве, не нарушающее необходимого этому хозяйству равновесия, может спокойно преследовать свою цель. Если равновесие нарушено и не восстанавливается, то мера регулирования, стремящаяся к разрешению своего задания в обход рыночного равновесия, не может остаться единственной, а требует принятия все новых мер, из коих последней, завершающей цепь и дающей подлинное решение, но не в направлении к равновесию рынка, а в направлении от равновесия на рынке, является ликвидация рынка

---

⁸⁵ Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе. С. 183.

и установление в соответствующей области законченного, строго планового распределения с полным отказом от требования “закона ценности”»⁸⁶.

Кроме такой альтернативной постановки вопроса в журнальной публикации, имелись другие глубокие рассуждения о равновесном регулировании. В частности, высказывалось предположение о потенциальной возможности соблюдения динамического равновесия в отечественной экономике, т.е. создания ровной линии хозяйственного роста вместо траектории развития, проходящей через периоды быстрого расширения, последующего кризиса и депрессии⁸⁷.

Советское государство было в состоянии предотвратить развертывание всеобщих процессов кризисного перепроизводства продукции за счет локального погашения убытков по отдельным предприятиям. Правительство могло в плановом порядке согласовывать темпы экономического роста страны с темпами реального накопления инвестиционных ресурсов.

Механизм управления отечественной экономикой качественно отличался от традиционного регулирования в странах с рыночной экономикой. «Ибо если в условиях капиталистического хозяйства равновесие и нарушается, и восстанавливается стихийно, то у нас, где равновесие может оказаться нарушенным не только хозяйственной стихией, но и ошибочно составленным или плохо проведенным планом, обстоятельства <...> нередко <...> складываются так, что равновесие не в состоянии восстановиться “само собою”, и что цель уравнивания частей народного хозяйства должна быть достигнута экономическими мероприятиями государства. Очевидно, что такие мероприятия должны в этом случае входить в хозяйственный план, а количественное их выражение должно найти свое отражение в контрольных цифрах народного хозяйства»⁸⁸.

---

⁸⁶ Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе. С. 242.

⁸⁷ Там же. С. 226.

⁸⁸ Там же. С. 184.

Преимущества государственно-организованной экономики при определенных обстоятельствах превращаются в негативные моменты. Так, «советская хозяйственная система, благодаря огромной концентрации материальных ресурсов в распоряжении государства и благодаря государственному регулированию народного хозяйства во многих его областях, отличается способностью переносить сравнительно долго такие случаи нарушения хозяйственного равновесия, которые не вынесла бы иная хозяйственная организация»⁸⁹.

Л. Н. Юровский называл четыре случая длительного нарушения равновесия в отечественном хозяйстве в 1925/26 г. Во-первых, несоответствие между размерами экспорта и импорта, с одной стороны, и состоянием основных отраслей нашего хозяйства – с другой. Во-вторых, несоответствие между спросом на иностранную валюту и предложением ее. В-третьих, несоответствие уровня товарных цен или покупательной силы нашей валюты золотому паритету червонца. В-четвертых, несоответствие между оптовыми и розничными ценами (особенно в частной розничной торговле) и бестоварье, затрудняющее экспортные заготовки, усиливающее предыдущие отклонения от равновесного уровня⁹⁰.

Макроэкономические диспропорции приводят к тому, что рыночные регуляторы перестают выполнять свои функции. Обменный курс рубля не выравнивает спрос на иностранную валюту с ее предложением. Цена не балансирует платежеспособный спрос и предложение товаров. Покупательная сила рубля колеблется независимо от его золотовалютного курса. Ценностные параметры отрываются от своей объективной рыночной основы и вырождаются в условно-счетные единицы. Согласование спроса и предложения достигается уже методами прямого планового регламентирования. Игнорируя закономерности восстановления рыночного равновесия, государство, по мнению Л. Н. Юровского, откатывается назад, к примитивной системе натурального хозяйства.

---

⁸⁹ Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе. С. 184.

⁹⁰ Там же. С. 202, 203.

О необходимости соблюдения рыночного равновесия и важнейших макроэкономических пропорций говорил в 1927 г. и Н. Д. Кондратьев, выступая с докладом «К вопросу о природе нашего хозяйственного подъема и наших хозяйственных затруднений». Ученый отмечал взаимосвязь между замедлением экономического роста, появлением хозяйственных затруднений (диспропорций) и отклонением рыночных показателей от объективно складывавшихся уровней равновесия. Источником нарушения сбалансированного роста отечественной экономики было плановое руководство⁹¹.

По соображениям Н. Д. Кондратьева, избыточные вложения капитала на развитие индустрии, не подкрепленные реальными накоплениями инвестиционных ресурсов, расшатывали макроэкономическую стабильность в Советском Союзе. Продолжение этой политики сулило мало хорошего. О том ясно высказывался докладчик: «Я являюсь сторонником той мысли, что если индустриализация страны превращается в сверхиндустриализацию страны, то вместо того, чтобы привести действительно к подъему народных сил хозяйства, она неизбежно приведет его к разорению и к кризису всего народного хозяйства. Поэтому весь вопрос планового ведения дела заключается в том, чтобы избежать сверхиндустриализации страны, как и аграризации страны»⁹².

Экономист оценивал темпы индустриализации как сверхвысокие потому, что они сопровождались возникновением целого ряда серьезных диспропорций и проблем: темп роста производства отставал от темпа роста потребления населения; темп роста накоплений (сбережений) – от динамики производства; денежные вложения капитала опережали его реальное накопление. Дефицит сбережений капитала покрывался за счет необеспеченной денежной эмиссии. Кредитные операции увеличивались быстрее общей денежной массы. Предложение товаров и услуг отставало от денежного спроса покупателей, поэтому обнаружился товарный голод, ускорился рост цен внутреннего рынка, выраженных в ру-

⁹¹ См.: *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение // Избр. произв. : в 2 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 213.

⁹² Там же. С. 214.

блях. Увеличился отрыв официального валютного курса рубля от его ценового паритета, ухудшились условия экспорта продуктов из Советского Союза⁹³.

Автор доклада не сомневался, «что указанные выше диспропорции и противоречия возникают и нарастают в силу того, что по мере приближения восстановительного периода к концу ставка на ускоренный процесс индустриализации страны, сама по себе правильная, при данном конкретном ее выражении (в смысле темпа) приходит в конфликт с условиями и темпом накопления как реальной базы для индустриализации, в конфликт, усугубляемый направлениями некоторых мероприятий экономической политики»⁹⁴. Обострение диспропорций грозило серьезным столкновением интересов промышленности и сельского хозяйства, города и деревни.

Однако самым впечатляющим в обсуждении путей развития СССР было совпадение ключевой рекомендации Н. Д. Кондратьева с чаяниями приверженцев директивно-плановой парадигмы. Ставка на индустриализацию, по мнению экономиста, предполагала повышение темпа накопления в стране. «Таким образом, проблема накопления, проблема его использования и учета его реальных пределов в практических мероприятиях по строительству хозяйственной жизни становится на ближайшее время основной и руководящей проблемой нашей экономической политики»⁹⁵.

Опыт теоретического анализа советского хозяйства

Проблема накопления в государственном хозяйстве стала «центральной практической идеей» книги Е. А. Преображенского «Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства». Она была напечатана в 1926 г., но до и после того отдельные ее главы публиковались в периодическом издании «Вестник Коммунистической Академии». Это монографическое исследование, пожалуй, впервые представило целостную теоретическую модель функционирования директивно-плановой социалистической экономики.

---

⁹³ Кондратьев Н. Д. Особое мнение. Кн. 2. С. 210, 211, 212.

⁹⁴ Там же. С. 221.

⁹⁵ Там же.

В современных исследованиях истории российской экономической мысли Евгений Алексеевич Преображенский чаще всего упоминается как оппонент Н. И. Бухарина в политической дискуссии, как создатель концепции развития советского хозяйства на основе «закона первоначального социалистического накопления», которая легла в основу «сталинской» модели социализма. Очередной всплеск внимания к взглядам этого оригинального экономиста отмечался в конце 80 – начале 90-х гг. истекшего столетия в связи с критической переоценкой отечественной историографии периода нэпа, постановкой проблем возможных альтернативных путей развития нашей страны в ту эпоху.

Отдельные статьи Е. А. Преображенского переиздавались бессистемно. Так, глава «Основной закон социалистического накопления» из книги «Новая экономика» была напечатана в журнале «Вопросы экономики» № 9 за 1988 г. в виде материала для критики. Редакция вспомнила о Е. А. Преображенском с целью показать силу Н. И. Бухарина-полемиста: его статья «Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок (к вопросу об экономическом обосновании троцкизма)» печаталась следом за первой. Полемика велась действительно очень остро, но теоретически поверхностно. Об этом говорила уже другая публикация без комментариев в «Вопросах экономики» № 6 за 1990 г. статьи Е. А. Преображенского «Еще раз о социалистическом накоплении» (ответ тов. Бухарину), в которой автор убедительно опровергал большинство выпадов в свой адрес.

Та же полемическая пара, почти с теми же статьями, была представлена в монографии «Пути развития: дискуссии 20-х годов. Е. А. Преображенский. Н. И. Бухарин», подготовленной к публикации Э. Б. Корицким. Составитель и автор комментариев, отдавая свои симпатии Н. И. Бухарину, анализировал взгляды Е. А. Преображенского в контексте теории «первоначального социалистического накопления» и ее применения в практике ускоренной индустриализации страны. Попутно рассматривались воззрения экономиста по другим теоретическим вопросам с целью более полной характеристики его мировоззрения. По мнению Э. Б. Корицкого, Е. А. Преображенский принадлежит к числу «веч-

но заблуждающихся» экономистов, ошибки которых – результат творческих поисков первопроходцев, напряженно и добросовестно добывающих научную истину⁹⁶. Думается, однако, что для оценки научного наследия талантливейшего экономиста более подходит евангельское изречение: «Не бывает пророка без чести, разве только в отечестве своем».

На генуэзской конференции в 1922 г. Е. А. Преображенский при личном знакомстве изысканно отрекомендовался Дж. М. Кейнсу как «революционер-профессионал»⁹⁷. Эта встреча была знаменательной. Так судьба свела двух «пророков», научные труды которых определяли парадигмы двух ветвей мировой экономической мысли на протяжении нескольких десятилетий XX века.

Е. А. Преображенский действительно был человеком, стоявшим у истоков теории советской экономики. Проблематика «Новой экономики» отразила биение пульса своего времени – завершение периода послевоенного восстановления хозяйства и преддверие очередного промышленного подъема. В связи с этим рассматривались три группы проблем: во-первых, теоретико-методологические основы социализма; во-вторых, регуляторы хозяйственного механизма социалистического типа; в-третьих, схемы воспроизводства и условия равновесия хозяйственных систем.

Дух и буква марксизма предопределили идеологические и концептуальные основы разработанной Е. А. Преображенским экономической теории. Социалистическая парадигма К. Маркса исповедывалась им сугубо ортодоксально: истинность доктрины не подвергалась сомнению. Напротив, развитие общественных процессов оценивалось с позиции соответствия теоретическим воззрениям. Но несмотря на такую догматичность, учение социализма успешно справлялось с задачами научного обоснования экономической политики Советского государства вплоть до середины 80-х годов XX века. Каковы же были причины такой устойчивости?

Привлекательность марксистской теории поддерживалась гибким толкованием ее основополагающих принципов в соответствии

---

⁹⁶ См.: *Корицкий Э. Б.* Евгений Алексеевич Преображенский (1886–1937) // Пути развития : дискуссии 20-х годов. Е. А. Преображенский. Н. И. Бухарин. Л., 1990. С. 23.

⁹⁷ *Dobb M.* Capitalism, development and planning. N.Y., 1967. P. 138.

с изменяющимися историческими условиями. Умело использовалась объективная необходимость герменевтического подхода, который неизбежен в любой обществоведческой концепции, поскольку всеобщие предпосылки применяются к конкретным специфическим ситуациям. Научные обобщения не воспринимаются непосредственно. Чтобы понять их смысл, нужна интерпретация. Поэтому парадигмы общественной мысли (исходные концептуальные схемы, модели исследования, господствующие в течение определенного времени в научных кругах) достигают логической завершенности лишь в истолковании.

Историческое понимание означает, что предшествующие социально-экономические воззрения, традиции соотносятся с настоящим и усваиваются при помощи этого сопоставления. Стало быть, каждая эпоха переосмысливает одно и то же учение на свой лад. Творческий процесс познания не сводится к обыкновенному воспроизведению. Его результаты обретают ту форму, какую задает им исследователь. Из единых изначальных абстракций можно делать самые разные заключения. С этих позиций интересно обратить взор на замысел «Новой экономики».

Явно неслучайно Е. А. Преображенский начинал с изложения социалистических и коммунистических представлений о наилучшем устройстве общества, особо выделяя точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса, а затем переходил к обоснованию метода теоретического анализа советского хозяйства. Здесь четко прослеживается герменевтический аспект. «У Маркса и Энгельса мы не найдем никаких описаний и замечаний о будущем обществе, которые означали бы разрыв с наукой и апелляцию к утопии, но мы находим в их работах ряд таких замечаний о будущем обществе, которые они не только могли делать, не сходя с почвы науки, но и должны были делать как раз в интересах научного анализа капиталистического общества. <...> Несомненно, Маркс в качестве научного прогноза и рабочей гипотезы имел в своей голове довольно законченное представление о социализме, по крайней мере, в общих чертах. Но из этой картины в его работах мы находим либо отрывки, либо формулировки крайне общие, максимально алгебраические. Однако если собрать все эти отрывки вместе, мы получим

гораздо больше того, что мы находим в сочинениях Маркса при беглом чтении, без специального изучения этого вопроса»⁹⁸.

Итак, первая проблема – выявить и собрать вместе мысли К. Маркса о социализме, создать целостное представление. Уже на этом этапе возможны разночтения: каким образом свести воедино внешне не связанные друг с другом высказывания? Следующая трудность состоит в правильном понимании и толковании основных идей марксизма. Необходимо переводить «алгебраические формулы» на упрощенный «язык арифметики».

Впрочем, абстрактность теоретических выводов, в известном смысле, – их достоинство. Об этом напоминал Е. А. Преображенский: «Относительно организации производства в социалистическом обществе, формулировки Маркса и Энгельса являются весьма алгебраическими, тем не менее они сохраняют свое руководящее принципиальное значение, поскольку путем сравнения с капиталистической системой рельефно оттеняют своеобразные особенности социалистической структуры»⁹⁹.

Наконец, замечание, проливающее свет на долгожительство в науке социалистических представлений Маркса и Энгельса: «Основная черта всех их экскурсий в эту область – крайняя осторожность, крайняя общность формулировок. Из этих формулировок можно сделать вывод: чем меньше конкретности, тем долговечней то или другое положение. Мы в СССР уже имеем некоторый опыт социалистического строительства и на собственном опыте можем видеть, как правильны были все эти осторожные и общие формулировки, как долговечны, как мало пришлось бы брать назад из сказанного их авторами. Совсем иное дело с чисто конкретными предположениями»¹⁰⁰.

Сотворение концепции экономики социалистического типа сопровождалось оригинальным методологическим обоснованием. Е. А. Преображенский писал: «Политическая экономия есть наука, вскрывающая законы развития, равновесия и отчасти законы рас-

---

⁹⁸ Преображенский Е. А. Социалистические и коммунистические представления о социализме // Вестн. Коммунистической академии. 1925. Кн. 12. С. 49–50.

⁹⁹ Там же. С. 50.

¹⁰⁰ Там же. С. 54.

пада товарно-капиталистического способа производства, как бесплатного, неорганизованного способа производства. Антиподом товарного производства, исторически сменяющим его, является плановое социалистическое хозяйство. Но если в сфере экономического бытия товару капиталистического способа производства в хозяйстве плановом противостоит продукт, ценности – измерение рабочим временем, рынку в качестве сферы проявления закона ценности – бухгалтерия планового хозяйства <...> то в сфере науки политическая экономия уступит свое место социальной технологии, т.е. науке о социально организованном производстве»¹⁰¹. Это предвидение сбылось отчасти. Первые учебники по политической экономии социализма появились спустя четверть века, вслед за реабилитацией самой науки.

Согласно положениям Маркса о свободе и необходимости закономерности в экономике социализма сохраняются, но форма их реализации претерпевает изменение. «Не цены на рынке после производства, а колонки цифр социалистической бухгалтерии до производства бьют тревогу и дают на сознание планирующих центров: они извещают руководящие хозяйственные центры о нарастании новых потребностей, а тем самым о той экономической необходимости, к которой надо приспособляться. Эта антиципация закономерности составляет как раз первую характерную черту нового, социалистического производства, отличающую его от старого»¹⁰².

Односторонность марксистского подхода весьма наглядно проявилась позднее в советской политэкономии, которая пыталась объяснить действие экономических законов самих по себе в качестве регуляторов народного хозяйства. Бессубъектность экономической мысли порождалась методологическими предпосылками. Ведь единственно полноценным субъектом хозяйства признавалось государство в лице его органов управления.

Выбор методологии исследования зависел от идеологических установок. Господство марксистской парадигмы в советской эко-

---

¹⁰¹ Преображенский Е. А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. М., 1926. С. 54.

¹⁰² Там же. С. 61.

номической науке утверждало соответствующий стиль мышления. Диалектика преимущественно понималась не по-гегелевски, т.е. не в виде примирения разума с существующим порядком вещей, диалектического снятия противоположностей. Наоборот, возобладали негативный момент диалектического метода: взаимное исключение, антагонистичность борьбы нового со старым. Постоянно культивировался дух революционности.

Способ построения теоретических конструкций К. Маркса заключался в нахождении посредствующих звеньев (переходов) между сторонами противоречивых экономических отношений. Логика переходов развертывалась от самого высокого уровня абстракции до конкретных хозяйственных связей. Исходная абстракция при этом должна была выражать наиболее зрелые, «классические» формы капитализма в их чистоте. Во время написания «Капитала» таковой была система свободной конкуренции. Все некапиталистические уклады не принимались во внимание, так как они не характеризовали «буржуазную специфику» и не претендовали на роль ведущей социальной силы. Это упрощение явно затрудняло использование теории при изучении конкретной экономики, которая всегда многоукладна. Чистому капитализму свободной конкуренции (прошлому) противопоставлялся чистый государственный социализм (будущее). У этих крайностей не было общих точек соприкосновения, и они застыли в форме антиномии. Поэтому теория социализма у Маркса оказалась очень абстрактной.

Но достоверность марксистского социалистического проекта не подвергалась Е. А. Преображенским сомнению, потому что за альтернативу им брался капитализм эпохи свободной конкуренции. Каждое изменение в хозяйственном механизме представлялось как отрицание капитализмом самого себя и как переход к противоположной общественной системе, например, возникновение акционерной формы собственности, образование монопольных структур и т.п.¹⁰³ Разве будет противоречить действительности учение, если оно заявляет, что будущее и прошлое непохожи на настоящее?

---

¹⁰³ См.: Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве // Вестн. Коммунистической академии. 1926. Кн. 14. С. 6, 7, 44.

В то же время, когда на новом историческом этапе сохраняются некоторые черты старого общества и нет ряда ожидаемых свойств, то это легко списать на «трудности» переходного периода. Апелляция к возможности переходных ситуаций, сочетающих остатки прошлого и контуры будущего, позволяет удовлетворительно толковать теории чистых форм. Концепция переходного периода обладает достоинствами динамической и гибкой рабочей гипотезы. Она показывает общественные связи в развитии, допускает сосуществование любого набора экономических укладов. Путем конкретизации снимаются жесткие ограничения ортодоксальных предрассудков. Неслучайно советское хозяйство после пролетарской революции в октябре 1917 г. называлось экономикой переходного типа (периода). Марксистскую парадигму таким образом удалось «приземлить», согласовать с реальностью.

Е. А. Преображенский указывал на сложности, которые вытекали из самого типа наших производственных отношений, из перекрещивания в них социалистических начал с началом товарного производства. «Здесь как раз мы имеем тот пункт, где при применении общих основ марксистского метода исследования приходится модифицировать те методологические приемы, которые Маркс применял при анализе производственных отношений чистого капитализма»¹⁰⁴. Если в едином хозяйственном организме имеется борьба двух начал, как антагонистическая форма движения вперед всей системы, свойственная диалектическому процессу развития вообще, «то вопрос надо ставить не так: может ли быть при таком положении два регулятора, а может ли не быть двух регуляторов. Единой может быть лишь в каждый данный момент равнодействующая двух борющихся сил, реально складывающееся в каждый момент распределение труда и средств производства между системами и рыночная форма связи между ними, больше всего меняющая свое содержание как раз на противоположных полюсах хозяйственного целого. Если каждое начало борется за преобладание во всей системе, тем самым оно борется за тот тип регулирования, который органически свой-

---

¹⁰⁴ Преображенский Е. А. Новая экономика. С. 71.

ственен данной системе производственных отношений, взятой в ее чистом виде»¹⁰⁵. Так укреплялось дошедшее до наших дней противопоставление планового начала и рынка.

В лучших «классических» традициях Е. А. Преображенский считал регуляторами объективные экономические законы: закон первоначального социалистического накопления и закон ценности. Анализ содержания каждого закона и их взаимодействию посвящены две главы «Новой экономики».

Научные изыскания Е. А. Преображенского выражали идеологию и интересы партийно-хозяйственной бюрократии, вершившей руководство государственным сектором отечественной экономики. Поэтому накопление ресурсов в казенной собственности признавалось неотъемлемой предпосылкой прогрессивного развития социалистической системы в противовес остальным общественно-экономическим укладам.

Автор изначально противопоставлял государственное хозяйство другим, частным формам ведения дел. По его убеждению, возникшая после Октябрьской революции советская экономика могла существовать только в условиях непрерывной борьбы с частным предпринимательством внутри страны и с зарубежным бизнесом на мировом рынке. Он писал: «Раз новый тип производственных отношений начинает пробивать себе дорогу, то прежде всего и более всего он должен бороться за свое существование и <...> укрепление <...> путем воспроизводства социалистических отношений каждый раз в расширенном масштабе <...> Это – вопрос жизни и смерти для всей системы. Но бороться за воспроизводство отношений <...> социалистического типа, значит бороться за увеличение средств производства, принадлежащих пролетарскому государству, во-первых, за объединение вокруг этих средств все большего <...> количества рабочих, во-вторых, за поднятие производительности труда во всей системе, в-третьих. А это и значит бороться за расширенное воспроизводство данной системы, бороться за максимум первоначального социалистического накопления»¹⁰⁶.

---

¹⁰⁵ Преображенский Е. А. Новая экономика. С. 72.

¹⁰⁶ Там же. С. 65.

Развитие народного хозяйства с момента установления советской власти сравнивалось с первыми шагами капиталистического способа производства. Последнему потребовался период первоначального накопления капитала, который очень обстоятельно описан Марксом в первом томе «Капитала». По аналогии с ним делался вывод о необходимости первоначального накопления при социализме.

Идея экономического развития у Е. А. Преображенского обрела вид беззастенчивого использования и бескомпромиссного подавления новой социальной силой всех доселе существовавших. В философском обличье она выглядела так: «Развитие какой-либо экономической формы означает вытеснение ею других экономических форм, их подчинение новой, их постепенное исчезновение»¹⁰⁷.

По схеме революционно непримиримой методологии развертывались и теоретические конструкции автора: «Социалистическим накоплением мы называем присоединение к основному капиталу производства прибавочного продукта, который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства и социалистического государства, а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, первоначальным социалистическим накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов главным образом из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства. Однако, во-первых, это накопление также носит характер предварительного накопления средств для подлинно социалистического хозяйства и этой цели подчинено. А во-вторых, накопление <...> за счет негосударственного круга явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны назвать периодом первоначального, или предварительного, социалистического накопления <...> Основным законом нашего советского хозяйства, в настоящий момент пробегающего эту стадию <...> является закон первоначального, или предварительного, социалистического накопления»¹⁰⁸.

---

¹⁰⁷ Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления // Пути развития : дискуссии 20-х годов. Л., 1990. С. 53. Эта глава из книги «Новая экономика» была впервые опубликована в 1924 г. в «Вестнике Коммунистической академии». Кн. 8.

¹⁰⁸ Там же. С. 60.

Отличие от периода первоначального капиталистического накопления заключалось, во-первых, в том, что социалистическое накопление должно происходить не только за счет прибавочного продукта мелкого производства, но и за счет прибавочной стоимости капиталистических форм хозяйства. Во-вторых, разница здесь обуславливалась тем, что государственное хозяйство пролетариата возникло исторически на спине монополистического капитализма и, следовательно, располагало такими средствами регулирования всего хозяйства и такими методами перераспределения национального дохода, какие были недоступны капитализму на заре его развития¹⁰⁹.

Это было существенным замечанием, ибо исторически капиталистическое производство возникло на основе мелкотоварного хозяйства национального рынка и натурального хозяйства колоний. Но оно само, в свою очередь, служило предпосылкой для крупных отраслевых трестов и концернов. Венчали же пирамиду укладов государственное хозяйство и централизованное регулирование национальной экономики. Традиционное для России государственное предпринимательство подчиняло себе остальные уклады экономики.

Затем теоретик формулировал основной закон социалистического накопления, который, в его представлении, являлся движущей пружиной всего советского государственного хозяйства: «Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе»¹¹⁰.

Временной горизонт авторского видения очерчивался победой большевиков в Октябрьской революции. Об этом свидетельствовала попытка исторического исследования закономерностей со-

---

¹⁰⁹ *Преображенский Е. А.* Основной закон социалистического накопления. С. 72.

¹¹⁰ Там же. С. 104.

циалистического накопления, которое «может начинаться только после завоевания власти пролетариатом». Ученый отмечал: «Национализация крупной промышленности <...> есть первый акт социалистического накопления <...> который сосредоточивает в руках государства минимально необходимые ресурсы для организации социалистического руководства промышленностью <...> Социализируя крупное производство, пролетарское государство <...> приспособляет систему собственности к своим будущим шагам в деле социалистической перестройки всего хозяйства»¹¹¹.

Фактически же национализация собственности в России сопровождалась «первоначальным социалистическим израсходованием» (термин Л. Н. Юровского¹¹². – Г. Ч.) доставшихся от прошлой эпохи материальных ресурсов на ведение гражданской войны за удержание революционной власти. Работа предприятий без прибыли в военно-коммунистический период была типичным явлением. Производство, бывшее убыточным по критерию коммерции и накопления, было необходимым и полезным для решения задач тех лет. Выпуск продукции сокращался скорее по причине нехватки топлива и сырья, чем из-за дефицитности государственного хозяйства. «Социалистическое накопление, – подчеркивал Е. А. Преображенский, – начинается не от нуля и поднимается выше: оно начинается с уровня ниже нуля»¹¹³. В годы военного коммунизма возобладало стремление к производству максимального количества продуктов, невзирая на невосполнимые потери капитала.

С переходом к мирной жизни целью правительственного управления становится минимизация убытков во всем государственном хозяйстве и по возможности на отдельных предприятиях. Рубеж простой (бесприбыльной) окупаемости затрат был пройден казенной промышленностью и транспортом приблизительно летом 1924 г. Кстати, после этого и появилась в печати глава из книги «Новая экономика» под названием «Основной закон социалистического накопления».

---

¹¹¹ Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления. С. 57.

¹¹² Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе. С. 212.

¹¹³ Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления. С. 98.

Взгляды автора на смену исторических вех заключались в словах: «Новая экономическая политика была “новой”, пока жива была память о “старой” экономической политике военного коммунизма, которой она противопоставлялась. Необходимо ликвидировать этот термин. <...> Вместо “новая экономическая политика” теперь правильной и целесообразней говорить: политика социалистического накопления»¹¹⁴.

Несомненная заслуга автора – теоретическое описание Советского государства в качестве субъекта предпринимательской деятельности. Исходной посылкой его научного анализа выступало единство экономики и политики: «Пролетарское государство одновременно и руководит государственным хозяйством и руководит политикой внутренней и внешней, стремясь к сохранению данной системы, к ее укреплению. <...> Оно встречает при этом противодействие со стороны мирового капитализма извне, частного хозяйства – внутри»¹¹⁵.

Знаменательно, что первой причиной становления социалистической экономики названа необходимость противодействия странам-лидерам международного хозяйства. Абстрактная посылка конкретизировалась указанием на глобальную экспансию Соединенных Штатов Америки, а затем привлекалась для оправдания революционных преобразований в России. «Если Америка приобретает доминирующую роль в мировом хозяйстве, то тем самым приобретают в нем доминирующую роль монополистические тенденции американского капитализма, бурно вырывающиеся <...> за пределы национального хозяйства Америки»¹¹⁶.

Логичным антитезисом предыдущего положения служило доказательство «закономерности» повального огосударствления отечественной экономики. «Борьба с американским монополизмом возможна лишь путем изменения всей структуры той или иной страны, т.е. путем перехода к социалистической экономике, которая делает из страны монолитный организм и не дает американскому капитализму растаскивать по частям одну отрасль за

---

¹¹⁴ Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления. С. 110.

¹¹⁵ Преображенский Е. А. Новая экономика. С. 63.

¹¹⁶ Преображенский Е. А. Закон ценности... С. 9.

другой, подчиняя их американским трестам или банкам, как это имеет место при “естественном” соприкосновении американского капитализма с экономикой других капиталистических стран. Напор капиталистического монополизма может встретить преграду лишь в социалистическом монополизме. Страна, которая перейдет к социализму, будучи и экономически и технически слабей американского капитализма, в период незаконченной перестройки своего хозяйства на новой базе, будет бороться с ним не экономическим превосходством своих трестированных же отраслей хозяйства, а более высокой организационной структурой всего хозяйства»¹¹⁷.

В отличие от иностранных компаний, российская частная промышленность не могла серьезно конкурировать с казенной, поскольку она была поставлена в неравные условия с последней. Государство сконцентрировало у себя самые крупные и технически передовые предприятия, которые помещались в комфортную среду хозяйствования.

Общие тезисы Е. А. Преображенский развертывал в детальное объяснение специфики современного ему государственного предпринимательства: «Первая, самая важная, особенность состоит в том, что государственное хозяйство вступает в борьбу <...> только как единое целое. Отдельное предприятие государства, оторванное от целого и брошенное в стадию конкурентной борьбы, вероятно <...> было бы бито. Но то же предприятие, находясь в едином комплексе государственного хозяйства, имеет за собой всю силу этого комплекса, а потому оно уже не является ни в какой мере единственным предприятием или трестом старого капиталистического типа, даже когда оно ”переведено на хозяйственный расчет“»¹¹⁸.

Проницательный экономист подчеркивал, что принципы накопления на одном госпредприятии и во всем комплексе казенного хозяйства – две разные вещи. Он писал, что в СССР необходимо «накопление, которое обеспечивает продвижение для всего комплекса, а не для отдельных его частей, потому что цепная независимость в движении всего комплекса делает совершенно невоз-

---

¹¹⁷ Преображенский Е. А. Закон ценности... С. 12.

¹¹⁸ Преображенский Е. А. Основной закон... С. 109.

возможным разрозненное продвижение по методу капиталистической партизанщины, индивидуальной инициативы и конкуренции»¹¹⁹.

Ученый верно выделил еще одну причину устойчивости социалистической формы в борьбе с капиталистической – сращивание государственной власти с государственным хозяйством. Выдвинутое положение подкреплялось исторической аналогией: «В какой огромной степени сращивание капиталистического государства с капиталистическим хозяйством может увеличивать силу и устойчивость данного политико-экономического механизма, показал опыт военно-государственного капитализма в Германии в 1914–1918 годах. При пролетарской диктатуре этот процесс сращивания идет гораздо дальше. Пролетарское государство и пролетарское хозяйство представляют собою единое целое в полном смысле этого слова. Это в огромнейшей степени увеличивает как политическую силу государства, так и экономическую силу государственного хозяйства. <...> Власть пролетарского государства, которая распространяется на прибавочный продукт частного хозяйства (конечно, в пределах экономически возможного и технически достигаемого), не только является сама орудием первоначального накопления, но и постоянным резервом этого накопления, так сказать, потенциальным фондом государственного хозяйства»¹²⁰.

На основе сказанного автор предполагал, что вытеснение социализмом других экономических систем производства будет происходить в форме ограничения или даже ликвидации свободы конкуренции, всемерного использования выгод государственной монополии, борьбы единым комплексом государственного хозяйства, комбинации экономических средств с политическими.

Закон первоначального социалистического накопления рассматривался экономистом как внешняя принудительная сила, которая заставляла государство действовать в интересах самосохранения существовавшей социально-экономической системы. Его умонастроение передает цитата, перечисляющая важнейшие сферы казенного предпринимательства: «Закону социалистического накопления подчинена вся экономическая политика со-

---

¹¹⁹ Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления. С. 59.

¹²⁰ Там же. С. 111.

ветского государства и экономика государственного хозяйства. Невозможно говорить ни о каких законах движения заработной платы в государственном хозяйстве СССР и ни о какой теории заработной платы без анализа закона социалистического накопления <...> Этому же закону подчинены <...> политика цен на продукцию госпромышленности и система железнодорожных и водных тарифов. Закону социалистического накопления подчинена структура доходной части бюджета с системой обложения частного хозяйства в пользу социалистического <...> структура расходной части бюджета. Монополия внешней торговли и система социалистического протекционизма есть оборона социалистического хозяйства <...> для <...> накопления. Закону социалистического накопления подчинена вся наша кредитная система и по методам ее организации, и по принципам <...> распределения кредитных ресурсов страны. Тому же закону подчинена наша торговая политика внутри страны, с ее постоянным стремлением к вытеснению из оборота частного хозяйства и <...> к регулированию внутреннего рынка. Это регулирование есть <...> также либо ограничение темпов и размеров капиталистического накопления в процессе обращения, либо увеличение социалистического накопления в этой сфере»¹²¹.

Много недоразумений внесло в нашу отечественную экономическую мысль заверение К. Маркса, что в будущем обществе исчезнут товарно-денежные отношения. В каждом новом явлении экономической истории пытались найти моменты, подтверждающие столь однозначное предсказание. То, что казалось непохожим на капитализм свободной конкуренции, можно было назвать шагом к отмиранию товарного производства. Новая экономическая политика, возродившая товарно-денежные связи, заставила ученого искать компромисс между доктриной и жизнью: «Закон социалистического накопления ограничен демократией товарного хозяйства с присущей последнему закономерностью, линией развития и методами регулирования. Товарное хозяйство ограничено, охвачено, <...> сжато законом социалистического накопления, за-

---

¹²¹ Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления. С. 118.

конами развития чужеродного для него тела. Поэтому наше хозяйство, не будучи еще социалистическим, не является уже также и чисто товарным»¹²².

Идея о двух регуляторах советской экономики была удобной рабочей гипотезой в методологическом и концептуальном аспектах. С ее помощью прокладывались логические переходы от исходных теоретических посылок к анализу текущих социально-экономических ситуаций. Двойственностью была пронизана авторская характеристика отечественного хозяйства. Избранный экономистом дуалистический подход улучшал теоретическое обоснование директивно-плановой системы.

Оригинальность воззрений Е. А. Преображенского проявилась в отходе от обычного, распространенного противопоставления закона ценности как регулятора рыночной экономики планомерно-му государственному управлению. Ученый разработал концепцию противоборства закона ценности с законом первоначального социалистического накопления. Впрочем, автор отдал дань традициям марксистской школы, продекларировав, что антиподом товарного производства, исторически сменяющим его, является плановое социалистическое хозяйство. Поэтому товару капиталистического способа производства в хозяйстве плановом противостоит продукт, ценности (цене) – измерение рабочим временем (трудовым издержками), рынку в качестве сферы проявления закона ценности – бухгалтерия планового хозяйства¹²³.

В идеале государственная плановая экономика представлялась экономисту в виде громадного натурального хозяйства, где статистика заранее и непосредственно учитывает все потребности и нет нужды в рыночном признании общественной полезности продуктов. Централизованная система руководства наделялась свойствами рационального субъекта, способного к предвидению тенденций социально-экономического развития.

Объективная закономерность в условиях планового хозяйства, по разумению теоретика, «прокладывает себе путь не через рынок <...> а предварительно <...> к сознанию регулирующих хо-

---

¹²² Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления. С. 107.

¹²³ Преображенский Е. А. Новая экономика. С. 55.

зяйственных органов общества. Не цены на рынке после производства, а колонки цифр социалистической бухгалтерии до производства бьют тревогу и дают на сознание планирующих центров: они извещают <...> о нарастании новых потребностей <...> о той экономической необходимости, к которой надо приспособливаться. Эта антиципация (предвосхищение, предугадывание. – Г. Ч.) закономерности составляет <...> первую характерную черту нового, социалистического производства <...> Эта отличительная черта проявляется и в том, что взаимозависимость отдельных частей производственного механизма дает себя знать <...> не стихийным путем, а в уравнениях пропорциональности, намечаемых госпланом социалистического хозяйства»¹²⁴.

Это абстрактное положение автор дополнял конкретной временной спецификой: «То, что Госплан уже перешел к выработке пятилетнего плана, не есть случайное обстоятельство. Такое углубление планирования не только есть наше завоевание, но и настоятельнейшая необходимость, которая диктуется коллективному хозяйству прямо как внешне принудительный закон. Октябрьская революция имеет на этом фронте свою логику <...> Но если переход к такому планированию неизбежен, и мы не можем, это не в нашей власти, от него отказаться или увильнуть, раз мы социализировали промышленность и транспорт (иначе в Октябре не надо было браться за оружие), то отсюда с неизбежностью вытекает уже в 1926 г. такая группировка производительных сил внутри государственного хозяйства, которая <...> должна <...> предвидеть по возможности пропорции воспроизводства за несколько лет, чего капиталистическое хозяйство не может сделать в таком размере и в такой форме по самой своей структуре»¹²⁵.

Е. А. Преображенский понимал известную бессодержательность антагонистического противопоставления стоимостных, рыночных отношений планомерной форме их регулирования. Поэтому у него возникла новая теоретическая конструкция, в которой планирование уступило закону социалистического накопления место визави закона ценности. «Борьба за плановое начало есть

¹²⁴ Преображенский Е. А. Новая экономика. С. 61.

¹²⁵ Там же. С. 75.

прежде всего борьба за накопление материальных ресурсов государственного хозяйства, обеспечивающих рост одних производственных отношений за счет других. Это накопление ограничено действием еще существующего закона ценности, следовательно, подвержено действию стихии. С этой точки зрения закон первоначального социалистического накопления есть та форма, в которой происходит диалектическое перерождение стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия в экономической системе, осуществляемого при огромной роли сознательного предвидения и практического учета экономической необходимости»¹²⁶.

Преобладающим, по заверению Е. А. Преображенского, является закон социалистического накопления, ибо он «изменяет и частью ликвидирует» закон стоимости и прочие законы товарного и капиталистического хозяйства. Ученый недоумевал, почему универсальная форма денежного товарообмена и денежной калькуляции многими ошибочно принималась за «показатель поля приложения и силы господства закона стоимости как регулятора всех хозяйственных процессов»¹²⁷. Между областью распространения денежного товарообмена и значимостью закона ценности нельзя ставить знака равенства. Здесь есть доля истины. Ведь в денежной форме реализуются полярно противоположные принципы хозяйствования: бюджетный (неэквивалентный, безвозмездный) и коммерческий (эквивалентно-возмездный).

Избранный экономистом дуалистический подход улучшал теоретическое обоснование директивно-плановой парадигмы. Он верно описывал ситуацию подчинения рыночных регуляторов интересам государственного предпринимательства. При таком взгляде планирование выступало лишь одним из способов укрепления позиций казенного хозяйства. Содержание планов определялось задачами накопления ресурсов в руках государства.

Страстно говорил большевик со стажем о второстепенной роли планирования в самосохранении господствующего уклада: «Сводить всю проблему борьбы двух разных регуляторов <...> к

---

¹²⁶ Преображенский Е. А. Закон ценности... С. 23.

¹²⁷ Преображенский Е. А. Основной закон... С. 122.

разнице механизмов регулирования в узком смысле, т.е. <...> противопоставлять закону ценности увеличение планового начала, как метода достижения задач, стоящих перед государственным хозяйством, значит подменять всю проблему одной ее стороной. Мы осуществляем неэквивалентный обмен с деревней, жесткий план импорта, имеющий задачей воспроизводство данной системы <...> вследствие взаимоотношений нашей системы с мировым рынком и всем частным хозяйством вообще, а не благодаря росту планового начала как причины. Без этих мер мы бы погибли как система, совершенно независимо от того, в плановом или бесплановом порядке мы бы осуществляли политику <...> противоположную той, которую нам диктует закон первоначального социалистического накопления»¹²⁸.

Действие закона ценности исследовалось в двух аспектах: во внешнеэкономических связях (противопоставление СССР мировому капиталу) и внутри советской экономики (борьба госсектора с «морем» товарного хозяйства). «Напор капиталистического монополизма может встретить преграду лишь в социалистическом монополизме. Страна, которая перейдет к социализму, будучи и экономически и технически слабей американского капитализма, в период незаконченной перестройки своего хозяйства на новой базе, будет бороться с ним не экономическим превосходством своих трестированных же отраслей хозяйства, а более высокой организационной структурой всего хозяйства»¹²⁹. Становление государственно-монополистической структуры в отечественной экономике диктовалось стремлением отстоять свой национальный рынок.

Чтобы доказать истинность аксиомы о постепенной ликвидации закона ценности, Е. А. Преображенский сравнивал марксовы определения стоимостных категорий с конкретными условиями советской экономики. Логика проста. Универсальный характер товарно-денежных форм заменялся спецификой эпохи свободной конкуренции в чистом виде. А поскольку она канула в лету, то туда же надлежит отойти всем рыночным отношениям. Поэтому

---

¹²⁸ Преображенский Е. А. Новая экономика. С. 36.

¹²⁹ Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве. С. 12.

полемика велась не столько вокруг товарно-денежных форм как таковых, сколько вокруг конкретных черт рыночного хозяйства «классического» капитализма.

Скрупулезно обдумывал Е. А. Преображенский особенности действия закона ценности в советском хозяйстве. Исследованию подвергались важнейшие категории рыночной экономики: цена, прибыль, рента, банковский процент и пр. Но чтобы не спотыкаться об исходную посылку о несовместимости социалистического планового хозяйства с товарным, теоретик сворачивал на «торную дорогу» компромисса: «Насколько ясно мы можем теоретически противопоставить одни понятия другим, настолько трудно анализировать все эти понятия, когда дело идет о переходных формах от капитализма к социализму»¹³⁰. Многоукладность экономики, воспринимаемая как признак ее переходной фазы, позволяла удовлетворительно истолковывать неодинаковое содержание товарно-денежных отношений в разных областях хозяйства.

Сопоставляя централизованную организацию казенной промышленности с мелким крестьянским хозяйством, аналитик умозаключал: «В результате такого своеобразного положения мы неизбежно должны иметь далеко идущее отрицание действия закона ценности внутри круга государственного хозяйства, при очень большом разгуле действия закона ценности за пределами государственного хозяйства и при постоянных ударах рыночной стихии по всему государственному хозяйству»¹³¹.

По начертанному методологическому вектору разворачивалось тщательное изучение категории цены. Е. А. Преображенский начинал с оборота внутри госсектора, т.е. с «минимального действия закона ценности на цены». Тут, по его словам, «цены строятся из определенного планового расчета, они подгоняются к уровню себестоимости производства <...> с калькуляцией известной прибыли для заказчика, без прибыли, или же с предвидением убытка, поскольку государство сознательно идет на цены ниже себестоимости и дает дотацию из своего бюджета. Все это

---

¹³⁰ Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве. С. 15

¹³¹ Там же. С. 14.

решается не стихийными методами конкуренции, а путем согласования финансового плана отдельных отраслей с <...> бюджетом государства»¹³².

Тщательный разбор механизма закона ценности в зависимости от степени монополизации являлся несомненной заслугой Е. А. Преображенского. Перед глазами развевалась картина многоукладной экономики, которой еще предстояло пройти тернистый путь к экономике государственного организованного хозяйства. Огосударствление российского хозяйства возобновилось в 1926–1927 гг. после восстановления довоенного уровня производства. Однако идеологическое и теоретическое обоснование этого процесса Е. А. Преображенский подготовил заранее, о чем свидетельствуют его научные труды. Их пророческий характер говорит о том, что автор прекрасно разбирался в общих объективных тенденциях развития экономики и понимал специфику истории России, условия формирования ее национального рынка.

Конкретные особенности: масштаб концентрации производства и сбыта, сочетание монополистических и конкурентных тенденций – обуславливают возможности влияния на цены. Наиболее сильны позиции отраслей, изготавливающих средства производства, в которых государственный сектор являет в одном лице монопольного производителя и монопольного покупателя. «Здесь категория цены носит чисто формальный характер, это лишь титул на получение из котла общегосударственного хозяйства определенной суммы средств на дальнейшее производство и на определенный уровень расширенного воспроизводства»¹³³.

Когда государство является монопольным производителем, но не монопольным покупателем средств производства, то, по мнению Е. А. Преображенского, категория цены приобретает здесь «двойственный характер: с одной стороны, это по-прежнему калькуляционный метод, псевдоним планового распределения ресурсов внутри государственного круга, а с другой стороны, где

---

¹³² Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве. С. 15.

¹³³ Там же. С. 16.

дело касается обмена веществ между государственным и частным хозяйством, это функция первоначального накопления, ограниченная действием закона ценности»¹³⁴.

Далее научные изыскания охватывали торговлю госсектора с частными укладами на национальном рынке и внешнюю торговлю. В этом случае правительство могло назначать различные цены на одинаковые товары, например на нефтепродукты: одну для отпуска казенным предприятиям и учреждениям, другую для продажи на частном рынке, третью для экспорта.

Если государство не имеет монопольного положения ни в производстве, ни в сбыте, то государственное планирование заготовительных цен «натывается на две границы, налагаемые законом ценности»: одну в сторону максимума (средняя цена мирового рынка), другую в сторону минимума (степень выгоды производства данного продукта в сравнении с другими)¹³⁵.

Характерными особенностями производства средств потребления в сравнении с производством средств производства являются: 1) более значительная роль конкуренции частного хозяйства в производстве и сбыте; 2) более значительное влияние закона ценности со стороны колебания цен на сырье; 3) более значительная и более непосредственная зависимость от платежного спроса частного хозяйства на государственную продукцию; 4) более значительное влияние на розничные цены соотношения между спросом и предложением¹³⁶.

Завершало обзор ценообразования краткое описание обмена продуктами в рамках частного сектора, наименее доступного плановому регулированию. Сюда относилась торговля зерном, рабочим скотом, изделиями кустарей и ремесленников. Резюме ученого очевидно: «Здесь – безраздельная область господства закона ценности. Тут перед нами та часть нашей экономики, которая является полнейшим антиподом области производства <...> в государственном хозяйстве. XVI–XVIII века сожительствоуют с

---

¹³⁴ Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве. С. 19.

¹³⁵ Там же. С. 21, 22.

¹³⁶ Там же. С. 25.

наивысшим завоеванием XX века, с планово руководимой промышленностью социалистического государства»¹³⁷.

Незаурядную квалификацию экономиста демонстрировал анализ ситуации товарного голода на промышленную продукцию в 1925 г. Автор доказывал, что в условиях господства казенной индустрии и политики фиксированного ценообразования цена перестает играть роль регулятора равновесия спроса и предложения товаров. «Когда промышленность принадлежит на 80% государству, – писал Е. А. Преображенский, – ликвидация диспропорции между объемом производства и платежеспособным спросом, если исключить увеличение импорта, возможна лишь на основе планового расширения государственной промышленности, в уровень с возросшим спросом. Лишь частично и в весьма скромных размерах рост цен может привести к расширению мелкого кустарного и ремесленного производства в охваченных товарным голодом отраслях. Товарный голод есть предостережение руководящему промышленностью государству, это требование установления пропорциональности, о которой кричит весь экономический организм страны»¹³⁸.

По поводу бестоварья аналитик думал так: это «совершенно уродливое и извращенное действие закона ценности, потому что этот закон в состоянии вызвать увеличение цен в рознице, но бессилен провести через этот инструмент <...> к перераспределению производительных сил страны в сторону ее более быстрой индустриализации <...> Частный торговый капитал загребает сотни миллионов, но на производство это почти не влияет»¹³⁹.

В приведенных изречениях символичны некоторые моменты. Прежде всего, подмечена лишь одна сторона проблемы – реакция рыночных параметров на товарный голод. Но главной причиной дефицита товаров была политика чрезмерного социалистического накопления, «диктуемая» одноименным экономическим законом. Кроме того, в розничной торговле преобладало частное предпринимательство, которому вольготно жилось в конкурентной среде

---

¹³⁷ Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве. С. 31.

¹³⁸ Там же. С. 26.

¹³⁹ Там же. С. 27.

при гибких ценах. Наконец, будучи непоколебимым приверженцем директивно-планового управления, Е. А. Преображенский выстраивал концепцию «экономики предложения» вопреки теории рыночного хозяйства, прокламировавшей экономику потребительского спроса.

Взгляды Е. А. Преображенского на прибыль при социализме отражали его общее негативное отношение к регулируемому воздействию закона ценности. В результате «социализации промышленности» и развития «планового начала» в сфере социалистического накопления категория прибыли «исчезает» и как распределительное отношение буржуазного общества (вместе с ликвидацией класса капиталистов), и как регулятор распределения производительных сил между отраслями государственного хозяйства¹⁴⁰. Поэтому прибыли не нашлось места среди категорий концепции «Новой экономики» и среди критериев эффективности производства.

По разумению творца «Новой экономики», категория прибыли так же, как и цена, утрачивает роль регулятора распределения производительных сил между отраслями коллективного государственного хозяйства. Последнее достигается не стихийно, а планомерно. Планирование производственной программы и нормирование отпускных цен на продукцию трестов фактически устанавливало размеры их прибыли. Это уже не норма прибыли в капиталистическом смысле слова, а норма социалистического накопления для каждой данной отрасли экономики¹⁴¹.

Точно так же рента не играла роли оценочного показателя в сельском хозяйстве, ибо национализация земли, по мнению автора, устраняет условия существования абсолютной ренты. Кроме того, устойчивые различия в плодородии земельных участков еще не дают оснований считать дифференциальный налог с крестьян дифференциальной рентой. Прямое налоговое обложение крестьянства, не эксплуатирующего наемного труда, и обложение доходов кулачества в той же части, в какой они создаются личным трудом кулаков, есть не земельная рента «в марксовом смысле сло-

---

¹⁴⁰ Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве. С. 44.

¹⁴¹ Там же. С. 44.

ва», а отчуждение в пользу государства части прибавочного продукта мелкого производства. Это налогообложение желательно для быстрого расширения промышленного производства, поскольку оно, в свою очередь, повышает технический уровень сельскохозяйственного труда¹⁴².

В контексте накопления и размещения новых капиталов в государственном секторе рассматривались банковская система и бюджетное финансирование. Теоретик не выказывал предпочтения ни тому, ни другому каналу инвестирования, мимоходом замечая, что наше казенное хозяйство не нашло вполне удовлетворительных организационных форм обслуживания процесса расширенного воспроизводства.

Вероятно, неоднозначность авторской позиции объяснялась исчерпанием в 1925/26 г. резервов расширения банковской сферы. Быть может, в то время научные пристрастия экономиста не находили практического подтверждения. Он сомневался в необходимости начислять и взимать банковский процент при движении ресурсов в государственном хозяйстве.

«Наше социалистическое государство, – писал экономист, – находится в положении предпринимателя, который работает на свой собственный капитал и сам себе процента не платит, хотя и может для очистки бухгалтерской совести выводить сам себе по книгам процент. Если бы допустим мы <...> по определенному плану распределяли кредитные ресурсы из одного центра <...> и в нем бы <...> концентрировали весь <...> фонд кредитования и весь <...> прибавочный продукт <...> государственных предприятий, то процент благополучно исчез бы <...> Я не знаю, в какой степени существующая система кредитования, отражающая часто соотношение сил между <...> ведомствами, целесообразна»¹⁴³.

«Прохладное» отношение к банковскому кредитованию распространялось и на сферу денежного обращения. Исследователь смотрел на деньги как на удобное, техническое орудие обмена, которым должно управлять и пользоваться в собственных интересах правительство. Его идеал более всего воплощался в «государ-

---

¹⁴² Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве. С. 48–51.

¹⁴³ Там же. С. 56.

ственном круге», где денежные отношения приобретали преимущественно «калькуляционно-счетный характер», отмирая в своей роли одного из инструментов достижения стихийного равновесия в производстве¹⁴⁴.

Е. А. Преображенский порицал свободную конвертируемость рублей в золото и иностранную валюту, а также поддержание в СССР устойчивого разменного курса червонца, ибо таковое нужно лишь для балансирования платежей с границей. В его словах звучал упрек: «Спасать на черной бирже паритет бумажного червонца на золотую десятку в стране, где нет золотого обращения, но есть другие методы регулирования <...> валютных отношений, значит не критически имитировать самые иррациональные и самые убыточные стороны капиталистического регулирования вообще»¹⁴⁵.

С «государственной» точки зрения желательно иметь «сугубо» бумажную национальную валюту, которую можно в любом количестве беспрепятственно выпускать в обращение, облагая эмиссионным налогом всех и вся. Вопреки обычным требованиям поддержания твердой покупательной способности рубля Е. А. Преображенский без застенчивости заявлял: «Когда <...> государство является одновременно и органом управления страной, и хозяином крупнейшего экономического комплекса, эмиссия прямо служит каналом для социалистического накопления. Это накопление происходит или за счет доходов мелкобуржуазных и капиталистических элементов, либо за счет сокращения заработной платы государственных рабочих и служащих»¹⁴⁶.

Последний пункт перечня весьма показателен. В нем обнаружилось одно из главных противоречий государственного предпринимательства – отношения со своими наемными работниками. Обстрелянный партийный функционер без боязни обсуждал эту идеологически щекотливую тему, памятуя, что большевики властвовали в державе от имени пролетариата. Специфика предмета исследования побудила ученого покинуть методологическую «колею», накатанную анализом прочих стоимостных категорий.

---

¹⁴⁴ Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве. С. 58.

¹⁴⁵ Там же. С. 59.

¹⁴⁶ Преображенский Е. А. Основной закон... С. 68.

По канонам марксистской науки отношения собственности определяют положение той или иной социальной группы в обществе. Собственник предприятия присваивает прибавочный продукт и радеет о накоплении капитала. А наемные работники выступают в роли эксплуатируемого сословия. При частном владении капиталом такая теоретическая схема описывает поведение отдельных действующих лиц. С переходом средств производства в руки «организованного в государство пролетариата» возникают сложности с трактовкой концепции классового противоборства. Следует выяснить: есть ли эксплуатация и кто кого эксплуатирует.

Е. А. Преображенский точно расставлял акценты: «Рабочий класс не может эксплуатировать сам себя. Деление же пролетариата на рабочих, находящихся на организаторских функциях и лучше оплачиваемых, и на остальную массу есть деление внутри одного класса, ничем принципиально не отличающееся от деления того же класса на квалифицированных и неквалифицированных работников. Такое положение связано с неоднородностью рабочего класса в деле управления промышленностью <...> в технической подготовке, организаторских способностях и т.д.»¹⁴⁷.

Советский экономист деликатно старался вывести из когорты «эксплуататоров» руководящий состав казенных предприятий: «Указанное нами неравенство в сфере распределения материальных средств, а также сохранение профессиональных делений и фактическое неравенство в деле овладения наукой, техническими знаниями и организационным опытом вытекают отнюдь не из монополии небольшой части пролетариата на орудия производства. Никакой монополии на средства производства, допустим, красные директора, пролетарские инженеры и хозяйственники не имеют. Все они являются служащими рабочего государства и так же, как все остальные работники, ведут производство, используя коллективные средства производства государства»¹⁴⁸.

Но совсем рядышком у аналитика можно прочесть опровержение сказанному: «Часть прибавочного продукта, правда относительно очень небольшая, идет на ту часть вознаграждения

---

¹⁴⁷ Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве. С. 35.

¹⁴⁸ Там же. С. 36.

специалистов, которая превышает оплату за высококвалифицированный труд. Эта форма эксплуатации рабочих государственной промышленности вытекает из недоразвитости социалистических отношений»¹⁴⁹.

Острота постановки проблемы снижалась увещеваниями, что доставшиеся в наследство от буржуазии разрывы в уровнях оплаты можно ликвидировать постепенно, по мере роста производительности труда, улучшения культурной и технической подготовки всей рабочей массы на основе новой системы образования, развития рабочей демократии и т.п.¹⁵⁰.

Стало быть, обязанности «ненавистного хозяина-эксплуататора» надлежало исполнять «рабочему государству». Этот безликий образ собственника командных высот социалистической экономики обретал плоть в многоликом аппарате государственного управления. Хотя Е. А. Преображенский нигде так прямо не высказывался, данное умозаключение напрашивалось само собой как венец его логических конструкций.

Если чуть дальше продолжить теоретическую канву ученого, апеллируя вслед за ним к постулатам К. Маркса, то вырисовывается несколько непривычная картина. В социалистическом секторе отечественного хозяйства «капитал как собственность» противостоял «капиталу как функции»¹⁵¹. Иными словами, функционеры многослойного, централизованного аппарата хозяйственного управления распоряжались не принадлежавшей им государственной собственностью. Они выполняли функцию предпринимателя, ведущего хозяйство за счет казенных ресурсов. В то же время «номенклатурщики» руководили процессами получения, присвоения и использования прибавочного продукта, т.е. реализовывали функцию собственника государственных средств.

С таких позиций возможна различная оценка социально-экономической деятельности управленческого сословия. Это подтверждают и цитаты из «Капитала» К. Маркса. Общий тезис сфор-

---

¹⁴⁹ Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве. С. 37.

¹⁵⁰ Там же. С. 36.

¹⁵¹ См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3. Процесс производства, взятый в целом. Ч. 1. М., 1978. С. 417.

мулирован так: труд по надзору необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между работником как непосредственным производителем и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль надзора за работниками. Его дополняет историческое пояснение, применимое, пожалуй, и к эпохе нэпа: «В деспотических государствах, труд по надзору и всестороннее вмешательство правительства охватывает два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами»¹⁵².

Из приведенных посылок следовало, что в Советском Союзе образовался слой партийно-хозяйственной бюрократии, который имел свои групповые интересы, противоположные интересам всего остального народа – не только представителей частных укладов, но и рядовых работников казенных учреждений и предприятий.

В то же время у К. Маркса есть положения, позволяющие говорить о совпадении интересов служащих управленческого аппарата и прочих граждан, живущих на доходы от собственного труда. Классик научного социализма обращал внимание на то, что труд по эксплуатации точно так же есть труд, как и тот труд, который подвергается эксплуатации¹⁵³.

Управленцы различного ранга, в том числе и правительственного, получали заработную плату аналогично всем наемным работникам госсектора, впрочем, более солидную. Именно на это сходство уповал Е. А. Преображенский, включая отряд «красных директоров» в сводную массу пролетариата.

Поиск социальных компромиссов постоянно соседствовал у автора «Новой экономики» с такими «откровениями», которые естественно вытекали из «предрассудков» директивно-плановой парадигмы, но о которых правящая элита предпочитала умалчивать. Они явно подрывали идеологию ее социального партнерства с рабочим классом. Правоверный марксист довольно цинично, в

¹⁵² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3. Процесс производства, взятый в целом. Ч. 1. С. 422.

¹⁵³ Там же. С. 421.

духе своего учителя, утверждал, что источник производственного накопления в государственном хозяйстве тот же, что и при капитализме, т.е. труд рабочего класса, заработная плата которого должна быть ниже общей стоимости продукции, создаваемой этим рабочим классом¹⁵⁴.

Отталкиваясь от признания эксплуатации рабочего класса государством, аналитик решает вопрос о том, в какой степени рабочая сила работников казенного хозяйства фигурирует как товар, продаваемый на рынке труда. По его мнению, «мы имеем отношение переходного типа, и на поставленный вопрос придется ответить и да, и нет»¹⁵⁵.

Здесь опять всплывала идея двух регуляторов экономики, которые, однако, не боролись друг с другом, а гнули одну линию ограничения заработной платы. Е. А. Преображенский «разводил» законы по сферам воздействия: на весь фонд зарплаты работников госсектора и на оплату отдельных категорий работников. «В государственном хозяйстве пролетариата уровень всего фонда заработной платы регулируется законом первоначального социалистического накопления, и только градации тарифной сетки определяются еще в значительной степени, если не преимущественно, спросом и предложением квалифицированного и неквалифицированного труда»¹⁵⁶.

Распределение внутри общего фонда заработной платы, сетовал ученый, остается еще почти полностью буржуазным, как остается капиталистической и сама форма заработной платы. Наша тарифная сетка не имеет ничего общего с социализмом. Поэтому сохраняются и буржуазные стимулы к труду¹⁵⁷.

Теоретический анализ оплаты наемной рабочей силы в государственном хозяйстве оказался неприглядной иллюстрацией закона первоначального социалистического накопления. Е. А. Преображенский толковал о противоречивости указанного закона: «Как закон, в котором находят свое выражение все <...> тенденции

---

¹⁵⁴ См.: Преображенский Е. А. Основной закон... С. 95.

¹⁵⁵ Преображенский Е. А. Закон ценности... С. 38.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же. С. 39.

к усилению темпа расширенного воспроизводства в коллективном государственном хозяйстве, он является тем самым законом развертывания социалистических производственных отношений вообще. Но, с другой стороны, как закон ограничения зарплаты, он, по этой своей тенденции, ограничивает темп превращения заработной платы в потребительский рацион работника социалистического хозяйства»¹⁵⁸.

Двойственную природу закона теоретик разглядел даже в его названии «первоначальное социалистическое накопление», где «прилагательное “социалистический” вступает в противоречие с существительным “накопление”, к которому оно привязано не только грамматически, но и в реальном историческом процессе»¹⁵⁹. Отсюда уже не так далеко до констатации, что советское казенное предпринимательство сродни государственному капитализму.

Следующий узел проблем «Новой экономики» – применение марксовых схем воспроизводства в исследовании капиталистической и советской систем хозяйства. При анализе воспроизводства конкретного капитализма мы не можем сделать ни одного шага, не опираясь на данный Марксом анализ воспроизводства при чистом капитализме. В то же время без анализа равновесия при конкретном капитализме, т.е. без анализа равновесия между капиталистическим и мелким самостоятельным товарным производством, нам будет трудно изучать равновесие в хозяйственной системе СССР, где в условиях товарного обмена переплетались три формы воспроизводства: простое товарное хозяйство, капитализм и государственное хозяйство пролетариата¹⁶⁰ – такова логика рассуждений Е. А. Преображенского.

Рассматривались пять основных вопросов: 1) простое воспроизводство при смешанной экономике капитализма и простого товарного производства; 2) расширенное воспроизводство при чистом капитализме в условиях роста органического состава капитала; 3) расширенное воспроизводство при конкретном ка-

¹⁵⁸ Преображенский Е. А. Закон ценности... С. 41.

¹⁵⁹ Там же. С. 42.

¹⁶⁰ См.: Преображенский Е. А. Хозяйственное равновесие при конкретном капитализме и в системе СССР // Вестн. Коммунистической академии. 1926. Кн. 17. С. 36.

питализме; 4) снижающееся воспроизводство в условиях той же экономики; 5) равновесие при расширенном воспроизводстве в хозяйстве СССР¹⁶¹.

Разрешение первых трех проблем демонстрировало потенциальные возможности схем воспроизводства К. Маркса¹⁶². Эти абстракции по праву занимают видное место в макроэкономической теории между односекторными моделями (кейнсианской и монетаристской школ) и межотраслевым балансом В. В. Леонтьева. Схема, вычлняющая два подразделения в каждом секторе национальной экономики, применима к анализу максимально обобщенных расчетов накопления капитала. Однако более детальное исследование оборота совокупного капитала предполагает конкретизацию исходных, абстрактных посылок. По такому пути пошел и Е. А. Преображенский, предложив оригинальную постановку вопроса, в которой учитывались намерения и экономические интересы Советского государства.

Примечательно, что научные абстракции К. Маркса, использованные при попытке объяснить механизм общественного воспроизводства в условиях капитализма свободной конкуренции, оказались реальностью в эпоху государственно-корпоративного регулирования рынка. Стабильный уровень цен и заработной платы сочетается с изменяющимися объемами производства. Роль ведущей переменной играет доля накопления в доходах. Парадокс заключается в том, что перечисленные экономические параметры составляли основу двух полярно противоположных по идеологии экономических теорий – Дж. М. Кейнса¹⁶³ и Е. А. Преображенского. Значит, наша отечественная экономическая мысль, как и государственное хозяйствование, развивались в русле мировых циклов экономического роста, правда, в своих исторически неповторимых национальных формах.

---

¹⁶¹ См.: Преображенский Е. А. Хозяйственное равновесие при конкретном капитализме и в системе СССР. Кн. 17. С. 36–37.

¹⁶² См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии Т. 2. Кн. 2. Процесс обращения капитала. С. 491–596.

¹⁶³ См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Избр. произв. М., 1993. С. 224–247.

Е. А. Преображенский не просто повторял марксовы схемы, но и вводил в них свои новые условия. Прежде всего, выделял два подразделения (производство средств производства и производство предметов потребления) еще в одном секторе экономики – мелкотоварном¹⁶⁴. Затем показывал процесс реализации при возрастающем органическом строении капитала¹⁶⁵. Но в отличие от известных расчетов В.И. Ленина в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» (1893)¹⁶⁶ здесь допускалось перераспределение прибавочной стоимости в обоих подразделениях. Так сглаживались несовпадения в нормах накопления между подразделениями, которые были в схемах К. Маркса, и показывались направления перелива капитала. Заслуживал внимания вывод о том, что перегруппировка сил внутри мелкобуржуазного сектора увеличивала эластичность хозяйственного механизма¹⁶⁷.

Вместе с тем, Е. А. Преображенский не заметил внутреннего логического противоречия схем К. Маркса, в которых поток накапливаемого капитала течет независимо от нормы прибыли и даже вопреки ей. Преимущество оказывается на стороне отраслей, производящих средства производства. Но перелив в первое подразделение свободного капитала явно расходится с движущими мотивами предпринимательства, ибо там норма прибыли ниже, чем во втором. Этот курьез можно легко устранить, заменив единую норму прибавочной стоимости в уравнениях реализации на обычный средний уровень прибыли.

Впечатляет разработка Е. А. Преображенским ситуации сокращающегося воспроизводства. Речь идет о теоретических исследованиях и оценке хозяйственного развития европейских стран в Первую мировую войну и послевоенный период. Созданная им модель пригодна для изучения функционирования экономики Советского государства не только в военное время, но и в период

¹⁶⁴ См.: *Преображенский Е. А.* Хозяйственное равновесие при конкретном капитализме и в системе СССР. Кн. 17. С. 40–46.

¹⁶⁵ Там же. С. 47–63.

¹⁶⁶ См.: *Ленин В. И.* По поводу так называемого вопроса о рынках // Полн. собр. соч. Изд. пятое. Т. 1. М., 1976. С. 79.

¹⁶⁷ См.: *Преображенский Е. А.* Хозяйственное равновесие при конкретном капитализме и в системе СССР. Кн. 17. С. 76.

холодной войны, ибо политика гонки вооружений стала одной из главных причин, усугубивших нынешний кризис государственного хозяйства.

То, что писал Е. А. Преображенский о военно-коммунистическом времени, почти дословно применимо и к недавней истории рыночного реформирования отечественной экономики. «Теоретически мыслимы следующие наиболее характерные случаи снижающегося воспроизводства: 1) когда при данном и неизменном размере непроизводительного потребления капиталистического общества происходит неуклонное сокращение производительного занятого рабочего населения, или падение производительности труда той же массы рабочих сил при старом уровне зарплаты, или сокращение производительного занятого рабочего населения одновременно с падением производительности труда; 2) когда при тех же, и даже растущих временно, размерах занятого рабочего населения и при том же, и даже растущем, уровне производительности труда непроизводительные расходы капиталистического общества растут с такой огромной быстротой, что поглощают не только идущую на накопление часть годовой прибавочной стоимости, но и съедают ежегодно часть основного и оборотного капитала производства»¹⁶⁸.

Перспективы российской экономики в начале XXI века можно описать следующими рассуждениями ученого. Разрушение капитала в обоих подразделениях накладывает отпечаток на ход восстановительного периода. В первую очередь необходимо реконструировать основные фонды первого подразделения и по мере возможностей второго. Следовательно, не приходится ожидать резкого повышения доходов населения. Одновременно устанавливается более высокий индекс цен на предметы потребления¹⁶⁹.

Дополнительные трудности выхода из кризиса порождаются взаимосвязью с мировым хозяйством. Падение объема производства резко сокращает экспорт и импорт, углубляя уже сложившиеся диспропорции. Натуральный состав воспроизводства зависит от соотношения цен на внутреннем и внешнем рынках, состояния

---

¹⁶⁸ Преображенский Е. А. Хозяйственное равновесие при конкретном капитализме и в системе СССР. Кн. 18. С. 63.

¹⁶⁹ Там же. С. 79–80.

платежного баланса, валютных курсов, кредита и задолженности. Ради валютных поступлений идет распродажа ниже стоимости рабочей силы страны и основного капитала. Назревают крупные структурные сдвиги в национальной экономике¹⁷⁰.

Если марксов анализ пропорционального распределения труда при чистом капиталистическом воспроизводстве исходил из эквивалентного обмена как обязательной предпосылки, исследование воспроизводства в хозяйстве СССР, по мнению Е. А. Преображенского, должно исходить из неэквивалентности обмена, ликвидируемой постепенно и систематически¹⁷¹. Это значит, что в основе всего процесса постоянно предполагается существование двух разных систем собственности на средства производства и двух разных регуляторов хозяйственной жизни, т.е. закона ценности и закона первоначального социалистического накопления.

С критикой концепции «двух регуляторов» в нашей экономике выступил Л. Н. Юровский: «“Первоначальное социалистическое накопление” действительно происходит. Но только оно не может быть противопоставлено “закону ценности” в том смысле, в каком одно регулирующее начало противопоставляется другому»¹⁷².

Л. Н. Юровский писал: «Если бы Е. А. Преображенский утверждал только, что у нас не существует свободной конкуренции. А посему и не действует тот закон ценообразования, который формулирован для экономических явлений, протекающих в условиях свободной конкуренции, то это было бы неоспоримо <...> Но Е. А. Преображенский утверждает <...> что переживаемая нами стадия хозяйственного развития характеризуется борьбой с товарным хозяйством»¹⁷³. Государство, по мнению автора цитаты, не ликвидирует законов товарного хозяйства, а имеет целью действовать через его законы.

Перебирая ситуации «первоначального социалистического накопления», описанные в «Новой экономике», Л. Н. Юровский ар-

¹⁷⁰ См.: Преображенский Е. А. Хозяйственное равновесие при конкретном капитализме и в системе СССР. Кн. 18. С. 80–83.

¹⁷¹ См.: Преображенский Е. А. Хозяйственное равновесие в системе СССР. Кн. 22. С. 28.

¹⁷² Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия... С. 207.

¹⁷³ Там же. С. 210.

гументированно доказывал, что государство в них не выходило за рамки ценностных отношений и денежного счета своих расходов и поступлений. Поэтому он резюмировал: «Плановое хозяйство современной советской хозяйственной системы проводится в обстановке рынка и присущих рынку закономерностей. Оно может в очень широких пределах властвовать над рынком, т.е. проводить на рынке и через рынок свои задания. Но это не значит проводить их мимо рынка, не считаясь с тем, какова будет реакция со стороны рынка и каковы будут ценностные последствия хозяйственного плана»¹⁷⁴.

Из сказанного выше следовало, что правительство должно поддерживать макроэкономические пропорции на уровне объективно складывающегося рыночного равновесия. Политика небрежения равновесными рыночными параметрами вела к разрушению и уничтожению товарного хозяйства, что было неразумным.

Но Е. А. Преображенский предложил иной подход к исследованию хозяйственного равновесия в СССР. Теоретические вопросы ставились и решались им с точки зрения интересов государственного предпринимательства. Он писал: «Проблема хозяйственного равновесия прямиком упирается в проблему социального равновесия, проблему соотношения классовых сил за и против советской системы. Борются две системы равновесия: равновесие на капиталистической основе, на основе включения в мировое хозяйство, регулируемое законом ценности, путем ликвидации советской системы и придавления пролетариата; равновесие на основе временного неэквивалентного обмена, служащего источником социалистической реконструкции и неизбежно означающего придавление капиталистических тенденций развития, особенно в земледелии»¹⁷⁵. Поэтому изучение воспроизводства в Советском Союзе должно исходить из неэквивалентности обмена, ликвидируемой постепенно и систематически.

Ученый-обществовед убеждал читателей, что неэквивалентность обмена – это объективная закономерность, наблюдаемая в отечественной экономике со времен революционных потрясений:

---

¹⁷⁴ Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия... С. 226.

¹⁷⁵ Преображенский Е. А. Хозяйственное равновесие в системе СССР. Кн. 22. С. 28.

«Военный коммунизм означал неэквивалентность размена продукции государственной промышленности на отчуждаемую путем разверстки продукцию деревни, во-первых, и отсутствие рыночной, товарно-денежной формы, такого размена <...> во-вторых. В период военного коммунизма уровень развития производительных сил как государственного, так и крестьянского хозяйства был так низок, а непроемчивое военное потребление так велико, что рыночная форма обмена не выдержала бы и лопнула бы под напором <...> перераспределения национального дохода»¹⁷⁶.

Возобновление рыночного обмена в период нэпа или, в авторской интерпретации, в «период первоначального социалистического накопления», обеспечило казенному сектору условия выживания и развития, но не возвратило его к пропорциям эквивалентной, относительно мировых цен, торговле.

Весомы историко-экономические доводы Е. А. Преображенского: «Хозяйственное равновесие советской системы периода первоначального социалистического накопления отличается от периода военного коммунизма тем, что здесь восстановлена рыночная форма связи между государственным хозяйством и частным, а также на сцену появляется капиталистический сектор. Сближает же теперешнюю систему с военным коммунизмом неэквивалентность обмена, которая продолжает существовать, хотя и в весьма смягченной форме по сравнению с 1919–1920 гг. Это обстоятельство не мешает помнить всем тем исследователям, которые проводят непримиримую пропасть между военным коммунизмом и нэпом и не умеют научно установить историческую преемственность между той и другой формой регулирования хозяйства. Не говоря уже о том, что нэп ровно ничего не изменил в системе собственности на крупную промышленность и транспорт, он сохранил преемственность с эпохой военного коммунизма, удержав в смягченной форме неэквивалентность обмена. Некритическое лягание военного коммунизма за то, в чем виновата общая экономическая отсталость страны, есть ребяческое недомыслие и непонимание причин и следствий в нашей экономической истории»¹⁷⁷.

---

¹⁷⁶ Преображенский Е. А. Хозяйственное равновесие в системе СССР. Кн. 22. С. 25.

¹⁷⁷ Там же. С. 25–26.

Если нэп – прямое продолжение военно-коммунистической эпохи, то становятся понятными антирыночные мотивы правительственной политики, озвученные непримиримым большевиком: «Борьбу с товарным хозяйством мы вели при военном коммунизме, ведем теперь и будем вести ее через десять и через двадцать, и надо думать, и через тридцать лет, будем вести и тогда, когда наша социалистическая промышленность подведет под себя новую техническую базу»¹⁷⁸.

В строках экономиста чувствуется эмоциональная заряженность на ускоренную индустриализацию: «У нас неэквивалентный обмен сейчас связан прежде всего с технической отсталостью нашей промышленности, более низкой производительностью труда в сравнении с передовыми капиталистическими странами, с более высокой себестоимостью изделий и, наконец, с исторически и экономически неизбежным отчуждением на основе политики цен части прибавочного продукта частного хозяйства в фонд социалистического накопления»¹⁷⁹.

Обзывая своих оппонентов «подновленными», «коммунистическими народниками», аналитик «бросил в их огород камень»: «Эквивалентный обмен в этих условиях означал бы лишь налог на социализм в пользу мелкого производства, налог на машину в пользу трехполья, сохи и хозяйственной азиатщины»¹⁸⁰.

Е. А. Преображенский точно указывал на главный источник социального конфликта в державе. Основные пропорции в области цен внутреннего рынка складывались между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством. От неэквивалентности обмена страдало все крестьянство, но особенно доставалось «аграрному капитализму», который покупал и продавал больше товаров, нежели середняки. Вот почему кулацкое хозяйство «сознательно враждебно» относилось к экономической системе СССР¹⁸¹.

Частная промышленность была не в состоянии изменить пропорции обмена между индустрией и сельским хозяйством и даже

---

¹⁷⁸ Преображенский Е. А. Новая экономика. С. 67.

¹⁷⁹ Там же. С. 10.

¹⁸⁰ Там же. С. 11.

¹⁸¹ Преображенский Е. А. Хозяйственное равновесие в системе СССР. Кн. 22. С. 27.

не была в том заинтересована. Как отмечал теоретик, «она играет здесь пассивно-паразитическую роль <...> Частная промышленность просто присасывается к создавшемуся положению, размещается в порах неэквивалентного обмена между советской крупной промышленностью и деревней в целях накопления, не переходящего в индустриально-производственное накопление и потому не могущего явиться ни источником снижения себестоимости, ни отправным пунктом положительной конкуренции с государственной промышленностью <...> Частный капитал <...> использует не им созданную конъюнктуру неэквивалентного обмена, ничего не делая для достижения большей эквивалентности»¹⁸².

Теоретическая прозорливость автора раскрылась в анализе возможных последствий политики индустриализации. Ее осуществление посредством интенсивного наращивания инвестиций должно изменить параметры равновесия на рынках товаров, капитала, рабочей силы и денег. Вместе с повышением уровня накопления, писал исследователь, «экономика страны с точки зрения развития производительных сил делается более прогрессивной, растет прибавочный продукт во всем обществе, растет быстрее сумма всей валовой и чистой продукции общества, быстрее растет накопление, но самый переход на новые рельсы, означающий рост удельного веса первого подразделения, должен вызывать временную диспропорцию во всем хозяйстве»¹⁸³.

Наперекор воззрениям представителей рыночной школы закоренелый экономист-государственник заявлял: «То, что имеет внешний вид перенакопления в тяжелой промышленности, есть только своеобразная форма недонакопления во всем государственном хозяйстве, взятом как целое»¹⁸⁴.

Это положение пояснялось подробнее: «Переоборудование основного капитала, происходящее скачкообразно, отвлекает так много средств производства на производство средств производства, способных дать продукцию только через несколько лет, что

¹⁸² Преображенский Е. А. Хозяйственное равновесие в системе СССР. Кн. 22. С. 26–27.

¹⁸³ Там же. С. 59.

¹⁸⁴ Там же. С. 41.

все это задержит рост потребительского фонда населения и, при наличии товарного голода, приостановит процесс снижения цен. В этом случае у нас будет не общее перенакопление (иначе откуда может быть товарный голод хотя бы на средства потребления) в государственном секторе, а непропорциональное распределение во времени отдельных задач расширенного воспроизводства <...> Мы будем иметь перед собой не столько ошибку в построении плана, сколько естественный результат перехода от <...> восстановительного процесса к реконструктивному <...> естественные последствия того положения, когда основной капитал страны, сильно уменьшенный амортизационными провалами предыдущих лет, воссоздается при ограниченной связи с мировым хозяйством и при общем недостатке внутреннего накопления в натуральной форме средств производства»¹⁸⁵.

Пожалуй, среди исторических особенностей Советского государства было больше «государственного», чем «сугубо социалистического». На такие мысли наводит анализ Е. А. Преображенским семи условий равновесия в советской экономике.

Прежде всего, внутренние цены на промышленную продукцию должны быть выше мировых до момента преодоления технической отсталости государственного хозяйства. Второе условие равновесия – поддержание необходимых пропорций накопления в госсекторе во избежание кризиса сбыта и товарного голода. Третья предпосылка – максимальная связь с мировым хозяйством, чтобы импорт служил автоматическим регулятором расширенного воспроизводства, не переставая быть источником накопления. В-четвертых, пропорциональность обмена по ценовым паритетами и натуральному составу между государственным и частным хозяйством. Остальные условия равновесия хозяйственной системы СССР – постоянный рост заработной платы, систематическое снижение цен на продукцию госсектора, поглощение развертывающимся государственным хозяйством и интенсифицирующимся земледелием избыточного населения страны, явной и скрытой безработицы¹⁸⁶.

---

¹⁸⁵ Преображенский Е. А. Хозяйственное равновесие в системе СССР. Кн. 22. С. 41.

¹⁸⁶ Там же. С. 35–70.

Подводя итоги, Е. А. Преображенский выделил сумму экономических и социальных противоречий, от успешного разрешения которых зависело динамическое равновесие хозяйственной системы СССР. Вот их перечень: накопление на базе неэквивалентного обмена и необходимость ликвидации этой неэквивалентности при несовпадении во времени этих процессов; накопление за счет прибавочного продукта рабочих и неизбежность систематического роста заработной платы; необходимость снижения цен на базе рационализации производства и борьба с растущей безработицей; накопление за счет производящего промышленное сырье крестьянства и необходимость максимально стимулировать расширенное воспроизводство этого сырья; экономическая необходимость роста товарности крестьянского хозяйства и социальная необходимость поддержки наименее товарной его части – хозяйства бедняцких и малоимущих групп деревни; накопление за счет крестьянского экспорта предметов потребления необходимость стимулировать этот экспорт в условиях крайне медленного снижения промышленных цен; необходимость в интересах ускорения индустриализации, максимально растущей связи с мировым разделением труда и увеличения внешних кредитов и растущая враждебность к СССР всего капиталистического мира¹⁸⁷.

Тут поименованы все социальные силы, с которыми вступала в отношения государственная власть в качестве обособленного субъекта предпринимательской деятельности: рабочий класс, различные слои крестьянства, участники международных хозяйственных связей. Мудрость ученого заключалась в том, что теоретические вопросы изначально ставились им в плоскость практической политики.

Значение научного творчества Е. А. Преображенского трудно переоценить. Представленная им теория социалистической директивно-плановой экономики обладала всеми свойствами целостной концепции – парадигмы. На основе критической переработки «Новой экономики» Е. А. Преображенского сформировалось новое научное направление экономической мысли – политическая эконо-

¹⁸⁷ См.: Преображенский Е. А. Хозяйственное равновесие в системе СССР. Кн. 22. С. 70.

мия социализма, которое по-своему отражало реалии советского директивно-планового народного хозяйства. Курс политической экономии социализма как идеологическая альтернатива политической экономии капитализма преподавался с 1950-х гг. в вузах СССР.

Парадигма директивно-планового хозяйствования в контексте истории экономической мысли

Взгляд на директивно-плановую систему регулирования отечественной экономики как на хозяйственную парадигму предполагает рассмотрение ее в контексте развития российской и мировой экономической теории и практики. Сравнение истории нашего хозяйства с опытом других стран побуждает к поиску общих черт, выделению их повторяемости, нахождению законосообразности и преемственности хронологических периодов.

Эпоха нэпа по-своему восстановила связь времен в судьбе России, прерванную военным лихолетьем. О том свидетельствует сопоставление воззрений экономистов 20-х годов с исследованиями М. И. Туган-Барановского на стыке XIX и XX столетий. Речь, прежде всего, идет о двух его фундаментальных трудах: «Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов» (первое издание осуществлено в 1894 г. под названием «Промышленные кризисы в Англии, их причины и ближайшее влияние на народную жизнь») и «Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в 19 веке» (первое издание осуществлено в 1898 г.).

Спектр научных пристрастий автора определялся вовлеченностью России в единый ход истории человечества и характеризовал участие наших земляков в обогащении мировой экономической мысли. Проблематика книг М. И. Туган-Барановского обуславливалась бурным ростом промышленности и торговли в XIX веке. Поэтому размышления ученого сосредоточивались вокруг вопросов производства и продажи продуктов, предложения и спроса на товарных рынках.

Историко-экономический экскурс показывал, что на протяжении XVIII–XIX столетий генеральным направлением развития российской экономики было создание собственной крупной промышленности. Отечественная индустриализация изначально проводилась под патронажем императорской власти. Это обстоятельство подчеркивал исследователь: «В Московской Руси, несмотря на развитие торговли, промышленность имела примитивный характер и сохранила бы его еще долгое время, если бы на сцену не выступил новый фактор – государство»¹⁸⁸.

Казенное опекуновство крупной капиталистической промышленности было естественным, обыденным явлением в мировой практике. Решительно отвергал М.И. Туган-Барановский разговоры об искусственном насаждении с подачи Петра I фабричного производства в России. Он писал: «Забывают при этом самую малость: то, что не существует ни одной страны в мире – на Западе или на Востоке, все равно, – где капитализм развился бы без деятельной поддержки правительства. С этой точки зрения капитализм развился “искусственно” повсюду, где он процветает, – в Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатах и т.д.»¹⁸⁹. Меры Петра Великого имели успех благодаря «подготовленности русской экономической почвы» к современным формам промышленности.

Талантливейший экономист сумел разглядеть в эпохе Петра I моменты, которые предопределили двухвековое движение народного хозяйства. Исходным пунктом было геополитическое положение России. Раздвигать рубежи и осваивать территорию державы могла только власть, обладавшая военной и экономической мощью. Открытие больших фабричных предприятий обеспечивало и то и другое. Они снабжали армию и флот всем необходимым для военных походов, вдобавок увеличивали торговый оборот и доходы населения, способствовали пополнению налоговых сборов казны.

Ученый констатировал, что две сотни лет в России наблюдалась стабильная расстановка социальных сил. Иерархия социаль-

---

¹⁸⁸ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997. С. 84.

¹⁸⁹ Там же. С. 84

но-экономических укладов подчиняла их интересы потребностям индустриализации страны. «Известно, что Петр, желая как можно скорее развить у нас новые отрасли промышленности, не останавливался перед жертвованием интересами всего населения выгодам тех или иных крупных фабрикантов»¹⁹⁰.

Такое же понимание правящей верхушкой народных нужд было характерно и в эпоху Николая I: «Политика покровительства крупному капиталистическому производству, которой традиционно держалось наше правительство, диктовалась прежде всего интересами государственного казначейства. Классовые интересы крупных промышленников играли роль второстепенную. Правительство, стремившееся к увеличению политического и экономического могущества России, не могло не стремиться к развитию главного источника экономической мощи – промышленности»¹⁹¹. Эта «петровская» традиция не угасла, а обрела новое дыхание в конце XIX века. Ее не переломил даже переход от монархии к советской системе правления державой после революции 1917 г.

Верно выразил М. И. Туган-Барановский диалектику отечественной индустриализации: «Будучи обязана своим возникновением непосредственному воздействию государственной власти, крупная промышленность сама делается одним из факторов, направляющих государственную политику»¹⁹².

Царские правительства поддерживали туземного производителя гарантией сбыта продукции по казенным заказам, охранительными таможенными пошлинами. Фактически санкционированная эксплуатация российского потребителя завышенными ценами приносила лакомые барыши промышленникам. Необходимость массивных бюджетных расходов вылепила специфическую налоговую систему, в которой преобладало косвенное, акцизное обложение, мало зависимое от уровня доходов людей. Но самым серьезным последствием воздействия индустрии на политику была отмена крепостного права. Появление машинного производ-

---

¹⁹⁰ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. С. 105.

¹⁹¹ Там же. С. 314.

¹⁹² Там же. С. 122.

ства востребовало вольнонаемного работника, и государство смирилось с объективной закономерностью.

Перестройка русской фабрики на манер солидного капиталистического заведения – с применением механических двигателей и наймом свободной рабочей силы – качественно преобразила развитие хозяйства империи. Ускорились темпы роста всей экономики, особенно новых отраслей легкой и тяжелой индустрии. Усилилась концентрация промышленного производства, т.е. увеличилась доля высокотехнологичных, больших предприятий в общем объеме продукции и количестве занятых. Стали расширяться города за счет миграции сельских жителей для работы на фабриках и заводах. Индустриализация представлялась М. И. Туган-Барановскому интенсивным процессом: «Промышленная эволюция России идет следующим образом. Общий объем промышленности быстро растет, и все большая доля населения отвлекается от земледелия к промышленности. Чем крупнее производство, тем рост его совершается энергичнее»¹⁹³.

Оптимистичный настрой автора проистекал из его собственной формулировки теории рынков, согласно которой капиталистическое производство само создает себе рынок. Действительно, инвестиции частного и государственного капитала инициировали стремительный взлет промышленности и небывалое углубление емкости всероссийского рынка в конце XIX – начале XX века.

Стержнем этой волны индустриализации стало железнодорожное строительство, затеянное верховной властью. Заказы на поставку продукции для нужд казенных путей сообщения организовали стабильный и прибыльный рынок для черной металлургии, машиностроения, стройиндустрии, угольной промышленности, деревообработки и т.д. Но значение прокладки рельсовых дорог не очерчивалось становлением рынка сбыта продукции тяжелой индустрии. Это было коренное улучшение условий транспорта и торговли. По мнению экономиста, «влияние расширения железнодорожной сети на развитие товарного обмена едва ли может быть преувеличено. Всякая новая железнодорожная линия есть новый

---

¹⁹³ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. С. 468.

обширный рынок, открывающийся для русской промышленности, так как рынком для товаров могут служить только другие товары»¹⁹⁴.

Полемизуя с «народниками», ученый доказывал, что российский рынок открывает необъятные перспективы капиталистическому предпринимательству: «Россия во многих отношениях представляет крайне благоприятную почву для капиталистической промышленности. Огромные и далеко еще не исчерпанные и даже почти не обследованные минеральные богатства <...> колоссальная территория, слабо заселенная и представляющая достаточный простор для внутренней колонизации; многочисленное население, быстро переходящее от натурального к денежному хозяйству и замкнутое таможенной системой в самодовлеющий рынок, мало доступный для капиталистической индустрии других стран, – все это создает такие благоприятные условия для русской капиталистической промышленности, которых лишена любая капиталистическая страна Западной Европы»¹⁹⁵.

Любопытны высказывания М. И. Туган-Барановского касательно взаимоотношений крупной индустрии с другими социально-экономическими укладами. В частности, «юный» российский капитализм рос не только за счет собственных ресурсов, но и за счет других, вытесняемых им, форм хозяйства» – натурального, ремесленного и кустарного производства. Русский промышленный капитал «питался» не только «соками» эксплуатируемых им рабочих, но и «соками» других некапиталистических производителей. Земледелец, который покупал плуг или косу по цене вдвое выше стоимости изготовления, больше участвовал в создании высокой прибыли владельцев металлургических заводов, чем их собственные наемные рабочие¹⁹⁶.

Исследователь не обольщался успехами отечественной промышленности. Он говорил о том, что сдерживает рост нашего капитализма: «Если бы требовалось ответить на этот вопрос в двух

---

¹⁹⁴ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. С.362.

¹⁹⁵ Там же. С. 375.

¹⁹⁶ Там же. С. 364, 365.

словах, я бы ответил: русская некультурность. Капитализм несет с собой культуру, но он и предполагает культуру. Так, бросается в глаза низкая степень производительности труда в России. Несмотря на то что русский рабочий получает гораздо меньше западно-европейского, труд в России обходится едва ли не дороже, чем на Западе»¹⁹⁷. «Столь же велико различие между русским и западно-европейским капиталистом в отношении предприимчивости, знания дела и готовности стать выше рутины. Дороговизна капитала в России есть также одно из следствий некультурности русской жизни, ибо иностранные капиталы быстро восполнили бы недостаток капиталов на русском рынке, если бы иностранных капиталистов не отпугивали многие особенности наших внутренних порядков. Административная регламентация и мелочные стеснения <...> вызывают огромное трение, которое существенно тормозит поступательный ход нашей промышленности»¹⁹⁸. Перечисленные специфические условия России автор вслед за Н. Г. Чернышевским называл «азиатство».

М. И. Туган-Барановский выдвинул теорию рынка, адекватную историческому этапу ускоренной индустриализации передовых стран. Его заслугой стала критическая переработка идей Рикардо, Сисмонди, Маркса и Энгельса. Наш соотечественник продемонстрировал возможность обогащения мировой экономической мысли посредством критической переработки марксистских концептуальных построений в методологическом и содержательном аспектах. Он подверг критике выдвинутую С. Сисмонди и принятую «по непоследовательности» марксистской школой «теорию недостаточности рынка», составлявшую основу рассуждений «о необходимости крушения капитализма»¹⁹⁹.

Петербургский преподаватель аргументировал тезис о том, что «капиталистическое хозяйство не подвергается опасности крушения даже при огромном абсолютном сокращении народного

¹⁹⁷ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. С. 376.

¹⁹⁸ Там же. С. 376.

¹⁹⁹ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. М., 1997. С. 243.

потребления»²⁰⁰. По иронии этот вывод был сделан из развертывания схемы (модели) воспроизводства общественного капитала К. Маркса, но полностью противоречил букве марксизма.

Российского экономиста можно признать обоснователем и приверженцем теории нашей «сверхиндустриализации». Вот его пояснения парадокса современного капиталистического хозяйства: «Не общественное потребление управляет в нем общественным производством, является его целью, а, наоборот, общественное производство управляет общественным потреблением, является для последнего целью. Не капитал для человека, а человек для капитала – таков девиз капиталистического хозяйства <...> Что, например, является целью капиталистического производства – создание хлеба (предмета потребления человека) или чугуна (предмета производительного потребления)? Все зависит от того пункта, с которого мы будем рассматривать процесс круговорота капитала»²⁰¹.

Теоретическая конструкция расширяющегося внутренне-го рынка позволяла отслеживать его структурные изменения. В частности, увеличение числа занятых рабочих сопровождалось абсолютным повышением их заработной платы. Но при этом в рыночном обороте относительно падал удельный вес предметов потребления; поскольку быстрее, чем фонд оплаты труда, нарастали вложения капитала в средства производства. Индустриализация оказывалась возможной лишь при условии опережающего подъема первого подразделения общественного производства, снабжавшего предприятия сырьем, материалами, станками, сооружениями и т.д., по отношению ко второму, изготавливавшим товары народного потребления.

Изучение тенденций формирования рынка завершалось переходом к «теории кризисов», т. е. к анализу закономерностей периодических колебаний экономического роста: «Вообще, никаких границ для развития капиталистического хозяйства, кроме производительных сил общества, не существует, так как капитал сам

---

²⁰⁰ *Туган-Барановский М. И.* Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. С. 263.

²⁰¹ Там же. С. 266.

себе создает рынок; но процесс этого создания, в виду необходимости пропорционального распределения общественного труда, не может не прерываться задержками и остановками развития – хозяйственными кризисами»²⁰².

Механизм циклического развития рыночной экономики М. И. Туган-Барановский образно сравнивал с паровой машиной, в которой роль пара играло накопление свободного денежного капитала²⁰³. Эта научная модель снискала россиянину мировую славу. Достаточно вспомнить высказывание в середине XX века почтенного американского экономиста Э. Хансена: «В известном смысле можно считать, что “ничто не ново под луной”, или хотя бы в экономической науке. Говорилось же, что в книге Адама Смита нет ни одной новой идеи; и все же книга эта перевернула экономическую теорию вверх дном. То же самое в известной степени может быть сказано о Туган-Барановском применительно к теории экономических циклов <...> Он положил начало новой трактовке проблемы»²⁰⁴. Заокеанский автор награждал теорию М. И. Туган-Барановского восхитительными эпитетами: «веха, отделяющая старое от нового», «свежий морской ветер, ворвавшийся в науку»²⁰⁵.

Новаторство российского специалиста проявилось в постановке вопроса. В отличие от предшественников, изучавших торговые, денежные (кредитные) кризисы, он обратился к промышленным кризисам. Величие совершенного можно оценить, сопоставив венец классической рыночной теории – выдающийся труд А. Маршалла «Принципы политической экономии», напечатанный в 1890 г., с работой «Промышленные кризисы» М. И. Туган-Барановского, появившейся четыре года спустя.

Творение британского ученого – это подведение итогов экономической мысли XIX века. Исследование нашего соотечественника, исполненное, кстати, на английском историко-хозяйственном

---

²⁰² Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. С. 275.

²⁰³ Там же. С. 326.

²⁰⁴ Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. М., 1959. С. 365.

²⁰⁵ Там же. С. 300, 301.

материале, – концепция XX столетия. «Державный дух» предопределил оригинальную макроэкономическую методологию, которая контрастировала с микроэкономическим видением классиков различных европейских школ. М. И. Туган-Барановский разработал более глубокую теорию динамического рыночного равновесия в противоположность традиционным статическим моделям совпадения спроса и предложения товаров и денег.

Российский экономист выводил теорию циклов из противоречивости кругооборота (воспроизводства) капитала, которая предполагала поиск и разрешение логических противоречий, отражавших реальные конфликты интересов. Так, после убедительной аргументации тезиса о том, что капитал сам создает себе рынок, ученый говорил противоположное: «Рынок является <...> центральной силой, управляющей всем капиталистическим хозяйством, а недостаток его, постоянно чувствуемый капиталистическим производством, эластичной повязкой, задерживающей развитие последнего»²⁰⁶.

Затем следовал возврат к исходному пункту рассуждений: «Периодическая смена приливов и отливов промышленности вызывается не законами потребления, а законами производства. Не потому производство расширяется в годы подъема, что в это время растет потребление; наоборот, потребление именно потому и возрастает в это время, что расширяется производство»²⁰⁷. Преобладающее значение стадии производства обуславливается особой ролью средств и предметов труда в колебаниях конъюнктуры. Восходящий фазис цикла деловой активности характеризуется усилением спроса на средства производства, нисходящий – ослаблением спроса на таковые.

Вышесказанное резюмировалось замечанием: «На самом же деле кризисы возникают на основе всей совокупности явлений общественного хозяйства и потому не могут быть приурочены ни к одной отдельной сфере его. Круговорот общественного капитала,

---

²⁰⁶ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы... С. 220.

²⁰⁷ Там же. С. 327.

неизбежно приводящий к капиталистическому циклу и кризисам, включает в себя как производство, так и обмен и распределение»²⁰⁸.

Периодичность перепадов конъюнктуры М. И. Туган-Барановский объяснял комплексом причин. Прежде всего, она возникает из-за асинхронности процессов накопления капитала в денежной форме и инвестирования его в расширение производства и торговли, создание новых предприятий, путей сообщения и т.п. сооружений, увеличение товарных запасов. Автор подчеркивал, что «накопление денежного капитала идет равномернее расширения производства: капитал накапливается непрерывно, а производство расширяется толчками»²⁰⁹.

Поэтому наиболее глубокой причиной кризисных потрясений экономист считал недостаток свободного капитала для покрытия нарастающих инвестиций. В ходе подъема потребление капитала идет быстрее, нежели его образование, и его оказывается мало для того, чтобы питать промышленность в восходящем фазисе цикла²¹⁰. Нехватка капитала ограничивает, а затем прекращает расширение рыночного спроса. Порождается ситуация сжимающейся емкости рынка или перепроизводства, т.е. избытка предложения товаров и услуг.

Цикличность экономического роста, по мнению теоретика, – неотъемлемое свойство капитализма, ибо в нем отсутствует планомерное управление всем народным хозяйством. «Если бы производство было организовано планомерно, – писал М. И. Туган-Барановский, – если бы рынок обладал полным знанием спроса и властью пропорционального распределения производства, свободного передвижения труда и капитала из одной отрасли промышленности в другую, то <...> предложение товаров не могло бы превысить спрос. Но накопление капитала, при полной неорганизованности национального производства, при анархии, господствующей на товарном рынке, неминуемо приводит к кризисам»²¹¹.

---

²⁰⁸ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы... С. 328.

²⁰⁹ Там же. С. 321.

²¹⁰ Там же. С. 329.

²¹¹ Там же. С. 330.

В конце XIX века принцип стихийной конкуренции стал вытесняться монополистическим регулированием экономики как средством преодоления промышленных кризисов. Но М. И. Туган-Барановский пессимистично расценивал возникновение разного рода предпринимательских союзов – картелей, синдикатов, трестов. Он писал: «Я считаю совершенно невероятным, чтобы картели устранили периодические приливы и отливы капиталистической промышленности. Картель может ввести планомерную организацию в отдельную отрасль промышленности, но взаимные отношения таких организованных производств остаются такими же неорганизованными и непланомерными, как и раньше. Картели отнюдь не мешают тому, что <...> новый основной капитал создается не постепенно из года в год, а периодически <...> Единственно, на что могут влиять картели, это на резкость переходов от оживления к застою путем планомерного сокращения производства, но ведь сокращение производства и есть то зло, с которым нужно бороться; против этого зла картели бессильны»²¹².

Ученый доказывал, что экономика России следовала в фарватере международных тенденций индустриализации и монополизации. С утверждением капиталистических методов применения машин и вольнонаемного труда на предприятиях у нас сложились все предпосылки циклической динамики конъюнктуры. К таковым относились: преобладание денежного хозяйства над натуральным, сильные позиции крупного производства, распространение кредита, свобода торговой и промышленной деятельности от юридических стеснений и пр.²¹³

О зрелости отечественного механизма рыночного регулирования свидетельствовали факты совпадения в пореформенную эпоху циклических колебаний российской промышленности с периодами оживления и зстоя индустрии Англии. Кроме того, с конца 1893 г. на петербургской бирже начали активно проводиться спеку-

---

²¹² Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы... С. 476.

²¹³ Там же. С. 155.

лятивные операции²¹⁴. А ведь известно, что симптомом грядущего промышленного кризиса обычно служит биржевой, финансовый кризис.

Многие из приведенных положений позволяют характеризовать М. И. Туган-Барановского как теоретического предшественника новой парадигмы хозяйствования. В его работах дано научное обоснование индустриализации России в режиме планового государственного управления. Если сопоставить взгляды М. И. Туган-Барановского с воззрениями Е. А. Преображенского, то в них окажется ряд принципиальных сходств.

Конспективно их можно сформулировать так. Индустриализация – это стержень современного развития России, ее будущее. Проведением политики индустриализации занималось и впредь должно заниматься государство, которое в нашей стране есть нечто большее, нежели «ночной сторож»; оно пребывает одновременно в роли «дирижера» и «солиста экономического оркестра». Интересы государственного аппарата подчиняют себе интересы управленцев промышленности, а те, в свою очередь, превалируют над интересами остального населения. Крупная индустрия может расти за счет вытеснения других социально-экономических укладов, ущемления потребностей и отягощенного налогообложения граждан. Народнохозяйственное планирование заменяет систему свободной и монополистической конкуренции, устраняет периодические промышленные кризисы перепроизводства, ускоряет экономический подъем державы. М. И. Туган-Барановский и Е. А. Преображенский для научного обоснования высоких темпов накопления капитала промышленности воспользовались критически переработанными и дополненными схемами общественного воспроизводства К. Маркса.

Большевики оказались, с известными оговорками, продолжателями и воплотителями идей автора «Промышленных кризисов...» и «Русской фабрики...». В определенной мере близости теоретических конструкций способствовали идеологические предпочтения. М. И. Туган-Барановский тоже симпатизировал со-

---

²¹⁴ См.: Туган-Барановский М. И. Русская фабрика... С. 326, 347.

циалистическим устоям; достаточно назвать две его солиднейших книги – «Социальные основы кооперации» (1916) и «Социализм как положительное учение» (1918).

К сказанному можно добавить еще одно объяснение истинности прогнозов петербургского профессора политической экономики, связанное со спецификой предмета исследования. Экономика представляет собой достаточно инертную систему, которая меняется крайне медленно. Особенно устойчива отраслевая структура, сохраняющая преемственность в хозяйственном развитии. Этот жесткий технологический каркас способен восстанавливаться после необратимых перемен в государственном устройстве, идеологии, отношениях собственности, невзирая на трансформацию механизма регулирования экономики, что и продемонстрировал переход от военного коммунизма к новой экономической политике.

Нэп реконструировал почти досконально отраслевую структуру предвоенного отечественного хозяйства. Тем самым были воспроизведены предпосылки дальнейшей индустриализации страны. Посему получили подтверждение основы современной макроэкономической теории М. И. Туган-Барановского, с учетом российской специфики.

Среднесрочные циклы конъюнктурных колебаний не в состоянии капитально переделать экономику. Такое под силу лишь долгосрочным сдвигам в инвестициях и отраслевом разделении труда. О наличии последних говорил ученый: «Наряду с <...> мелкими колебаниями (конъюнктуры. – Г. Ч.), повторяющимися с известной правильностью каждое десятилетие, могут быть и более крупные колебания, охватывающие несколько десятков лет»²¹⁵. Эти соображения послужили отправной точкой в концепции больших, полувекových, циклов, которую выдвинул в 1925 г. ученик М. И. Туган-Барановского – Н. Д. Кондратьев. Именно с чередованием повышательных и понижительных волн «длинных» циклов связана смена хозяйственных парадигм.

---

²¹⁵ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы... С. 143.

Исследования М. И. Туган-Барановского заложили фундамент динамичной макроэкономической теории индустриального общества. Они вошли составной частью не только в директивно-плановую парадигму хозяйствования, но и в парадигму государственно управляемой рыночной экономики, которая вызревала в передовых, промышленно развитых странах.

«Откровением» западной экономической мысли, раздвинувшим узкий горизонт видения традиционной рыночной теории, явилось учение Дж.М. Кейнса. Издание в 1936 г. его книги «Общая теория занятости, процента и денег» знаменовало собой утверждение новой парадигмы, пришедшей на смену классической доктрине времен А. Маршалла.

Всемирная слава пришла к Дж. М. Кейнсу во многом благодаря усвоению им азов концептуальных построений М. И. Туган-Барановского. В своей работе «Трактат о деньгах» (1930) англичанин признавал нашего соотечественника «первым и в высшей степени оригинальным» автором в ряду европейских ученых²¹⁶. Справедливо суждение Э. Хансена: «В исследовании Туган-Барановского заключены <...> истоки нового течения мысли среди экономистов континентальной Европы; вобрав в себя другие притоки <...> это течение в конечном счете вылилось в современную теорию, завершенную Кейнсом»²¹⁷.

М. И. Туган-Барановский действительно был «предтечей» самого популярного научного направления XX века – «кейнсианства». Доводом в пользу такого мнения может послужить сравнение фундаментальных положений из «Промышленных кризисов...» М. И. Туган-Барановского и «Общей теории...» Дж. М. Кейнса. Оба автора практически одинаково воспринимали условия функционирования рыночного механизма. Относительно устойчивыми параметрами в краткосрочной перспективе они считали товарные цены, заработную плату, банковский процент, т.е. регуляторы рынков товаров, труда и денежных средств. Соответственно подвижными показателями на этих рынках были объемы производства (продаж), занятости (безработицы), денежной массы. Но самыми

---

²¹⁶ Цит. по: Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. С. 424.

²¹⁷ Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. С. 367.

динамичными характеристиками, определяющими макроэкономическое равновесие, признавались инвестиции и норма прибыли, т.е. регуляторы оборота капитала.

В центре внимания находилась проблема слабости рыночного спроса. М. И. Туган-Барановский подчеркивал: «В капиталистической стране не спрос идет впереди предложения, а всегда предложение давит на спрос, стремится его искусственно вызвать и расширить. Всегда есть доля избыточного капитала и избыточных товаров, не находящих себе помещения на рынке»²¹⁸. Дж. М. Кейнс вторил ему, упрекая «классиков» в беспечном постулировании идеального рыночного равновесия: «Корни прославленного оптимизма традиционной экономической теории <...> лежат, на мой взгляд, в недооценке значения тех препятствий для процветания, которые создаются недостаточностью эффективного спроса»²¹⁹.

Житейская насущность темы побудила экономистов к ее пунктуальному научному разбору. В «Промышленных кризисах...» анализ предшествовавших теорий рынка и изложение своих личных взглядов заняли три главы. В «Общей теории...» также три главы были посвящены развитию собственной концепции «эффективного спроса» и полемике с оппонентами. Спрос изучался структурно, в аспекте экономического роста. Распределению доходов населения на потребляемую и сберегаемую части отводилось важнейшее место в макроэкономических моделях. Накопление капитала определяло темпы хозяйственного подъема страны, степень использования ее производственного потенциала, уровни рыночного равновесия.

Российский ученый заложил основы современных воззрений на периодические колебания конъюнктуры национальных и международных рынков. Он убедительно объяснил различие между накоплением капитала в денежной форме и реальным вложением средств в коммерческую деятельность. Примечательна в этом смысле сноска Э. Хансена: «Теория Туган-Барановского была первой из тех теорий цикла (одним из их вариантов был “Трактат о

---

²¹⁸ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы... С. 296

²¹⁹ Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 247.

деньгах” Кейнса), которые подчеркивают расхождение между инвестированием и сбережением»²²⁰.

Дж. М. Кейнс пошел по стопам М. И. Туган-Барановского в теоретических размышлениях о цикличности реального накопления капитала. Он не только подхватил идею о несовпадении процессов сбережения и инвестирования, но и признал их регуляторами нормы (ставку) банковского процента и норму прибыли – «предельную эффективность капитала»²²¹.

Истоки понятия «мультипликатор», при помощи которого Дж. М. Кейнс раскрывал взаимосвязь между размерами дохода и инвестициями, можно отыскать в работе россиянина. М. И. Туган-Барановский так рассказывал о механизме передачи циклических колебаний деловой активности: «В эпохи подъема создается новый основной капитал страны. Вся промышленность страны принимает своеобразное направление: производство средств производства получает усиленное развитие. Железо, машины, инструменты, суда, строительные материалы и спрашиваются, и производятся в усиленном количестве. Но вот расширение основного капитала закончено – фабрики построены, железные дороги проведены. Спрос на все материалы, из которых строится основной капитал, сокращается. Распределение производства становится непропорциональным: машин, инструментов, железа, кирпичей, дерева требуется меньше прежнего вследствие того, что меньше возникает новых предприятий <...> Перепроизводство средств производства делается неизбежным. В силу зависимости всех отраслей промышленности друг от друга частичное перепроизводство становится общим <...> и наступает общий застой»²²².

Однако британец не сумел сполна воспользоваться результатами исследования петербургского профессора. Макроэкономическая методология Дж. М. Кейнса была агрегированнее, абстрактнее, а потому и примитивнее, нежели схемы воспроизводства М. И. Туган-Барановского. Последние предполагают кон-

²²⁰ Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. С. 376.

²²¹ См.: Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы... С. 321, 322, 325; Кейнс Дж. М. Указ.соч. С. 330, 335, 351, 352, 393.

²²² Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы... С. 325.

кретный анализ отраслевых пропорций и соотношения доходов социальных групп, т.е. структуры инвестиционного потенциала страны²²³.

Преимственность воззрений двух великих экономистов прослеживается в вопросах взаимосвязи фаз экономического цикла, с занятости и благосостояния работников. М. И. Туган-Барановский отмечал явления эпохи монополистических союзов предпринимателей и профессиональных союзов рабочих: «В новейшее время безработица в периоды застоя столь же сильна, как и раньше. Но заработная плата стала, благодаря могущественной организации тред-юнионов, гораздо устойчивее <...> Угнетающее действие кризиса концентрировалось теперь на безработных, в то время как раньше от кризиса страдала вся масса рабочего класса – не только безработные, но и сохранившие работу»²²⁴.

Неполная занятость населения – закономерность капиталистического предпринимательства. Сомнений в том у М. И. Туган-Барановского не было: «Безработица в разнообразных формах – временная и случайная безработица в зависимости от состояния рабочего рынка, более продолжительная безработица, тянущаяся целые годы, в зависимости от фазисов цикла, безработица людей, перешедших зрелый возраст, и стариков – все эти формы безработицы представляют собой специфическую черту капиталистического строя, присущую ему, как определенному историческому типу хозяйства»²²⁵.

Острота проблемы трудоустройства рабочей силы запечатлелась в названии книги Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости (и лишь потом. – *Г. Ч.*), процента и денег». Автор доказывал, что, наряду с «добровольной» и «фрикционной» безработицей, связанной с текущим поиском лучшей работы, существует «вынужденная» безработица, вызванная недостаточностью инвестиций и, следовательно, плохим спросом на трудовые ресурсы²²⁶.

---

²²³ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы... С. 250–263.

²²⁴ Там же. С. 381.

²²⁵ Там же. С. 479.

²²⁶ См.: Кейнс Дж. М. Указ. соч. С. 226, 234.

Безработица, низкий уровень заработной платы и соответственно потребления подавляющего числа граждан дестабилизируют экономику. По словам М. И. Туган-Барановского, «в известном смысле <...> основной причиной кризисов является народная бедность, низкий уровень потребления трудящихся классов. Действительно, образование избыточных капиталов и вообще капитализирование огромной части национального дохода непосредственно вызывается незначительностью доли рабочих масс в вырабатываемом ими продукте <...> Чем ниже доля рабочего, тем выше доля капиталиста – тем быстрее накопление капитала, необходимо сопровождающееся потрясениями и кризисами»²²⁷.

Ограничение потребления и рост сбережений лишь усугубляют макроэкономические диспропорции. В условиях избытка предложения капитала и товаров сбережения страны скорее имеют тенденцию понижать, чем повышать товарные цены, ибо капиталы, вновь поступающие на рынок, уж и без того переполненный товарами, только увеличивают сложность приспособления предложения товаров к спросу²²⁸.

В том же духе высказывался и Дж. М. Кейнс. Он солидарен с положением, что размах колебаний инвестиций и занятости усиливается по мере относительного уменьшения доли потребления в совокупном доходе общества. Лечение от кризисного излишка инвестиций, по мнению английского лорда, заключалось в увеличении нормы потребления путем перераспределения доходов или иным способом, так как для поддержания данного уровня занятости понадобился бы меньший объем капитала²²⁹.

Оба теоретика умозаключали, что современные рыночные механизмы накопления и коммерческого использования свободных денежных средств – банковская система и фондовая биржа – не обеспечивают непрерывности вложения капитала в фазе циклического подъема экономики. Их функционирование в ре-

---

²²⁷ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы... С. 329–330.

²²⁸ Там же. С. 296.

²²⁹ См.: Кейнс Дж. М. Указ. соч. С. 323, 324, 473.

жиме нерегулируемой, стихийной конкуренции и частного инвестирования обрекают страну на периодические хозяйственные кризисы.

Категоричный тон М. И. Туган-Барановского понятен без комментариев: «Может ли капитализм, оставаясь самим собой, т.е. способом производства, основанном на руководительстве хозяйственным процессом индивидуальными предпринимателями, работающими при помощи наемных рабочих, избавиться от промышленного цикла – периодической смены приливов и отливов промышленности, от хронического резерва безработных <...> И теория, и опыт говорят обратное. Опыт указывает, что безработица отнюдь не сокращается по мере развития капитализма и даже принимает <...> более тягостные формы»²³⁰. Непреклонность Дж. М. Кейнса очевидна: «Я делаю вывод, что регулирование объема текущих инвестиций оставлять в частных руках небезопасно»²³¹.

Переключка с идеями планомерности российского экономиста слышна в философском резюме «Общей теории...»: «Вышеизложенная теория является по своим выводам умеренно консервативной. Хотя она и указывает на жизненную необходимость создания централизованного контроля в вопросах, которые ныне в основном предоставлены частной инициативе, многие обширные сферы деятельности остаются незатронутыми. Государство должно будет оказывать свое руководящее влияние на склонность к потреблению частично путем соответствующей системы налогов, частично фиксированием нормы процента и, возможно другими способами <...> Достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости, хотя это не должно исключать <...> сотрудничества государства с частной инициативой. Но помимо этого, нет очевидных оснований для системы государственного социализма, которая охватила бы большую часть экономической жизни общества. Не собственность на орудия производства существенна для государства. Если бы государство могло определять общий объем ре-

---

²³⁰ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы... С. 479.

²³¹ Кейнс Дж. М. Указ.соч. С. 470.

сурсов, предназначенных для увеличения орудий производства и основных ставок вознаграждения владельцев этих ресурсов, этим было бы достигнуто все, что необходимо»²³².

Эпохальный научный труд Дж. М. Кейнса знаменовал собой очередной скачок в развитии западной экономической мысли. Он означал признание государства полноправным участником рыночных отношений. Смену парадигм мышления, по разумению ученого, следует проводить путем углубления положений классической школы: «Результатом заполнения пробелов классической теории должно быть не устранение “манчестерской системы”, а выяснение условий, которых требует свободная игра экономических сил для того, чтобы она могла привести к реализации всех потенциальных возможностей производства. Учреждение централизованного контроля, необходимого для обеспечения полной занятости, потребует, конечно, значительного расширения традиционных функций правительства <...> Но все же остаются широкие возможности для проявления частной инициативы и ответственности. В пределах этих возможностей традиционные преимущества индивидуализма сохраняются и далее»²³³.

Государство в концепции Дж. М. Кейнса действует не только как координатор политики инвестирования и экономического роста, но и как инвестор, т.е. предприниматель. Автор констатировал: «Все более увеличивается группа инвестиций, осуществляемых непосредственно правительственными и муниципальными органами (или тех инвестиций, по которым они принимают на себя риск). Эти органы, осуществляя инвестиции, прямо исходят в качестве общей предпосылки из приносимых ими перспективных социально полезных результатов, как бы сильно ни различались эти инвестиции по их коммерческой выгодности»²³⁴.

Воззрения Дж. М. Кейнса демонстрировали заметную схожесть хозяйственных парадигм в СССР и ведущих западных странах после Первой мировой войны. Подобное суждение подтверж-

---

²³² Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы... С. 479. С. 514.

²³³ Там же. С. 515.

²³⁴ Там же. С. 350.

дают объективные тенденции развития индустриального общества в конце XIX – начале XX века. Укрепление позиций государства в экономике стало необходимым и возможным.

Крупное производство создало механизм согласования предпринимательской деятельности в масштабах отдельных отраслей. Смена модели конкуренции проявилась в регулировании корпоративным сектором рыночных параметров: цен, производственных затрат, в частности на заработную плату, размеров выпуска продукции и величины потребительского спроса. Одновременно набирало мощь и расширяло свой контроль над рынком труда профсоюзное движение. Столкновение интересов объединений предпринимателей с интересами организованных наемных работников заставило правящую бюрократию исполнять роль посредника в трудовых спорах, проводить взвешенную политику регулирования цен, налогов, занятости и заработной платы.

Индустриализация шла рука об руку с урбанизацией. Рост городского хозяйства – дорог, сетей снабжения водой, энергией, служб по уборке территорий, утилизации отходов и т.п. – дополнялся формированием разветвленной социальной сферы – образования, здравоохранения и т.д. Поименованные отрасли успешно функционировали в некоммерческом режиме государственной или муниципальной собственности. Так естественно пополнялся казенный сектор за счет инвестиций под надзором законной власти.

Подъем промышленности и торговли увеличивал циркулировавшую денежную массу, доходы предприятий и граждан. А повышение платежной способности хозяйствовавших субъектов обогащало налоговыми поступлениями бюджет. Отмена жесткого «золотого стандарта» – хождения золотой монеты и размена бумажных денег на золото – сделала денежное обращение более «мягким» и централизованно управляемым. Правительство теперь могло активнее использовать финансовые и кредитно-денежные рычаги для достижения своих целей.

Наконец, расширение прав и возможностей государственного аппарата в хозяйственной жизни повлекло за собой приращение его обязанностей. С официального руководства уже начали требовать решение проблем экономического роста, занятости, доходов,

стабильности национальной валюты, инвестиций ради оптимального вовлечения в дело всех производственных ресурсов и сглаживания циклических колебаний конъюнктуры.

Оказалось, что дальнейший прогресс индустриальной экономики, повышение эффективности использования факторов производства предполагают интенсификацию казенного предпринимательства. Поэтому хозяйственная деятельность государства, уверенно распространяясь в практической жизни, вошла в экономическую теорию и закрепились среди ее основоположений.

Теоретическая модель воспроизводства товарного дефицита

Историческая специфика России предопределила особенности развития отечественной экономической науки. В отличие от европейской, и прежде всего английской школы, у нас преобладало макроэкономическое видение, согласно которому и складывались исходные предпосылки концепций. Общество чаще рассматривалось в виде целого, как народ, чем как собрание атомизированных субъектов торгового обмена.

Российские ученые всегда серьезно изучали историю нашей экономики и проводили ее сравнительный анализ с хозяйственным опытом других стран. Это свидетельствовало о глубине временного и широте пространственного горизонта научного видения, который простирался дальше методологии моментного, статического равновесия в рыночных сделках абстрактных покупателей и продавцов. Посему теория промышленных кризисов М. И. Туган-Барановского возникла не на пустом месте.

Политико-экономическая преемственность в жизни державы проявилась в возрождении национального духа познания после революционных потрясений. Неповторимость исторической судьбы СССР обусловила мировую значимость «советской» экономической мысли. Специалисты исследовали процессы хозяйственного распада в период войн и революций и восстановления разрушенного в годы нэпа, создавали теорию трансформации имущественных отношений и механизмов регулирования экономики.

Национализация крупных предприятий ведущих отраслей отечественной экономики привела к становлению уникального хозяйственного уклада с разраставшейся казенной собственностью и крепнувшим централизованным управлением. Единое руководство громадным общенациональным территориально-производственным комплексом создало предпосылки для «пионерских» разработок балансов народного хозяйства за 1923/24 г. и за 1928–1930 гг.

Советские статистики заложили фундамент теории межотраслевых балансов, которая получила распространение по всему миру благодаря трудам В. В. Леонтьева. Модель, предназначенная для директивно-плановой парадигмы, послужила основой современной системы национальных счетов в странах с частногосударственной экономикой. В свою очередь, «нэповские» балансы народного хозяйства опирались на достижения земской статистики и отраслевых переписей, учитывавших условия и итоги экономической деятельности подданных государя-императора.

Неординарность Советского Союза способствовала изучению проблем экономического роста при директивно-плановом регулировании. Концепцию циклического развития государственного предпринимательства выдвинул В. В. Новожилов в статье «Недостаток товаров», опубликованной в журнале «Вестник финансов» № 2 за 1926 г. Воззрения автора, с одной стороны, творчески углубляли идеи М. И. Туган-Барановского, с другой стороны, предвосхищали и дополняли изыскания Дж. М. Кейнса.

Аналогичность теоретических моделей В. В. Новожилова и Дж. М. Кейнса определялась предметом исследования – корпоративно-государственной экономикой, правда, с различным сочетанием казенной и частной собственности и инициативы. И тот, и другой анализировали попытки антикризисного управления в общенациональном масштабе при помощи стимулирования рыночного спроса. Механизмом восстановления равновесия спроса и предложения было непрерывное государственное инвестирование.

Но между сопоставляемыми подходами были и различия. Дж. М. Кейнса беспокоили хроническая депрессия в экономике, далекое от оптимального использование рабочей силы, производ-

ственных мощностей предприятий, денежных средств, природных ресурсов. Он изложил теорию циклических колебаний конъюнктуры в обстановке недостаточного рыночного спроса.

По мнению англичанина, исцелиться от недуга вынужденной безработицы и простоев оборудования можно, если прибегнуть к наращиванию капитальных вложений, прежде всего государственных. «Как только полная занятость достигнута, – считал Дж. М. Кейнс, – всякая попытка еще больше увеличить инвестиции <...> повлечет за собой тенденции к безграничному росту цен, иначе говоря, в такой ситуации мы достигли бы состояния подлинной инфляции. Но вплоть до этого момента рост цен будет сочетаться с увеличением совокупного реального дохода»²³⁵.

Таким образом, ограничителем дополнительного рыночного спроса, создаваемого инвестициями, в «кейнсовый» модели является инфляционный рост цен, который резко ускоряется по мере уменьшения количества свободных рабочих рук. При почти полной занятости теряют свою устойчивость ставки заработной платы и цены. Хозяйство сталкивается с обстановкой денежной инфляции и избыточного спроса. Непреднамеренное падение покупательной способности валюты дает сигнал к прекращению казенных инвестиционно-денежных интервенций.

В. В. Новожилов ушел дальше Дж. М. Кейнса, да и на десять лет раньше исследовал механизм интенсивных вложений капитала за гранью инфляционной загрузки производственных мощностей предприятий, т.е. за тем пределом, где останавливались правительства стран с частногосударственной экономикой. В этом смысле две указанные концепции дополняли друг друга как органические части единой экономической теории.

Поводом для статьи В. В. Новожилова был затянувшийся товарный голод. Автор взялся за перо, дабы выявить закономерности возникновения и развития неудовлетворенного покупательского спроса. Постановка проблемы в его устах звучала так: «Полтора года назад, когда недостаток товаров у нас впервые обнаружился, хозяйственная практика методом борьбы избрала всемерное рас-

---

²³⁵ Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 317.

ширение производства. Прошел год. Промышленное производство расширилось на много процентов, а недостаток товаров стал острее. И это не случайность»²³⁶.

Причину бестоварья экономист усматривал в несоответствии уровня цен денежной стороне народного хозяйства. Однако если Н. Д. Кондратьев и Л. Н. Юровский сетовали больше на излишний выпуск денег в обращение, то В. В. Новожилов акцентировал внимание на ценообразовании промышленных трестов. Фиксированные цены на продукцию государственных предприятий не обладали необходимой чуткостью к конъюнктуре рынка, плохо выполняли функцию уравнилителя спроса и предложения. Хуже того, цены на казенные промтовары были занижены минимальными размерами прибыли или ее полным отсутствием. «Парадоксия товарного голода, – по мнению специалиста, – есть следствие парадоксальности его условия – некоммерческой политики цен. Отказ от прибыли, которую навязывает рынок, несомненно, явление неслыханное в условиях вольного рынка. Но оно возможно в настоящих условиях: так бывало в прошлом году и наблюдается в настоящее время»²³⁷.

Автор верно подметил и осветил негативные моменты избыточного спроса: «Недостаток товаров прежде всего вызывает хаос в распределении реальных доходов. Распределение реальных доходов перестает соответствовать распределению денежных доходов. Разница цен в вольной и регулируемой торговле достигает по некоторым товарам весьма значительных размеров <...> Покупательная сила денег становится весьма различной не только в различных местностях, но и различных магазинах и даже в различных руках»²³⁸.

Пестрота покупательной способности бумажных рублей «извращает» экономическое поведение людей, вносит в него элементы «бессмыслицы». Недостаточно заработать деньги, надо еще суметь купить на них товар по низкой цене. Отсюда проистекает трата времени на поиск желаемых вещей, стояние в очередях пе-

---

²³⁶ Новожилов В. В. Недостаток товаров // Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 323.

²³⁷ Там же. С. 327.

²³⁸ Там же. С. 320.

ред государственными магазинами. При отсутствии вольных цен и нехватке продуктов деньги прекращают служить точным мерилom распределения благ, и только карточная система раздачи может навести порядок и устранить общую свалку вокруг источника ненормально дешевых товаров²³⁹.

Твердые цены лишь создают видимость стабилизации покупательной силы денежной единицы. Фактически же они расшатывают ее, ибо в обороте накапливаются избыточные платежные средства. Инфляция из открытой переходит в скрытую, в форму неудовлетворенного, отложенного спроса.

Ярко живописал теоретик неразлучную спутницу товарного голода – спекуляцию: «Чем больше растет недостаток товаров, тем больше растут отрицательные черты частной торговли – она вырождается в спекуляцию. Перепродажа товара, купленного по некоммерчески низкой цене, стала источником неосновательного обогащения множества лиц, ибо <...> таким способом можно получить максимальную сумму подарков в размере разницы между ценой треста и ценой рынка. И тяга к получению этих подарков захватила не только профессиональную торговлю <...> На этой почве возникло множество злоупотреблений служащих государственных и кооперативных предприятий. Было бы крайне наивно думать, будто развитие спекуляции и связанных с ней злоупотреблений происходит только от того, что моральная природа людей внезапно испортилась. Нет, моральная природа людей осталась та же, но изменилась политика цен. Некоммерчески низкие цены – это почва, на которой с необходимостью закона природы вырастает спекуляция»²⁴⁰.

Исследователь развертывал свою концепцию на противопоставлении системы советской экономики и модели частнохозяйственного строя, опираясь на теорию М. И. Туган-Барановского. Он рассуждал в риторическом стиле: «Не является ли недостаток товаров особым преимуществом нашего народного хозяйства? Ведь обычно рынок ограничивает производство. У нас же рынок идет впереди производства, предоставляя ему возможность разви-

---

²³⁹ Новожилow В. В. Недостаток товаров. С. 320, 321, 335.

²⁴⁰ Там же. С. 322.

ваться в меру производительных сил. Однако избыток спроса не приносит пользы народному хозяйству»²⁴¹.

Увеличение производства само по себе не гарантирует покрытия чрезмерного спроса на продукцию. Наоборот, при некоммерческом ценообразовании, отрекаясь от извлечения надлежащей прибыли, подъем конъюнктуры будет сопровождаться обострением товарного голода.

В духе М. И. Туган-Барановского выдержана следующая авторская тирада: что путем политики понижения цен нельзя вызвать реального подъема конъюнктуры и избежать кризиса: перспективы вечного подъема без кризисов нередко грезилась инфляционистам. Ведь при кризисе производство сокращается как бы от недостатка денег. Казалось бы, достаточно расширить кредитование, чтобы рост производства мог продолжаться прежним темпом. Однако эта видимость обманчива. Недостаток денежных капиталов – только симптом серьезного расстройств всей капиталистической промышленности. Инфляция может только усилить это расстройство, усилить основное зло кризиса, затруднить его ликвидацию. Ошибка инфляционистов в том, что они видят в кризисе только расстройство денежного хозяйства. Мы впали бы в такую же ошибку, если бы заключили, что политика понижения цен страхует народное хозяйство от кризисов. Ведь сущность кризиса вовсе не в том, что спрос не поспевает за ростом предложения, – это лишь видимость явления, видимость избытка, перепроизводства всех благ, скрывающая за собой недостаток производительных сил по сравнению с поставленными хозяйственными задачами. Явления, влекущие подъем к критическому концу, корнями восходят в производство, а расстройство производства вряд ли станет легче от изменения денежной формы его проявления. Конечно, при политике некоммерчески низких цен затор сбыта невозможен и подъем конъюнктуры освобождается от той границы, которая ставится ему рынком при подвижности цен. Однако это не преимущество, а недостаток. Это значит, что при политике низких цен контроль рынка над производством ослабевает; расстройство производства,

---

²⁴¹ *Новожилев В. В.* Недостаток товаров. С. 320.

которое при подвижности цен пересекается кризисом сбыта, может достичь гораздо больших размеров. В этом отношении политика низких цен действует аналогично инфляции: продолжая инфляцию, можно поддерживать работу предприятий, несмотря на кризис сбыта, и тем самым еще увеличивать расстройство народного хозяйства»²⁴².

Отталкиваясь от идей своего предшественника, В. В. Новожилов пояснял действие механизма циклического подъема в условиях капитализма. Характерной чертой высокой конъюнктуры является стремительный рост производства орудий производства. Производство и стоимость потребительских благ в меньшей мере участвуют в подъеме конъюнктуры, чем производство и стоимость орудий труда. Этот факт заставляет искать сущность подъема в сдвиге соотношения между производством готовых изделий и производством средств производства.

Средства производства дорожают быстрее предметов потребления. Поэтому предприятия, выпускающие орудия и предметы труда, находятся в более выгодном положении, нежели изготовители ширпотреба. Повышение цен на последние ограничено доходами населения, которые растут медленнее, чем кредиты на приобретение товаров производственного назначения.

Поставщики орудий производства взвинчивают стоимость топлива, сырья и прочего так, что дальнейший выпуск готовых изделий становится в значительной доле убыточным. Производство готовых изделий сокращается или приостанавливает темп своего развития. Спрос на орудия падает, кризис их сбыта порождает перепроизводство. Таким образом, общий кризис перепроизводства является внешней формой избытка орудий производства²⁴³.

Иная картина наблюдалась в условиях некоммерческого ценообразования. Об этом писал В. В. Новожилов: «При инертности цен рост избыточного производства средств производства может найти предел только в том случае, если руководители промышленности заметят допущенную ошибку»²⁴⁴. Поскольку объемы ресур-

---

²⁴² Новожилов В. В. Недостаток товаров. С. 330–331.

²⁴³ Там же. С. 331, 332.

²⁴⁴ Там же. С. 332.

сов ограничены, постольку все большая их часть переключается на выпуск средств производства в ущерб изготовлению потребительских товаров. Теоретически даже возможна ситуация неполной загрузки уже существующих производственных мощностей предприятий с потребительским профилем продукции.

В результате у населения оседают и скапливаются не находящие применения деньги, а на рынке начинает свирепствовать товарный голод, особенно чувствительный в отношении средств производства. Поэтому последовательное проведение политики некоммерчески низких цен логически завершается нормированным распределением при помощи пайков, карточек, лимитов и т.п. продуктов среди людей и между предприятиями. Если цена прекращает балансировать спрос и предложение, то денежное хозяйство перестает нормально исполнять свои организационные функции – поддерживать порядок в производстве и распределении. Вызываются к жизни иные методы централизованной организации производства в гигантском натуральном хозяйстве. Это воочию показала эпоха военного коммунизма²⁴⁵.

Мудрость теоретика проявилась в сдержанной оценке последствий политики негибких заниженных цен. Она представляет собой, по его мнению, первый шаг от денежного хозяйства к натуральному. Следовательно, «могут существовать различные степени уклонений от чисто денежного хозяйства, начиная от ничтожного расхождения указанных цен и вольных до безденежного распределения продуктов. Однако даже при небольших отклонениях указанных цен от цен равновесия возникает необходимость введения неторговых методов распределения»²⁴⁶.

Параллельно с этим правительству приходится решать проблему «связывания» или «откачки» свободных денег населения. В. В. Новожилов говорил о возможности изъятия из оборота незанятых рублей посредством налогов, государственных займов и прочих «бюджетных излишков». Но это имело смысл в случае приостановки проникновения необеспеченных денежных знаков

---

²⁴⁵ Новожилов В. В. Недостаток товаров. С. 333, 334.

²⁴⁶ Там же. С. 334.

в оборот²⁴⁷. Самым универсальным способом закрытия канала, из которого текли «неотоваренные» деньги, являлось, по разумению экономиста, повышение цен на продукцию трестов, восстанавливающее должную рентабельность их производства. С его помощью снижалась до минимума потребность в инфляционном финансировании накопления капитала промышленных предприятий.

Знаменательны следующие замечания ученого: «Если бы рост спроса у нас имел своим источником фискальную (казначейскую. – Г. Ч.) эмиссию, то повышение цен не прекратило бы инфляцию и пришлось бы время от времени поднимать цены трестов»²⁴⁸. Однако «недостаток товаров может затянуться до бесконечности»²⁴⁹.

Обобщая сказанное, следует умозаключить, что директивно-плановая экономика может развиваться в условиях «естественного», хронического товарного голода. При этом степень дефицитности продуктов изменяется периодически (циклически): нарастает по мере подъема конъюнктуры и ослабевает с уменьшением инвестиционной нагрузки.

Экономический рост замедляется вместе с распространением недостатка товаров. Относительное перепроизводство средств производства по сравнению с выпуском предметов потребления проявляется в «извращенной» форме их чрезвычайной нехватки, в диспропорциях между отраслями, между спросом и предложением продуктов. При достижении критической черты дефицитности ресурсов и межотраслевых диспропорций рост производства может иссякнуть.

Выходом из кризисной ситуации служит всеобщий пересмотр некоммерчески заниженных цен в сторону повышения. Эта мера возвращает на рынок временное, относительное равновесие, снимает напряжение бестоварья и открывает путь для движения по очередному циклическому подъему хозяйственной конъюнктуры.

Стало быть, советская экономика и соответствующая ей директивно-плановая парадигма способны к самовозобновлению и эволюции в исторической перспективе. Циклическая форма раз-

---

²⁴⁷ Новожиллов В. В. Недостаток товаров. С. 339.

²⁴⁸ Там же. С. 336.

²⁴⁹ Там же. С. 339.

вития воспроизводит исходные предпосылки собственного существования. Товарный дефицит порождается централизованным хозяйственным регулированием – политикой низких фиксированных цен, инфляционными кредитно-денежными эмиссиями и т.д. В свою очередь, он предполагает директивное управление торговым оборотом, которое лишь на время смягчает нехватку продуктов. Потребность в централизованном плановом руководстве распределением и использованием ресурсов страны сохраняется на всех стадиях периодических колебаний экономического роста.

Заслуживает внимания попытка В. В. Новожилова понять движущие мотивы стратегии казенного ценообразования: «По своей экономической природе вольные (договорные) цены весьма подвижны. Их подвижность непосредственно отражает энергию и личный интерес в хозяйственной борьбе. Поэтому товарный голод при частнохозяйственной организации рынка является исключением. Но цены, регулируемые властью, могут отличаться известной инертностью, и потому общий недостаток товаров возможен лишь там, где общество или государство оказывает значительное воздействие на цены»²⁵⁰.

Автор подчеркивал: «Некоммерческая политика цен, регулирующая цены вне зависимости от размеров спроса, является элементом, совершенно чуждым принципам, на которых основано денежное хозяйство. Вторгаясь в мир, в котором каждый поступает “коммерчески”, т.е. заботится прежде всего о своих интересах, она переворачивает все экономические отношения, сообщая им парадоксальный характер»²⁵¹.

Единственным оправданием правительственной политики экономист считал стремление к ускорению роста производства. Но, по его мнению, выигрыш в полноте использования производительных сил достигается за счет нарушения правильности состава производства. В итоге происходит известное расточение производительных сил. Кроме того, при отказе от прибыли или искус-

---

²⁵⁰ Новожилов В. В. Недостаток товаров. С. 320.

²⁵¹ Там же. С. 323.

ственном ее занижении расширение выпуска продукции возможно только ценой непрерывной инфляции²⁵².

Думается, что во многом обоснованные сентенции В. В. Новожилова по поводу изъянов государственного предпринимательства связаны с недостаточным осознанием интересов последнего. Здесь пригодились бы выводы М. И. Туган-Барановского о роли государственной власти в экономической истории России, о формировании рыночных сегментов.

Перефразируя слова М. И. Туган-Барановского, можно сказать, что для правительства большевиков, «заболевшего» идеей индустриализации страны, чугун был целью политики, а хлеб – средством ее достижения. Отсюда проистекала установка на максимальные темпы накопления капитала и промышленного роста, причем любыми методами. Ради этого советская бюрократия и перекраивала хозяйственный механизм.

Твердые цены снимали проблему тесного рынка сбыта товаров. Одновременно открывалась перспектива предельно полного, экстенсивного использования факторов производства. Экономический рост ускорился в основном благодаря опережающему развитию производства средств производства, т.е. преимущественно за счет тяжелой индустрии. Нарастивание производственного потенциала укрепляло обороноспособность державы.

Специфика государственного предпринимательства обуславливалась также наличием бюджетных денег, которые допускали безвозмездное инвестирование в отличие от кредитных ссуд, предусматривавших уплату процентов и возвратность. Отсутствие процентных платежей понижало порог требований к эффективности вложений капитала – норму прибыли. Оказывалась приемлемой стратегия низких цен с минимальным уровнем рентабельности и даже убыточностью в отдельных отраслях. Правительству удавалось поддерживать довольно стабильные уровни цен и заработной платы.

Так складывалась хозяйственная парадигма, о которой мечтал прагматик Дж. М. Кейнс, называя процент на капитал преградой инвестиционной активности и «рантье́рской» особенностью ка-

---

²⁵² Новожилов В. В. Недостаток товаров. С. 329, 333.

питализма, коей желательно было бы исчезнуть²⁵³. «Я убежден, – писал британский подданный, – что спрос на капитал ограничен узкими рамками в том смысле, что было бы нетрудно увеличить массу капитала до такого объема, при котором его предельная эффективность упала бы до очень низкого уровня <...> Это означает, что пользование капитальными средствами приносило бы доход, несколько превышающий стоимость их физического и морального износа, плюс небольшую надбавку за риск и вознаграждение за мастерство и самостоятельное принятие решений»²⁵⁴.

Впрочем, социализация инвестиций по рецептам Дж. М. Кейнса не затрагивала рыночных устоев передовых индустриальных стран. В них сохранялись формальные гражданские свободы, частная собственность, право выбора видов занятости, способов получения доходов, распределения и расходования приобретенных денег. Решения о потреблении, сбережении, инвестировании в рамках располагаемых средств люди принимали своевольно.

Иной исторический сценарий ожидал Советский Союз в случае принудительного сбережения и накопления, инициированного директивно-плановой системой. Желание больше инвестировать в обстановке выдохнувшегося послевоенного восстановительного подъема экономики повлекло бы за собой жесткое регулирование и без того низкого уровня потребления народа путем сдерживания роста оплаты труда и личных доходов. Во имя обеспечения устойчивости цен и зарплаты понадобилось бы пресекать спекуляцию в негосударственных укладах и даже вводить нормированное распределение потребительских благ. Ради такой «стабилизации» нужно было бы искоренять частное предпринимательство. Экстраординарные вложения капитала сделали бы дефицит средств производства постоянным и привели к централизованной, «плановой» разрядке продукции предприятий группы «А» (тяжелой промышленности), планированию уровня ее рентабельности и «замораживанию» цен.

Итогом подобных мероприятий были бы тенденция к подавлению рыночных свобод почти по всем направлениям, трансформа-

---

²⁵³ См.: Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 513.

²⁵⁴ Там же. С. 512.

ция всех рынков – труда, денег, капитала, товаров – и механизмов их регулирования, изменение механизма среднесрочных циклических колебаний конъюнктуры и самих инвестиционных циклов.

Макроэкономические пропорции ускоренного экономического роста

Товарный голод во второй половине 1920-х гг. стал настолько обыденным, что воспринимался современниками как естественный режим функционирования и совершенствования советского хозяйства.

Научному анализу экономического роста в условиях товарного дефицита была посвящена статья В. П. Акуленко «Направление, темп, равновесие», напечатанная в журнале «Плановое хозяйство» № 4 за 1929 г. Эту публикацию надо признать важной вехой в истории отечественной экономической мысли, ибо она теоретически обосновывала закономерный характер хозяйственного развития СССР. Автор точно формулировал проблему: «Действительная причина товарного голода – политика капиталовложений, подчиненная интересам индустриализации страны»²⁵⁵. Он исследовал разбалансированность спроса и предложения на двух типах рынков: потребительских товаров и продукции технологического назначения.

Примечательным было выделение 1926/27 г. в качестве узлового момента развития макроэкономических процессов. До сей поры на предприятиях запускались незагруженные производственные мощности, доставшиеся от прошлого. Поэтому товарный голод сильнее ощущался с 1925 г. на рынках продукции широкого потребления. Но уже в 1927/28 г., когда объем строительства превысил довоенный в 1,5 раза, нехватка товаров усугубилась и на рынках средств производства, особенно строительных и конструкционных материалов²⁵⁶.

Рыночные диспропорции углублялись не только по причине повышения нормы накопления в национальном доходе, увели-

---

²⁵⁵ Акуленко В. П. Направление, темп, равновесие // Плановое хозяйство. 1929. № 4. С. 70.

²⁵⁶ Там же. С. 66.

чения общих размеров инвестиций, но и вследствие перекосов в структуре капитальных вложений. По мнению В. П. Акуленко, мы имели даже излишнее обострение товарного дефицита из-за нарушения пропорций вложения капитала в вертикально сопряженные друг с другом отрасли индустрии. Так возникла проблема в снабжении сырьем промышленного происхождения и стройматериалами. Но ускоренный рост вышестоящих по вертикали (по стадиям технологической обработки) отраслей, в сравнении с динамикой нижестоящих производств, обуславливал дефицит и в капиталоемких материалах. Например, развитие машиностроения упиралось в недостаток чугуна, металлургии – в недостаток руды и т.д. Рыночное напряжение усиливалось еще и высоким органическим составом капитала вышестоящих в технологической цепочке отраслей. Здесь инвестиции приносили отдаленный рыночный эффект, т.е. изготовление товаров начиналось лишь по окончании нескольких лет строительства. В свою очередь, для производства продукции таких промышленных сооружений требовались новые инвестиции в нижестоящие отрасли²⁵⁷.

Рассуждения В. П. Акуленко перекликались с рассмотренными выше идеями М. И. Туган-Барановского и В. В. Новожилова. Поянялось кумулятивное воспроизведение спроса на средства производства под воздействием инвестиционного бума, который обычно имеет место в фазе подъема среднесрочного цикла конъюнктуры. Но в обстановке фиксированных цен этот процесс протекал в форме взаимно усиливавшегося дефицита продукции при обмене между отраслями группы «А». Предприятия, изготавливавшие товары технологического назначения, особенно для инвестиционного комплекса, постепенно перетягивали к себе производственные ресурсы, ограничивая доступ к ним промышленности, выпускавшей ширпотреб, и сельского хозяйства. На рынках потребительских товаров недостаток был не столь разительным. Сказывалось влияние частной торговли, охватывавшей внушительную долю продаж продукции аграрного сектора и мелкой промышленности. Гибкие цены частной розницы уравнивали покупательские запросы с наличными товарными фондами.

---

²⁵⁷ Акуленко В. П. Направление, темп, равновесие // Плановое хозяйство. 1929. № 4. С. 66, 67.

Экономист отмечал закономерную связь между степенью роста цен и степенью дефицитности отдельных продуктов²⁵⁸. Например, цены на яйца, масло и т.п. были относительно высокими и подвижными, что обеспечивало их беспрепятственное приобретение. Наоборот, многие товары, реализуемые обобществленной торговлей по твердым ценам, попадали в разряд редких. Фиксированные цены осложняли приспособление производства и торговли к подвижкам спроса. Рынки пребывали в состоянии непрерывных, резких переходов от бестоварья к затовариванию. Проблема соответствия ассортимента и качества товаров вкусам и желаниям покупателей усиливала натурализацию торговли и ее распределительные функции.

По мнению В. П. Акуленко, раскладка инвестиций, диктуемая интересами индустриализации страны, не имела бы места в условиях стихийного менового хозяйства, где верховным регулятором развития является рынок. Рыночное регулирование увлекло бы капиталы в остродефицитные отрасли, и равновесие достигалось бы при понижении темпов экономического роста²⁵⁹. Следовательно, государственное предпринимательство, повышая темпы и определяя направление развития советского хозяйства, изменяло уровень макроэкономического равновесия.

Количественное изменение рыночных параметров сопровождалось качественной трансформацией управления воспроизводством. Для ускорения «равновесного» экономического роста и интенсивной переброски инвестиций в отрасли группы «А» понадобился специальный механизм планомерного руководства отечественным хозяйством.

Выражая интересы политико-хозяйственной бюрократии, В. П. Акуленко рассуждал здраво: «Высший критерий хозяйственного равновесия не критерий рынка, рыночных цен, а критерий производственных показателей, показателей физического объема промышленной и сельскохозяйственной продукции. Поэтому плановое хозяйство может сознательно ломать закон спроса и предложения, сознательно развиваться в условиях товарного голода, если

---

²⁵⁸ Акуленко В. П. Направление, темп, равновесие . С. 64.

²⁵⁹ Там же. С. 66.

этот путь обеспечивает ему, при данных хозяйственных ресурсах, не только наибольшие темпы роста, но и наибольшие возможности реконструкции хозяйства»²⁶⁰.

Увы, но государственному предпринимательству не дано полностью игнорировать закономерности функционирования рынка. Это понимал экономист, говоря, что поскольку существует связь между рыночными и производственными показателями, постольку существуют определенные границы волевого влияния на хозяйственную динамику. Не следует доводить «коэффициент рыночного напряжения» до такого предела, когда можно иметь обратную динамику физического объема того или иного вида продукции²⁶¹.

Автор статьи постарался ответить на серьезный теоретический вопрос: каковы законы «сопротивления социально-экономической материи», т.е. каковы допустимые границы нарушения межотраслевых пропорций под воздействием обильных инвестиций в приоритетные отрасли? Абсолютным пределом диспропорций или, иными словами, сопротивления экономической материи в сфере производства и сбыта товаров производственного назначения, по мнению теоретика, было такое увеличение капиталовложений в ведущие отрасли, которое нарушало общественно необходимый объем воспроизводства путем превращения в основной капитал текущих элементов воспроизводства, путем резкого отвлечения капиталов от прочих отраслей.

В этом случае, утверждал В. П. Акуленко, товарный голод из фактора реконструкции становится фактором деградации, разрывая рыночные связи и приводя постепенно к установлению равновесия на пониженном уровне (неполная загрузка работающего основного капитала вследствие дефицита сырья, понижение товарности деревни как по зернохлебам, так и по сырью, усиление его внутренней переработки и т.д.)²⁶².

Весьма спорным, но теоретически приемлемым представляется объяснение «законов сопротивления социальной материи».

---

²⁶⁰ Акуленко В. П. Направление, темп, равновесие. С. 51.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Там же. С. 57.

«С точки зрения интересов трудящихся масс, – писал специалист, – далеко не безразлично, иметь ли товарный дефицит при твердых ценах или равновесие при высоких ценах. Товарный голод при твердых ценах не конфискует покупательских фондов населения, что было бы возможно при условии высоких цен. А лишь модифицирует возможную структуру потребления»²⁶³. Хотя тут же делалась оговорка, что развитие при твердых или даже снижающихся ценах больше отвечает характеру экономики переходного периода, нежели развитие при стихийном уровне цен. Это означало, что интересы трудящихся масс все-таки подчинялись выгодам стратегии индустриализации.

Логичным выглядело утверждение, что рост цен в данный период привел бы к народнохозяйственному кризису²⁶⁴. Действительно, подъем цен остановил бы инвестиционную интервенцию, уменьшил реальный объем капиталовложений и снизил долю накопления в национальном доходе.

Если твердые цены удаляются от уровня текущего рыночного равновесия спроса и предложения товаров, то они превращаются в условные, волевые «лимиты». В обстановке товарного голода преобразуется и денежная система. Это отмечал автор: «Отражая не реальное соотношение спроса и предложения, а волевою установку государства в деле ценообразования, валюта приобретает элементы “хартальности”, становясь счетной единицей»²⁶⁵.

Перечисленные теоретические положения В. П. Акуленко можно признать конкретизацией идей М. И. Туган-Барановского и В. В. Новожилова применительно к анализу динамики макроэкономического равновесия и экономического роста в условиях хронического товарного дефицита. Критериями успешности и устойчивости развития государственного предпринимательства служили показатели темпов роста объемов производства различных отраслей, размеры инвестиций и доли накопления в национальном доходе, состояния товарных запасов и степени удовлетворения

---

²⁶³ Акуленко В. П. Направление, темп, равновесие. С. 71.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Там же. С. 72.

покупательского спроса. Стабилизация денежного обращения и нормализация ценовых пропорций не обладали рангом главных целей социально-экономической стратегии.

Вместе с тем, взгляды В. П. Акуленко были близки воззрениям Е. А. Преображенского, поскольку точно отражали мотивы поведения правящих политико-хозяйственных кругов. По убеждению автора статьи, дискуссия должна идти не в плоскости оправдывает ли себя политика товарного голода, а в плоскости каковы конкретные пределы волевого влияния нашего планового начала на нашу экономику; каковы критерии терпимости и экономической целесообразности той или другой степени товарного голода и т.д. Но такова уж судьба экономики, где само определение закономерностей приобретает политический характер²⁶⁶.

Излагаемая концепция вещала вообще о твердых ценах как о безусловно благом деле, не уточняя соотносительные уровни цен различных товарных групп. Но ведь наряду с налогами высокие цены на промышленные изделия использовались государством для принудительного накопления. На это обращал внимание В. Я. Железнов: «Последняя форма принудительного накопления представляет своеобразную особенность нашего времени, особенно поражающую иностранных наблюдателей, тем более что высокие цены промышленных изделий служат далеко не полностью целям капиталообразования. Деревня вынуждается сокращать свое потребление в пользу города в значительной мере не ради расширения промышленного производства, а для повышения уровня жизни городского населения, не оправдываемого уровнем промышленной продукции. Кейнс осудил этот способ как эксплуатацию крестьянина промышленностью и торговлей, а Преображенский возвел его в “основной закон первоначального накопления”. И тот, и другой не были правы. Нельзя считать всякое ограничение потребления деревни “эксплуатацией”»²⁶⁷.

---

²⁶⁶ Акуленко В. П. Направление, темп, равновесие. С. 72.

²⁶⁷ Железнов В. Я. Накопление в народном хозяйстве СССР // Вестн. финансов. 1927. № 9. С. 34.

Теория В. П. Акуленко несла важнейшую идеологическую нагрузку. Она сглаживала противоречия интересов народа и управленческой номенклатуры, «переводя стрелки» недовольства на частных предпринимателей. Так, автор писал: «Развитие молодого социалистического хозяйства покупается <...> более дешевой ценою – ценою товарного голода на коротком историческом отрезке времени, причем жизненные интересы широких трудящихся масс покупаются ценою вырождения <...> городской и сельской буржуазии, которой политика “скачкообразного” роста заказывает пути развития»²⁶⁸.

Не затрагивая «социальной персонификации производительных сил», теоретик подчеркивал: «Эволюционный характер развития воспроизводит в расширенном масштабе старую социальную структуру общества, старую систему производственных отношений. Это обстоятельство уже по чисто политическим соображениям далеко не безразлично»²⁶⁹.

Стало быть, правящая бюрократия избегала эволюционного развития также из-за боязни реставрации прежней политико-экономической системы. Естественно поэтому, что реконструкция народного хозяйства должна была происходить в обстановке не только рыночной, но и социальной напряженности. Однако В. П. Акуленко мудро предостерегал, что опасно было бы делать обратный вывод – чем больше напряжение, тем больше реконструкция.

Серьезным научным продвижением специалиста была и теоретическая постановка назревшей практической проблемы – создание резервов производственных ресурсов и товарных запасов для бесперебойного функционирования директивно-плановой экономики. В ситуации товарного голода и регулируемого ценообразования менялись функции торговли, и ее аппарат неминуемого превращался в организационную структуру планового распределения продуктов и услуг.

---

²⁶⁸ Акуленко В. П. Направление, темп, равновесие. С. 74.

²⁶⁹ Там же. С. 58.

***Осмысление парадигмы
государственно-организованного
предпринимательства***

Становление парадигмы экономической науки нового XXI века предполагает включение в нее «в снятом виде» в качестве частного случая теорию и историю директивно-плановой системы хозяйства. Интегрирование предыдущей парадигмы в современный категориальный аппарат подразумевает объяснение ее методологических предпосылок.

Представленный материал позволяет «изобразить в лицах» историю становления парадигмы директивно-планового хозяйствования. Она формировалась во второй половине 20-х гг. XX века в ходе научной дискуссии со сторонниками парадигмы рыночной экономики. Критерием истинности полемических суждений была реальная хозяйственная практика. Поэтому сопоставление ключевых моментов теории и методологии обоих течений российской экономической мысли между собой и с системой интересов и социальных сил в стране высвечивает объективную логику событий той поры.

Традиционная методология опиралась на ряд фундаментальных социально-экономических предположений. Как неотъемлемая данность воспринималась многоукладность российской экономики, т.е. и частное, и государственное предпринимательство имеют место быть. Различные формы собственности и хозяйствования дополняли друг друга, образуя целостную общественную структуру, которая должна развиваться путем самосохранения и самосовершенствования, но не саморазрушения.

В Советском Союзе возможно существование гражданского общества, обеспечивающее равноправие субъектов экономической деятельности и стабильный социальный мир. Формальное равенство прав гарантирует непринужденный эквивалентно-возмездный хозяйственный оборот. Наличие перечисленных условий позволяло рассматривать отечественную экономику в виде рыночной системы с соответствующим механизмом регулирования.

Исходные посылки теоретической модели смешанного, частично-государственного хозяйства конкретизировались исторической спецификой СССР. В нашей стране предприятия и учреждения корпоративного уклада – командные высоты в экономике – принадлежали государству. Это обстоятельство сопровождалось, во-первых, расширением зоны казенного предпринимательства, во-вторых, переходом крупных предприятий материального производства и оптовой торговли из режима конкуренции в режим централизованного управления.

Единое руководство корпоративными структурами подразумевало согласованное, плановое ведение их хозяйства. Регламентирование работы госсектора, так или иначе, воздействовало на прочие уклады. Поэтому советскому правительству суждено выполнять функцию координатора-плановика всего народного хозяйства. Законная власть обязана проводить взвешенную инвестиционную политику и добиваться сбалансированного, бескризисного экономического роста.

Стержнем государственного регулирования служат концентрация и распределение бюджетных денег. Финансовые ресурсы скапливаются и используются по принципу безвозмездного, неэквивалентного перелива средств. При сборах налогов, акцизов, пошлин и т.д., выдаче бюджетных дотаций, оплате ряда казенных расходов применяются нормы публичного права.

По убеждению сторонников «классической» доктрины бюджетный принцип организации хозяйства играет подчиненную роль по отношению к коммерческому принципу. Эта диспозиция не меняется с распространением интересов казенного предпринимательства на сопредельные социальные уклады. Советская экономика должна оставаться рыночной системой, в которой господствует ориентация производителей на прибыльное ведение дел. Экономисты, воспитанные на учениях европейской школы, надеялись, что нэп – «всерьез и надолго», ибо послевоенная политика сочетала фундаментальные ценности многоукладного хозяйства с российскими особенностями.

Они объявляли план и рынок вполне совместимыми понятиями, поскольку нормальные плановые проектировки не ликвиди-

ровали основ рыночного поведения производственных звеньев и потребителей. С их точки зрения, главным субъектом экономики было коммерчески поставленное предприятие, независимо от формы собственности. Естественной «средой обитания» государственных промышленных трестов может быть только рыночное хозяйство.

Казенные предприятия, как и частные, обязаны удовлетворять запросы покупателей, добиваться увеличения доходов посредством роста выпуска продукции, снижения издержек, установления оптимальных цен. Коммерческий расчет производителей строится на базе рыночных параметров: цен, денежной массы, спроса и предложения товаров.

Поведение населения в качестве потребителей также определяется правилами рыночной экономики. Граждане обладают свободой выбора покупки; их деньги имеют реальную ценность, а спрос диктуется размером личных доходов и уровнем розничных цен.

Мотивы планомерного государственного предпринимательства объяснялись столкновением противонаправленных побуждений. С одной стороны, правительство стремилось вкладывать капитал в высокорентабельные сферы экономики, дабы получать от него наибольшую и быструю отдачу. С другой стороны, большевики под воздействием геополитических, межнациональных, социально-иерархических, сословно-бюрократических и т.п. интересов инвестировали средства в бесприбыльные программы. Но даже эта «запланированная бесхозяйственность» не может обходиться без учета стоимостных, рыночных показателей, без денежного выражения затрат и результатов.

Аппарату управления надлежит принимать решения, исходя из текущих и прогнозируемых колебаний конъюнктуры внутреннего и мирового рынков. Иначе реализация планов ведет к возникновению кризисных ситуаций в отечественной экономике, препятствует ее пропорциональному росту. Государство решающим образом влияет на динамику рынков товаров, капитала, денег и труда. Но ему нет надобности «ломать» рыночные регуляторы. Наоборот, гораздо разумнее использовать «порядок вольного обмена» ради

собственной казенной выгоды и общественной пользы. Рыночные параметры нужны для ориентации и оценки деятельности всех субъектов хозяйствования. Поэтому надо заботиться об эксплуатации механизма рыночных связей в соответствии с закономерностями его функционирования.

Согласно «классическим» взглядам, власти прежде всего отвечают за поддержание ценности национальных денежных знаков. Тем обеспечивается устойчивость измерителя цен, издержек, прибыли, гарантируется сохранность реальных доходов населения, предпринимателей и казны. С регулированием покупательной способности тесно переплетается конвертируемость отечественных денег в иностранную валюту. Стабильность денежного обращения предполагает умеренную эмиссию наличных купюр и монет, неинфляционное банковское кредитование, сбалансированный государственный бюджет и размещение правительственных займов в случае погашения его дефицита, пропорциональные инвестиции казенных средств, продуманную политику внешней торговли, паритетный курс рубля при размене на твердую зарубежную валюту или золото.

«Ученые-традиционалисты» исповедовали идеологию эквивалентно-равновесного функционирования и эволюционного развития российского хозяйства. Они критиковали политику чрезмерно ускоренной индустриализации и не одобряли перекраивание многоукладной экономики страны. Движение этим курсом, по их мнению, вело к диспропорциям и кризисам в народном хозяйстве, портило рыночный механизм и возвращало экономику к примитивно натуральной, распределительной системе военного коммунизма, нагнетало социальную напряженность.

Привлекательность «рыночной» школы российской экономической мысли была несомненной. Она провозглашала формальную свободу и равенство прав субъектов гражданского оборота, утверждала общенародные ценности. «Специалисты-рыночники» желали восстановления исторической преемственности с прошлым, оборванной эпохой войн и революций. В их исследованиях выявлялись тенденции поступательного движения нашего хозяй-

ства, пробивавшие себе дорогу вопреки всем невиданным доселе политико-экономическим потрясениям.

Теоретические изыскания Н. Д. Кондратьева, Л. Н. Юровского и других экономистов отвечали критерию научной истины, когда разъясняли возможные отрицательные последствия необузданного государственного предпринимательства. Осуществление предлагавшихся ими мер почти наверняка оградило бы от разрушения современное рыночное хозяйство, помогло избежать или уменьшить глубину кризисов в советской экономике, сгладило социальные конфликты. Хотя темпы и пропорции экономического роста державы при этом могли быть другими.

Слабости указанной доктрины были продолжением ее достоинств. Ей недоставало четко сформулированных целей и идеологии экономической политики. Кроме того, она выглядела «замком на песке», ибо фактически отсутствовала ее фундаментальная предпосылка – равноправие социальных сил как основа рыночного равновесия.

«Общепризнанное видение» не опиралось на мощные интересы. Безоговорочными носителями «классических» рыночных традиций выступали сравнительно зажиточные крестьяне, кустари, ремесленники, частнокапиталистические дельцы. Эти слои населения были либо малочисленны, либо расплывены, малоимущи и плохо организованы, т.е. слабы, чтобы отстаивать собственные выгоды в борьбе с интересами государственного предпринимательства, представленными группой партийно-советской бюрократии и работниками казенного сектора.

Парадигма рыночного хозяйства стесняла действия государственной номенклатуры и воспринималась ею как внешне навязываемое объективное ограничение, которое надо устранять при первой же возможности. Интересам ведущего игрока экономического соревнования полнее отвечала теоретическая конструкция директивно-плановой системы.

Концепция государственного планового руководства отечественным хозяйством создавалась на антирыночных предпосылках. Изначально рынок объявлялся несовершенным, устаревшим механизмом регулирования, поскольку его функционирование

сопровождалось периодическими общенациональными и мировыми экономическими кризисами. Постоянно повторявшиеся хозяйственные катаклизмы связывались со стихийной конкуренцией частных лиц, неимением рационального начала в экономике страны.

Апологеты директивно-плановой парадигмы доказывали неизбежность замены рыночной системы централизованно управляемым предпринимательством за казенный счет. По их убеждению, промежуточной стадией этого процесса было подчинение конкуренции индивидуальных собственников сферам влияния предприятий корпоративного уклада, а также появление элементов плановой организации в крупных акционерных компаниях.

Исходные положения теоретической модели директивно-плановой экономики выстраивались на противопоставлении идеальной схеме совершенного, конкурентного рынка. Затем абстрактные «предрассудки» конкретизировались допущением «переходного периода», на протяжении которого старые отношения вынужденно сосуществуют с новыми и образуются экономические формы, сочетающие в себе «взаимоисключающие» свойства.

Логическая схема «переходного периода» обладала преимуществами пластичной и динамичной рабочей гипотезы. Она позволяла отслеживать общественные связи в развитии, удовлетворительно интерпретировать отсутствие или неразвитость предполагаемых «чистых» форм будущего, толковать о консервации «пережитков прошлого».

Подобное комбинирование плана и рынка помогло сотворить теорию социалистического товарного хозяйства. Так логика самого предмета исследования понуждала признавать посылки и умозаключения альтернативного научного направления. Обе школы российских экономистов открывали истину, углубляя исследование, каждая со своей точки зрения. Ход теоретической мысли зависел от соподчиненности интересов, принятой учеными.

Государственное предпринимательство можно было выставить антиподом частного хозяйствования, если выделять различия между ними и акцентировать на этом внимание. Такая ортодоксальная методология опиралась на объективные предпосылки.

Концептуальное видение адептов директивно-плановой парадигмы было макроэкономическим, охватывавшим все хозяйство «оком государевым». Ему было чуждо конструирование основ рыночного хозяйства из единичных покупателей и продавцов. Главным субъектом экономической деятельности признавалось государство «диктатуры пролетариата» – собственник «командных высот» в стране. Верховенство казенного предпринимательства на иерархической лестнице укладов отвергало равноправные отношения между ним и остальными хозяйственными звеньями, потребителями его продукции и услуг, нанимаемой рабочей силой. Дополнительный авторитет придавала госсектору историческая необходимость прогрессивного подъема его крупной промышленности, которая требовала выкачивания денежных средств из фондов производителей и личных доходов людей.

Уникальная роль государства как активнейшего и могущественного перераспределителя ресурсов получила солидное теоретическое обоснование и идеологическое подкрепление. Монопольное положение государственного предпринимательства на всесоюзном рынке объяснялось закономерным завершением монополизации отдельных отраслей капиталистической экономики, достижением ее высшей стадии. В итоге этого процесса происходила национализация корпоративных структур и возникала плановая организация всего народного хозяйства.

Государственный уклад рассматривался выразителями словесных интересов бюрократии в виде единого комплекса, в котором преобладали нормы публичного, а не гражданского – «частно-рыночного» права. Соответственно доминировал не коммерческий принцип работы предприятий, а принцип единого, централизованного бюджета.

С «колокольни» директивно-плановой парадигмы воспроизводство обособленных частей казенной экономики представлялось внутривнутрихозяйственным актом, подчиненным общим правительственным соображениям. Поэтому изменялись критерии оценки работы отраслей промышленности, торговли, банковской сферы и пр. Рыночные параметры – цены, издержки, прибыль, банковский процент, валютный курс – превращались в условные единицы, ис-

пользуемые для расчета затрат и результатов плановых заданий. Стоимостные показатели утрачивали функции непосредственных регуляторов хозяйствования первичных звеньев экономики.

В пределах госсектора практически выключался мощнейший двигатель предпринимательства – конкуренция. Убытки не грозили разорением и прекращением существования казенным трестам, синдикатам, кредитным учреждениям и тому подобным заведениям. Потери можно было компенсировать резервами бюджетных денег. Это допускало, до известной степени, пренебрежение режимом коммерческого расчета в единой «казенной бухгалтерии». Теоретически весь государственный аппарат в масштабах страны мог хозяйничать без прибыли и даже в убыток, если его финансовые растраты покрывались притоком налоговых платежей в бюджет либо необеспеченной денежной эмиссией.

«Антирыночные» предпосылки новой парадигмы несли зримую идеологическую нагрузку. С их помощью официальные круги доказывали «неотвратимость» вытеснения частных укладов обобщественными, судачили о «пользе» свертывания рыночного хозяйства под напором командно-планового управления, оправдывали экстремизм экономической политики.

Научная логика противоборства «мрачного» прошлого и «безоблачного» будущего произрастала из военно-коммунистической поры. Те годы явили прецедент, когда государственная власть первоначально изгнала частных хозяев и управляющих из корпоративного сектора, а затем национализировала предприятия средних и мелких владельцев.

Вторжение революционного правительства в низлежащие по иерархии уклады было вынужденной мерой. Казенное предпринимательство все-таки функционировало в исключительных, кризисных условиях, при которых рыночный механизм распался на фрагменты и прекращал действовать. Система планового, нормированного распределения продуктов оказалась терпимой заменой вольного рынка, а централизованное, бюджетное погашение расходов и потерь поддерживало жизнедеятельность производителей в периоды, когда его альтернатива – коммерческая организация дела – была просто немислимой.

Важнейшей причиной военно-коммунистических преобразований российского общества была политика чрезвычайного изъятия ресурсов на вооружение и содержание армии. Такого бесподобного, несправедливого передела народного дохода в пользу государства не смогла выдержать эквивалентная по своему существу форма свободной рыночной торговли.

Невосполнимое отвлечение средств на военные нужды качественно трансформировало отечественное хозяйство. Обычная торговля выродилась в прямой товарообмен, а рубль лишился почти всех функций денег. Недостаток товаров при инфляционно нараставшем спросе заставил государство регулировать их рыночный оборот и вводить плановое распределение продуктов. Следующим шагом стала экспроприация частных промышленных предприятий. Так, рука об руку шло замещение рыночного механизма централизованным плановым руководством и выдавливание личной инициативы граждан государственным предпринимательством. Обе эти тенденции набирали мощь вместе с увеличением безвозмездного присвоения национального дохода диктатурой революционеров.

Интенсивное огосударствление экономики создало жестко централизованное, почти полностью натуральное нерыночное хозяйство. Социально-экономические реформации имели свою объективную логику. Советская власть победила в гражданской войне ценою катастрофического развала и истощения производительных сил державы.

С точки зрения классической рыночной теории «закономерное», военно-коммунистическое разрушение российского хозяйства выглядело варварством. Возникшая на его обломках система представлялась примитивной, не способной обеспечить благоденствие страны. Содеянное воспринималось как явный откат в «дремучее» прошлое.

Глазами противоположной научной школы происшедшее виделось иначе. Большевикам удалось овладеть стратегическими сферами экономики и изобрести механизм планомерного руководства ею в собственных интересах. Они выработали адекватную своему политическому господству хозяйственную структуру, которая

продемонстрировала надежность и боеспособность в отражении иностранной агрессии и вооруженного сопротивления внутренних оппозиционных сил.

«Сеятели идей» директивно-плановой парадигмы говорили об эпохе военного коммунизма с восхищением, как о богатейшем опыте хозяйственного руководства. О его ценности опять зашла речь, когда государство вновь вознамерилось широкомасштабно перераспределять национальный доход на нужды индустриализации. Главной помехой вытряхиванию народных карманов был рыночный механизм, восстановленный в первые годы нэпа. На преодоление эквивалентно-равновесного регулирования и были направлены усилия правящей бюрократии. Эти ее устремления выражали и теоретически упорядочивали представители «неопланомерного» течения нашей экономической науки.

Советская власть конструировала систему планового управления отечественным хозяйством с целью его ускоренной индустриализации, думая о собственной перспективе. Ведь наращивание промышленного потенциала еще с императорских времен служило укреплению государственной машины. Историческая специфика периода нэпа определялась тем, что крупные фабрики и заводы принадлежали казне, а эксплуатация их в режиме рыночного регулирования не устраивала новый слой верховных хозяйственных начальников. Им понадобился механизм, подчинявший себе оборот всесоюзного рынка. Государственный сектор выступал единым продавцом или покупателем на рынках товаров, капиталов, денег, рабочих рук. Положение монополиста помогало перетягивать в свою пользу параметры рыночного равновесия, да так далеко, что неузнаваемо менялось регулирование спроса и предложения.

Стихийное торговое балансирование производства продукции, ее обмена и потребления отступило под натиском централизованного планирования народного хозяйства. «Классический» рынок с избытком предложения казался «реликтом» при самовозобновлявшемся товарном голоде, предполагавшем неценовое распределение дефицитных вещей и услуг.

Директивно-плановая система возникла из потребности управления экономикой в ситуации излишнего спроса. Но она не

ликвидировала, а постоянно воспроизводила условия товарного дефицита, т.е. сохраняла объективные предпосылки собственного существования. Развитие хозяйства в обстановке хронической нехватки ресурсов и продукции было трудно совместимо с функционированием вольного рынка.

Казенное предпринимательство «планомерно» портило своим инфляционным инвестированием рыночные регуляторы. Неудовлетворенные потребительские запросы инициировали арбитраж частного сектора – спекулятивную перепродажу товаров, валюты. Преследуя поставленные цели, правительство вынуждено было идти против свободного хозяйственного оборота.

Теоретическое обоснование вседозволенности государственного предпринимательства приверженцы новой парадигмы искали в историческом экскурсе, согласно которому капиталистическое предприятие зародилось на базе мелкотоварного, а единое государственное хозяйство появляется «на спине» крупной буржуазной собственности. Каждая последующая форма производства как социально более прогрессивная «питается соками» ранее возникших укладов. Стало быть, казенному сектору «на роду написано» процветать, уповая не только на внутренние резервы, но и на средства всех прочих субъектов хозяйствования.

Этот предрассудок закладывал идеологический фундамент под возможность реформирования нэпа в сторону воссоздания элементов военно-коммунистической экономики. К планомерной регламентации власти прибегли в условиях незатухавшего товарного голода. А самовоспроизводившийся дефицит подталкивал советское правительство к наращиванию объема безвозмездно изымаемых ресурсов и к расширению неэквивалентных отношений госсектора с частными лицами и предприятиями.

Ученые, разрабатывавшие концепцию плановой экономики, отмечали закономерную взаимосвязь тенденций. Государственный аппарат все отчаянней боролся с рыночными силами. Он не только навязывал частным укладам централизованный диктат, но и прямо занимался их разрушением, преодолевал социальную многоукладность страны.

Одновременно управленцы высшего звена целеустремленно перекраивали рыночный механизм на манер «единой бухгалтерии» государственного предпринимательства. Стоимостные формы постепенно превращались в условно-расчетные параметры, предназначенные для вспомогательного регулирования казенного сектора. Из целостного набора рыночных рычагов оставались лишь те, без которых невозможен торговый обмен. В СССР создавалось планово-рыночное (товарно-социалистическое) хозяйство, функционировавшее в ином режиме, нежели стихийный рынок. Основательная переделка механизма руководства отечественной экономикой была затеяна ради концентрации инвестиций на индустриализацию.

Столкновение идеологий и хозяйственных парадигм отражало расстановку сил в нэповской России. Это был конфликт между социальными слоями, благополучие коих увязывалось с новообретенной и традиционными системами ценностей. Государственный аппарат противостоял всем другим сословиям. Его союзниками становились при известном стечении обстоятельств работники казенных предприятий и учреждений, прежде всего промышленные рабочие.

Соотношение сил было отнюдь не равным. Государство занимало два верхних этажа в иерархии укладов: бюджетный и корпоративный. Первый означал наличие политической власти и возможность перераспределения денежных фондов в свою пользу, в том числе на финансирование корпоративных структур. Второй же задавал вектор исторического развития державы, ибо включал в себя оптовую торговлю, кредитную сферу, передовую промышленность, которая была самой динамичной областью, определявшей «лицо» экономики. Именно здесь формировалось «силовое поле» политики индустриализации. Ветер истории дул в паруса «казенного фрегата».

Завершая критический анализ «парадигмальных» построений директивно-плановой системы хозяйства, можно высказать следующие суждения. Допустимо описание социалистической экономики на основе развития концепции Дж. М. Кейнса. Воз-

можно использование классической (в широком смысле) экономической теории для описания рыночного и предпринимательского поведения хозяйствующих субъектов. Легко учесть институциональные изменения в экономических системах, введя в теоретические построения главный политико-экономический институт – государство. Необходимо углубление методологии экономической теории в рамках концепции парадигм. Хозяйственную парадигму надо рассматривать как системную, социально-экономическую.

Директивно-плановая экономика была самостоятельной системной парадигмой, хотя бы потому, что в СССР изучался вузовский курс политической экономии социализма, который отражал исторические реалии. Фундамент этой научно-методической концепции заложили российские экономисты в эпоху нэпа. Существование директивно-плановой советской экономики в качестве объективно обусловленной, самостоятельной хозяйственной парадигмы доказывается рассмотрением ее в контексте развития как российской, так и мировой экономической теории и практики.

Обобщая сказанное, следует умозаключить, что в середине 1920-х гг. российское научное сообщество вырабатывало концептуальные теоретические взгляды на происходившие перемены – возобновление планового регулирования хозяйственного оборота. Полемические пары составляли Н. Д. Кондратьев и С. Г. Струминин, Л. Н. Юровский и Е. А. Преображенский и др. Сторонники первого рода воззрений продолжали традиции «классической», рыночной парадигмы в экономической теории. Представители второй школы брали за основу народившуюся парадигму планового, государственно-управляемого хозяйства. Обе школы российских экономистов открывали истину, углубляя исследование, каждая со своей точки зрения. Комбинирование «плана и рынка» помогло им сотворить теорию социалистического товарного хозяйства.

Глава 14

Эволюция неоклассической теории директивно-плановой экономики: системная парадигма Я. Корнаи

Современное осмысление экономической истории России XX века предполагает развитие теоретико-методологического аппарата исследований. Научный интерес представляет разработка обобщающей парадигмы, в которой директивно-плановая советская экономика рассматривалась бы как закономерно возникшая и существовавшая при определенных условиях система. Плодотворным направлением теоретических изысканий могут стать критическая оценка и использование результатов уже имеющихся концептуальных построений и исторических экскурсов.

Исходные предпосылки неоклассической теории системных парадигм

Заслуживает внимания изданная у нас в стране фундаментальная монография венгерского экономиста Яноша Корнаи «Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма»¹. Свою книгу Я. Корнаи оценивает как постановку задачи синтеза системной парадигмы. Она описывает рождение, зрелую форму, эрозию

---

¹ См.: Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М., 2000.

и саморазрушение исторической формации – социалистической системы. Такая авторская ремарка содержится в теоретико-методологической статье «Системная парадигма», опубликованной в журнале «Вопросы экономики» № 4 за 2002 год².

Венгерский экономист вводит понятие «системная парадигма». Он пишет: «Парадигма – это долговременно существующий способ мышления научного сообщества. Сменяющие друг друга поколения изучают ранее созданную парадигму по учебникам. Это критерий, которому отвечает *системная* парадигма. Она позволяет взглянуть на длительный исторический период и обеспечивает определенный круг исследователей интеллектуальным путеводителем, что и призваны делать парадигмы»³.

Автор называет главные свойства системной парадигмы: системный анализ; охват всех обществоведческих наук; институциональный подход; историческое объяснение происходящего; политический либерализм и индивидуальный выбор; изучение перехода от системы к системе; выявление недостатков функционирования системы; сравнение общественных систем⁴.

Содержательная характеристика системной парадигмы сопровождается кратким обзором ее интеллектуальной истории; имена ученых упоминаются в соответствии с их вкладом в становление общей концепции. Список открывает К. Маркс как «пионер» системных исследований. С ним соседствуют его идейные оппоненты – Л. фон Мизес и Ф. фон Хайек. Поименованных мыслителей, по мнению автора, объединяет комплексность научного анализа, постановка проблемы трансформации общества, а также убежденность в том, что сравнение капитализма и социализма – достойный объект изучения⁵.

Отмечаются роль К. Поланьи в разработке теории механизмов социально-экономической координации и широкий обществоведческий подход Й. Шумпетера, охватывающий экономику, политологию, социологию и историю. Достижением В. Ойкена

---

² См.: Корнаи Я. Системная парадигма // *Вопр. экономики*. 2002. № 4. С. 9–10.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 10–12.

⁵ Там же. С. 6–7.

признается концепция экономического порядка, отразившая взаимодействие юридических и институциональных условий с экономической активностью. За историческое объяснение общественной организации в список великих теоретиков включен М. Вебер. Завершается перечень ссылкой на собственную работу «Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма»⁶.

Этот историографический обзор в определенном смысле представляет собой зеркальное отражение работы В. И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма». Если вождь российских большевиков называл либеральную классическую английскую политическую экономию источником экономического учения К. Маркса⁷, то Я. Корнаи начинает отсчет истории либеральной, неоклассической системной, парадигмы с научных трудов К. Маркса.

Расширяя толкование ленинской цитаты, можно сказать, что не только в марксистской версии социалистической экономической теории, но и в радикальном экономическом либерализме «нет ничего похожего на “сектантство” в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации»⁸.

Фактически, венгерский исследователь констатирует преемственность и взаимообусловленность развития ортодоксальных течений мировой экономической мысли. Вместе с тем, обращение Я. Корнаи к воззрениям К. Маркса выполняет конкретную установку – выбор адекватного, построенного на противоположных принципах научного материала для критического самоутверждения неоклассического направления.

Марксизм в качестве оппонента не страшен «неоклассике»; его можно интерпретировать как антипод «нормального», «естественного» научного метода, используя полемику на весьма абстрактном теоретическом уровне. Такая ситуация характерна для взаимодействующих противоположностей. Крайности в рамках

---

⁶ Корнаи Я. Системная парадигма. С. 7–9, 11.

⁷ См.: Ленин В. И. Три источника и три составные части марксизма. 5-е изд. Т. 23. С. 43.

⁸ Там же. С. 40.

одного противоречия могут меняться местами, переходить друг в друга. Поэтому парадигмы социалистической и либеральной экономических теорий во многом определяются друг через друга, как через свое отрицание. Эту диалектику рефлексии подчеркивал Гегель⁹.

В борьбе противоположностей две названные школы экономической мысли решают созидательные задачи: очерчивают поле и определяют проблематику научного поиска, углубляют методологию с полярных идеологических позиций, дают ответы на актуальные вопросы современности и истории хозяйства, пополняют концептуальные и прикладные знания, способствуют взаимному обогащению.

Я. Корнаи допускает «возможность существования альтернативных парадигм в общественных науках, играющих конструктивную, прогрессивную роль», но выступает против их «беспринципного» мирного сосуществования¹⁰. Более того, его собственное изложение парадигмы разворачивается как критика социалистической системы.

Экономика «Дефицита» и экскурсы в историю экономической мысли

В книге «Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма» Я. Корнаи постарался обобщить многие положения своих предыдущих исследований, содержащихся в монографиях и журнальных статьях. Знакомство с самой всеобъемлющей из предшествовавших монографией венгерского ученого «Дефицит»¹¹ позволяет понять эволюцию его взглядов и тенденции формирования системной парадигмы на основе идей либерализма и неоклассической теории.

В монографии «Дефицит» предпринята попытка создания обобщающей теории директивно-плановой экономики «восточно-европейского типа», но эти концептуальные построения абстрактной социалистической модели в рамках неоклассики вряд ли мож-

---

⁹ См.: Гегель Г. Наука логики // Гегель Г. Сочинения. Т. V. М., 1937. С. 479, 509, 523.

¹⁰ См.: Корнаи Я. Системная парадигма. С. 5.

¹¹ См.: Корнаи Я. Дефицит. М., 1990.

но признать удачными. Будучи приверженцем ортодоксальной экономической теории, Я. Корнай отвергал иные методологические подходы, что и предопределило слабость его концептуальных воззрений, опирающихся на упрощенный, статический анализ.

Дух «economics» проявился в том, что Я. Корнай видел главную задачу исследования в изучении экономических процессов на микроуровне в ситуации краткосрочного приспособления спроса и предложения. Он рассматривал директивно-плановую экономику как отрицание рыночного хозяйства, опираясь на теорию равновесия Вальраса¹². Поэтому книга «Дефицит» могла бы иметь созвучное с более ранней работой «Анти-равновесие»¹³, второе, поясняющее, название «Анти-неоклассика», или «Анти-экономикс».

Поскольку логика доказательства строилась на противопоставлении абстрактной модели социализма идеальной модели свободной конкуренции, то автор начинал с сомнительных теоретико-методологических предпосылок об отсутствии в плановом хозяйстве цен, прибыли, зарплаты, денег¹⁴. Абстрагирование от товарно-денежных отношений допускалось из-за неверной посылки о том, что экономические процессы в условиях неизменных цен и без воздействия цен – это одно и то же. В таком подходе скрывается более глубокий методологический изъян – допущение соизмеримости экономических процессов без денежной формы, без ценностного счета. Поэтому автор сразу же наткнулся на проблему измерения и наблюдения экономических фактов и явлений. Он толковал об инвестициях, предположив отсутствие денег¹⁵.

Экскурс первый:

российская экономическая мысль 1920-х гг.

Наш венгерский современник ссылался на работы российских экономистов эпохи нэпа, выделяя публикацию Л. Н. Крицмана «Героический период Великой русской революции» и статью

¹² Корнай Я. Дефицит. С. 41.

¹³ См.: *Kornai J. Anti-Equilibrium. On Economic Systems Theory and the Tasks of Research.* Amsterdam, North-Holland, 1971 ; *Корнай Я. Анти-равновесие. Об экономической теории систем и задачах исследования.* Амстердам, 1971.

¹⁴ См.: *Корнай Я. Дефицит.* С. 45.

¹⁵ Там же. С. 208–237.

В. В. Новожилова «Недостаток товаров»¹⁶. Но его собственный анализ противоречил методологическим предпосылкам российских теоретиков. Проблема товарного дефицита исследовалась ими в условиях фиксированных, заниженных рыночных цен, а не при отсутствии денежного обращения и ценового счета¹⁷. Даже в деградировавшей, тяготевшей к натурализации военно-коммунистической экономике сохранялась необходимость свободного хождения денег и ценообразования¹⁸.

Российские ученые подчеркивали, что в натуральном государственном хозяйстве эпохи военного коммунизма планомерность была невозможна. Без товарно-денежных отношений директивно-плановая система зависала в сфере идеологии и организационно-правовых мероприятий, не опиралась на экономический фундамент. Поэтому основой успешного планового руководства считался товарный рынок¹⁹. Объяснение несостоятельности теорий безденежного хозяйства подкреплялось ссылками на безуспешность их практической реализации в России в 1919–1921 гг.

Анализу рекомендаций по организации безденежного хозяйства посвящена специальная глава «Проблема безденежного хозяйства» в книге Л. Н. Юровского «Денежная политика советской власти (1917–1928)». Этот эпизод из истории отечественной экономической мысли был связан с хозяйственной политикой периода военного коммунизма. В те годы обстановка складывалась чрезвычайная. Кризисное падение производства, сокращение товарооборота происходили на фоне невиданных темпов эмиссии бумажных денег. Рубль («совзнак») едва справлялся с функциями национальной валюты. С 1918 г. началась ускоряющаяся натурализация государственного бюджета, хозяйственных связей и обмена продуктами.

Однако бедствия воспринимались верхними эшелонами власти как появление элементов будущего строя, о которых писали

---

¹⁶ Корнаи Я. Дефицит. С. 55.

¹⁷ Цит. по: Нэп и хозрасчет. М., 1991. С. 319–339.

¹⁸ См.: Крицман Л. Н. Героический период Великой русской революции // Вестн. Коммунистической академии. 1924. Кн. 9. С. 123.

¹⁹ Цит. по: Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Л., 1989. С. 218–219.

марксисты: отмирание денег, товарной формы обмена, закона стоимости и других «пережитков прошлого». Вероятно, поводом тому служило известное высказывание К. Маркса, своего рода исторический прогноз, что в условиях общественного владения средствами производства и планомерного расходования индивидуальных рабочих сил рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливало бы надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. В то же время рабочее время служило бы мерой индивидуального участия в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта²⁰.

В ожидании окончания гражданской войны и перехода к новым формам хозяйственного строительства и управления академические и ведомственные круги были озабочены разработкой методов учета, которые должны будут применяться в советской хозяйственной системе вслед за полной ликвидацией денежного обращения и денежного хозяйства.

Уже во второй половине 1919 г. в обстановке сверхвысоких темпов инфляции, натурального продуктообмена и пайковой (карточной) системы снабжения городского населения, введения трудовой повинности, расширения масштабов продовольственной разверстки специалисты Высшего совета народного хозяйства приступили к обсуждению актуальной проблемы. На третьем съезде Совета народного хозяйства в январе 1920 г. прозвучал тезис об установлении твердой учетной единицы в хозяйстве и бюджете страны на основании измерения единицы труда, поскольку чрезвычайная неустойчивость рубля делала его неудобным для учета хозяйственных операций. Год спустя Совет народных комиссаров образовал межведомственную комиссию, дабы безотлагательно приступить к разработке счетной единицы, как общего мерила оценки, наиболее соответствующего трудовому строю. Кроме ведомств, в дискуссиях по поводу новых ценностных единиц участвовали отдельные теоретики и практики. Итогом всех устремлений оказалась «небольшая русская литера-

---

²⁰ См.: *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М., 1978. С. 89.

тура», которая выдвинула в 1919–1921 гг. различные соображения о формах учета в социалистическом хозяйстве²¹.

Обзор указанной литературы Л. Н. Юровский предварил принципиальными и глубокими по научному смыслу оговорками. Так, по убеждению автора, «ценностно-денежный счет и для товарно-денежного хозяйства не является и не может быть единственным. Не говоря уже о том, что и сам он не может не опираться на учет натуральных единиц, – пудов, аршин, ведер продукта, – предприятия не могут, – даже при самой развитой товарно-денежной системе, – ограничиться одним только ценностным измерением в его наиболее общей форме»²². Примеры тому общеизвестны: балльная оценка племенного скота, единицы условного топлива, пудоверсты, пассажирроверсты на железнодорожном транспорте. «Но ни одна форма учета, кроме ценностно-денежной, не является всеобщей, не может служить формой учета всего, что происходит внутри данного предприятия и вне его. Ни одна другая форма не делает всё хозяйственное сравнимым и не позволяет сопоставить итог всех затрат с итогом всех полученных результатов. <...> Товарно-денежное хозяйство находит свое равновесие через посредство цены. Через нее оно достигает (точнее, стремится достигнуть) сперва равновесия между спросом и предложением, а затем – равновесия между издержками производства и результатами производственной деятельности. <...> Раз все имеет цену и продается и покупается за деньги, то денежный счет (до тех пор, пока единица этого счета практически достаточно устойчива) может служить и служит регулятором всей хозяйственной деятельности»²³.

Но, как справедливо указывает Л. Н. Юровский, денежно-ценностный учет представляет собой условный метод и не разрешает безупречно все свои задачи. Так, при сопоставлении с выручкой издержки не всегда могут быть точно определены. При учете себестоимости продукции неизбежны условные предположения, в частности в процессе калькуляции амортизации основного капи-

---

²¹ См.: Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). М., 1928. С. 88–89.

²² Там же. С. 91.

²³ Там же. С. 91–92.

тала. Далее, в хозяйстве всякой страны имеется множество цен, среди которых есть «цены монополистических и квазимонополистических предприятий», иногда дающие сверхприбыли, иногда не покрывающие издержек производства, сплошь и рядом не обеспечивающие равновесия между спросом и предложением. Затем, существующая система хозяйственного учета и рынка ставит сама себе границу там, где хозяйственные блага бесплатно предоставляются потребителю. Наконец, цены выражаются в денежных единицах, покупательная способность которых постоянно изменяется. Единица абсолютной устойчивости никогда не будет найдена, ибо по самому существу ценностного измерения такой единицы не может быть. Все измерения цен – измерения в колеблющейся единице, и на практике (даже вне военных и революционных условий) бывают случаи, когда предприятие проедает капитал, считая, что накапливает его. Ценностный счет не совпадает со счетом благосостояния, не всегда степень благосостояния можно измерить по ценам и судить о том, насколько полно удовлетворяются потребности общества и отдельных граждан. Поэтому существующая система условная. Однако условная не значит неудовлетворительная²⁴.

Критическому обзору были подвергнуты методы учета в социалистическом хозяйстве, предложенные М. Смит и С. Клепиковым (на «основе комбинированной трудоэнергетической единицы»), А. В. Чаяновым (на основе учета отдельных затрат в отношении к продукту), Х. Креве, К. Ф. Шмелевым, С. Г. Струмилиным (на основе измерения затрат труда в производстве)²⁵. Среди прочих контраргументов интересными представляются нижеследующие рассуждения Л. Н. Юровского: «То обстоятельство, что самый крупный из социалистических мыслителей, К. Маркс, анализировал социальные отношения в капиталистическом обществе с точки зрения затраты труда на производство товаров, само по себе не может служить основанием к тому, чтобы положить этот принцип описания капиталистического хозяйства в основу хозяйственной практики совершенно иной социально-экономической системы. Борьба рабочего класса против капиталистической системы про-

²⁴ Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). С. 93, 94, 95.

²⁵ Там же. С. 96–117.

исходит ведь не потому, что товары обмениваются пропорционально “издержкам производства”, а не “трудовым ценностям”, т.е. не потому, что вся масса прибыли “перераспределяется” пропорционально затраченным в отдельных отраслях производства капиталам, а потому, что эта прибыль поступает в распоряжение владельцев капитала. Цель этой борьбы заключается не в том, чтобы не было “перераспределения” всей массы прибыли между капиталистами и чтобы продукты расценивались пропорционально затратам труда, а в том, чтобы вообще не было присвоения “прибавочного продукта” владельцами средств производства»²⁶. Даже из описания и критики капиталистической системы К. Маркса не вытекает необходимость учета продукции в «тредах» (трудовых единицах) и соответствующего ее распределения в социалистическом хозяйстве.

Хозяйственная практика оказалась невосприимчивой к теоретическим системам безденежного учета. Экономика военного коммунизма не осуществила ни одной из изложенных выше систем. Следующая эпоха новой экономической политики, провозглашенной в марте 1921 г., вышла за пределы этих схем, отказавшись от принципа пайкового распределения, создав условия для восстановления денежной системы по образцу капиталистических стран, хотя и с некоторыми немаловажными отклонениями от этих образцов²⁷.

Возобновление рыночных связей подтолкнуло государственное хозяйство к денатурализации и структурным изменениям. Продукты опять становились товарами, и их обращение нуждалось в посредничестве денег. Сначала, однако, делались попытки наладить оборот между казенной промышленностью и земледелием без денежного определения цен. Организацией натурального обмена занимались Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод), в фонды которого поступала фабрично-заводская продукция, и система потребительской кооперации (Центросоюз), ведавшая заготовками сельскохозяйственного сырья и продовольствия.

---

²⁶ Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). С. 115.

²⁷ Там же. С. 125.

В июне 1921 г. Центросоюз получил от Наркомпрода промышленных товаров – мануфактуры, соли, спичек, керосина, плугов и т.д. – на 15,5 млн руб. золотом. На них предполагалось выменять сельскохозяйственных продуктов на сумму 67,1 млн руб. золотом. С целью дополнительной заготовки 67 млн пудов хлеба в условиях плохого урожая фонд промтоваров для деревни в августе месяце был увеличен на 19 млн руб. золотом. Товарообменные сделки совершались через специальные пункты непосредственно с частными лицами или группами граждан²⁸.

Для установления ценностных, обменных соотношений между всеми видами товаров в центре и на местах были созданы Эквивалентные комиссии из представителей Наркомпрода, Центросоюза и Центрального статистического управления. Меновые пропорции разрабатывались с учетом довоенных или текущих базарных цен и иных соображений. В качестве эквивалентов использовались зерно, соль, мануфактура (ткани, одежда), доски, древесная кора, известь, цемент, керосин и т.д. Внутри каждой ассортиментной группы продуктов применялись показатели взаимного перевода весовых единиц. Например, 100 единиц пшеницы приравнялись к 135 весовым единицам овса, 200 единицам кукурузы, 135 единицам картофеля, 50 единицам говядины, 40 единицам свинины и т.д.²⁹

Бартерные сделки демонстрировали все известные по учебникам экономики трудности: разнообразие районных эквивалентов, случайность встречи покупателей и продавцов с соответствующими друг другу запросами, запутанность расчетов при многоходовых комбинациях обмена и пр. Недостаточная гибкость вызывала постоянное отклонение узаконенных меновых пропорций от действительной рыночной ситуации. Товар расхватывался, если был недооценен, и лежал нереализованным в случае завышенной оценки. Кроме того, завезенные изделия редко совпадали с заявками.

Расширение свободного рыночного продуктообмена стихийно возрождало массовую денежную торговлю. Население охотнее

---

²⁸ См.: *Малафеев А. Н.* История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М., 1964. С. 29.

²⁹ См.: *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти... С. 132.

покупало и продавало за совзнаки. В такой обстановке потребкооперация – полугосударственная, «социалистическая» организация – не могла конкурировать с частником, который умело принаравливался к подвижному равновесию спроса и предложения, приобретал и отпускал товары на деньги по реальным ценам, значительно меньшим, чем «эквивалентные цены» Наркомпрода.

С весны 1921 г. снабженческие организации хлопотали о разрешении сбывать за деньги залежавшиеся предметы. В июне кооперация, представлявшая «обобществленный» сектор экономики, и частные лица получили право хранить в кассах или на текущих счетах и использовать по собственному усмотрению имевшиеся наличные средства. В августе самостоятельное распоряжение деньгами распространилось и на государственные учреждения. Декрет СНК от 16 августа 1921 г. дал возможность предприятиям, состоявшим на хозяйственном расчете, заказывать и покупать кустарные и ремесленные изделия. 27 октября того же года декрет СНК допустил казенные предприятия на рынок в роли продавцов, а днем раньше были отменены обязательные эквиваленты и непосредственный товарообмен. Вопрос о переходе не только к товарному, но и к товарно-денежному хозяйству был решен. Денежный расчет победил по всей линии хозяйственных отношений. Весь этап денатурализации хозяйственного оборота исчерпал себя в полгода³⁰.

Моделирование «антирыночной» экономики «по Вальрасу», с точностью до наоборот, имело предсказуемые последствия. От абстрактных, нереальных предпосылок и допущений «при прочих равных условиях» венгерский экономист постепенно отказывался, противореча сам себе. Оговаривая, что причины дефицита в социалистическом хозяйстве заключаются не в ценах, а в институциональных условиях, Я. Корнай вводил в исследование цены. Затем разговор заходил о заработной плате, деньгах, денежном спросе, денежном предложении и т.д. Наконец, он доказывал недостаточность классического анализа только на уровне граждан и

---

³⁰ См.: *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти (1917–1928). С. 132–135.

предприятий и помещал в свою схему государство³¹. Без воздействия государства на цены и централизованного финансирования капиталовложений не удавалось объяснить наличие избыточного спроса и продуктового дефицита.

Содержание второй части книги «Дефицит» «Приспособление при наличии цен» опровергает основные теоретические положения первой части «Приспособление в отсутствие цен». Здесь уместна аналогия с противоречием между I и III томами «Капитала» К. Маркса, на которое указывал Е. Бём-Баверк, он считал, что теория средней нормы прибыли и цен производства «не мирится» с теорией трудовой ценности (стоимости)³². В обоих случаях на формирование радикальных концепций активно влияла идеологическая установка – критика существующей социально-экономической системы.

«Бесценовая» теория социалистической экономики у Я. Корнаи, как и теория трудовой стоимости у К. Маркса, выполняет функцию идеологемы. Она доказывает противоестественность, несправедливость анализируемого экономического порядка. Венгерский ученый оказался заложником своего узкого, ортодоксального методологического подхода.

Исследователь вынужден был решать несколько взаимосвязанных проблем: использовать положения неоклассики для разработки альтернативной ей концепции социалистической экономики, демонстрируя современность и универсальность неоклассического направления экономической мысли; развивать теорию директивно-планового хозяйства, формулируя абстрактно-логическую модель нерыночной экономики, с хроническим дефицитом; утверждать либерализм, противостоять идеологии социализма и государственного хозяйствования, апеллировать к фактам и теоретически критиковать реальную систему дефицитной экономики.

Ценностное неприятие социалистической экономики обусловило аналитическое видение Я. Корнаи, выбор исходных посылок и логику развертывания содержания монографии «Дефицит». Венгерский ученый декларировал основы неоклассической теории как

³¹ См.: Корнаи Я. Дефицит. С. 375, 397, 539.

³² См.: Бём-Баверк Е. Теория Маркса и ее критика. СПб., 1897. С. 24.

аксиомы экономической науки, как фундаментальные, нормативные тезисы. Затем в виде антитезисов постулировались авторские объяснения планового хозяйства как антирыночной системы. Абсурдная изначальная посылка об отсутствии цен в национальной экономике заведомо предопределяла итоговый вывод – теоретическая схема, выстроенная на подобных абстракциях, описывает аномальную хозяйственную систему. Таким образом исследователь одновременно решал задачи апологетики неоклассической теории и научной критики социалистической экономики.

Ортодоксальный подход приводил к созданию модели плановой экономики, весьма далекой от реальности. Поэтому Я. Корнай приходилось преодолевать методологическую антитезу синтезом, описывать общие элементы механизмов свободной конкуренции и централизованного планового управления. Обобщение, принятое во второй части монографии «Дефицит», оказывалось эклектичным, отрицающим свои абстрактные предпосылки и разрушающим концептуальный замысел автора. Вместо углубления знаний возникали логические противоречия в теоретической аргументации и путаница в изложении научного материала.

Аналитик чувствовал уязвимость собственной позиции и предупреждал во введении монографии, что большинство выводов, содержащихся в работе, не может подтвердить эмпирическими данными и что вместо теории, подтвержденной эмпирическим путем, он формулировал в основном лишь гипотезы, которые могут быть проверены на практике³³. Это предупреждение было связано не столько с отсутствием статистических расчетов показателей товарного дефицита в социалистических странах, сколько с теоретико-методологическими предпосылками авторского исследования.

Положения неоклассики обычно используются для характеристики модели саморегулирующейся рыночной экономики, без активного участия в ней государства, для объяснения краткосрочных процессов взаимного приспособления спроса и предложения в пределах отраслевых рынков. Предполагается, что неоклассическая теория достаточно достоверно описывает «классическую»

---

³³ См.: Корнай Я. Дефицит. С. 36.

частнопредпринимательскую экономику середины XIX века, с развитой, почти совершенной конкуренцией, и экономику конца XIX – начала XX столетия, с преобладанием акционерной, корпоративной формы капиталистического предпринимательства в условиях несовершенной конкуренции.

Применение неоклассической теоретической модели для анализа и сопоставления с директивно-плановой системой второй половины XX века надо признать весьма спорным научным приемом. Более обоснованным было бы сравнение реальных экономических систем капитализма и социализма в единых хронологических рамках, например после Второй мировой войны (с учетом опыта стран Восточной Европы), а также теоретическое моделирование на основе достижений кейнсианской школы экономической мысли.

Приверженность ортодоксальной доктрине обязывала Я. Корнаи аргументировать чрезмерно идеологизированную, неисторическую и во многом схоластическую методологию, нарушая формальную логику, противореча самому себе. Автор не захотел рассматривать действительно существовавшую капиталистическую и социалистическую экономику. Он довольствовался изучением «теоретических вариантов», «абстрактно сформулированных моделей»³⁴ и настаивал на том, что сопоставление практического опыта и абстрактной теоретической модели логически ошибочно³⁵.

Игнорирование экономической истории принуждало венгерского ученого к выдвиганию предпосылок, от которых затем ему приходилось отречься. Так, при сравнении «чистого» варианта ресурсоограниченной системы и «чистого» варианта спросоограниченной системы он писал: «Хотя мы собираемся провести абстрактное сравнение, но для наглядности спросоограниченная система будет представлена капиталистической экономикой конца XIX – первой трети XX столетия, а ресурсоограниченная – социалистическим хозяйством, функционирующим в рамках традиционной системы управления»³⁶.

³⁴ См.: Корнаи Я. Дефицит. С. 335.

³⁵ Там же. С. 463.

³⁶ Там же. С. 236.

Однако обращение к практике XIX века и неоклассической теории «чистых» форм оказалось малопродуктивным. Это констатировал сам экономист: «Макротерию нельзя обосновывать на предположении, что в любых условиях существуют модели поведения на микроуровне. Модель, описывающая капиталистическую текстильную фабрику в Манчестере середины XIX века (абсолютно жесткое бюджетное ограничение), не совсем приспособлена к современному капиталистическому хозяйству (признаки смягчения бюджетного ограничения) и совсем неприменима для описания социалистического предприятия. <...> Поведение на микроуровне – исторический продукт. Каждый его элемент <...> зависит от общественной среды, окружающей данный субъект»³⁷.

Схоластическое допущение «неценовой» экономики порождает противоречия в понимании предмета исследования. Исходная антирыночная позиция теоретика формулируется так: «Хотя столкновение с “ограничением предложения” и с “ограничением ресурсов” явления параллельные, все-таки систему в целом мы назвали по второму признаку – ресурсоограниченной. Корни воспроизводства дефицита можно обнаружить в сфере производства, а не оборота. Имеющиеся в распоряжении производства материальные ресурсы являются конечным эффективным ограничителем системы»³⁸.

Отказавшись от надуманной посылки и вернув социалистической экономике часть ее реальности – цены и деньги, Я. Корнай опровергает и предыдущее положение: «В ресурсоограниченной экономике дефицит в конечном счете определяется не сферой предложения, а сферой спроса. Предложение может быть как угодно велико, но если спрос имеет тенденцию расти к бесконечности, то дефицит неизбежен»³⁹.

Далее надо было бы восстановить и соответствие понятий, рассматривая пары категорий «ресурсы – потребности», «предложение – спрос», подтверждая тем самым, что централизованно планируемая экономика была-таки рыночной, с избыточным спро-

---

³⁷ Корнай Я. Дефицит. С. 343.

³⁸ Там же. С. 94.

³⁹ Там же. С. 372.

сом, тем более что в ней имела место заинтересованность предприятий в повышении цен и получении прибыли⁴⁰.

Впрочем, признание «рыночности» социалистической экономики разрушило бы концепцию книги «Дефицит», т.е. неоклассическую модель директивно-плановой системы. Заявленная теоретическая схема не выдержала бы критического сравнения и с концепцией, в которой для описания хозяйства социалистической Венгрии или Советского Союза и создания соответствующей научной модели использовались бы положения кейнсианской макроэкономической теории.

Вероятно поэтому жесткая полемика с теоретиками кейнсианского толка велась на протяжении почти всех глав «Дефицита». Автор продолжил дело Ф. Хайека и М. Фридмана, пытавшихся критикой государственного регулирования экономики восстановить неоклассический либерализм в правах фундаментального направления экономической мысли и снискавших на этом поприще широкую известность.

Экскурс второй: «Общая теория занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса

Я. Корнаи заявил свою позицию «антикейнсианца» изначально, поставив Дж. М. Кейнса вместе с К. Марксом в один ряд оппонентов либеральной версии «economics»⁴¹. Спор с воззрениями английского лорда и его последователей понадобился венгерскому экономисту для подтверждения обоснованности использования неоклассической доктрины в исследованиях директивно-планового хозяйства. Автор занимался реабилитацией неоклассики, которую Дж. М. Кейнс лишил ореола неоспоримой научной истины.

В своей знаменитой работе «Общая теория занятости, процента и денег», изданной в 1936 г., Дж. М. Кейнс объяснил ограниченность господствовавшей тогда неоклассической теории. Он доказал, что классики – от Д. Рикардо до А. Маршалла и А. Пигу – рассматривали частный случай макроэкономического равновесия в ситуации совершенной конкуренции, гибких цен, стабильного объема полностью используемых производственных ресурсов.

⁴⁰ См.: Корнаи Я. Дефицит. С. 387.

⁴¹ Там же. С. 38.

«Постулаты классической теории, – писал Дж.М. Кейнс, – применимы не к общему, а только к особому случаю, так как экономическая ситуация, которую она рассматривает, является лишь предельным случаем возможных состояний равновесия. Более того, характерные черты этого особого случая не совпадают с чертами экономического общества, в котором мы живем»⁴². Поэтому «молчаливые предпосылки» классической экономической теории «редко или даже никогда не бывают убедительны», и «она не может разрешить экономических проблем реальной жизни»⁴³.

В дополнение к этой, сравнительно статичной, теории Дж. М. Кейнс выдвинул более общий, динамичный подход к анализу развития экономики в условиях меняющегося уровня макроэкономического равновесия на внутреннем рынке страны. Он исследовал действие рыночных регуляторов при неполном и неэффективном использовании факторов производства в смешанном, частно-государственном хозяйстве.

В философском резюме «Общей теории...» Дж. М. Кейнс констатировал, что «вышеизложенная теория является по своим выводам умеренно консервативной. Хотя она и указывает на жизненную необходимость создания централизованного контроля в вопросах, которые ныне в основном предоставлены частной инициативе, многие обширные сферы деятельности остаются незатронутыми. Государство должно будет оказывать свое руководящее влияние на склонность к потреблению частично путем соответствующей системы налогов, частично фиксированием нормы процента и, возможно, другими способами. <...> Достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости, хотя это не должно исключать <...> сотрудничества государства с частной инициативой. Но, помимо этого, нет очевидных оснований для системы государственного социализма, которая охватила бы большую часть экономической жизни общества»⁴⁴.

---

⁴² Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М., 1993. С. 224.

⁴³ Там же. С. 514.

⁴⁴ Там же. С. 514.

Эпохальный научный труд Дж. М. Кейнса знаменовал собой очередной парадигмальный скачок в развитии западной экономической мысли – признание государства полноправным участником рыночных отношений. Показывая ущербность ортодоксального либерализма, ученый настаивал на преемственности в развитии экономической науки и считал, что «результатом заполнения пробелов классической теории должно быть не устранение “манчестерской системы”, а выяснение условий, которых требует свободная игра экономических сил для того, чтобы она могла привести к реализации всех потенциальных возможностей производства»⁴⁵.

Если признать теорию частногосударственной рыночной экономики более общей по сравнению с неоклассической моделью, то кейнсианская концепция должна занять место вальрасовой схемы в изучении и описании социалистической системы хозяйства. В результате такой «рокировки» ставятся под сомнение исходные постулаты и познавательные возможности неоклассики; она утрачивает статус нормативной и универсальной теории. Теряет смысл «антивальрасовская», базовая часть концептуальных построений «Дефицита». Снижается эффект идеологической критики социализма и социалистической экономики.

В полемике с кейнсианцами венгерскому ученому не удалось отстоять свои позиции. Хотя Я. Корнай неоднократно подчеркивал, что социалистическая экономика с хроническим дефицитом имеет «специфические закономерности, которые не являются симметрично противоположными закономерностям экономики с низкой занятостью и безработицей по Кейнсу»⁴⁶, фактически он констатировал почти зеркальное отражение сопоставляемых макроэкономических ситуаций. Более того, анализ на микроэкономическом уровне показывал, что теоретико-методологические предпосылки кейнсианцев достовернее описывают поведение хозяйствующих субъектов директивно-плановой системы, чем «антивальрасовские» концептуальные допущения.

Изначальная постановка проблемы исследования дефицита – сущностной характеристики социалистической экономики

---

⁴⁵ Кейнс Дж. М. Избранные произведения. С. 515.

⁴⁶ Корнай Я. Дефицит. С. 133.

– формулировалась как «антикейнсианская», но не как «антивальрасовкая»: «Проблема социалистического хозяйства <...> имеет противоположный знак. Вместо “неполной занятости” наблюдается “перегрев экономики”, вместо низкого уровня спроса – высокий, вместо безработицы – дефицит рабочей силы и т.д. Для понимания многих проблем социалистической экономики исследование дефицита играет такую же важную роль, как анализ безработицы при изучении капитализма»⁴⁷.

Ту же мысль развивал автор в специальном параграфе, посвященном дискуссии «кейнсианство или монетаризм», говоря, что «нормальное состояние дефицитной экономики есть то же самое “ультракейнсово” состояние с его постоянным стремлением к расширению, неутолимим инвестиционным голодом, с почти неудовлетворимым спросом»⁴⁸. Здесь, к чести теоретика, надо обратить внимание на выделение главной причины существования избыточного спроса (дефицита) – чрезвычайно интенсивное инвестирование.

Я. Корнаи признал, что неоклассическая школа не смогла создать удовлетворительную теоретическую модель рынка труда, которая была бы пригодной для решения практических вопросов занятости населения: «Полная занятость» в вальрасовом смысле невозможна. Не существует такой реальной экономической системы, в которой на рынке рабочей силы полностью преодолены как «избыточный спрос», так и «избыточное предложение»⁴⁹. «Ортодоксальное изображение рынка рабочей силы – стандартный крест Маршалла <...> не дает адекватной характеристики агрегированного рынка рабочей силы в социалистической экономике»⁵⁰.

Поэтому для атаки на теорию занятости Дж. М. Кейнса венгерский ученый призвал в союзники своего идейного противника – К. Маркса. Автор «Дефицита» противопоставлял марксистское учение об относительном перенаселении при капитализме и его долгосрочный исторический подход кейнсианским макроэко-

---

⁴⁷ Корнаи Я. Дефицит. С. 32.

⁴⁸ Там же. С. 553.

⁴⁹ Там же. С. 289.

⁵⁰ Там же. С. 411.

номическим разработкам проблем краткосрочного регулирования экономики развитого капитализма⁵¹. Но при этом он утверждал, в полном соответствии с доводами своего английского оппонента, что в социалистической экономике совокупный спрос на рабочую силу и ее совокупное предложение являются негибкими по отношению к заработной плате⁵².

Не привел сторонник экономического либерализма убедительных аргументов в обоснование того, что противопоставление фиксированных цен макроэкономики Кейнса и гибких цен микроэкономики Вальраса применимо лишь при анализе современного капитализма и имеет второстепенное значение при изучении социалистической экономики⁵³.

Преимущество теории Дж. М. Кейнса над неоклассикой, включая школу М. Фридмена – Ф. Хаяка, констатировалось как вынужденное признание: «Идеи Кейнса, очевидно, повлияли на тех, кто формирует экономическую политику. Однако не следует думать, что научная идея была бы способна оказать столь сильное влияние, если бы процессы социального развития не подготовили почву и не сделали политиков восприимчивыми к рекомендациям Кейнса. Атомизированная конкуренция и полностью предоставленная самой себе микроорганизация немислимы в наш век гигантской концентрации производства и усиления могущества государственной бюрократии»⁵⁴. Нынешняя капиталистическая экономика функционирует «в духе Кейнса», отклоняется от «ортодоксальных», «консервативных» принципов⁵⁵. «Возвращаясь от моделей к действительности, можно утверждать, что нет такой реально существующей экономической системы, нормальное состояние которой было бы равновесием по Вальрасу»⁵⁶.

Стало быть, для исследования социалистического хозяйства надо использовать научный аппарат современного, более адекватного направления экономической мысли. Впрочем, следует

---

⁵¹ Корнаи Я. Дефицит. С. 255.

⁵² Там же. С. 412.

⁵³ Там же. С. 365.

⁵⁴ Там же. С. 585.

⁵⁵ Там же. С. 334.

⁵⁶ Там же С. 165.

присоединиться к уточняющей оговорке Я. Корнаи о том, что социалистическую систему экономики «нельзя описать или анализировать путем простого вывертывания наизнанку безработицы по Кейнсу»⁵⁷. Необходимо раскрывать специфику, «природу» директивно-планового хозяйства, показывать, как изменения институциональных условий связаны с динамикой макроэкономических параметров.

Критическое переосмысление ортодоксальной либеральной доктрины

Теоретико-методологические изъяды неоклассики стали очевидными с началом социально-экономических преобразований в странах Восточной Европы и СССР на рубеже 80–90-х гг. истекшего столетия. Изменение обстоятельств побудило Я. Корнаи критически переоценить свои взгляды на социалистическое хозяйство. Новые концептуальные построения в развернутом виде были представлены в монографии «Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма» (в дальнейшем изложении текста она называется сокращенно, по второй части названия, «Политэкономия коммунизма». – *Г. Ч.*). Эта книга, по словам ее творца, «выйдет за рамки экономической науки (“economics”) в строгом смысле этого понятия и охватит области политической науки, социологии, социальной психологии, политической и моральной философии, а также истории. Такое расширение сферы анализа и призвана обеспечить «политическая экономия»⁵⁸.

Необходимость выработки новой либерально-экономической системной парадигмы венгерский ученый обосновывал неспособностью неоклассики достойно ответить на «великий вызов» постсоциалистической трансформации. Ход реформ в бывших социалистических государствах не описывался положениями чистого «экономикс»⁵⁹.

---

⁵⁷ Корнаи Я. Дефицит. С. 580.

⁵⁸ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 38.

⁵⁹ Корнаи Я. Системная парадигма. С. 14.

Системная парадигма, – по разумению теоретика, – развивалась обособлено, и на другие парадигмы, прежде всего неоклассического «мэйнстрима», она не оказала практически никакого влияния. Поэтому сегодня требуется «четкое признание нормальной наукой “мэйнстрима” своих ограничений»⁶⁰. Смену умонастроения автора выражает замечание о том, что предлагаемая им парадигма нужна, «чтобы дополнить, а не заменить другие парадигмы, которые применимы в их собственных пределах»⁶¹. Оно явно выдержано в духе Дж. М. Кейнса.

Насколько непроста эволюция взглядов Я. Корнаи, говорит его противоречивое отношение к кейнсианству, т.е. к действительно осевому направлению (коренному течению – мэйнстриму) мировой экономической мысли XX века. В «Политэкономии коммунизма» исследователь писал: «Хочу особо выделить четырех ученых: К. Маркса, Й. Шумпетера, Дж.М. Кейнса, Ф. Хайека. Они оказали наибольшее влияние на мои идеи и на используемый в данной книге метод исследования проблем. Меня могут упрекнуть на том основании, что эти четыре гиганта мысли представляют весьма разные политические школы и философские направления. Это верно, и я могу, не называя имен, добавить, что пытался также использовать, например, многое из неоклассической экономической теории или применить результаты современного западного институционального подхода к общественным наукам. Те, кто осуждают подобную множественность влияний, могут назвать применяемый в книге подход эклектичным. Однако надеюсь, что найдутся и благосклонные читатели, которые одобряют попытку синтеза в какой-то части противоречащих, но и в известной мере и дополняющих друг друга методов»⁶². Но в более поздней публикации упомянутой журнальной статьи наш венгерский современник не включил Дж. М. Кейнса, изменившего стиль мышления западной экономической науки, в список основателей системной парадигмы.

⁶⁰ Корнаи Я. Системная парадигма. С. 16.

⁶¹ Там же.

⁶² Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 18.

Концептуальная логика монографии «Дефицит», нерешенность или неудовлетворительное решение ряда проблем теории директивно-планового хозяйства, опыт научного исследования, накопленный в предыдущих работах, подвели Я. Корнаи к написанию «Политэкономии коммунизма». Так случилось, что критика социалистической системы сопровождалась критическим пересмотром основ либеральной неоклассической экономической теории.

К достижениям венгерского ученого следует отнести расширение теоретико-методологических предпосылок исследования социалистического хозяйства за счет привлечения и взаимного обогащения альтернативных экономических теорий, а также использования спектра гуманитарных наук для комплексного изучения проблем. Выход за узкие рамки абстрактной, статичной неоклассики открывает возможности для конкретных, сравнительно-описательных и обобщенных, междисциплинарных исследований, разработки действительно системных парадигм и многофакторных моделей социально-экономического развития.

Обновление методологии способствовало совершенствованию понятийно-категориального аппарата и усилению доказательности теоретических положений Я. Корнаи. Так, в «Политэкономии коммунизма» активно применялся практически отсутствовавший в «Дефиците» анализ статистических показателей и исторических фактов. Сопоставление этих двух важнейших публикаций показывает направление эволюции авторских взглядов, преемственность и новации.

Научное творчество Я. Корнаи пронизано идеями либерализма и негативным отношением к социалистической идеологии, экономической теории и хозяйственной практике. Критичное восприятие социалистической системы ученый связывал с тем, что она «порождает неразрешимые внутренние противоречия и обуславливает неадекватность собственных форм функционирования»⁶³.

Однако от непримиримого, абстрактно-логического противопоставления капитализма социализму автор переходит на позиции взвешенной оценки различий реальных хозяйственных систем,

---

⁶³ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 18.

признания элементов общности между ними: «Поскольку социализм и капитализм не во всех отношениях прямо противоположны, существуют явления, которые в различной степени и с разной частотой присутствуют в обеих системах»⁶⁴.

Неортодоксальное мировоззрение закладывает предпосылки дальнейшего углубления методологии и формулирования целостной, обобщающей теории, объясняющей развитие различных экономических систем как форму осуществления хозяйственного процесса в конкретных исторических условиях. Такая концептуальная платформа благоприятствует содержательной, конструктивной полемике противоборствующих мнений, сравнительному изучению экономических систем в отдельных странах в определенные периоды времени. К сожалению, реализовать этот теоретико-методологический потенциал творцу «Политэкономии коммунизма» помешали его идеологические предпочтения и приверженность неоклассической доктрине.

Назвав свой подход политико-экономическим, Я. Корнаи постарался преодолеть ограниченность «экономикс» и рассмотреть связи между политическими и экономическими сферами, влияние политических институтов и идеологических установок на функционирование экономики. Более того, именно власть и идеология стали отправным пунктом дедуктивного логического ряда, на базе которого выстраивалась теоретическая модель (идеальный тип или «прототип») социалистической системы.

Ключом к пониманию социалистической системы, по мнению автора, служит изучение структуры власти. Из этого исходного пункта могут быть выведены все важнейшие закономерности данной системы⁶⁵. Главным системообразующим фактором служит безраздельное господство коммунистической партии, одержимой своей марксистско-ленинской идеологией⁶⁶. Монополия компартии на власть была изначально поименована единственным критерием отнесения страны к разряду социалистических⁶⁷.

⁶⁴ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 20.

⁶⁵ Там же. С. 59.

⁶⁶ Там же. С. 389.

⁶⁷ Корнаи Я. Там же. С. 30.

Связующим звеном между политикой и экономикой при социализме теоретик считает государственную (включая «квазигосударственную», кооперативную) собственность. Он предложил необычный логический переход от коммунистической идеологии к хозяйственным отношениям: «Отнюдь не форма собственности (государственная собственность) возводит над собой политическую структуру классического социализма. Наоборот: именно данная политическая структура создает ту форму собственности, которой отдает предпочтение»⁶⁸.

Господство государственной собственности обуславливает доминирование бюрократической, плановой координации в социалистической экономике. Ученый убежден, что социалистическая система не является рыночной, и действующие в ней цены иррациональны. Он отмечает важнейшие черты бюрократического механизма управления: отрицание свободного предпринимательства, самостоятельных субъектов рынка и свободной конкуренции между ними; централизация процессов принятия решений и сбора информации; преобладание иерархической соподчиненности, вертикальных связей над горизонтальными⁶⁹.

Характером власти, официальной идеологией, полным преобладанием государственной собственности и бюрократической координации автор объясняет интересы и мотивацию действующих лиц социалистической системы, а также сопутствующие им явления: согласование планов (или плановый торг), погоню за количеством продукции, патерналистское поведение вышестоящих инстанций, слабую чувствительность к ценам и т.п.⁷⁰

Перечисленные институциональные составляющие, по разумению исследователя, предопределяют макроэкономические и микроэкономические процессы: ограничение потребления и форсированный экономический рост, нехватку рабочей силы и незагруженность на рабочем месте, хронический товарный дефицит и накопление производственных запасов и т.п.⁷¹

---

⁶⁸ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 390.

⁶⁹ Там же. С. 391.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 392.

Системная парадигма социалистической экономики разработана Я. Корнаи на высоком научном уровне. Ее достоинства очевидны: концептуальный подход – попытка создания дедуктивной теории, логически стройного ряда предпосылок, положений и выводов; описание взаимосвязи экономических явлений, процессов, закономерностей и поведения хозяйствующих субъектов, институциональной среды; анализ влияния идеологии, партийных структур, государства на экономическую политику и хозяйственную жизнь общества.

В «Политэкономии коммунизма» автор показал возможности продуктивного сочетания неоклассического изучения рыночного механизма регулирования экономики, кейнсианского макроэкономического моделирования и институциональных теорий взаимодействия субъектов политико-экономических отношений. Синтез разных направлений экономической мысли воплотился в неортодоксальной либеральной системной парадигме. Такую эволюцию экономической теории следует признать объективно обусловленной, закономерной. Она задает вектор дальнейшего научного поиска. Задача современной экономической науки заключается не столько в рассмотрении различий хозяйственных систем, сколько в нахождении их общих моментов и постижении через различия объединяющего начала – исторического мирохозяйственного процесса.

В то же время системная парадигма венгерского ученого содержит дискуссионные теоретические положения, вызывающие возражения. Прежде всего это касается исходного звена концептуальной схемы, которое утверждает главенство марксистско-ленинской партии и идеологии в социалистической системе и соответственно их определяющее значение в понимании и объяснении специфики социалистического хозяйства. Исследователь пишет о переплетающемся взаимодействии элементов системы, но главную линию причинно-следственных связей проводит от политики к экономике⁷².

---

⁷² Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 388.

Выбор партийной политики и идеологии в качестве исходного пункта для построения системной теории социалистической экономики не представляется убедительным. Эти сферы общественной деятельности образуют внешние условия хозяйственной практики и не содержат в себе основ экономического строя страны. Применение «нехозяйственных» предпосылок в концептуальной схеме директивно-планового хозяйства подчеркивает ее теоретико-методологические огрехи. Вернее было бы избрать отправным моментом научного анализа и дедуктивного описания социалистической системы деятельность государства (государственного аппарата, бюрократии). Такой подход позволяет сформулировать плодотворную рабочую гипотезу государственного предпринимательства.

Концепция «государственного социализма» способствует разработке обновленной, обобщающей системной парадигмы современной экономической науки, поскольку институт государства функционирует в различных хозяйственных системах. Последнее обстоятельство отмечает и Я. Корнай: «По формальному строению, законам и законодательному регулированию государство при классической социалистической системе похоже на любое другое современное государство»⁷³. Но подобное видение проблемы чуждо его духу «обличителя пороков» социализма.

В партийно-идеологическом обосновании системой парадигмы выразилось мировоззрение венгерского исследователя. Компартия со своей идеологией представлена как базисный, неотъемлемый политико-экономический элемент социалистического общества. Закладывая в теоретическую схему «аномальную» с точки зрения неоклассики предпосылку, автор готовит почву для осуществления своего замысла – антисистемной критики социализма. Если же опираться на «государственную» платформу в построении теории директивно-планового хозяйства, то снижается значимость идеологического противоборства ортодоксальных либеральных и социалистических учений, ослабевает эффект критического самоутверждения неоклассической школы, ставятся под

---

⁷³ Корнай Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 62.

сомнение ее претензии на роль осевого направления развития современной экономической науки.

Партийно-идеологический блок можно убрать из логической схемы без ущерба для системной парадигмы. Я. Корнай частично делает это. С одной стороны, он употребляет термин «партия-государство» для характеристики смешения политических и административных функций⁷⁴. С другой стороны, теоретик заменяет свою политическую предпосылку хозяйственной, переходит от партийной структуры к государственному аппарату. В качестве общего названия организации, состоящей из функционеров партии, государства, массовых организаций, а также руководителей государственного сектора экономики, применяются два термина-синонима: аппарат и бюрократия⁷⁵.

По мнению автора, «эта группа общества коллективно управляет другими гражданами, решая их судьбы и распоряжаясь ресурсами страны. Бюрократия бесконечно воспроизводит себя как держателя власти, хотя входящие в нее люди постоянно меняются»⁷⁶. Не партийный аппарат и его идеология, а государственная бюрократия неотъемлемо присутствует в описании всех элементов социалистического хозяйства. Многообразие форм проявления говорит о том, что именно государственное предпринимательство – существенный компонент системной парадигмы.

В «Политэкономии коммунизма» в некоторой степени повторилась теоретико-методологическая проблема предшествовавшей монографии «Дефицит». Я. Корнай фактически дезавуировал свою исходную посылку в процессе развертывания положений научной концепции. От коммунистической партии и идеологии сложно было перекинуть «логический мостик» к государственной собственности. Поэтому появилась оригинальная категория «партия-государство». Двойственное понятие-связка обеспечило исследователю необходимую методологическую гибкость, вплоть до возможности замещения рациональной научной аргументации идеологизированной риторикой.

---

⁷⁴ См.: Корнай Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 65.

⁷⁵ Там же. С. 66.

⁷⁶ Там же. С. 67.

Объяснение основ социалистической экономики партийно-идеологическими установками оказалось неудачной рабочей гипотезой. К важнейшему свойству системы – властной монополии марксистско-ленинской партии – автору пришлось «добавить еще одну характеристику: партия предана идее уничтожения частной собственности и, опираясь на свою монопольную власть и взаимопереплетение с государственным аппаратом, она <...> воплощает свою программу в жизнь»⁷⁷. Однако тут же венгерский экономист признает, что социализм и устранение частной собственности – вещи разные: «Наиболее четко это различие видно, если обратиться к системе ценностей и программе действий социал-демократов. Формы общественной собственности в производстве и распределении, согласно социал-демократической трактовке идей социализма, имеют только вспомогательную ценность. Эти формы должны вводиться лишь в той мере, в которой они способствуют достижению ценностей, рассматриваемых как имманентные социализму: в первую очередь благосостояния, социальной справедливости и гарантий свободы. Частная собственность не обязательно должна быть упразднена там, где она лучше, чем национализация и коллективизация, служит достижению этих самостоятельных целей»⁷⁸.

Позднее, при рассмотрении проблем потребления и распределения, Я. Корнай сам предложил «ненадолго отказаться» от определения социалистической системы по признаку власти компартии. Он писал: «Во всем мире имеются политические течения, использующие термин “социализм” в содержательном смысле и придающие ему определенные этические черты. <...> Устранение бедности и помощь нуждающимся, слабым и обездоленным они считают одной из главных целей социализма. Согласно такому определению, социалистическое государство обязано более справедливо перераспределять материальные блага. По этому критерию социалистическая система лишь частично выполняет свою миссию. <...> Для тех, кто рассматривает данный критерий в каче-

---

⁷⁷ Корнай Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 115–116.

⁷⁸ Там же. С. 114.

стве признака социалистической общественной системы, скандинавские страны продвинулись в сторону социализма значительно дальше, чем социалистические государства»⁷⁹.

Стало быть, критерий идеологичности и партийности в классификации общественно-хозяйственных систем отнюдь не бесспорен. В этой связи представляется значимой иная постановка вопроса: почему в марксистско-ленинской идеологии КПСС и ее социально-экономической политике было больше «сугубо государственного», нежели «собственно социалистического»? Ответ очевиден: официальная идеология отражала интересы господствующей социальной группы – государственного аппарата.

Справедливо суждение ученого о том, что «собственность является очень важной составной частью власти бюрократии»⁸⁰. С отношений казенной собственности и начинается как таковой политико-экономический анализ социалистической системы, а также описание механизмов координации деятельности лиц и организаций. К сожалению, здесь вновь, в худших традициях неоклассической концепции «Дефицита», исследователь рассматривает «формализованные, чисто теоретические модели, структура которых на данном уровне абстракции не отражает всего разнообразия специфических свойств»⁸¹.

Как только автор возвращается к абстрактному противопоставлению «идеальных» (нереальных) моделей общественных систем, так у него сразу же начинает «хромать» логика доказательства; он попадает в теоретико-методологический тупик, противоречит сам себе. Ортодоксальным и плохо аргументированным следует признать вывод о том, «что бюрократическая общественная собственность “привлекает” бюрократический механизм координации, в то время как частная собственность и частная деятельность – рыночный. Эту связь между определенными формами собственности и определенными типами координации следует подчеркнуть

---

⁷⁹ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 355.

⁸⁰ Там же. С. 114.

⁸¹ Там же. С. 117.

особо»⁸². Уровень доказательности и конкретности знаний передает следующее резюме главы: «Оказалось, что прямое бюрократическое управление, включая планирование, являет собой невероятную смесь порядка и беспорядка, предусмотрительности и опрометчивости, служения великим общим интересам и безудержной личной заинтересованности»⁸³.

Вместо обоснования «нерыночности» социализма более конструктивным было бы изучение социалистической экономики как разновидности рыночного хозяйства, со своим механизмом регулирования, функционирующим в определенных макро- и микроэкономических условиях. Разные экономические системы надо исследовать с единых методологических предпосылок. Это и есть научное углубление в сущность предмета, поиск единства среди различий и противоположности форм проявления.

В «Политэкономии коммунизма» Я. Корнаи перестал быть явным «антикейнсианцем», занял позиции «полукейнсианства». Авторский подход обогатил либеральную системную парадигму макроэкономическим анализом и исследованием роли государства в функционировании и трансформации рыночного хозяйства. Теоретическая модель директивно-плановой системы ближе всего к реальности там, где венгерский экономист использует методологию кейнсианства и институционализма, где догматичное противопоставление социализма и капитализма отходит на второй план, играя роль идеологемы, где снимаются жесткие, нереальные теоретические предпосылки.

Так, ученый весьма достоверно описывает функционирование кредитно-денежного обращения. Он отмечает общие моменты организации бюджетной системы при капитализме и социализме, выделяет различия в структуре доходных и расходных статей, подчеркивает специфику финансирования инвестиций в государственном хозяйстве⁸⁴.

---

⁸² Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 130.

⁸³ Там же. С. 156.

⁸⁴ Там же. С. 157–163.

Вместе с тем, схоластическая «половинчатость» видна в попытке сохранить пристойность неоклассического постулата о «не-рыночности» государственного предпринимательства. Изначальная посылка о том, что «в рыночном механизме деньги, прибыль и цена являются “главными действующими лицами”», в то время как при бюрократической координации они – “простые статисты”»⁸⁵, теряет убедительность при дальнейшей конкретизации. Экономист растолковывает, почему бюрократия заинтересована в получении прибыли, почему она зорко следит за эмиссией денежных средств и рассчитывает цены на основе издержек, почему различные уровни управленческой иерархии участвуют в процессе «торга» и согласования интересов при утверждении плановых заданий.

Впечатляет разработка Я. Корнаи «истинно кейнсианских» проблем директивно-планового хозяйства: инвестиций, экономического роста, занятости, заработной платы, формирования совокупного спроса и предложения. Самой интересной и насыщенной по содержанию получилась 9-я глава, посвященная инвестициям и экономическому росту. Она компенсирует многие недостатки ранее изложенной 6-й главы «Собственность», в которой преобладало неоклассическое противопоставление частной и государственной собственности, а также критическое выявление недостатков последней.

В главе о собственности автор акцентирует внимание на том, что в социалистической системе не действует автоматический, естественный стимул, присущий частной собственности – право на остаточный доход, прибыль⁸⁶. По его мнению, «деперсонификация собственности достигает крайних форм. Какую государственную фирму не возьми, не существует конкретного лица, семьи или небольшой группы партнеров, на которых можно было бы указать как на собственников. Поскольку никто не кладет в свой карман прибыль и не обязан из своего же кармана покрывать убытки, ответственность в этом смысле не только деперсонифицирована, но и уничтожена. Государственная собственность принадлежит всем

⁸⁵ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 173.

⁸⁶ Там же. С. 100.

и никому»⁸⁷. Однако теоретик сразу оговаривается: «В деперсонифицированной, обезличенной бюрократии существует строгое разделение между бюрократическим аппаратом, собирающим остаточный доход, и аппаратом, управляющим производством. <...> В конечном счете, бюрократия при классическом социализме является централизованным, однородным общественным образованием, использующим иерархическое разделение ответственности для реализации специфического набора прав собственности: некоторых прав владения и всех прав управления»⁸⁸.

В главе об инвестициях и экономическом росте перескоки от «полунеоклассики» к «полукейнсианству» также имеют место, но они здесь конкретнее раскрывают мотивы поведения управленцев госсектора, ибо опираются на использование теории общественного выбора. Я. Корнаи признает, что многие побудительные мотивы к расширению сферы экономической деятельности «в равной степени присущи руководящей бюрократии и при капитализме, и при социализме <...> что стремление к расширению свойственно не только наемным менеджерам, но и капиталистическим предпринимателям, которые рассчитывают, что расширение принесет им больше прибыли, укрепит их власть и престиж»⁸⁹. При этом обеим системам присущи внутренние самоограничения.

Венгерский ученый не совсем корректно трактует теорию Дж. М. Кейнса: «Согласно кейнсианской макроэкономической теории, одной из главных проблем капитализма является отсутствие у предпринимателей достаточно сильной склонности к инвестициям – она подавлена <...> самоограничением. Решение этой проблемы Кейнс видел в том, чтобы привить им дух предпринимательства, то есть желание расширяться. В условиях классического социализма такой проблемы нет и в помине – здесь существует ненасытный инвестиционный голод. <...> Ограничения устанавливаются извне, в процессе бюрократического распределения

---

⁸⁷ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 101.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 188.

инвестиционных ресурсов»⁹⁰. В такой постановке проблемы не рассматривается ключевой параметр, регулирующий рынок капитала, – процент.

Специфика государственного предпринимательства обуславливается наличием бюджетных денег, которые допускают безвозмездное инвестирование в отличие от собственного капитала владельцев и кредитных ссуд, предусматривающих начисление процентов и возвратность. Отсутствие процентных платежей понижает порог требований к эффективности вложений капитала – норму прибыли. Оказывается приемлемой стратегия низких цен с минимальным уровнем рентабельности и даже убыточностью в отдельных отраслях.

Так складывается хозяйственная парадигма, о которой мечтал прагматик Дж. М. Кейнс, называя процент на капитал преградой инвестиционной активности и «рантье́рской» особенностью капитализма, которой желательно было бы исчезнуть⁹¹. «Я убежден, – писал британский лорд, – что спрос на капитал ограничен узкими рамками в том смысле, что было бы нетрудно увеличить массу капитала до такого объема, при котором его предельная эффективность упала бы до очень низкого уровня. <...> Это означает, что пользование капитальными средствами приносило бы доход, несколько превышающий стоимость их физического и морального износа, плюс небольшую надбавку за риск и вознаграждение за мастерство и самостоятельное принятие решений»⁹².

Достаточно верно подмечена автором специфика форсированного роста директивно-плановой экономики: «Термин “форсированный” означает, что повышение темпов роста вызвано не интегральной саморазвивающейся мотивацией общества, а насаждается сверху бюрократией. Этот термин означает также, что система пытается “бежать быстрее”, чем может. Такое типичное для социализма сочетание главных особенностей роста можно коротко сформулировать следующим образом: 1) очень высокая доля

---

⁹⁰ *Корнаи Я.* Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 189.

⁹¹ *Кейнс Дж. М.* Избранные произведения. С. 513.

⁹² Там же. С. 512.

инвестиций и низкая доля потребления в ВВП; 2) весьма специфический набор приоритетов (инвестиционный сектор, тяжелая и оборонная промышленность, развитие в ущерб окружающей среде. – Г. Ч.); 3) ускоренное использование лежащих на поверхности возможностей экстенсивного роста, погоня за количеством в ущерб качеству»⁹³. Ускоренная динамика экономического роста обеспечивалась принудительным ограничением потребления и сбережением. Специалист подчеркивал, что мотивация и исторически беспрецедентные методы, доступные социалистической бюрократии, доводили норму сбережения до 30–40% ВВП⁹⁴.

Следует приветствовать постановку проблемы циклических колебаний экономического роста социалистической системы. Я. Корнаи выделил три вида колебаний: 1) «календарная» пульсация, связанная с окончанием срока плановых периодов; 2) эндогенные колебания инвестиций в условиях форсированного роста, дефицита товаров и инвестиционных ресурсов; 3) изменение политического курса бюрократии⁹⁵.

Ученый констатировал успехи социалистических стран в решении проблемы занятости населения: «Постоянная полная занятость, безусловно, является фундаментальным достижением классической системы, если подходить к ней с общепринятыми моральными критериями. Она имеет огромное значение, причем не только как источник постоянных заработков. Она дает ощущение финансовой безопасности, вселяет в работников уверенность в их отношениях с нанимателями, способствует реализации равных прав для женщин»⁹⁶.

Вовлечение в производство избыточных трудовых ресурсов при использовании преимущественно экстенсивных методов хозяйствования ликвидировало безработицу. Поэтому критический настрой исследователя воплотился в анализе структуры дефици-

---

⁹³ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 225.

⁹⁴ Там же. С. 227.

⁹⁵ Там же. С. 214–220.

⁹⁶ Там же. С. 237.

та рабочей силы. Изучение рынка труда не подтвердило неоклассический догмат, гласивший, что «при классическом социализме бюрократия не является ни реальным собственником, ни настоящим работодателем»⁹⁷. Его опровергли следующие авторские выводы: динамика средней заработной платы на макроуровне в конечном счете зависит от конкретного соотношения сил работников и различных групп бюрократии; рыночная координация оказывает заметное влияние на распределение рабочей силы и заработной платы. Однако рыночное влияние имеет второстепенное значение и существенно слабее, чем влияние бюрократической координации⁹⁸.

Переходя к рассмотрению проблемы товарного дефицита в «Политэкономии коммунизма», Я. Корнаи сделал знаковое отступление, отразившее эволюцию его теории: «Мои взгляды на данный предмет за несколько десятилетий его изучения неоднократно менялись – частично под влиянием работ других авторов, а частично в результате дискуссии, развернувшейся вокруг моих собственных исследований. В этой книге я стремился отразить также и чужие идеи, которые готов принять. Моя цель – интерпретировать все, что согласуется с моей концепцией в целом»⁹⁹.

Изменение подхода теоретика проявилось в специальном исследовании избыточного спроса на макроуровне и его связи с государственным регулированием национального рынка, с политикой стимулирования экономического роста. Насколько далеко ушел автор от примитивной микроэкономической посылки в монографии «Дефицит» о натуральном, неценовом и безденежном социалистическом хозяйстве, говорит следующая цитата: «Фактически для формирования избыточного спроса в масштабах всей экономики достаточно одного лишь инвестиционного голода, возникающего из стремления к расширению»¹⁰⁰.

---

⁹⁷ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 250.

⁹⁸ Там же. С. 255.

⁹⁹ Там же. С. 256.

¹⁰⁰ Там же. С. 311.

Историко-экономическая верификация неолиберальной парадигмы директивно-плановой экономики

Следует приветствовать попытку Я. Корнаи обсудить проблему верификации (проверки) разработанной им системной парадигмы. По его разумению, «с одной стороны, эта теория носит дедуктивный характер. Основные исходные допущения и промежуточные выводы образуют основу для последующего анализа. Поэтому внутренняя согласованность рассуждений поддается проверке: не включает ли анализ взаимопротиворечащие допущения; не были ли сделаны логически неоправданные шаги. С другой стороны, теория носит эмпирический характер, поскольку в конечном счете покоится на наблюдении практики классического социализма. Поэтому взаимосвязь между теорией и исторической реальностью заслуживает особого внимания»¹⁰¹.

Я. Корнаи отдает предпочтение формально-логической проверке; в «Политэкономии коммунизма» ей посвящена специальная глава «Целостность классической системы». Венгерский ученый избрал методологию, в которой историко-экономический аспект исследования играет вспомогательную, второстепенную роль. Это обстоятельство заметно ухудшило аргументацию теории, поставило под сомнение ряд ее положений и интерпретацию некоторых историко-хозяйственных процессов.

Осознавая шаткость отдельных своих концептуальных построений, теоретик стремится принизить значимость историко-экономического «тестирования»: «Мы постоянно подчеркивали, что предметом нашего анализа является теоретическая модель, совместимая с “разбросом” фактических исторических реальностей вокруг модели. Поэтому теорию нельзя считать ложной, если ситуация в той или иной стране не совпадает полностью с моделью или если ход событий в ней как-то отличается от предлагаемого моделью»¹⁰². Впрочем, достойны уважения и такие слова: «Я формулирую свои предположения, будучи уверен в том, что утвержде-

---

¹⁰¹ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 404.

¹⁰² Там же.

ния, содержащиеся в книге, согласуются с повседневной действительностью. Я готов переосмыслить любое утверждение, против которого будет выдвинуто убедительное “доказательство”»¹⁰³.

В «Политэкономии коммунизма» используются «вербальные» модели (идеальные типы или прототипы). Я. Корнаи объясняет, почему дается упрощенная, абстрактная картина действительности: «Необходимо отвлечься от конкретных черт, меняющихся от страны к стране и во времени, а в отдельной стране – от отрасли к отрасли или от региона к региону, и взять общее, типичное для всех частных случаев. Такая модель не может точно и в деталях отображать специфическую ситуацию в какой-то стране, в период времени или в отрасли. Тот, кто знает подробности, может возразить, что дела обстоят не так, как утверждает исследователь. Но несмотря на возможные возражения в работе будут применяться метод абстракции, моделирование и теоретические обобщения»¹⁰⁴.

Экономист выделяет три прототипа социалистической системы: 1) революционно-переходная система (переход от капитализма к социализму); 2) классическая система (или классический социализм); 3) реформируемая система (или реформируемый социализм)¹⁰⁵. Однако тут же он заявляет о несоответствии концепции реальному историческому процессу: «Трактовку прототипов как последовательных исторических периодов можно принять лишь как начальный и не вполне строгий подход. Действительный ход истории намного сложнее. В некоторых странах последовательность стадий может быть иной либо стадии могут чередоваться. Например, военный коммунизм в Советском Союзе можно рассматривать как революционно-переходный период, на смену которому пришла эпоха реформ, период нэпа. Только после этого классическая система была построена полностью»¹⁰⁶.

Трудно воспринять и нижеследующую интерпретацию истории: «Даже если определенный период исторического развития

---

¹⁰³ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 39.

¹⁰⁴ Там же. С. 41.

¹⁰⁵ Там же. С. 45.

¹⁰⁶ Там же. С. 46.

какой-то страны можно легко отнести к тому или иному прототипу, нельзя утверждать, что система остается неизменной на протяжении всего этого периода. Основные свойства классического социализма полностью проявились в социально-политико-экономической системе, господствовавшей в Советском Союзе со времени, когда Сталин укрепил свою власть, и до его смерти (для простоты аргументации примем этот период равным 25 годам – с 1928 г. по 1953 г.). Однако вначале, когда эти свойства еще только развивались и кристаллизовались, система была иной, как и в конце периода. После многочисленных экспериментов с реформами при Хрущеве (1953–1964 гг.) классическая система возродилась при Брежневе (1964–1982 гг.). Тем не менее, нельзя отрицать существенное различие между брежневским и сталинским периодами. Прототип фиксирует некое среднее для всего периода состояние. Применительно к нашему примеру можно сказать, что он отражает общее для начала, середины и конца правления Сталина, а также всего периода правления Брежнева»¹⁰⁷.

Возникают вопросы: каково же теоретико-методологическое содержание прототипа (модели), если оно заведомо неадекватно отражает историю хозяйственной системы, почему «классическая» схема развития социализма не стыкуется с историей СССР – страны «классического» социализма?

По поводу неоднозначного отношения Я. Корнаи к исторической верификации системной парадигмы допустимо суждение, связанное с его научным инструментарием. Там, где преобладает неоклассическое концептуальное видение с абстрактными предпосылками, историко-хозяйственный аспект изучения проблем практически отсутствует. Напротив, там, где доминирует макроэкономическое, динамическое моделирование, активно применяются хронологические сопоставления, интерпретация исторических событий, статистический анализ. Такая чересполосица нарушает целостность парадигмы.

Исследователь предложил собственное объяснение истории возникновения социалистической системы в ряде стран, которое

---

¹⁰⁷ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 47.

охватывает комплекс причин. По его мнению, то обстоятельство, что условия, позволившие коммунистической партии захватить власть, первоначально возникли именно в России, можно считать случайностью. Но тот факт, что все страны, где социалистическая революция победила в основном благодаря действию внутренних сил, были отсталыми и бедными, следует считать уже устойчивой закономерностью. Режим, предшествовавший социализму, правил грубой силой; в обществе существовало колоссальное неравенство. Специфические российские черты прошлого могли играть определенную роль в развитии общих свойств социалистической системы, но еще более значительными представляются черты, характеризующие прошлое этих стран. Ни в одной из них не получила развития настоящая парламентская демократия, не было зрелого капитализма, а рынок не стал господствующим механизмом координации. Все эти страны были «опоздавшими». Общее прошлое, несомненно, повлияло на сложившуюся политическую структуру (полное уничтожение демократических институтов), привело к использованию модели форсированного роста (с целью преодоления отсталости) и радикальных методов перераспределения дохода, породило множество других особенностей системы¹⁰⁸. В большинстве этих стран за год до революции произошли события, потрясшие общественные институты: война против внешнего врага, гражданская или партизанская война¹⁰⁹.

Не со всем из перечисленного следует согласиться. В частности, сомнительно однозначное утверждение об отсутствии развитого рынка и зрелого капитализма в России начала XX в. На этот счет существует обширная литература¹¹⁰. «Натянутым на концепцию» выглядит аргумент об уничтожении демократии.

¹⁰⁸ См.: *Корнаи Я.* Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 402.

¹⁰⁹ Там же. С. 49.

¹¹⁰ См.: *Туган-Барановский М. И.* Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. История развития русской фабрики в XIX в. М., 1997; *Бовыкин В. И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001; *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003 и др.

Верным является указание на связь войны и революционных преобразований общества. Из этой посылки можно вывести многие характерные черты системы государственного социализма. Социально-экономические реформы были связаны с пороговыми уровнями воздействия государства на экономику, ключевыми параметрами которого служили пропорция между потреблением и сбережением (накоплением) в национальном доходе, норма централизованного изъятия хозяйственных ресурсов и характер их инвестирования или расходования. Преодоление государственным предпринимательством пороговых уровней активности сопровождалось качественными изменениями отдельных элементов или всей хозяйственной системы.

Именно Первая мировая война обусловила огосударствление экономики России, придала ей мобилизационный характер. Трансформация отношений собственности началась еще при царском режиме; идеология партии большевиков реализовалась в политику, когда для нее были созданы объективные предпосылки. Основные признаки мобилизационной экономики не исчезли в годы нэпа. Они вновь окрепли в годы первой пятилетки в результате реформ 1930–1932 гг. Восстановление хозяйства после гражданской войны предопределило необходимость форсированного экономического роста, чтобы СССР упрочил геополитическое положение в мировой системе в условиях жестокой международной конкуренции.

Стремлением закрепиться на завоеванных рубежах во многом объясняется политика Советского Союза после Второй мировой войны. О решающем влиянии СССР на формирование социалистической системы в восточноевропейских странах справедливо пишет Я. Корнаи: «Пример Советского Союза сыграл важную роль во всех странах, способствуя формированию специфических черт классического социализма (его официальной идеологии, институтов и норм поведения). В какой-то мере Советский Союз навязывал эти черты различными способами. Во время советской военной оккупации все восточноевропейские страны испытывали сильное давление вследствие присутствия советских войск»¹¹¹.

---

¹¹¹ Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 402.

Весьма аргументированно обосновывает экономист «отход от классической системы» в конце 80-х гг. XX в. Он называет факторы, инициировавшие перемены и реформы в социалистических странах. Первая группа – накопление экономических трудностей. Весь период существования классической системы сопровождается тяжелыми экономическими проблемами: серьезным отставанием в техническом развитии и в потреблении населения, дефицитом, расточительным использованием ресурсов и другими потерями. Огромные средства СССР расходовал на поддержание военного паритета со странами НАТО. Это сказывалось на качестве экономического роста. Вторая группа факторов, побудивших к переменам, связана с недовольством народа своей обездоленностью, беззащитностью перед бюрократией, убогой средой обитания. Третья группа причин – утрата веры в свою систему теми, кто сам находится у власти.

Я. Корнай прав, говоря, что политику форсированного роста нельзя проводить в жизнь бесконечно. Думается, однако, временные рамки успешного развития «мировой» социалистической системы не следует объяснять только ее дисфункциями или близорукостью экономической политики¹¹². Стремительный экономический рост объективно не может продолжаться непрерывно более двух-трех десятилетий. Этот феномен описывается моделью больших, полувексовых, циклов Н. Д. Кондратьева. Повышательная фаза этого цикла как раз и охватила послевоенный период 50–70-х гг. XX в.

Содержание «Политэкономии коммунизма» можно охарактеризовать как компромисс идеологических установок автора и научного метода. Стремление к истине доминирует и делает честь исследователю. Научное творчество венгерского ученого показывает эволюцию неоклассической теории директивно-плановой экономики в направлении к интеграции в новую, обобщающую парадигму. Такова закономерная логика развития науки – синтез противоположных воззрений в единой теории. Труды Яноша Корнаи – это весомый вклад в сокровищницу мировой экономической мысли.

---

¹¹² См.: Корнай Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. С. 206.

Глава 15

Неомарксистская историко-экономическая парадигма: миросистемный анализ И. Валлерстайна

Приращение знаний экономической истории и теории во многом определяется методологическими предпосылками научных исследований. Особую актуальность в нынешних условиях приобретает критическое осмысление и применение концептуального, парадигмального историко-экономического анализа. Представляет интерес публикация сборника очерков американского ученого Иммануэля Валлерстайна «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире»¹.

Концептуальные основы миросистемного анализа

Самобытность своих воззрений И. Валлерстайн подчеркивает во введении к русскому изданию книги: «В коммунистическую эпоху тому, чьи взгляды не совпадали с официальными, было трудно публиковаться в СССР. <...> Ни одна из моих статей не переводилась на русский язык и не была опубликована здесь. С окончанием коммунистической эпохи положение не стало намного лучше. Произошла смена ортодоксий, а я по-прежнему считаюсь еретиком»².

---

¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

² Там же. С. 13.

Эта авторская самоирония воспринимается как претензия на истинную ортодоксальность его собственной теории, на продолжение традиций К. Маркса в общественных науках. Только правоверный, последовательный марксист мог утверждать на рубеже 80–90-х гг. истекшего столетия, что, хотя марксизм-ленинизм как стратегия и идеология отыграл свою историческую роль и оказался на обочине политико-экономического развития миросистемы, Маркс и его идеи процветают; они стоят на ногах крепче, чем идеи любого другого аналитика XIX в. и обещают оставаться в центре социальной жизни в XXI в.³

Миросистемный анализ И. Валлерстайна притягивает парадоксальностью. В частности, автор иллюстрирует познавательные и прогностические возможности используемой методологии оценкой исторического места Советского Союза: «Мы категорически отвергали широко распространенное как внутри СССР, так и в остальном мире (и среди тех, кто сочувствовал советскому режиму, и среди его ярых противников) представление, что в мире после 1945 г. существовали две “мировые системы”, коммунистическая и капиталистическая. Мы настойчиво доказывали, что СССР всегда оставался частью и участником капиталистической мирэкономки и никогда не находился вне ее. Эта точка зрения не пользовалась популярностью ни с той, ни с другой стороны “железного занавеса” и порой даже считалась смешной. Но она позволила нам предсказать, что <...> стоящие у власти коммунистические режимы будут принуждены отказаться от некоторых форм своего “отклоняющегося” поведения и стать более похожими на режимы, существующие повсюду в миросистеме. Таким образом, события 1989–1991 гг. не явились чем-то неожиданным для приверженцев миросистемного анализа. Разумеется, мы не “предсказывали” деталей, но мы предвосхитили процесс в его общих чертах. Это позволяет нам сказать, что изменения 1989–1991 гг. <...> имеют далеко не столь фундаментальное значение, как полагают сегодня и в России, и за ее пределами»⁴.

---

³ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 250.

⁴ Там же. С. 13–14.

Своей «инаковостью» привлекает и мировоззренческая позиция И. Валлерстайна. Он настаивает на иной, «неленинской», интерпретации марксизма, и это резко отличается от господствующей ныне в нашем отечественном обществоведении тенденции. На исходе XX в. в России официальная идеология и сопутствующая ей социально-экономическая мысль перескочили из одной крайности в другую. Негибкий, упрощенный марксизм-ленинизм советской эпохи отступил под натиском столь же примитивного либерализма. Такая смена «декораций» – с точностью до наоборот – вполне годится для сферы идеологии, где споры в виде вульгарной апологетики интересов отдельных социальных групп – дело обыденное. Научное же исследование обязано выходить за рамки сиюминутной утилитарности.

Экономическая история и теория должны раскрывать объективную обусловленность и взаимодействие интересов различных социальных сил, показывать преемственность и закономерности общественного развития, выявлять взаимодополняемость противоположных теоретико-идеологических взглядов и объяснять логику их переходов друг в друга. Необходимо сопоставлять альтернативные научные течения и подвергать критическому разбору конфликты точек зрения внутри научных школ.

Перечисленным требованиям отвечают теоретические изыскания И. Валлерстайна, предложившего оригинальное прочтение произведений К. Маркса и осмысление идей социализма (коммунизма). Ученый творчески использовал фундаментальные положения марксизма для создания современной парадигмы социально-экономической науки. Концептуальные построения автора демонстрируют глубину постижения истины, высокую степень теоретических обобщений; его аргументы весомы и достойны самого серьезного внимания.

Теоретико-методологическая схема миросистемного анализа содержит все признаки системной парадигмы, выделяемые, в частности, Я. Корнай⁵: системный анализ, охват всех обществоведческих наук, институциональный подход, историческое объяснение

---

⁵ См.: *Корнай Я.* Системная парадигма // *Вопр. экономики.* 2002. № 4. С. 10–12.

происходящего, политический либерализм и индивидуальный выбор, изучение перехода от системы к системе, выявление противоречий функционирования системы, сравнения общественных систем.

Теоретико-методологические построения И. Валлерстайна опираются на интерпретацию наиболее известных и фундаментальных положений К. Маркса, прежде всего из «Манифеста Коммунистической партии» и «Капитала». В то же время развертывание отдельных направлений миросистемного анализа определяется явной и скрытой полемикой с альтернативными подходами к пониманию марксизма. Очень часто в собственной аргументации И. Валлерстайн выступает научным оппонентом австрийского экономиста Й. Шумпетера, оценивая его «как самого изощренного из защитников капитализма, наиболее ожесточенно схватившегося в борьбе с ключевыми аргументами Маркса»⁶.

Такая оценка предваряет необычно длинную цитату Й. Шумпетера, важнейшими пунктами которой служат следующие утверждения: «Капиталистической системе органически присуща тенденция к саморазрушению, которая на ранних стадиях может проявляться в виде тенденции к торможению прогресса. <...> Капиталистический процесс не только разрушает свою собственную институциональную структуру, но и создает условия для возникновения иной структуры. Наверное, все-таки разрушение – не совсем удачное слово. Возможно <...> следовало бы говорить о трансформации. Ведь этот процесс ведет не просто к образованию пустоты, которую можно заполнить всем, что ни подвернется; вещи и души трансформируются таким образом, что становятся все более податливыми к социалистической форме жизни. <...> В обоих этих случаях *видение* Маркса оказалось верным. <...> В конце концов разница между тем утверждением, что загнивание капитализма есть результат его успеха, и тем, что это загнивание есть результат его несостоятельности, не так уж велика»⁷.

К этому фрагменту следует добавить еще ряд высказываний из процитированной монографии «Капитализм, социализм и демо-

---

⁶ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 76.

⁷ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 222.

кратия», уточняющих воззрения Й. Шумпетера: «В определенном смысле марксизм <...> есть религия»⁸; «марксизм – продукт буржуазного образа мышления»⁹. Эволюция для Маркса, по словам Шумпетера, была причиной социализма. «Он был слишком сильно пропитан чувством внутренней логики социального развития, чтобы поверить, что революция может заменить какую-либо часть работы эволюции. Революция тем не менее придет. <...> Революция, по Марксу, по своей природе и функциям от начала до конца отличается как от революции буржуазных радикалов, так и от революции социалистических конспираторов. По существу это революция вследствие того, что “ситуация назрела”. <...> Сказать, что Маркс, избавленный от фразеологии, допускает интерпретацию в консервативном духе, означает только, что его можно принимать всерьез»¹⁰.

Буржуазно-консервативная позиция чужда радикальному марксизму И. Валлерстайна. Он, пожалуй, принадлежит к той части ортодоксальных социалистов, которые, по меткому замечанию Й. Шумпетера, «не в состоянии примириться с чем-либо менее впечатляющим, чем эффектное умерщвление капиталистического змея пролетарским св. Георгием»¹¹.

Сопоставление поименованных версий толкования марксизма способствует лучшему и разностороннему пониманию миросистемной концепции, ибо противоположные точки зрения в науке нередко дополняют друг друга и даже совпадают. Общности идей оппонентов благоприятствуют их исходные посылки. Так, Й. Шумпетер писал, что величие учения Маркса доказывается способностью к возрождению; «тем самым оно перестает зависеть от нашей любви или ненависти»¹².

Единицей социального анализа в рамках миросистемной концепции, согласно И. Валлерстайну, является «историческая система, непрерывный процесс социального разделения тру-

---

⁸ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. С. 35.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Там же. С. 101.

¹¹ Там же. С. 301.

¹² Там же. С. 34.

да, организованного в соответствии с некоторыми основополагающими принципами (или тем, что иногда называют способом производства)»¹³. «Каждая историческая система проживает свою жизнь – начало, развитие и (возможно) конец. Продолжительность этой жизни <...> варьирует, период жизни многих из существовавших крупномасштабных систем (“миросистем”) длился 500 лет и более»¹⁴. Современная миросистема, по мнению автора, – это капиталистический мир-экономика, в том смысле, что границы единой структуры общественного разделения труда обширны и охватывают многообразные культурные регионы (вот почему «мир»)»¹⁵.

В основе современного мира-экономики лежит капиталистический способ производства, т.е. бесконечное накопление капитала путем экспроприации прибавочной стоимости, пролетаризации труда и дальнейшего отоваривания всех аспектов производства и обмена, которые еще не стали товарными¹⁶.

Целостность капиталистической миросистемы подчеркивает ее «метафорическое» определение как «единого рынка, на котором происходит расчет максимальной прибыльности и который таким образом определяет в долгосрочном плане объем производственной деятельности, степень специализации, способы оплаты труда, товаров и услуг, использование технологических изобретений»¹⁷. В капиталистической миросистеме производство постоянно расширяется, пока рост производства остается прибыльным, и люди постоянно обновляют способы производства вещей, чтобы расширить пределы прибыльности¹⁸.

Развитие рынка рассматривается И. Валлерстайном в качестве условия действия «закона стоимости», непрекращающегося накопления капитала. Процесс разделения труда расширяет границы товарно-денежных связей. В сферу капиталистических рыночных отношений постоянно вовлекаются новые территории и хозяйствующие субъекты.

---

¹³ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 109.

¹⁴ Там же. С. 110.

¹⁵ Там же. С. 112.

¹⁶ Там же. С. 96, 395.

¹⁷ Там же. С. 82.

¹⁸ Там же. С. 34.

Методологически широко трактуется понятие агента накопления капитала. В него включаются не только физические лица (собственники, предприниматели), предприятия и организации, но и государство, политически организующее присвоение прибавочного продукта (прибыли). Поэтому вторым базовым элементом мироэкономики, вслед за единым рынком, ученый называет «существование системы государственных структур разного уровня силы (как внутри границ, так и по отношению к другим элементам мировой системы)»¹⁹. Сеть государств образует над мировым капиталистическим рынком политико-экономическую надстройку.

Функционирование рынка в режиме конкуренции предполагает и воспроизводит неравенство и иерархию его участников. Силы мирового рынка обостряют и институализируют различия между хозяйствующими субъектами, делают их непреодолимыми в короткие сроки²⁰. «Процесс накопления капитала, – пишет автор, – требует существования иерархической системы, в которой прибавочная стоимость распределена неравномерно как в пространстве, так и между классами. Более того, развитие капиталистического производства в историческом времени фактически вело к постоянно возрастающей социально-экономической поляризации населения мира (а на самом деле даже ее требовало)»²¹.

В мировом хозяйстве складывается единое осевое разделение труда с поляризацией свойственных центру и периферийных видов экономической деятельности. Границы межгосударственной системы соответствуют границам осевого разделения труда²². Формируются три структурные позиции: сердцевина (центр), периферия и полупериферия. Сильные государства центра навязывают неравный обмен периферийным регионам. «Таким образом, капитализм использует не только присвоение собственником прибавочной стоимости, производимой работником, но и присвоение зоной сердцевины прибавочной стоимости, производимой в мироэкономике в целом»²³.

---

¹⁹ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 83.

²⁰ Там же. С. 41.

²¹ Там же. С. 214.

²² Там же. С. 168.

²³ Там же. С. 38.

Теоретико-методологические предпосылки миросистемного анализа благоприятствуют созданию обобщающих, парадигмальных концепций экономической науки. Тезис о едином, сквозном разделении труда ориентирует на изучение всего спектра социально-экономических отношений – от мирохозяйственных регионов до отдельных людей. При таком подходе речь может идти о мегаэкономике, которая охватывает систему отношений глобального хозяйства (рынка) и которая вбирает в себя макроэкономику и микроэкономику как частные случаи теоретических схем. В концептуальных построениях на уровне предприятия или национальной экономики международные хозяйственные связи обычно «остаются за кадром» в виде «прочих равных условий». Исследование многомерных мирохозяйственных процессов заполняет пробел в традиционной теории и позволяет с единых методологических позиций объяснять функционирование экономических систем разных уровней, учитывая их специфику.

И. Валлерстайн постулирует наличие третьего существенного элемента капиталистического мира-экономики: «Присвоение прибавочного продукта происходит таким образом, что в процессе эксплуатации присутствуют не два, а три уровня. Иначе говоря, здесь есть промежуточный уровень, имеющий свою долю в эксплуатации нижестоящих, но разделяющий их судьбу, будучи эксплуатируем вышестоящими. Такая трехуровневая структура имеет существенный стабилизирующий эффект, в то время как двухуровневая структура является по существу дезинтегрирующей. <...> Те, кто стоит наверху, всегда стремятся обеспечить существование трех уровней, дабы лучшим образом предохранить свои привилегии, в то время как те, кто внизу, напротив, стремятся сократить схему до двух уровней, чтобы успешнее разрушить эти самые привилегии. Эта борьба вокруг существования среднего уровня продолжается непрерывно, как в политической области, так и в области идеологических конструкций. <...> Это стержневой вопрос, стоящий в центре классовой борьбы»²⁴.

---

²⁴ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 83.

Трехчастная схема анализа доминирует в методологическом видении американского социолога. Он подчеркивает: «Эти три уровня можно вновь и вновь находить во всех институтах капиталистической мировой экономики: в трех возможных ролях регионов в мировой экономике – как центра, полупериферии и периферии; в основной организационной структуре производственного процесса (существование фигуры мастера); в трехслойной модели распределения доходов и статуса в капиталистических странах центра; в трехзвенной модели политических группировок (левые, центр, правые) как на всемирном, так и на национальном уровне»²⁵.

Познавательные возможности диалектической триады и соответствующего философского метода убедительно продемонстрировал и обосновал Гегель в «Науке логики»²⁶. Трехчастная модель – это продуктивная формальная логика для научной гипотезы. Она помогает определить крайние, пограничные признаки, позиции (стороны противоречия) и указывает выход из ситуации взаимного отрицания (противоположения) посредством логического разрешения противоречия. Посредствующее звено (средний член) объединяет противоположные друг другу звенья. В нем можно сочетать, комбинировать в любых соотношениях изначально противоположные свойства, признаки и элементы.

Среднее звено трехчастной методологической схемы в социальных науках допустимо рассматривать как условие существования и развития общественных систем. Оно вмещает в себя (диалектически «снимает», по терминологии Гегеля) крайности, содержит весь перечень отношений в заданных границах, обеспечивает разрешение противоречий интересов и жизнедеятельность общества и экономики. Однако тройственность, будучи готовой формой суждения, позволяет толкование по типу «и то, и сё», «не то и не сё», «с одной стороны, с другой стороны», открывает двери для софистических рассуждений в социально-экономической теории. С ее помощью легко отказаться от выдвинутых ранее спорных или ошибочных постулатов, предположений и т.п. Это особенно характерно для жестких, ортодоксальных доктрин.

---

²⁵ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 84.

²⁶ См.: Гегель Г. Наука логики. Том II. Субъективная логика или учение о понятии. М., 1939. С. 286–319.

Несомненное достоинство концепции И. Валлерстайна – реалистичное описание исходной модели капиталистической мироэкономики. Его полемика с современными либеральными экономическими теориями убедительна: «Мы не сможем понять проблему прогрессирующих пролетаризации труда и коммерциализации земли, если мы примем определение капитализма, извлеченное из учения Адама Смита. Свободного рынка никогда не существовало и не могло существовать в рамках капиталистического мира-экономики. Гипотетический свободный рынок – интеллектуальная конструкция, выполняющая такую же интеллектуальную функцию, как понятие движения без трения, функцию стандарта, сравнением с которым измеряют степень отклонения. Капиталисты скорее стремятся максимизировать прибыль на мировом рынке, используя повсюду, где это выгодно и где они в состоянии создать их, легальные монополии и/или иные формы ограничения торговли»²⁷.

По мнению автора, «бытуют два мифа о капитализме, выдвинутых его главными идеологами (и странным образом широко признанные их критиками XIX в.). Один из них состоит в том, что капитализм характеризуется свободным движением факторов производства. Второй – в том, что ему свойственно невмешательство политической машины в действие “рынка”. На самом деле, капитализм определяется *частичной* свободой движения факторов производства, *избирательным* вмешательством политической машины в действие “рынка”»²⁸. Именно «избирательные вмешательства» способствуют процессу накопления капитала. Наиболее подходящим институциональным посредником при установлении рыночных ограничений (квазимонополий в широком смысле слова) в пользу определенных социальных групп и стран оказывается государство²⁹.

В соответствии с указанными теоретико-методологическими предпосылками дается развернутое определение: «Капиталистический мир-экономика – это система, основанная на стремлении накапливать капитал, на политическом влиянии на уровень цен

---

²⁷ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 74.

²⁸ Там же. С. 103.

²⁹ Там же. С. 404.

(на капитал, потребительские товары и на труд) и на устойчивой поляризации с течением времени классов и регионов (центр-периферия)»³⁰. «Капиталистическая мироэкономика – это система, предполагающая иерархическое неравенство в распределении, основанное на концентрации определенных видов производства (относительно монополизированного и потому высокоприбыльного) в определенных ограниченных зонах, которые на этой основе и в связи с этим становятся местами наиболее крупномасштабного накопления капитала. Такая концентрация позволяет усилить государственные структуры, стремящиеся в свою очередь обеспечить сохранение относительных монополий»³¹.

У миросистемы есть составные части и стадии развития. «Возникновение европейского мира-экономики в «долгом XVI веке» (1450–1640 гг.) сделалось возможным благодаря исторической конъюнктуре: на долгосрочные тенденции, ставшие кульминацией того, что иногда описывалось как “кризис феодализма”, наложился более непосредственный циклический кризис плюс климатические изменения, – все это создало дилемму, которая могла быть разрешена лишь географическим расширением разделения труда. Далее, баланс межсистемных сил был таков, что сделал это возможным. Таким образом, географическая экспансия совпала с демографической экспансией и устойчивым ростом цен»³². К 1640 г. государства Северо-Западной Европы утвердили себя в качестве сердцевины системы.

Европейский мир-экономика был консолидирован охватившим систему спадом 1650–1730 гг., который открыл вторую стадию современного мира-экономики. Поскольку относительный прибавочный продукт сократился, осталось место для выживания одного государства, занимавшего центральную позицию. Способом борьбы стал меркантилизм, который был практикой частичной изоляции и ухода с мирового рынка больших регионов, которые сами были построены иерархически³³.

---

³⁰ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 403.

³¹ Там же. С. 348.

³² Там же. С. 45.

³³ Там же. С. 47.

После 1760 г. началась третья стадия «скорее промышленного, чем аграрного капитализма». С этих пор промышленное производство уже не второстепенный элемент мирового рынка, оно составляет все большую долю мирового валового продукта и мирового прибавочного продукта. В ходе дальнейшей географической экспансии европейский мир-экономика включил в себя весь земной шар. Отчасти это было результатом его технологических возможностей, как в смысле возросшей военной огневой мощи, так и улучшений в кораблестроении и морском деле, которые сделали регулярную торговлю достаточно дешевой. Кроме того, промышленное производство требовало доступа к такому природному сырью и в таких количествах, что потребности не могли удовлетворяться внутри прежних границ. Меркантилизм теперь стал главным инструментом полупериферийных стран, стремившихся стать странами сердцевины³⁴.

И. Валлерстайн специально отмечал, что в этот отрезок времени «самая важная из миросистем за пределами Европы, Россия, вошла в нее с полупериферийным статусом вследствие силы своей государственной машины (включая армию) и уровня индустриализации, уже достигнутого в XVIII в.»³⁵. Повышенный интерес к России не был случайным, ибо Первая мировая война была концом эпохи, а русская революция 1917 г. – началом новой – нашей четвертой стадии³⁶. Этот факт имеет для нас непреходящее значение, поскольку история нашей страны признается основой современного летоисчисления и периодизации развития миросистемы.

Вместе с тем, социолог предложил еще одну градацию этапов эволюции капиталистической мироэкономики, которая дополняет предыдущую хронологию. Признаком классификации служит глобальная гегемония одной страны. «Понятие гегемонии в межгосударственной системе относится к такой ситуации, в которой продолжающееся соперничество между так называемыми “великими державами” настолько не сбалансировано, что одна держава ока-

---

³⁴ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 47, 49.

³⁵ Там же. С. 48.

³⁶ Там же. С. 51.

зывается поистине *primus inter pares* (первой среди равных – лат.), то есть одна держава может в значительной степени навязывать свои правила и свои желания <...> в экономической, политической, военной, дипломатической и даже культурной сфере. Материальная основа такой мощи коренится в возможностях предприятий, расположенных на территории державы, более эффективно действовать на всех трех основных экономических поприщах – аграрно-промышленном, торговом и финансовом. Преимущество в эффективности <...> настолько велико, что эти предприятия могут превзойти предприятия других великих держав не только на мировом рынке в целом, но во многих случаях и на внутренних рынках конкурирующих держав»³⁷.

Тремя случаями гегемонии были Объединенные провинции (Голландия) в середине XVII в., Соединенное Королевство Великобритании в середине XIX в. и Соединенные Штаты Америки в середине XX в. Ученый писал: «Если кто-то настаивает на точных датах, я бы на пробу предложил в качестве предельных временных границ 1620–1672 гг., 1815–1873 гг., 1945–1967 гг.»³⁸. Изменение очертаний сердцевины мира-экономики и лидирующего положения в ней отдельных стран объясняется непрочностью монопольного положения в условиях постоянного, прерывистого, ограниченного, но значительного перемещения центров накопления и концентрации капитала³⁹.

И. Валлерстайн полагает, «что именно динамика самой этой системы объясняет ее исторически изменяющиеся характеристики. Следовательно, поскольку это система, она обладает структурами, и эти структуры проявляются в циклических ритмах, то есть механизмах, которые отражают и обеспечивают повторяемость образцов. Но поскольку эта система исторична, ни одно из ритмических колебательных движений никогда не возвращает ее к точке равновесия, а вместо этого двигает систему в различных континуумах, которые можно назвать долгосрочными тенденциями этой системы. Эти тенденции в конечном счете должны достичь куль-

---

³⁷ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 97.

³⁸ Там же, С. 98.

³⁹ Там же. С. 348–349.

минации, когда станет невозможно восстановление структурных повреждений методами ремонта. Тем самым система идет к тому, что некоторые называют “точками бифуркации”, а другие – “переходом количества в качество”»⁴⁰. Глубина осмысления проблемы видна в следующем уточнении: «Историческая специфичность вовсе не исключает аналитической универсальности. Напротив, единственный путь к номотетическим (греч. *Nomo-teto* – устанавливать законы) предположениям лежит через исторически конкретное»⁴¹.

Модель капиталистического мира-экономики, формулируемая И. Валлерстайном, представляет собой разработку идей «Манифеста Коммунистической партии». Сказанное подтверждают тезисы марксистской программы 1848 г., в которых современная эпоха определяется как исторически преходящее буржуазное общество и хозяйство. Основным условием существования и господства класса буржуазии считается накопление богатства в руках частных лиц, образование и увеличение капитала за счет использования наемного труда⁴².

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя производственных отношений и всей совокупности общественных отношений⁴³. «Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду она должна внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи»⁴⁴.

Буржуазия объединила мировое хозяйство в единую систему международного разделения труда, используя крупную промышленность для создания всемирного рынка, подготовленного открытием Америки⁴⁵. Характерно, что именно XVI в. И. Валлерстайн принял за исходный пункт становления капиталистического мира-экономики.

---

⁴⁰ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 95.

⁴¹ Там же. С. 25.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1972. С. 38.

⁴³ Там же. С. 28.

⁴⁴ Там же. С. 29.

⁴⁵ Там же. С. 26.

Экономическое господство буржуазии помогло ей завоевать исключительное политическое господство в современном представительном государстве. А современная государственная власть – это только «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии»⁴⁶, причем не только внутри национальных границ, но и в сфере международных отношений. Впрочем, в отличие от убежденности американского ученого в функционировании всемирного рынка в режиме неустанно навязываемой и поддерживаемой государством монополизации, в «Манифесте» говорится об «одной бессовестной свободе торговли»⁴⁷, о свободной конкуренции, с соответствующим ей общественным и политически строем, с экономическим и политическим господством класса буржуазии⁴⁸.

«Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. <...> На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. <...> Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий труда и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские нации. Дешевые цены ее товаров – вот та артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т.е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию»⁴⁹. Здесь уместно привести слова Й. Шумпетера о том, что «Коммунистический манифест» представляет собой краткий отчет о блестящих достижениях капитализма. Даже вынося капитализму

---

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. С. 27.

⁴⁷ Там же. С. 28.

⁴⁸ Там же. С. 30.

⁴⁹ Там же. С. 29.

в будущем смертный приговор, Маркс не упускает случая признать его историческую необходимость⁵⁰.

Буржуазия не только сделала деревню зависимой от города, но и варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы – от буржуазных народов, Восток – от Запада⁵¹. Поэтому уничтожение эксплуатации одного индивида другим связано с уничтожением эксплуатации одной нации другой. «Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой»⁵². Уничтожить эксплуатацию одной части общества другою может и должен эксплуатируемый рабочий класс (пролетариат), от которого должна исходить инициатива преобразования буржуазного общества в коммунистическое, основанное на социальной справедливости⁵³.

Теоретико-методологическая преемственность неомарксистской концепции И. Валлерстайна видна отчетливее, если для ее характеристики воспользоваться критическим разбором «доктрины К. Маркса» в исполнении Й. Шумпетера. По мнению австрийского ученого, одним из величайших открытий современной социологии является экономическая интерпретация истории К. Марксом⁵⁴.

Внимание Й. Шумпетера акцентируется на двух предпосылках экономической интерпретации истории. Во-первых, формы или условия производства являются базисными детерминантами социальных структур, которые, в свою очередь, определяют оценки людей, их поведение, типы цивилизаций. Немного упрощая, можно сказать, что наш повседневный труд формирует наше сознание; наше место в производственном процессе – это как раз то, что определяет наш взгляд на вещи – или ту сторону явления, которую мы выделяем, – и то социальное окружение, в котором находится каждый из нас. Во-вторых, сами формы производства

---

⁵⁰ См.: Шумпетер Й. Указ. соч. С. 39.

⁵¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 30.

⁵² Там же. С. 44.

⁵³ Там же. С. 46.

⁵⁴ См.: Шумпетер Й. Указ. соч. С. 41.

имеют собственную логику развития, т.е. они меняются в соответствии с внутренне присущей им необходимостью, и то, что приходит им на смену, есть исключительно следствие их собственного функционирования⁵⁵. Историческая интерпретация в духе теории К. Маркса опирается на вполне реалистическое допущение взаимодействия сферы производства и прочих сфер общественной жизни.

Австрийский экономист верно подметил специфику марксовыих теоретических конструкций: «Хотя Маркс определяет капитализм социологически, т.е. на основе института частного контроля над средствами производства, механику функционирования капиталистического общества он объясняет с помощью своей экономической теории. Эта экономическая теория призвана показать, как социологические категории *класс*, *классовый интерес*, *классовое поведение*, *обмен между классами* проявляются через посредство экономических категорий – стоимости, прибыли, заработной платы, инвестиций и т.п. – и как они порождают такой экономический процесс, который в конце концов разрушает свою собственную институциональную структуру и в то же время создает условия для возникновения иного социального порядка. Эта особая теория общественных классов является тем аналитическим инструментом, который, соединяя экономическую интерпретацию истории с концепцией экономики, основанной на прибыли, определяет все общественные события, сводит воедино все явления. <...> Ее внутрисистемная функция в Марксовой системе в целом гораздо более важна, чем мера успеха, с которой она решает свою собственную задачу»⁵⁶.

В схемах Маркса социология и экономическая теория «пронизывают друг друга». «Тем самым, – по мнению Й. Шумпетера, – в анализ вливается живительная сила. Воображаемые концепции экономической теории начинают дышать. Бескровная теорема погружается в *agmen, pilverem at clamorem* (движение толп, пыль и грохот – лат.): не теряя своей логической природы <...> она превращается в мазок художника, рисующий дикий беспорядок».

---

⁵⁵ Шумпетер Й. Указ. соч. С. 43.

⁵⁶ Там же. С. 54.

рядок общественной жизни. <...> Войны, революции, законодательство всех видов, изменения в структуре правительств, короче все явления, которые немарксистская экономическая история рассматривает просто как внешние возмущения, находят свое место наряду, скажем, с инвестициями в оборудование или с трудовыми договорами, – все охвачено единой объясняющей схемой»⁵⁷. «Свобода торговли в Англии, рабочее движение в целом и в отдельных его проявлениях, колониальная экспансия, институциональные изменения, национальная и партийная политика во все времена и во всех странах – все это включено в сферу Марксовой экономической теории, претендующей на открытие теоретического объяснения всех этих явлений на основе классовой борьбы, стремления к эксплуатации и протеста против эксплуатации, накопления капитала и качественных изменений в его структуре, изменений нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли»⁵⁸.

Особенность теоретической системы К. Маркса состоит в том, что она подчиняет исторические события и социальные институты процессу объяснения, основанному на экономическом анализе, она рассматривает их не в качестве исходных данных, а в качестве переменных величин⁵⁹.

Познавательные возможности теории И. Валлерстайна во многом определяются заимствованной марксистской методологией – экономической интерпретацией истории, единством социологического и экономического подходов. Достижением американского ученого следует признать социологическую разработку модели мира-экономики в виде государственно-организованного капитализма. В миросистемной концепции степень научных обобщений возрастает от взаимодействия индивидов в рамках социальных групп (классов) внутри государства до взаимоотношений государственных структур центральной, полупериферийной и периферийной зон мирового хозяйства. Поведение указанных субъектов подчиняется бесконечному накоплению капитала за счет присвоения прибавочного продукта (прибыли).

---

⁵⁷ Шумпетер Й. Указ. соч. С. 85.

⁵⁸ Там же. С. 87.

⁵⁹ Там же.

Социологический подход преобладает в объяснении тенденций развития мироэкономики. Социолог пишет о трех механизмах, позволяющих миросистеме удерживать относительную политико-экономическую стабильность, в смысле выживания системы как таковой. Первый – концентрация военной мощи в руках господствующих сил. Ее возможности изменялись с развитием технологии. Для такой концентрации обязательно существовали политические предпосылки, но голая сила является центральным доводом⁶⁰.

Вместе с тем, автор освещает это положение по-иному: «Лишь немногие государства достаточно богаты, чтобы иметь соответствующую налоговую базу, соответствующее богатство. Это является скорее источником, чем следствием их военной силы, хотя, разумеется, оба процесса находятся в отношении взаимного циклического усиления. А богатство таких государств связано как с их размером, так и с осевым разделением труда в капиталистической мироэкономике»⁶¹.

Второй механизм – проникающая сила идеологической приверженности системе в целом. Имеется в виду степень, в которой персонал или специалисты, или кадры системы ощущают, что их благосостояние является производным от выживания системы и от компетентности ее лидеров. Этот персонал является теми, кто не только проповедует мифы, но и верит в них⁶².

Такой формулировкой И. Валлерстайн переставляет акценты в «немарксистскую» сторону. В стиле экономической интерпретации истории следовало бы говорить о том, что благосостояние кадров (специалистов, бюрократии и т.п.), реализация их экономических интересов зависят от функционирования хозяйственной системы и формирует заинтересованность в сохранении данного порядка вещей. Ведь согласно марксизму идеология – это надстройка, социально-культурная сфера, производная от базиса экономических отношений и интересов.

---

⁶⁰ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 42.

⁶¹ Там же. С. 348.

⁶² Там же. С. 42.

Третий механизм стабилизации – разделение большинства на более обширный низший слой и более узкий средний слой; существование трех видов государств: верхнего слоя государств центра, низшего слоя государств периферии, среднего слоя полупериферийных государств. Трехуровневая структура провозглашается нормальным условием развития миросистемы, без которого она распадается⁶³.

На этой посылке автор выстраивает весьма спорные и опять-таки «антимарксистские» рассуждения: «Полупериферии предписана как бы некая специфическая экономическая роль, но причины этого носят в гораздо большей мере политический, чем экономический характер. Иначе говоря, вполне можно доказать, что мироэкономика с экономической точки зрения работала бы ничуть не хуже, если бы полупериферии не существовало. Но она была бы куда менее политически стабильна, потому что отсутствие полупериферии означало бы поляризованную миросистему. Существование третьей категории означает именно то, что верхний слой не сталкивается с объединенной оппозицией всех остальных, потому что средний слой является одновременно эксплуатируемым и эксплуатирующим. Отсюда следует, что специфическая экономическая роль не столь важна и изменялась на разных исторических стадиях развития современной миросистемы»⁶⁴.

В противовес высказанным суждениям допустимо привести следующие аргументы. Центр-периферийная структура мираэкономики отражает разделение труда и предполагает общность интересов включенных в нее субъектов. Формирующиеся хозяйственные связи обеспечивают соответствующий уровень эффективности, с учетом всех оговорок применительно к мировой экономике и крупнейшим ее зонам. Не факт, что при поляризации интересов и усилении конфликтности между центром и периферией глобальная экономика работает лучше. Скорее, наоборот, обострение противоречий интересов – признак нарастания кризисных процессов в хозяйстве. Политическая стабильность при экономических потрясениях – сомнительная теоретическая посылка.

---

⁶³ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 42–43.

⁶⁴ Там же. С. 43.

Противоречия миросистемы и ее современное состояние

Названные «методологические или метафизические» посылки детализируются в авторской теории социальных противоречий и кризисов миросистемы. Теоретик растолковывал: «Противоречия существуют во всех исторических системах. Говоря о противоречиях, я не имею в виду конфликты, которые, конечно же, тоже наличествуют. Противоречия имеют отношение к давлению со стороны структур, которое заставляет те или иные группы двигаться одновременно в двух противоположных направлениях. <...> Причина, вызывающая одновременное движение в противоположных направлениях, только в том, что их непосредственные интересы вступают в противоречие с долговременными интересами. Для того чтобы решить свои сиюминутные проблемы, вызванные циклическими колебаниями, они склоняются к поведению, которое, в свою очередь порождает долгосрочные тенденции, подрывающие дееспособность системы»⁶⁵.

Из неизбежности противоречий следует, что каждая историческая система будет в конечном счете подрывать свои способности к выживанию. Но с точки зрения индивидуального жизненного цикла это медленный процесс, и возможности ускорения неизбежного конца какими-либо социальными группами ограничены. Это не означает, что организованная оппозиция лишена своих функций в исторической системе. Оппозиция является продуктом системы, эндогенна ей и, следовательно, является частью того же долгосрочного развития структур системы. Когда противоречия достигают определенного уровня интенсивности, историческая система вступает в «кризис», который может быть также назван переходным периодом. В исторической системе, которая существовала 500 лет или дольше, подобный переход может продолжаться в течение века или более⁶⁶.

Абстрактные аргументы, формирующие методику анализа исторической системы, И. Валлерстайн конкретизирует примени-

---

⁶⁵ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 110.

⁶⁶ Там же. С. 111.

тельно к капиталистической мироэкономике, стремится показать кризисную динамику ее современного этапа. Он утверждает, что «мы живем во время “перехода”, в период неизбежного упадка и “окончательной смерти” капиталистического мира-экономики. <...> Основной “кризис” <...> капиталистического мира-экономики относительно прямолинеен и прост. Система идет к своему концу. Но то, что придет ей на смену, зависит от способа разрешения кризиса антисистемных движений и кризиса наук. И здесь у нас есть реальная возможность повлиять на действительность»⁶⁷. «Вот почему “возникновение новой социальной мысли” не абстрактная материя, но предмет глубокой экзистенциальной потребности. Вот почему вопрос не в мировом кризисе или мировой трансформации, но в том, какое преобразование мы сможем реализовать. <...> То, как мы будем действовать, и определит фактически наш коллективный “цивилизационный поиск”»⁶⁸.

Для оценки современного состояния капиталистического мира-экономики важно понимание его социальной эволюции. Можно согласиться с нижеследующими рассуждениями: «Развитие капиталистического мира-экономики включало в себя создание всех основных институтов современного мира: классов, этнических/национальных групп, домохозяйств – “государств”. Все эти структуры рождены капитализмом, а не предшествуют ему; все они – следствие, а не причина. Более того, все эти институты фактически создавали друг друга. Классы, этнические/национальные группы и домохозяйства определяются государством, через государство, в отношении к государству и, в свою очередь, создают государство, оформляют государство, преобразуют государство»⁶⁹. О правильности такого подхода говорил и Й. Шумпетер: «Обычно проблему видят в том, как капитализм функционирует в рамках существующих структур, тогда как действительная проблема <...> состоит в том, как он создает и разрушает эти структуры»⁷⁰.

---

⁶⁷ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 117.

⁶⁸ Там же. С. 129.

⁶⁹ Там же. С. 404.

⁷⁰ Шумпетер Й. Указ. соч. С. 128.

Среди множества противоречий между социальными группами внутри стран и между государствами капиталистической мир-системы И. Валлерстайн выделяет два фундаментальных противоречия: одно в сфере экономики, другое в сфере политики. Первое противоречие сформулировано так: «В то время как в краткосрочной перспективе максимизация прибыли требует максимизации изъятия прибавочного продукта из непосредственного потребления большинства, в долгосрочной перспективе непрерывное производство прибавочного продукта требует массового спроса, который может быть создан лишь перераспределением изъятого прибавочного продукта. Поскольку два эти соображения направлены в противоположные стороны (это и есть “противоречие”), система переживает постоянные кризисы, которые в длительной перспективе ее ослабляют и одновременно делают для привилегированных игру не стоящей свеч»⁷¹.

Основное противоречие экономической сферы заложено в двойственной роли агента накопления капитала. С одной стороны, он конкурирует со всеми остальными агентами и бесконечно стремится увеличить разрыв между «издержками производства» и «рыночной ценой продажи» на своем предприятии. Это принуждает его к сокращению издержек, в том числе связанных с трудом, и повышению цен, включая использование политических и квазиполитических механизмов монополистического ограничения рынка в нужных сегментах.

С другой стороны, функционирование системы зависит от политико-культурных гарантий для такого конкурентного поведения, которое подталкивает каждого предпринимателя к созданию более эффективного спроса, включая возрастание глобальной доли доходов трудящихся слоев, и к совместным действиям с предпринимателями-конкурентами в целях ослабления разрушительных последствий экономической активности, будь то из-за волнений рабочих или из-за межгосударственного «внеэкономического» соперничества⁷².

---

⁷¹ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 56.

⁷² Там же. С. 114.

Противоречие развивается в определенных временных рамках. В краткосрочном плане агент накопления капитала является «горлохватом», а рабочие и другие агенты накопления капитала выступают его естественными оппонентами. Для разрешения краткосрочных экономических противоречий агенты накопления капитала прибегают к сотрудничеству, действуют как класс. Спорядически они занимаются перераспределением прибавочной стоимости в пользу трудящихся слоев, чтобы восстановить и расширить эффективный спрос и обеспечить возобновление экспансии. В долгосрочном плане идет подрыв системы, ибо уменьшаются размеры прибыли⁷³.

Второе фундаментальное противоречие ученый сформулировал так: «Всякий раз, когда владельцы привилегий пытаются ассимилировать оппозиционное движение, подключив его представителей к получению небольшой части привилегий, они, несомненно, в краткосрочной перспективе устраняют оппонентов; но они также поднимают ставку для следующего оппозиционного движения, возникающего в ходе следующего кризиса мироэкономики. Таким образом, цена “ассимиляции” становится все выше, а связанные с ней преимущества кажутся с каждым разом все более сомнительными»⁷⁴.

Политическое развитие несет угрозу логике системы – бесконечному накоплению капитала – с двух сторон. Во-первых, оно усиливает всемирные трудящиеся слои в их постоянной битве за раздел прибавочной стоимости и ставит под угрозу долгосрочные условия получения прибыли. Во-вторых, для политического противодействия трудящимся слоям агенты накопления капитала вынуждены передавать все большую долю прибавочной стоимости своим агентам и защитникам, профессионалам, или «средним» слоям, ухудшая долгосрочные перспективы получения прибыли. Всемирная «семья» антисистемных движений становится все сильнее, смелее, все разнообразнее и ее все труднее сдерживать. Оппозиция всепроникающа и неистребима⁷⁵. Подъемы, спады и кризисы антисистемных движений имеют циклический характер.

---

⁷³ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 115.

⁷⁴ Там же. С. 56.

⁷⁵ Там же. С. 116.

Механизмами разрешения социально-экономических противоречий и изменения миросистемы служат циклические ритмы – средство восстановления минимального равновесия. Социолог считает самыми важными два типа циклических процессов. Кондратьевские циклы⁷⁶ продолжаются 45–60 лет. Их А-периоды (восходящие фазы) являются тем временем, когда могут быть защищены особо значимые монополии; их Б-периоды (нисходящие фазы) – это время географического перемещения тех производств, монополия на которые себя исчерпала, а также время борьбы за контроль над перспективными новыми монополиями.

Более длительные циклы гегемонии включают в себя борьбу двух ведущих государств за то, чтобы стать наследником предыдущей державы-гегемона, занять место основного накопления капитала. Это длительный процесс, который обязательно предполагает военную силу, чтобы победить в «тридцатилетней войне». Сохранение новой гегемонии требует больших затрат, которые неизбежно ведут к относительному упадку победившей державы и к новой борьбе за господство в миросистеме. Этот способ медленных, но непременных перестроек и перемещения центра капиталистического мира-экономики был эффективным. Капиталистическая мироэкономика показала себя устойчивой разновидностью исторической системы⁷⁷.

Однако, пишет автор, у систем, помимо циклических ритмов, есть еще и вековые тенденции, обостряющие противоречия. Поэтому приходит момент, когда противоречия становятся настолько острыми, что ведут ко все большему и большему флуктуациям, наступлению хаоса, бифуркациям, из которых происходит новый системный порядок⁷⁸.

Нынешнее состояние мироэкономики оценивается как тенденция к вступлению во время хаоса⁷⁹. В обоснование выдвинутого предположения И. Валлерстайн приводит ряд соображений. Одна

---

⁷⁶ Большие циклы, или длинные волны, называют по имени автора их теоретического обоснования Н. Д. Кондратьева.

⁷⁷ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 349.

⁷⁸ Там же. С. 350.

⁷⁹ Там же. С.364.

группа аргументов связана с доказательством существенного ослабления социально-экономических опор миросистемы, что проявляется в четырех тенденциях – структурных трансформациях.

Во-первых, произошло серьезное истощение мирового резервуара доступной дешевой рабочей силы. Окончательное географическое расширение капиталистического мира-экономики в конце XIX века, когда он захватил весь земной шар, сопровождалось ускоренным выводом рабочей силы из деревни, т.е. процессом, который может быть завершен в обозримом будущем. Это неизбежно будет означать резкий рост мировых издержек на труд и общих издержек мирового производства⁸⁰.

Вторая структурная проблема – сжатие средних слоев. Общемировые издержки по содержанию широко разросшихся средних слоев стали невыносимым бременем для предприятий и государственной казны. Поэтому в последние десятилетия не прекращались попытки свернуть государство всеобщего благосостояния. Здесь возможно два сценария: 1) банкротство государства и предприятий; 2) значительное политическое недовольство средних слоев в случае сокращения расходов на их жизнеобеспечение⁸¹.

Третья структурная проблема – кризисная ситуация в экологии. Накопление капитала пятисот лет основывалось на возможностях предприятий выносить свои издержки вовне, безоглядно использовать мировые ресурсы и отравлять окружающую среду. Сегодня необходимы огромные капиталовложения в очистку окружающей среды и резкое сокращение потребления ресурсов. Но эти действия приведут к снижению глобальной нормы прибыли⁸².

Наконец, демографический разрыв, удваивающий экономический разрыв между Севером и Югом, увеличивается. Это создает невероятно сильное давление миграционных потоков с Юга на Север и порождает не менее сильную антилиберальную политическую реакцию на Севере. Внутренний демографический баланс государств Севера радикально изменится, и можно ожидать острых социальных конфликтов⁸³.

---

⁸⁰ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 182–183.

⁸¹ Там же. С. 183.

⁸² Там же. С. 183–184.

⁸³ Там же. С. 184.

Другая группа доводов посвящена объяснению современных ограничений «бесконечного накопления капитала». По мнению И. Валлерстайна, капиталистический мир-экономика, следуя логике развития, стал приближаться к своему теоретическому идеалу, превращению всего и вся в товар. Это отражают социальные реалии: расширение механизированного производства; снятие пространственных ограничений на обмен товарами и информацией; дерурализация мира (вовлечение в капиталистическое производство населения; термин, близкий по смыслу пролетаризации); приближение экосистемы к истощению; высокий уровень охвата процесса труда денежными отношениями; консьюмеризм или потребительство, т.е. громадные масштабы превращения в товар самого процесса потребления⁸⁴.

Перечисленные процессы ограничивают возможную норму накопления капитала и вызывают действие трех «центральных факторов». Прежде всего, урбанизация мира, рост образования и плотности коммуникаций породили такой уровень всемирной осведомленности о политике, который делает проще политическую мобилизацию, затрудняет сокрытие уровня социально-экономического неравенства и роли властей в его поддержании. Все больше людей требуют большего равенства вознаграждений и отказываются терпеть основное условие капиталистического накопления – низкую оплату.

Второй фактор – резко возросшие затраты правительства на субсидирование прибылей посредством строительства инфраструктуры и разрешения предприятиям экстернализовать свои издержки. Это проявляется в экологическом кризисе, кризисе растущих расходов на здравоохранение, кризисе расходов на фундаментальную науку и т.д. Государства не могут одновременно увеличивать субсидий частным предприятиям и расширять обязательства перед гражданами по поддержанию благосостояния.

Третий тип конфликтов возникает по причине всемирного распространения политической сознательности и осведомленности. Распределение неравенства на глобальном и национально-государ-

---

⁸⁴ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 340.

ственном уровнях зависит от расовой, этнической и религиозной принадлежности. Поэтому комбинированным результатом политической осведомленности и бюджетного кризиса станет массовая борьба, которая примет форму гражданской войны, и в глобальном масштабе, и в отдельных государствах⁸⁵.

И. Валлерстайн пытается доказать, что капиталистическая миросистема вошла в кризис. Ход его рассуждений таков. Периодические стагнации мировой экономики, проявляющиеся в недостаточности эффективного спроса, регулярно разрешались в ходе трех процессов: технологического развития, пролетаризации, включении новых зон в мировое хозяйство. Они обеспечивают новые источники высокоприбыльной продукции во вновь создаваемых отраслях, новые резервуары платежеспособного спроса благодаря росту денежных доходов работников, особенно в виде заработной платы, и новые резервуары низкооплачиваемого труда через привлечение рабочей силы из домохозяйств. Из трех механизмов только технологические изменения могут продолжаться в течение неограниченного будущего. Два других механизма подходят к своим пределам, обуславливая структуру «кризиса». Это основное экономическое ограничение процесса накопления имеет свою параллель в растущей силе антисистемных социальных и национально-освободительных движений, которые в XX веке коллективно стали значительно сильнее, хотя многие конкретные движения потерпели поражение, и практически каждое движение было в той или иной степени кооптировано⁸⁶.

Исходя из оценки современных тенденций, американский социолог делает исторический прогноз: «Такая разновидность нарастающего, самоподдерживающегося беспорядка не может продолжаться вечно. Но она может длиться 25–50 лет. А это форма хаоса в системе, вызванная истощением механизмов безопасности системы, или изменением их места в связи с тем, что противоречия системы пришли к пункту, где ни один из механизмов, предназначенных восстанавливать нормальное функционирование системы, не может далее работать эффективно»⁸⁷.

---

⁸⁵ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 341.

⁸⁶ Там же. С. 393.

⁸⁷ Там же. С. 342.

Попытка И. Валлерстайна доказать приближение современной капиталистической мирэкономике к состоянию системного кризиса и хаоса по причине чрезвычайного обострения ее внутренних противоречий не бесспорна. Допустимы иные оценки развития рассматриваемых социально-экономических процессов и выдвигание контрдоводов по некоторым теоретическим положениям, тем более что они представлены в научной литературе. В частности, проблему трансформации капиталистической системы в социалистическую Й. Шумпетер исследовал и объяснял по-другому.

Австрийский экономист скептически оценивал марксистскую теорию «исчезающих инвестиционных возможностей», в которой посылка о приостановке инвестиций достаточна для обоснования прогноза краха капиталистического процесса. Теоретик подверг критическому анализу тезис о том, «что основные причины исчезновения возможностей для частного предпринимательства и инвестирования связаны: с насыщением потребностей, замедлением прироста населения, исчерпанием новых земель и технических возможностей и тем обстоятельством, что многие из существующих инвестиционных возможностей относятся скорее к сфере государственных, а не частных инвестиций»⁸⁸. Он изложил аргументы, показывающие, что действие всех перечисленных факторов не останавливает инвестирование и экономический рост⁸⁹.

Й. Шумпетер связывал перерождение капитализма в социализм с успехами накопления капитала, возрастанием доходов населения, производства товаров и услуг. С этих позиций сомнительными кажутся социально-политические выводы И. Валлерстайна о недовольстве средних слоев, активизации антисистемных движений и т.п.

Взгляды И. Валлерстайна и Й. Шумпетера сближает преобладание социологических аспектов над экономическими в обосновании исторически преходящего характера капиталистического хозяйства. Австрийский экономист писал, что, разрушая докапиталистический каркас общества, капитализм сломал не только пре-

---

⁸⁸ Шумпетер Й. Указ. соч. С. 160.

⁸⁹ Там же. С. 161–169.

грады, мешавшие его прогрессу, но и те опоры, на которых он сам держался. Этот процесс не только расчистил «институциональный сухостой», но и устранил социальных партнеров капиталистического класса – ремесленников и крестьян, симбиоз с которыми был существенным элементом капиталистической системы⁹⁰. Здесь прослеживается аналогия с необходимостью функционирования среднего слоя в качестве стабилизатора социальной структуры капитализма.

В отличие от К. Маркса, И. Валлерстайн и Й. Шумпетер считают главной социальной силой, преобразующей капиталистическую экономику, не пролетариат, а агентов накопления капитала – предпринимателей. По мнению Й. Шумпетера, «сталкиваясь с растущей враждебностью окружения и законодательной, административной и судебной практикой, порожденной этой враждебностью, предприниматели и капиталисты – а на самом деле, весь социальный слой, воспринявший буржуазный уклад жизни, – со временем перестают функционировать»⁹¹.

Отмирание предпринимательской функции ведет к разложению буржуазного общества. Поэтому шумпетерианский прогноз по итоговому выводу мало отличается от марксистского: «Если капиталистическая эволюция – “прогресс” – остановится вообще или будет происходить совершенно автоматически, экономический базис промышленной буржуазии сведется к зарплате, аналогично той, которую сегодня платят за рутинную административную работу, если не считать рудименты квазирутинных и прибыли монопольного типа, которые будут, по всей вероятности, в течение некоторого времени сохраняться. Поскольку капиталистическое предпринимательство в силу собственных достижений имеет тенденцию автоматизировать прогресс, мы делаем вывод, что оно имеет тенденцию делать самое себя излишним – рассыпаться под грузом собственного успеха. Совершенно обюрократившиеся индустриальные гиганты не только вытесняют мелкие и средние фирмы и “экспроприируют” их владельцев, но в конечном итоге вытесняют также и предпринимателя и экспроприируют

---

⁹⁰ См.: Шумпетер Й. Указ. соч. С. 193.

⁹¹ Там же. С. 214.

буржуазию как класс, который в этом процессе рискует потерять не только свой доход, но, что гораздо важнее, и свою функцию»⁹².

Экономическая аргументация И. Валлерстайна оказывается уязвимой и вызывает возражения. Так, дискуссионным выглядит умозаключение об ограничении накопления капитала по причинам исчерпания мирового резервуара доступной дешевой рабочей силы, повышения издержек на оплату труда и соответствующего уменьшения прибыли как источника инвестиций. Оно расходится с воззрениями К. Маркса в его классическом творении «Капитал».

К. Маркс отмечал, что для капитализма типично не столько вовлечение новой рабочей силы в хозяйственную деятельность, сколько ее лучшее использование, усиление эксплуатации за счет роста интенсивности и производительности труда работника, т.е. за счет производства относительной прибавочной стоимости. Автор подчеркивал, что производство относительной прибавочной стоимости предполагает специфически капиталистический способ производства, который революционизирует в корне технические процессы труда и общественные группировки⁹³.

Производство относительной прибавочной стоимости обеспечивает накопление капитала, которое, в свою очередь, позволяет эффективнее эксплуатировать рабочую силу, высвобождает ее из производственного процесса, в том числе путем замены работников машинами, ручного труда механическим. Таким образом, капиталистическая система создает «промышленную резервную армию» почти независимо от изменений численности работоспособного населения.

Сформулированный К. Марксом закон капиталистического накопления опровергает логику рассуждений И. Валлерстайна: «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Сво-

---

⁹² Шулпетер Й. Указ. соч. С. 187.

⁹³ См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. М., 1978. С. 518.

бодная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала»⁹⁴. Стало быть, накопление капитала не только организует новые рабочие места, но и сопровождается пополнением социального слоя безработных. Поэтому завершение процесса пролетаризации населения в рамках мирового хозяйства едва ли станет непреодолимым препятствием капиталистического накопления.

Американский социолог нередко упрощает проблему, говорит о капиталовложениях «при прочих равных условиях», хотя процесс накопления капитала изменяет эти самые «прочие условия». Здесь уместны слова Й. Шумпетера: «Избегать необходимых уточнений – значит не выявлять полной правды»⁹⁵.

Спорным остается положение о неизбежном снижении прибыльности и нормы накопления в современном капиталистическом мире-экономике. Известно, что К. Маркс очень осторожно формулировал «закон тенденции нормы прибыли к понижению», говорил о двойственности этого закона; ибо уменьшение нормы прибыли и увеличение абсолютной массы прибыли происходят под воздействием одних и тех же причин⁹⁶. Он указал и пояснил причины, противодействующие понижению нормы прибыли: повышение степени эксплуатации труда, понижение заработной платы, удешевление элементов основного и оборотного капитала, относительное перенаселение, внешняя торговля, распространение акционерного капитала⁹⁷.

Весьма примечательно завершение марксистского теоретического анализа тенденции нормы прибыли к понижению: «Несмотря на понижение нормы прибыли, стремление к накоплению и возможность последнего увеличиваются. Во-первых, вследствие возрастания относительного перенаселения. Во-вторых, потому, что с возрастанием производительности труда <...> растут вещественные элементы капитала. В-третьих, потому, что возникают

---

⁹⁴ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. С. 659.

⁹⁵ Шумпетер Й. Указ. соч. С. 24.

⁹⁶ См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. III. Кн. III. Процесс производства, взятый в целом. Ч. I. С. 241.

⁹⁷ Там же. С. 254–263.

новые разнообразные отрасли производства. В-четвертых, вследствие развития кредитной системы, акционерных обществ и пр. и связанной с этим легкости превращать деньги в капитал. <...> В-пятых, вследствие роста потребностей и стремления к обогащению. В-шестых, вследствие увеличения массы вложений основного капитала и т.д.»⁹⁸. Следовательно, процесс накопления капитала может протекать нормально в условиях неблагоприятной динамики нормы прибыли.

К. Маркс исследовал взаимосвязь накопления капитала и занятости работников в виде циклического процесса, периодического разрешения обостряющихся противоречий капиталистического производства. Теоретик говорил о среднесрочном, десятилетнем промышленном цикле в форме периодов оживления, производства под высоким давлением, кризиса и застоя⁹⁹.

Научным достижением К. Маркса следует признать постановку методологических проблем изучения циклического, периодического разрешения экономических противоречий. Он писал: «Эти различные влияния проявляются то преимущественно одно рядом с другим в пространстве, то преимущественно одно вслед за другим во времени; конфликт противодействующих друг другу факторов периодически выливается в кризисы, которые всегда представляют собой только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие»¹⁰⁰. Капиталистическое производство постоянно стремится преодолеть свои внутренне противоречивые пределы, но оно преодолевает их только при помощи средств, которые снова ставят перед ним эти пределы, притом в гораздо большем масштабе¹⁰¹. Логика подобных рассуждений стала «классическим» методологическим приемом марксистских социально-экономических теорий, в том числе и миросистемного анализа.

---

⁹⁸ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. III. Кн. III. Процесс производства, взятый в целом. Ч. I. С. 291.

⁹⁹ См.: Маркс К. Капитал. Т. I. С. 647.

¹⁰⁰ Там же. Т. III, ч. I. С. 273.

¹⁰¹ Там же. С. 274.

И. Валлерстайн некритически заимствовал взгляды своего учителя на роль рынка в разрешении противоречий капиталистического хозяйства. По мнению К. Маркса, закон капиталистического производства диктуется постоянными переворотами в самих методах производства, постоянным обесцениванием наличного капитала, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозой гибели, поэтому рынок должен постоянно расширяться. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства¹⁰². Завоевание новых рынков и более основательная эксплуатация старых служат средством преодоления торговых и промышленных кризисов¹⁰³.

К. Маркс акцентировал внимание на ограничении капиталистического рынка стремлением к накоплению капитала и размером потребительной силы общества «на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в <...> узких границах»¹⁰⁴. И. Валлерстайн больше говорит о пределах территориального, географического расширения рыночного пространства мира-экономики и пределах вовлечения в сферу рыночных отношений новых участников и новых видов социально-экономической деятельности как о сдерживающем факторе инвестирования.

Полемика по поводу рыночных ограничений развития капиталистической системы имеет давние традиции в экономической науке. Оригинальную теорию капиталистического рынка, адекватную историческому этапу ускоренной индустриализации передовых стран второй половины XIX века, предложил российский ученый М. И. Туган-Барановский. Наш соотечественник продемонстрировал возможность обогащения мировой экономической мысли посредством критической переработки марксистских концептуальных построений в методологическом и содержательном аспектах. Он подверг критике выдвинутую С. Сисмонди и при-

---

¹⁰² См.: Маркс К. Капитал. Т. III, ч. I. С. 268.

¹⁰³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. С. 31.

¹⁰⁴ Маркс К. Капитал. Т. III, ч. I. С. 268.

нятую «по непоследовательности» марксистской школой «теорию недостаточности рынка», составлявшую основу рассуждений «о необходимости крушения капитализма»¹⁰⁵.

М. И. Туган-Барановский аргументировал тезис о том, что «капиталистическое хозяйство не подвергается опасности крушения даже при огромном абсолютном сокращении народного потребления»¹⁰⁶. Этот вывод был сделан из развертывания схемы (модели) воспроизводства общественного капитала К. Маркса, но полностью противоречил букве марксизма.

Петербургский профессор так пояснил парадокс. Анализ воспроизводства во втором томе «Капитала» К. Маркса остался незавершенным и неиспользованным им самим для каких-либо общих выводов. Его знаменитые схемы остались без своего логического завершения инородным телом в стройной системе марксизма. А так как логические выводы, вытекающие из них и совершенно не указанные К. Марксом, находятся в несомненном противоречии с его теорией рынка, изложенной в третьем томе «Капитала», то не удивительно, что марксистская школа оказалась не в силах продолжить дело своего учителя и проблема рынка осталась неразрешенной¹⁰⁷.

Разработанная М. И. Туган-Барановским теоретическая конструкция расширяющегося внутреннего рынка позволяла отслеживать структурные изменения экономики. В частности, увеличение числа занятых рабочих сопровождалось абсолютным повышением их заработной платы. Но при этом в рыночном обороте относительно падал удельный вес предметов потребления, поскольку быстрее, чем фонд оплаты труда, нарастали вложения капитала в средства производства. Индустриализация оказывалась возможной лишь при условии опережающего подъема первого подразделения общественного производства, снабжавшего предприятия сырьем, материалами, станками, сооружениями и т.д., по отношению ко второму, изготавливавшим товары народного потребления.

---

¹⁰⁵ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. М., 1997. С. 243.

¹⁰⁶ Там же. С. 263.

¹⁰⁷ Там же. С. 250–251.

Изучение тенденций формирования рынка завершалось переходом к «теории кризисов», т.е. к анализу закономерностей периодических колебаний экономического роста: «Вообще, никаких границ для развития капиталистического хозяйства, кроме производительных сил общества, не существует, так как капитал сам себе создает рынок; но процесс этого создания, в виду необходимости пропорционального распределения общественного труда, не может не прерываться задержками и остановками развития – хозяйственными кризисами»¹⁰⁸. Механизм циклического развития рыночной экономики М. И. Туган-Барановский образно сравнивал с паровой машиной, в которой роль пара играло накопление свободного денежного капитала¹⁰⁹.

Российский экономист выводил теорию циклов из противоречивости кругооборота (воспроизводства) капитала, которая предполагала поиск и разрешение логических противоречий, отражавших реальные конфликты интересов. Так, после убедительной аргументации тезиса о том, что капитал сам создает себе рынок, ученый говорил противоположное: «Рынок является <...> центральной силой, управляющей всем капиталистическим хозяйством, а недостаток его, постоянно чувствуемый капиталистическим производством, эластичной повязкой, задерживающей развитие последнего»¹¹⁰.

Затем следовал возврат к исходному пункту рассуждений: «Периодическая смена приливов и отливов промышленности вызывается не законами потребления, а законами производства. Не потому производство расширяется в годы подъема, что в это время растет потребление; наоборот, потребление именно потому и возрастает в это время, что расширяется производство»¹¹¹. Преобладающее значение стадии производства обусловливается особой ролью средств и предметов труда в колебаниях конъюнктуры. Восходящий фазис цикла деловой активности характе-

---

¹⁰⁸ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. С. 275.

¹⁰⁹ Там же. С. 326.

¹¹⁰ Там же. С. 221.

¹¹¹ Там же. С. 327.

ризуется усилением спроса на средства производства, нисходящий – ослаблением спроса на таковые.

Вышесказанное резюмировалось следующим замечанием: «На самом же деле кризисы возникают на основе всей совокупности явлений общественного хозяйства и потому не могут быть приурочены ни к одной отдельной сфере его. Круговорот общественного капитала, неизбежно приводящий к капиталистическому циклу и кризисам, включает в себя как производство, так и обмен и распределение»¹¹².

Периодичность перепадов конъюнктуры М. И. Туган-Барановский объяснял комплексом причин. Прежде всего, она возникает из-за асинхронности процессов накопления капитала в денежной форме и инвестирования его в расширение производства и торговли, в создание новых предприятий, путей сообщения и т.п. сооружений, в увеличение товарных запасов. Автор подчеркивал, что «накопление денежного капитала идет равномернее расширения производства: капитал накапливается непрерывно, а производство расширяется толчками»¹¹³.

Поэтому наиболее глубокой причиной кризисных потрясений экономист считал недостаток свободного капитала для покрытия нарастающих инвестиций. В ходе подъема потребление капитала идет быстрее, нежели его образование, и его оказывается мало для того, чтобы питать промышленность в восходящем фазисе цикла¹¹⁴. Нехватка капитала ограничивает, а затем и определяет границу расширения рыночного спроса. Порождается ситуация сжимающейся емкости рынка или перепроизводства, т.е. избытка предложения товаров и услуг.

Цикличность экономического роста, по мнению теоретика, – неотъемлемое свойство капитализма, ибо в нем отсутствует планомерное управление всем народным хозяйством. «Если бы производство было организовано планомерно, – писал М. И. Туган-Барановский, – если бы рынок обладал полным знанием спро-

---

¹¹² Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. С. 328.

¹¹³ Там же. С. 321.

¹¹⁴ Там же. С. 329.

са и властью пропорционального распределения производства, свободного передвижения труда и капитала из одной отрасли промышленности в другую, то <...> предложение товаров не могло бы превысить спрос. Но накопление капитала, при полной неорганизованности национального производства, при анархии, господствующей на товарном рынке, неминуемо приводит к кризисам»¹¹⁵.

Теоретические выкладки М. И. Туган-Барановского объясняют, что препятствием капиталистического накопления оказывается отсутствие пропорциональности распределения общественного воспроизводства, но не емкость рынка. Противоречия, диспропорции развития капиталистической системы периодически разрешаются в форме инвестиционных циклов, кризисного восстановления рыночного равновесия. Стало быть, капитализм способен без серьезного саморазрушения решать проблемы создания рынка для инвестиций.

Заслуживает упоминания методологический подход российского ученого к исследованию соотношения внутреннего и внешнего рынков в рамках единой теории. «Эта теория должна <...> разъяснять процесс реализации продукта в пределах капиталистического хозяйства; поэтому она должна <...> исходить из предположения, так сказать, замкнутого капитализма – капиталистической системы, реализующей общественный продукт в своих собственных пределах»¹¹⁶. «Вывоз продуктов капиталистической промышленности одной страны в другую капиталистическую страну не есть вывоз за пределы капиталистического хозяйства»¹¹⁷. Указанные методологические посылки целесообразно использовать в концептуальной схеме миросистемного анализа, раскрывая единство внутрисистемных и международных воспроизводственных процессов.

М. И. Туган-Барановский приводил пример Англии – ведущей мировой державы XIX века – в полемике с теорией недостаточности рынка: «Можно ли говорить об избыточном продукте капи-

---

¹¹⁵ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. С. 330.

¹¹⁶ Там же. С. 275.

¹¹⁷ Там же. С. 271.

талистического хозяйства, когда английский капитализм покупает товаров на значительно большую сумму, чем продает? Этот избыток ввоза над вывозом объясняется <...> тем, что Англия является кредитором других стран, уплачивающих Англии проценты по своим долгам товарами. Многие думают, что капиталистическая промышленность, по мере своего развития, все больше и больше нуждается во внешних рынках. И действительно, по своему абсолютному размеру, вывоз на внешний рынок продуктов капиталистического производства быстро увеличивается. Однако это еще <...> не доказывает, что внутренний рынок в капиталистических странах по своему относительному значению для реализации общественного продукта падает»¹¹⁸. Приведенную цитату с некоторыми изменениями можно применить для описания нынешнего положения США в мировой экономике.

На фоне размышлений россиянина видна односторонность подхода И. Валлерстайна к изучению взаимоотношений центра и периферии капиталистического мира-экономики. Американский социолог верно характеризует неравенство сил государств сердцевины и окраин мирового хозяйства, которое поддерживает неэквивалентность их товарно-денежного обмена, формирует условия эксплуатации передовыми странами экономики стран третьего эшелона развития.

В этом аспекте миросистемного анализа сохраняют теоретико-методологическое значение положения М. И. Туган-Барановского о механизмах, обеспечивающих экономическое преимущество государств сердцевины: конкурентном превосходстве промышленности, финансово-кредитной системе, рынке ценных бумаг, научно-техническом прогрессе, ценообразовании, предоставлении государственных займов, кредитовании экспортной торговли, таможенной политике, использовании национальной валюты в международных расчетах и т.п.

Однако вызывает возражение попытка И. Валлерстайна доказать, что центр мира-экономики процветает благодаря присвоению прибавочного продукта периферии, игнорируя экономический

---

¹¹⁸ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. С. 270.

рост передовых стран за счет собственных ресурсов. Кроме того, теоретик почти не исследует качество экономического роста, не замечает различий между экстенсивным и интенсивным развитием хозяйства.

Во многом прав М. И. Туган-Барановский, подчеркивая ведущую роль внутреннего рынка в накоплении капитала. В основу экономической теории К. Маркса также положено производство прибавочного продукта посредством эксплуатации капиталистами рабочих собственной страны; а внешняя торговля служит вспомогательным фактором увеличения прибыли и накопления капитала¹¹⁹. Квалифицированный, высокопроизводительный и интенсивный труд создает больше добавленной стоимости, в том числе и относительной прибавочной стоимости. Поэтому важнейший источник накопления капитала – труд работников государств сердцевины мирового хозяйства.

Приоритетность национальных условий хозяйствования в стране («детерминантов») для международной конкурентоспособности ее предприятий подчеркивает современный американский экономист М. Портер¹²⁰. Внутренние рынки развитых стран обладают огромной емкостью и прогрессивной структурой, представляют собой благодатное поприще для высокотехнологичных, прибыльных инвестиций. Неслучайно перекрестный вывоз капитала между государствами сердцевины мира-экономики превышает вывоз капитала в периферийные регионы. Такое распределение инвестиционных потоков закрепляет технологическое лидерство и экономическое господство стран центра.

В то же время вложения иностранного капитала в периферийные и полупериферийные государства мира-экономики допустимо рассматривать как вывоз прибавочного продукта из зоны сердцевины. Они способствуют освоению новых технологий, организации производства новых товаров и услуг, становлению новых отраслей, расширению рыночного спроса, росту доходов и занятости населения в странах второго и третьего эшелона развития.

---

¹¹⁹ См.: *Маркс К.* Капитал. Т. III, ч. I. С. 259–263.

¹²⁰ См.: *Портер М.* Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М., 1993. С. 92–93, 699–700.

Встречные потоки товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, технологий, ноу-хау, валюты, долговых обязательств выражают единство и противоречия интересов центра и периферии мирового хозяйства. Баланс взаимных платежных обязательств, с известными оговорками, характеризует выгоды и потери сторон.

Затронутая теоретическая проблема имеет важный практический аспект: каковы источники накопления капитала и экономического роста в полупериферийных странах, в том числе у нас в России? Поставленный вопрос предполагает историко-экономическое исследование и неоднозначный ответ. Развитие и разрешение противоречий мира-экономики имеет форму исторической периодичности, изучение и объяснение которой возможно при помощи теоретических моделей экономических циклов. Включение в миросистемный анализ механизма больших циклов обогатило обществоведческую концепцию И. Валлерстайна.

Модель больших циклов в парадигме миросистемного анализа

Миросистемный анализ соответствует определению парадигмы – долговременно существующему способу мышления научного сообщества. Он обеспечивает исследователей «интеллектуальным путеводителем», входит в содержание университетских лекционных курсов и учебников. Подтверждением тому служит использование концепции мира-экономики известным французским историком Ф. Броделем в фундаментальном трехтомнике «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.».

По мнению Ф. Броделя, матрица мира-экономики вполне приемлема. Но такая благосклонная оценка методологического подхода дополняется критическим разбором теоретических воззрений И. Валлерстайна. Французский ученый писал, что матрица, которую предлагает И. Валлерстайн, вызвала после своего появления в 1975 г. (I. Wallerstein «The Modern World System». 1974 г.) похвалы и критику, как любые тезисы, имеющие определенный резонанс. Искали и нашли больше ее предшественников, чем можно было вообразить. Матрице нашли множество применений и следствий: даже национальные экономики воспроизводят общую схему, они

усеяны, окружены областями автаркической экономики; можно было бы сказать, что мир усеян «перифериями», понимая под этим выражением страны, зоны, пояса слаборазвитых экономик. В суженных рамках таких матриц, прилагаемых к мерным «национальным» пространствам, можно было бы найти примеры, находящиеся в очевидном противоречии с общим тезисом¹²¹.

Можно поставить в упрек И. Валлерстайну недостаточное внимание к иным реальностям, нежели реальности экономического порядка, при взгляде сквозь ячейки его матрицы. Поэтому следует еще обсудить обоснованность, новые черты и пределы систематического, возможно, чересчур систематического, но оказавшегося плодотворным взгляда на проблему. И именно этот успех важно подчеркнуть. То, каким образом неравенство мира дает представление о натиске, об ускорении капитализма, объясняет, что центральная зона оказывается выше самой себя, во главе любого возможного прогресса; что история мира – это кортеж, процессия, сосуществование способов производства, которые обычно предпочитают рассматривать последовательно, в связи с разными эпохами истории. На самом деле эти способы производства сцеплены друг с другом. Самые передовые зависят от самых отсталых, и наоборот: развитие – это другая сторона слаборазвитости¹²².

Третий том исследования Ф. Броделя, изданный в 1979 г., почти полностью выстроен по концептуальной схеме миросистемного анализа. Первая глава указанной книги целиком посвящена обоснованию и теоретико-методологической разработке миросистемного подхода к изучению экономической истории, являя собой лучшее доказательство его парадигмальности. Уже в начале повествования автор делает ремарку: «Последующие соображения, излагаемые в настоящей главе, примыкают к тезисам И. Валлерстайна, хотя я не всегда с ним согласен»¹²³.

Французский историк различал понятия «мировая экономика» и «мир-экономика» (*économie-monde*). Мировая экономика простирается на всю землю, образует единый мировой рынок. По пово-

---

¹²¹ См.: Бродель Ф. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* : в 3 т. Т. 3. М., 1992. С. 64.

¹²² Там же. С. 65.

¹²³ Там же. С. 14.

ду второго словосочетания специалист говорил: «Мир-экономика (выражение неожиданное и плохо воспринимаемое французским языком, которое я некогда придумал за неимением лучшего и не слишком согласуясь с логикой, дабы передать одно частных употреблений немецкого слова *Weltwirtschaft* – “мировое хозяйство”) затрагивает лишь часть вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство»¹²⁴.

Мир-экономика был суммой индивидуализированных изолированных пространств, экономических и неэкономических, перегруппировываемых таким миром-экономикой. Он охватывал огромную площадь; то была в ту или иную эпоху самая обширная зона сплоченности в заданной части земного шара. Обычно он пренебрегал границами других крупных исторических образований. Экономика, вторгавшаяся повсюду, ворочавшая деньгами и обменами, вела к созданию известного единства, тогда как почти все остальное способствовало размежеванию разнящихся друг от друга заселенных территорий¹²⁵.

Термин «мир-экономика» у Ф. Броделя имеет более широкое толкование и применение, чем у И. Валлерстайна. Поэтому экономическая история в изложении французского мыслителя оказывается многообразной, многомерной и не столь детерминированной, как у его американского коллеги. «Человечество стало проявлять тенденцию к превращению в единую общность (и оно еще не достигло этого) лишь с конца XV в. До того времени и во все большей и большей степени, по мере того как мы продвигаемся в глубь веков, оно разделялось как бы между разными планетами, каждая из которых давала приют особой культуре со своим своеобразием»¹²⁶.

Миры-экономики, по разумению Ф. Броделя, существовали всегда, по крайней мере с очень давних времен, точно так же как общества, цивилизации, государства и даже империи. В частности, Московское государство, связанное с Востоком, Индией, Китаем,

---

¹²⁴ Бродель Ф. *Время мира*. С. 14.

¹²⁵ Там же. С. 16.

¹²⁶ Бродель Ф. *Структуры повседневности : возможное и невозможное. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* : в 3 т. Т. 1. М., 1986. С. 64.

Средней Азией и Сибирью, было, по меньшей мере до XVIII в., миром-экономикой¹²⁷. Обоснованию этого положения историк отвел весьма обстоятельный, по объему и содержанию, параграф «Россия – долгое время сама по себе мир-экономика»¹²⁸.

Экономическое развитие нашей страны рассматривается в сопоставлении с историей хозяйства остальной Европы как единого мира-экономики. Такая постановка проблемы углубляет концептуальное осмысление российской экономической истории и ставит перед экономической теорией вопрос: умещается ли предмет исследования – хозяйство России – в рамки традиционных моделей национальной экономики одной репрезентативной страны, или наши масштабы предполагают теоретико-методологическую разработку модели мира-экономики?

К достижениям Ф. Броделя следует причислить типологию миров-экономик, т.е. раскрытие совокупности «выявляющих тенденцию правил», которые определяли пространственные соотношения этих «исторических чудовищ». Не существовало мира-экономики без собственного медленно изменяющегося пространства, значимого по нескольким причинам. У этого пространства есть пределы, и очерчивающая его линия придает ему некий смысл, подобно тому, как берега характеризуют море. Оно предполагает наличие центра, служащего к выгоде какого-либо города или какого-либо уже господствовавшего капитализма, какова бы ни была форма последнего. В противоборстве с внутренними и внешними силами могло наметиться, а затем и завершиться смещение центра: города с международным признанием, города-миры, беспрестанно друг с другом соперничали и сменяли одни другие. Будучи иерархизованным, такое пространство было суммой частных экономик; из них одни бывали бедными, другие скромными, и одна-единственная в центре мира-экономики оказывалась относительно богатой. Отсюда возникали разные виды неравенства, разность потенциалов, посредством которых и обеспечивалось функционирование всей совокупности экономик. Международное разделение труда конкретизируется в пространственной модели развития и отсталости,

---

¹²⁷ См.: Бродель Ф. *Время мира*. С. 16.

¹²⁸ Там же. С. 453.

которая противопоставляет два лагеря человечества – имущих и неимущих, – разделенных еще более радикальной пропастью, чем буржуазия и пролетариат развитых капиталистических стран¹²⁹.

Представитель французской исторической школы «Анналов» во многом соглашался с социологическими аспектами миросистемного анализа, проводимого американским ученым. Историкограф отмечал: «По мнению Иммануэля Валлерстайна, матрица мира-экономики в ее социальном выражении показывает, что наличествовало сосуществование нескольких “способов производства”, от рабовладельческого до капитализма, что последний не мог жить иначе, как в окружении других»¹³⁰.

Капитализм, по убеждению Ф. Броделя, предполагает некоторую иерархию, он ставит себя на вершину такой иерархии, будь она создана им самим или нет. Там, где он вмешивается лишь на последнем этапе, капитализму достаточно промежуточного звена – чуждой, но потворствующей ему социальной иерархии, которая продолжает и облегчает его действия. Такие промежуточные звенья зависят от капитализма, они даже составляют его неотъемлемую часть. Причем орудия господства могли варьировать: мореплавание, крупная торговля, промышленность, кредит, политическое могущество или насилие. Социальные способы эксплуатации сменяли один другой, в общем и целом дополняли друг друга. То, что возможно было в центре мира-экономики благодаря избытку людей, обилию сделок и монеты, на разных перифериях протекало отнюдь не таким же образом. От одного пункта экономической «территории» к другому в целом наблюдался исторический регресс. Нынешняя система с необходимыми поправками все еще вышивает свои узоры на канве структурных неравенств, возникших из исторического отставания¹³¹.

Признавая заслуги И. Валлерстайна, Ф. Бродель распространял методологию миросистемного подхода на основные сферы жизни общества: «Всякий мир-экономика есть складывание, сочетание связанных воедино зон, однако на разных уровнях. В про-

---

¹²⁹ См.: Бродель Ф. *Время мира*. С. 18.

¹³⁰ Там же. С. 59.

¹³¹ Там же.

странстве обрисовывается по меньшей мере три ареала, три категории: узкий центр, второстепенные, довольно развитые области и в завершении всего огромные окраины. И качества и характер общества, экономики, техники, культуры, политического порядка обязательно изменяются по мере перемещения из одной зоны в другую. Здесь перед нами объяснение весьма широкой значимости, объяснение, на котором Иммануэль Валлерстайн построил весь свой труд «Современная мировая система» (1974)»¹³².

Со своей стороны И. Валлерстайн признавал ряд серьезных положений концепции Ф. Броделя. Возможно, тому благоприятствовали общие мировоззренческие предпосылки. Так, И. Валлерстайн цитирует рассуждения французского историка о догматическом толковании марксизма: «Гений Маркса, секрет силы его мысли состоит в том, что он первый сконструировал действительные социальные модели, основанные на долговременной исторической перспективе. Эти модели были увековечены в их первоначальной простоте тем, что к ним стали относиться как к неизменным законам, априорным объяснениям, автоматически приложимым ко всем обществам. <...> Эта жесткая интерпретация ограничила творческую силу самой мощной системы социального анализа, созданной в прошлом веке»¹³³.

Американский ученый говорит о схожести исторического анализа развития структур капитализма у К. Маркса и Ф. Броделя. Он считает, что марксистское понимание современного буржуазного общества можно выразить в метафорических терминах Фернана Броделя и рассматривать современный мир как дом из трех этажей: материальной жизни, экономики, капитализма¹³⁴.

В подтверждение выдвинутого тезиса Ф. Бродель предлагает авторское объяснение логики исследования и построения трехтомного труда «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.»: «С экономической жизнью мы выйдем из рамок

---

¹³² Бродель Ф. *Время мира*. С. 32.

¹³³ Бродель Ф. *История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории*. М., 1977. С. 139–140; Цит. по: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 21.

¹³⁴ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 74.

рутины, из рамок неосознанной повседневности. Но экономическая жизнь – это снова закономерности. Древнее и прогрессивное разделение труда вызвало необходимые разграничения и контакты, которыми питается активная и сознательная каждодневная жизнь с ее ничтожными прибылями, с ее микрокапитализмом, который, едва оторвавшись от обыкновенного труда, даже еще не кажется ненавистным. А еще выше, на последнем «этаже», мы поместим капитализм с его широкой ориентацией, с его механизмом функционирования, который уже тогда уже казался большинству смертных дьявольским. Что общего имеет такое усложнение, спросят меня, со скромной жизнью в нижней части шкалы измерения? Может быть, все, ибо оно включает эту жизнь в движение»¹³⁵.

Неоднократно И. Валлерстайн обращается и к другой «изюминке» в методологии Ф. Броделя – «длительной временной протяженности». Он пишет, что внутри такой длительной временной протяженности происходят циклические процессы, составляющие конъюнктуры. Различия между конъюнктурными и структурными процессами, т.е. между циклическими ритмами и вековыми тенденциями конкретной исторической системы, представляют собой решающий элемент анализа¹³⁶. Таким образом, миросистемный подход предполагает членение экономической истории не только в пространстве, но и во времени.

Эта двойственность стала аргументом в критическом разборе теоретических изысканий И. Валлерстайна. Ф. Бродель писал: «Я полагаю, что европейский мир-экономика зародился очень рано, и меня не загипнотизировал, как Иммануэля Валлерстайна, XVI в. <...> Я согласен с Марксом, писавшим (и впоследствии об этом сожалевшим), что европейский капитализм (он даже говорит – капиталистическое производство) зародился в Италии XIII в.»¹³⁷.

Полемика продолжилась несмотря на признание матрицы мира-экономики приемлемой рабочей гипотезой: «Иммануэль Валлерстайн рассказывает, что к объяснению мира-экономики он пришел в поисках наиболее протяженной, однако остающейся до-

---

¹³⁵ Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. С. 597.

¹³⁶ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С.110.

¹³⁷ Бродель Ф. Время мира. С. 51.

статочной связной единицы измерения. Но вполне очевидно, что в борьбе с историей, какую ведет этот социолог, да к тому же еще и африканист, его задача не была решена. Разделить в соответствии с пространством – это необходимость. Но нужна также и временная единица отсчета. Ибо в европейском пространстве сменили друг друга несколько миров-экономик. Или, вернее, европейский мир-экономика после XIII в. несколько раз менял свою форму, перемещал свой центр, пересматривал свои периферийные области. Так не следует ли задаться вопросом: какова была для заданного мира-экономики самая продолжительная временная единица отсчета, которая, несмотря на свою длительность и многочисленные, порожденные временем изменения, сохраняла бы несомненную связанность?»¹³⁸

Как уже отмечалось выше, И. Валлерстайн использовал в миросистемном анализе три теоретические модели периодического развития экономики (социально-экономических процессов): вековые тенденции, циклы гегемонии и большие циклы. Вековая тенденция в его концепции – это весь срок существования миросистемы, от ее зарождения до кризисного разрушения, и под ней следует разуметь не циклические изменения, а структурную трансформацию миросистемы. Вековая тенденция капиталистического мира-экономики охватывает период с середины XV в. до нашего времени. Причем конец XX – начало XXI в. автор определяет как миросистемный кризис капитализма, понимая под кризисом поворотный пункт от одной *logue duree* (длительной временной протяженности) к другой, который наступает, когда механизмы адаптации внутри системы начинают давать сбой¹³⁹.

Говоря о циклах гегемонии, И. Валлерстайн выделяет структурные аналогии, отражавшие циклические ритмы капиталистического мира-экономики в трех случаях мирового лидерства. Первая аналогия касается последовательности достижения и потери относительной эффективности в важнейших экономических сферах. В каждом случае предприятия, расположенные в ведущей державе, достигали своего преимущества сначала в области аграрно-про-

---

¹³⁸ Бродель Ф. *Время мира*. С. 65.

¹³⁹ См.: Валлерстайн И. *Указ. соч.* С. 392.

мышленного производства, затем в торговле и далее в финансах. Они теряли свои преимущества в такой же последовательности (в третьем случае процесс еще не завершился). Гегемония реализуется в том коротком интервале, в котором преимущество существует одновременно во всех трех сферах. Второе сходство состояло в том, что державы-гегемоны имели тенденцию выступать как адепты глобального «либерализма». Третьим общим моментом была модель глобальной военной силы¹⁴⁰. Четвертой закономерностью называется связь гегемонии с очень долгими циклами, которые Рондо Камерон окрестил «логистическими»¹⁴¹, длительностью от 150 до 350 лет¹⁴². Логистические (ценовые) циклы являлись результатом длительного соперничества в экспансии, которое приводило к особенной концентрации экономической и политической власти.

И. Валлерстайн сдержанно оценивал познавательные возможности концепции гегемонии, призывал не придавать модели большее значение, чем в ней содержится. Это способ организации нашего восприятия процесса, не «сущность», чьи черты должны быть описаны и чьи вечные возвраты должны быть продемонстрированы и затем предсказаны. Концепция процесса предупреждает нас в отношении сил, действующих в системе, и вероятных узлов конфликтов. Большого она не делает¹⁴³.

Объективно необходимым механизмом смены мировой гегемонии теоретик признает большие циклы Кондратьева: «В период своего существования держава-гегемон может в большей или меньшей степени координировать политические ответы всех государств, экономическая активность в которых осуществляется по “сердцевинному” типу, на вызовы всех периферийных государств, максимально увеличивая посредством этого дифференциал неэквивалентного обмена. Но когда гегемония размывается и, осо-

---

¹⁴⁰ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 99–100.

¹⁴¹ Там же. С. 101.

¹⁴² И. Валлерстайн декларирует этот тезис в тексте без всякой ссылки на автора. О длительности «логистических» циклов Р. Камерона имеется ссылка у Ф. Броделя (см.: Бродель Ф. *Время мира*. С. 72). О модели логистических циклов также см.: Камерон Р. *Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней*. М., 2001. С. 29–32.

¹⁴³ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 107.

бенно, когда мир-экономика находится в нисходящей фазе кондратьевского цикла, между лидирующими государствами начинается свалка за раздел уменьшающегося пирога, которая подрывает их совместную способность извлекать прибавочный продукт посредством неэквивалентного обмена. Степень неэквивалентности обмена таким образом уменьшается (но никогда не доходит до нуля) и создает дальнейшие побудительные мотивы к реструктурированию систем союзов»¹⁴⁴.

Модель больших циклов предполагает более конкретное историко-экономическое исследование, нежели модели многовековых циклов. Поэтому в основе миросистемного анализа И. Валлерстайна лежат именно кондратьевские длинные волны, с помощью которых изучается функционирование мировой экономики второй половины XX в. и делаются попытки прогнозирования ее развития вплоть до середины XXI в.

В исследованиях И. Валлерстайна преобладает рассмотрение нисходящей Б-фазы последнего большого цикла, временные рамки которой обычно очерчивают от второй половины 60-х до конца 90-х гг. истекшего века. Такое видение проблемы имеет свою обусловленность. Прежде всего, это был период активного научного творчества ученого. Он мог воочию наблюдать реальные процессы долгосрочного ухудшения мирохозяйственной конъюнктуры и обострения социальных конфликтов, которые пришли на смену мощному хозяйственному подъему и относительно спокойному сосуществованию различных общественных групп после Второй мировой войны. Не исключено, что с переломом вектора социально-экономического развития было связано формирование у автора марксистского мировоззрения, предпочтение анализа конфликтных ситуаций и противоречий интересов. Напрашивается параллель между влиянием революционной ситуации 1848 г. на теоретические изыскания К. Маркса и революционным кризисом 1968 г. на построение концептуальных схем И. Валлерстайна.

Б-период большого цикла – удобная позиция для критики существующего экономического миропорядка. Впрочем, иссле-

---

¹⁴⁴ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 106.

дование восходящей А-фазы позволяет показать меньшую конфликтность мирохозяйственного развития, объективно вызываемую противоречием интересов. На этот факт обращал внимание создатель теории больших циклов Н. Д. Кондратьев: «Повышательное движение конъюнктуры и рост производительных сил обуславливает обострение борьбы за новые рынки, в частности за рынки сырья. Это вызывает расширение орбиты мирового рынка и вовлечение в оборот новых стран и районов, с одной стороны, обострение международно-политических отношений, увеличение поводов к военным столкновениям и сами военные столкновения – с другой. В то же время бурный рост новых производительных сил, повышая активность заинтересованных в нем классов и групп внутри [стран], создает предпосылки для обострения борьбы против устаревших и тормозящих развитие социально-экономических отношений, создает предпосылки для внутренних крупных переворотов»¹⁴⁵. Поэтому использование концепции длинных волн – бесприоритетный теоретико-методологический прием, вполне совместимый с марксистской версией миросистемного анализа и идеологией всеобщего скепсиса.

Модель больших циклов служит инструментом в изучении долгосрочных тенденций развития миросистемных структур, позволяет теоретически характеризовать 20–30-летние тренды, а на их основе объяснять историческую динамику более коротких временных интервалов, в том числе и событийную взаимосвязь.

И. Валлерстайн чаще всего применяет концепцию кондратьевских циклов при описании направленности развития всего мира-экономики, его центральных, полупериферийных и периферийных зон, а также различных государств. При этом периодическая смена нисходящей и восходящей траектории конъюнктуры мирового хозяйства определяет возможности развития отдельных частей миросистемы в рамках длинноволновых колебаний.

Представляет интерес попытка ученого при помощи модели больших циклов дать оценку состояния мировой экономики в 90-х гг. ушедшего столетия и спрогнозировать сценарий измене-

---

¹⁴⁵ Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 219.

ний изучаемого объекта до 2025–2050 гг., т.е. на одну-две фазы кондратьевского цикла вперед. Ситуация последних десятилетий XX века, по мнению аналитика, являла собой, во-первых, закономерный, исторически предвидимый итог завершившейся понижающей волны, во-вторых, начало ниспадающей стадии очередного цикла гегемонии. Точкой перегиба обоих циклов надлежит считать 1967–1973 гг.

Социолог подробно останавливается на сравнении Б-фаз указанных циклов. Он отмечает, что симптоматичные явления нормальной Б-фазы кондратьевского цикла – это спад или замедление роста производства, возможно, сокращение мирового производства на душу населения, рост доли безработных в активном населении, относительный сдвиг сфер извлечения прибыли от производственной деятельности к финансовым манипуляциям, рост государственной задолженности, перемещение «устаревших» отраслей в зоны с более низким уровнем оплаты труда, рост военных расходов, оправдываемых не столько военными соображениями, сколько необходимостью антициклической политики создания спроса, падение реальной заработной платы в формальной экономике, расширение неформальной экономики, спад в производстве дешевого продовольствия, рост «нелегальной» межзональной миграции¹⁴⁶.

Следовало бы включить в этот список трансформацию механизмов хозяйственного регулирования и для полноты картины указать процессы, свойственные длинной полуволне противоположной направленности. Так, восходящей фазе большого цикла обычно присущи: ускоренный экономический рост за счет интенсивных инвестиций; рост мирового производства продукции, в том числе продовольствия, на душу населения; увеличение удельного веса занятых в трудоспособном населении; перелив ресурсов из сферы финансовой деятельности в сферу производства товаров и услуг; возникновение и развитие новых технологий и отраслей в развитых странах; рост реальной заработной платы и доходов граждан; приток населения в центры деловой активности с пери-

---

¹⁴⁶ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 350–351.

ферийных территорий; стабилизация государственных финансов; государственное стимулирование экономического роста и расширение социальных программ.

К явлениям, симптоматичным для начала упадка гегемонии, автором отнесены: растущая экономическая мощь основных «союзных» держав; валютная нестабильность; упадок авторитета на мировых финансовых рынках при одновременном подъеме новых центров принятия решений; бюджетно-финансовые кризисы в государстве-гегемоне; снижение организующей и стабилизирующей роли политической поляризации и напряженности (в нашем случае – конец холодной войны); снижение готовности народа платить жизнями за поддержание роли гегемона¹⁴⁷.

Разграничение признаков по видам циклов, предложенное И. Валлерстайном, вызывает дискуссионные замечания. Так, большинство явлений упадка гегемонии можно объяснить действием механизма длинных волн. Автор длинноволновой концепции Н. Д. Кондратьев, в частности, писал: «Войны и социальные потрясения включаются в ритмический процесс развития больших циклов и оказываются не исходными силами его развития, а формой его проявления. Но раз возникнув, они конечно, в свою очередь оказывают могущественное иногда пертурбирующее влияние на темп и направление экономической жизни»¹⁴⁸. Гегемония державы, будучи одной из форм проявления международной конкурентной борьбы, во многом определяется динамикой долгосрочной конъюнктуры, а стало быть, и механизмом больших циклов.

Прогноз И. Валлерстайна на 2000–2025 гг., т.е. на А-фазу наступающего кондратьевского цикла, достаточно пессимистичен. Специалист думает, что очередная долгосрочная повышательная волна не будет повторением периода всемирного процветания 1945–1967/73 гг.¹⁴⁹ и называет ряд различий между сопоставляемыми периодами. Перечень возможных отличий выглядит следующим образом: переход от однополярной к биполярной миросистеме; изменение зон концентрации инвестиций в пользу Севера и в

---

¹⁴⁷ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 351.

¹⁴⁸ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 211.

¹⁴⁹ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 355.

ущерб Югу; обострение демографического разрыва, давление миграции с Юга на Север; абсолютное и относительное уменьшение средних слоев; возрастание роли экологических ограничений; достижение пределов двумя асимптотами долгосрочных тенденций миросистемы – географическим расширением и дерурализацией; обострение проблемы Север–Юг; подъем демократии и упадок либерализма.

Поименованные процессы демонстрируют широкое концептуальное видение теоретика и умелое использование потенциала модели больших циклов. Им выделены «традиционные» факторные составляющие экономического роста и колебаний конъюнктуры: накопление капитала, трудовые и природные ресурсы, профессиональные навыки специалистов. Это позволяет говорить о динамике издержек, цен, прибылей, инвестиций. Представлен пространственный компонент формирования миросистемы: вовлечение новых территорий в орбиту хозяйственных связей, напряжение по линии Север–Юг. Показано влияние демографических процессов, социальной и политико-идеологической сфер на экономическую деятельность. Отмечена расстановка политико-экономических сил, обуславливающая поляризацию зон и гегемонию держав в мировой экономике.

И. Валлерстайн остается верен себе и делает акцент на нарастании внутренних противоречий капиталистического мира-экономики в период 2000–2025 гг.: «Хотя он может оказаться периодом замечательной экспансии в одних отношениях, в других он будет очень мрачным. Вот почему я ожидаю мало мира, мало стабильности и мало легитимности. Результатом станет начало “хаоса”, который является просто расширением нормальных функций системы с кумулятивным эффектом»¹⁵⁰.

Модель больших циклов с четвертьвековой пофазной периодичностью видна и в таком заявлении американского социолога: «После бифуркаций, после, скажем, 2050 или 2075 г., мы можем быть уверены в очень не многом. Мы больше не будем жить в капиталистическом мире-экономике. Вместо нее мы будем жить

---

¹⁵⁰ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 364.

в каком-то новом строе или новых строях, в какой-то новой исторической системе или системах»¹⁵¹.

Аналитик намеренно акцентирует внимание на обострении внутренних противоречий миросистемы, и в этом проявляется односторонность его концептуальных построений. Механизм экономических циклов, напротив, свидетельствует о существовании объективных возможностей развития через разрешение противоречий.

В периоды экономических подъемов, как правило, растут масштабы хозяйственной деятельности всех социальных укладов внутри национальных экономик. Они поддерживают друг друга своей активностью и заинтересованы в увеличении внутреннего рынка страны. Конкурентное сосуществование в условиях благоприятной конъюнктуры дает в той или иной степени простор каждой форме предпринимательства в разных отраслях. Аналогичная солидарность интересов наблюдается и на мировом рыночном пространстве между центральной, полупериферийной и периферийными зонами в период долгосрочного экономического роста.

Депрессивное состояние деловой активности обостряет конкуренцию между укладами внутри национальных экономик за ресурсы, приводит к столкновению в борьбе за товарные рынки. В конфронтации побеждают представители сильнейших укладов – корпоративного и государственного. Они пытаются сохранять траекторию экономического роста за счет ухудшения условий хозяйствования слабых производственных звеньев, среднего и малого предпринимательства. По схожему сценарию действуют государства-сердцевины мира-экономики в обстановке Б-фазы кондратьевского цикла. Они стараются обеспечивать свои интересы за счет подавления интересов стран полупериферии и периферии.

Крупные капиталистические структуры имеют возможность перекладывать свои экономические проблемы в нисходящей фазе большого цикла на «слабых»: у себя в стране на наемных работников, мелкий и средний бизнес, а на международной арене – на государства полупериферийных и периферийных зон. Поэтому

---

¹⁵¹ *Валлерстайн И.* Указ. соч. С. 370.

даже в кризисных ситуациях действует механизм самосохранения иерархии и выживания капиталистической миросистемы. Стало быть, у негалитарного миропорядка есть резервы жизнедеятельности. Перелом же многолетней неблагоприятной конъюнктуры к лучшему вновь создает предпосылки для интенсивного накопления капитала в мире-экономике.

В отличие от И. Валлерстайна, его оппонент Й. Шумпетер воспользовался моделью больших циклов (длинных волн) для доказательства жизнеспособности капитализма, для аргументации тезиса о том, что развитие капитализма не обостряет социальные противоречия, а создает предпосылки для смягчения социальных конфликтов. Австрийский теоретик писал: «Капиталистический механизм – это прежде всего механизм массового производства, что означает также и производство для масс. <...> Этот факт предстанет перед нами еще более убедительно, если мы рассмотрим длинные волны экономической активности, анализ которых наилучшим образом раскрывает природу и механизм капиталистического процесса»¹⁵².

Концептуальная схема длинных волн в изложении экономиста выглядит так. Каждая длинная волна состоит из какой-либо «промышленной революции» и периода освоения ее достижений. Эти революции периодически обновляют структуру промышленности, внедряя новые методы производства, новые товары и услуги, новые организационные формы, новые источники сырья, новые торговые пути и рынки сбыта. Изменения в промышленности порождают колебания, задающие общий тон деловой жизни: оживление инвестиций и «процветание», временные спады. Когда процесс изменений подходит к концу, а их результаты широким потоком поступают на рынок, устаревшие элементы промышленной структуры устраняются и наступает очередная депрессия. Так возникают продолжительные периоды роста или падения цен, процентных ставок, занятости и т.д., которые составляют важную часть механизма постоянного обновления производственного аппарата.

---

¹⁵² Шумпетер Й. Указ. соч. С. 109.

Этот процесс на первый взгляд ведет к хаосу, убыткам и безработице, однако он всякий раз порождает лавину потребительских благ, поток которых постоянно расширяется и углубляется, увеличивая реальные доходы потребителей. Капиталистический процесс не случайно, а в силу самого своего механизма все более поднимает уровень жизни масс. Это происходит через цепь превратностей, тяжесть которых пропорциональна скорости продвижения вперед, но факт остается фактом: капиталистическое производство одну за другой успешно решает все проблемы обеспечения масс различными товарами. Социально ориентированное законодательство – это итог успешного развития капитализма¹⁵³.

О перспективах существования капитализма размышлял и Ф. Бродель. Концептуальное видение французского ученого определялось теоретическими и методологическими предпосылками исследования. Изучение мировых систем предполагало адекватную методологию: 1) членение в пространстве – рассмотрение глобальных геоструктур (континентов, государств, их региональных объединений); 2) членение во времени – выбор длительных временных интервалов наблюдения; 3) использование теоретических моделей циклического развития экономики с периодичностью в несколько десятилетий и даже столетий. Обоснование необходимости построения историко-экономических моделей для многовекового применения – весомый вклад Ф. Броделя в миросистемный анализ. Нижеследующие рассуждения автора служат тому доказательством.

Заурядные факты и великие события представляют собой лишь «историческую пыль», «микроисторию». Мелкие факты утверждаются как последовательная реальность при бесконечном повторении. И всякий из них свидетельствует о тысячах других фактов, которые длятся, пронизывая молчаливую толщу времени. Такие последовательности, «ряды», «факты длительной временной протяженности» (*longues durées*) рисуют линии, идущие к горизонту, и самый горизонт всех таких картин минувшего. Они вносят туда порядок, предполагают некое равновесие, вскрывают

---

¹⁵³ См.: Шумпетер Й. Указ. соч. С. 109–111.

постоянные свойства – в общем, то, что там есть более или менее объяснимого, в этом кажущемся беспорядке¹⁵⁴. Эти исторические структуры видимы, различимы, в определенном смысле измеримы: мерой служит их продолжительное существование¹⁵⁵.

Капитализм можно рассматривать как структуру длительной временной протяженности. Даже при «краткой» перспективе речь идет от трех или пяти столетиях, что вовсе не означает абсолютной неподвижности. Длительная временная протяженность – это последовательность возобновляющихся движений с вариациями и возвратными движениями, с ухудшениями, приспособлениями, стагнациями, реструктурированием. Иногда случались крупные разрывы, такие как промышленная революция. Но в ходе этого великого изменения капитализм в главном оставался самим собой. Естественным правилом для него было сохранение посредством самого изменения. Капитализм составлял оболочку, которая в любую эпоху ограничивала возможности человеческой экономики, где бы та ни располагалась.

Ошибочно вообразать себе капитализм как развитие в виде последовательных стадий или скачков: капитализма торгового, промышленного или финансового, с непрерывным продвижением от одной стадии к другой; притом что «настоящий»-де капитализм наступает поздно, с установлением контроля над производством. Спектр торговой, промышленной, банковской деятельности, т.е. сосуществование нескольких форм капитализма, развертывался уже во Флоренции в XIII в., в Амстердаме в XVII в., в Лондоне в XVIII в.¹⁵⁶

В условиях либерального капитализма свободной конкуренции XIX и XX вв. монополия не утратила своих прав, а только приняла иные формы – от трестов и холдингов до транснациональных корпораций. Они тоже «играют на любом столе»: на промышленном, инвестируя капиталы в странах с низкой заработной платой; на финансовом, используя имеющиеся краткосрочные резервы

---

¹⁵⁴ См.: *Бродель Ф.* Структуры повседневности : возможное и невозможное. С. 594.

¹⁵⁵ См.: *Бродель Ф.* Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 2. М., 1988. С. 463.

¹⁵⁶ См.: *Бродель Ф.* Время мира. С. 641.

свободных капиталов, так что движения 2% их ликвидных средств может оказаться достаточно, чтобы вызвать где угодно острый денежный кризис; на торговом, господствуя в международном товарообороте¹⁵⁷.

Главной привилегией капитализма ныне, как и в прошлом, остается свобода выбора – свобода, которая зависит одновременно от его господствующего социального положения, веса его капиталов, его способности делать займы, его информационной сети и тех связей, которые создают между членами могущественного меньшинства, разделенного игрой конкуренции, ряд правил и форм соучастия. Поле деятельности капитализма намного расширилось. Но так же, как в прошлом, капитализм не охватывает всей торговой экономики, он и сегодня оставляет за пределами своего охвата значительные объемы деловой активности. Он их предоставляет рыночной экономике, которая «крутится» сама по себе, инициативе мелких предприятий, упорству ремесленников и рабочих, смекалке простых людей. Капитализм «окопался» в имеющихся у него заповедных зонах: крупной спекуляции (биржевой и недвижимостью), крупных банках, крупном промышленном производстве, международной торговле, на транспорте, в особых случаях – в сельском хозяйстве. А если капитализм может выбирать, он способен в любой момент сменить курс: в этом секрет его живучести¹⁵⁸.

Ф. Бродель, в противовес И. Валлерстайну, утвердительно отвечает на вопрос: выживет ли капитализм? Вековые кризисы французский историк характеризует как наказание за возрастающую несогласованность между структурами производства, спроса, прибыли, рабочих мест и т.п. Происходят разрывы, и в ходе вынужденного упорядочения определенные виды деятельности хиреют и исчезают. Но одновременно, к выгоде выживших, вырисовываются новые рубежи прибыли. Крупные кризисы благоприятствуют и перераспределению на международном уровне. И там слабейшие слабеют еще больше, сильнейшие крепнут, даже

---

¹⁵⁷ См.: *Бродель Ф.* *Время мира.* С. 642.

¹⁵⁸ Там же. С. 642–643.

если мировая гегемония переходит из одних рук в другие и из одного географического региона в другой¹⁵⁹.

Умение приспосабливаться, подвижность, воспроизводительная сила не защищают капитализм от любого риска. Во времена крупных кризисов немало капиталистов терпят неудачу, но другие выживают, третьи утверждаются. Новые решения нередко создаются помимо них; инновация не раз исходила с базового уровня. Но эти инновации почти автоматически оказываются в руках обладателей капиталов. И в конце концов появляется капитализм обновленный, зачастую усилившийся, столь же ретивый и эффективный, как и предшествовавший ему. Капитализм, изменяясь, изменял самого себя¹⁶⁰.

Заслугой Ф. Броделя стала разработка методологии применения моделей циклического развития в миросистемном анализе. Автор говорил об истории конъюнктур в широком смысле, о волнообразной, ритмичной форме социальных движений, образующих конъюнктуру. По его мнению, существует множество конъюнктур, затрагивающих экономику, политику, демографию, но в такой же мере – и самосознание, коллективное мышление, преступность с ее спадами и подъемами, сменяющие друг друга художественные школы, литературные течения, мода. История конъюнктур очень сложна и неполна, ибо серьезно изучалась только экономическая конъюнктура¹⁶¹.

Специалист перечислял основные виды экономических циклов, от сезонных колебаний до полувековых, прибавляя к ним слабоизученную вековую тенденцию (trend) из арсенала циклических моделей. Вековые тенденции почти не исследованы экономической теорией, поскольку экономисты интересуются преимущественно краткосрочной конъюнктурой. Вдобавок медленность протекания цикла маскирует его¹⁶².

Вековая тенденция в теоретической схеме Ф. Броделя рассматривается как циклические колебания с амплитудой в полтора

---

¹⁵⁹ См.: Бродель Ф. *Время мира*. С. 648.

¹⁶⁰ Там же. С. 643.

¹⁶¹ Там же. С. 66.

¹⁶² Там же. С. 67, 72.

столетия и больше в рамках одной исторической системы – капитализма. Он писал: «Согласно принятым в настоящее время данным, различают в применении к Европе четыре последовательных вековых цикла: 1250 [1350] – 1507–1510 гг.; 1507–1510 [1650] – 1733–1743 гг.; 1733–1743 [1817] – 1896 гг.; 1896 [1974?]. Первая и последняя даты каждого из этих циклов отмечают начало подъема и окончание спада; промежуточная дата в квадратных скобках отмечает кульминационный момент, где вековая тенденция начинает обратное движение, иными словами, точку кризиса»¹⁶³. Такое понимание вековой тенденции во многом аналогично циклам гегемонии в трактовке И. Валлерстайна¹⁶⁴.

Французский ученый-историк высказывал свои соображения по поводу полемики о длительности временного горизонта при анализе конъюнктуры. С одной стороны, ученые проявляют внимание к долговременным движениям, которые кумулятивным действием вызывают структурные трансформации. С другой стороны, они требуют, чтобы прожитому времени возвратили его вкус, его плотность и событийную ткань, чтобы не упускали из виду краткосрочные циклы, систематически скрывая классовые столкновения, классовую борьбу¹⁶⁵.

Позиция Ф. Броделя – рассуждения мудреца: «Не стоит выступать на чьей-либо стороне в подобной дискуссии – дискуссии ложной, потому что конъюнктуру следует изучать во всей ее глубине, и было бы достойно сожаления не искать ее границы, с одной стороны, в событийных проявлениях и в краткосрочных циклах, а с другой стороны, в долговременной протяженности и в вековых движениях. Краткое время и время длительное сосуществуют и неразделимы. <...> Ибо мы в одно и то же время живем и в кратком времени, и в длительном времени. Язык, на котором я говорю, ремесло, которым занимаюсь, мои верования, окружающую меня людскую среду – все это я унаследовал; оно существовало до меня и будет существовать после меня. <...> Чем становится при таком подходе “долговременный период”»? Время оказалось бы только

---

¹⁶³ Бродель Ф. *Время мира*. С. 73.

¹⁶⁴ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 101–102.

¹⁶⁵ См.: Бродель Ф. *Время мира*. С. 79.

тем, что в нем содержится, тем, что его населяет. <...> Оно если и не создает свое содержание, то воздействует на него, придает ему форму и реальность»¹⁶⁶.

Модель вековых циклов и миросистемный анализ предполагают друг друга. Это показывает еще одно авторское определение: «Мир-экономика – это колеблющаяся поверхность самых больших размеров, та, что не только воспринимает конъюнктуру, но и создает ее на определенной глубине, на определенном уровне. Во всяком случае, именно она, эта поверхность, создает единство цен на огромных пространствах, подобно тому как артериальная система распределяет кровь по всему живому организму. Она сама по себе структура. <...> Вековое колебание, необъяснимое без учета громадной, но ограниченной площади мира-экономики, открывало, прерывало и вновь открывало сложные потоки конъюнктуры»¹⁶⁷.

Представитель школы «Анналов» попытался дать теоретическое описание модели вековых циклов, сформулировать проблематику для построения типологии вековых периодов экономической истории по фазам подъема, спада, кризиса¹⁶⁸. Однако Ф. Бродель скорее уточнил постановку проблемы вековых циклов, нежели предложил ее решение.

Он писал: «Вековая тенденция несет на своем гребне <...> движения, не обладающие ни ее выносливостью, ни долговечностью, ни ее незаменимостью. Эти движения вплескиваются вверх по вертикали, их легко увидеть, они заставляют себя увидеть. Повседневная жизнь, как и вчера, пронизана такими оживленными движениями, которые следовало бы все прибавить к trend, дабы оценить их совокупность. Но <...> мы ограничимся тем, что введем только respectable циклы Кондратьева, которые тоже отличались выносливостью, ибо любому из них соответствуют в общем добрых полвека – время деятельности двух поколений, одного при хорошей конъюнктуре, другого при плохой. Если сложить два этих движения – вековую тенденцию и цикл Кондратьева, – то мы будем располагать “музыкой” долгосрочной конъюнктуры, звуча-

---

¹⁶⁶ Бродель Ф. *Время мира*. С. 79–81.

¹⁶⁷ Там же. С. 79.

¹⁶⁸ Там же. С. 81–84.

щей на два голоса. Это усложняет наше первичное наблюдение, но и подкрепляет его, тем более что циклы Кондратьева в противоположность тому, что не раз утверждали, появились на европейском театре не в 1791 г., а на несколько столетий раньше. Добавляя свои движения к подъему или спаду вековой тенденции, циклы Кондратьева усиливали или смягчали ее»¹⁶⁹.

Историк представлял вековую тенденцию (вековой тренд) в виде объединения трех циклов Кондратьева¹⁷⁰. Это распространенный в экономической теории прием, когда из объединения сравнительно коротких циклов складывается более продолжительный цикл. Стало быть, миросистемный анализ Ф. Броделя, так же, как у И. Валлерстайна, основывался на сравнительно хорошо разработанной в экономической теории модели больших циклов.

Называя ересью свои научные разработки, И. Валлерстайн лукаво кокетничал, желая оттенить их достижения и уже заслуженное признание в ученом сообществе. Творчество американского социолога отнюдь не похоже на малоизвестную и сектантски обособленную доктрину. Его труды излагают неомарксистскую историко-экономическую концепцию, в которой присутствуют все признаки системной парадигмы.

---

¹⁶⁹ Бродель Ф. *Время мира*. С. 76.

¹⁷⁰ Там же. С. 75.

Глава 16

Неомарксистская интерпретация развития экономики СССР в миросистемном анализе И. Валлерстайна

Решение научных проблем экономической истории России XX века зависит не только от массива собранного фактического материала, но и от методов теоретического осмысления добытых фактов, используемых понятий, моделей, концепций. Выбранный ракурс исследования во многом предопределяет полученные результаты. Интересным и перспективным направлением исторического познания представляются концептуальные построения, сочетающие теоретические обобщения, моделирование социально-экономических процессов с серьезным фактографическим трудом. Среди таких потенциально плодотворных течений историко-экономической мысли, несомненно, выделяется миросистемный анализ И. Валлерстайна. «Инвентаризация» исходных предпосылок, логики формулируемых положений, обоснованности выводов рассматриваемой теории применительно к опыту нашей страны способствует пополнению методологического арсенала отечественной исторической науки.

Теоретико-методологические предпосылки

Значение Советского Союза в миросистемном анализе И. Валлерстайна определяется несколькими отправными пунктами. Прежде всего, хронологические рамки современной стадии развития

мира-экономики характеризуются историческим местом СССР, «коммунистической эпохой», началом которой автор считает Первую мировую войну (1914 г.) и русскую революцию (1917 г.), а завершением – «коллапс коммунизма» в Центральной и Восточной Европе и распад СССР (1989–1991 гг.)¹.

Принципиальная установка заключается в утверждении, что СССР всегда был частью и участником капиталистической мирэкономки, никогда не находился вне нее. Отсюда следует признание преемственности в истории нашей державы и указание на ее место в международном хозяйстве: «Советский Союз до 1991 г. и Россия сегодня могут быть помещены в категорию полупериферийных государств в капиталистической мирэкономике, причем их политическое влияние в очень большой степени основывалось на мощи их военного аппарата. Это, между прочим, было справедливо и для царской России. Россия/СССР пытались использовать эту политико-военную мощь для осовременивания тех видов деятельности, которые осуществлялись в зоне ее/его контроля, увеличивая таким образом уровень накопления капитала»².

Особо отмечается, что Советский Союз был наследником русской революции и марксизма-ленинизма (большевизма) как идеологии. Часто и намеренно данный факт неверно интерпретируют и сторонники, и оппоненты радикального учения. Посему в задачи миросистемного анализа входит изучение опыта марксизма-ленинизма в истории антисистемных движений капиталистической мирэкономки³.

Проблемы идеологии американский ученый рассматривает в контексте понятий геокультуры, антисистемных движений и социальных наук. Исследование осуществляется на стыке социальных, политических, хозяйственных структур мира-экономики с использованием экономических, политологических и социокультурных методик, преодолевает рубежи, обособляющие пред-

---

¹ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 51, 182, 371.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 14–15.

меты ведения соответствующих общественных наук. Тем самым закладываются предпосылки многофакторного объяснения причинно-следственных взаимосвязей и выделения произвольных наборов различных факторов в самостоятельный объект научного познания.

Изначальное определение миросистемы в качестве единицы анализа оказывается многомерным, отражающим многослойность комплекса социальных дисциплин. По мнению автора, современная миросистема – это капиталистический мир-экономика, в котором границы социального разделения труда обширны и охватывают многообразные культурные регионы. Хотя у системы нет унифицированной политической структуры, она обладает политической надстройкой в виде сети «суверенных государств». Институциональные механизмы мироэкономики построены так, чтобы распределять вознаграждение в пользу тех, кто предпочитает бесконечное накопление капитала, и наказывать за нарушение приверженности указанному принципу. Капиталистическая мироэкономика выработала системные формы культурного давления для поддержания действия своих механизмов. Формы давления, дисциплинирующие рабочую силу, опираются на различия по половому и национальному признакам. Формы управляющего воздействия на мировые кадры профессионалов, или «средний слой», описываются понятиями рационализма, универсальности или «науки»⁴.

Геоэкономический подход предполагает наличие геокультуры. Теоретик определяет содержание и концептуальную роль термина «культура» «как систему ценностей и основных правил, которые, сознательно и бессознательно, управляют поощрениями и наказаниями в обществе и создают систему иллюзий, которые должны убеждать членов общества в его легитимности. В любой миросистеме всегда есть люди и группы, которые полностью или частично отвергают геокультурные ценности, и даже те, кто борется против них. Но куда большинство “кадров” системы активно принимают эти ценности, а большинство простых людей

---

⁴ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 112–113.

не относятся к ним с активным скептицизмом, можно говорить, что геокультура существует, а ее ценности преобладают»⁵.

Истоки геокультуры следует искать в экономических отношениях: «Люди, живущие в одной мироэкономике, исповедуют разные религии, говорят на разных языках, и вообще их повседневная жизнь очень различается. Однако это не означает, что они не выработали какие-то общие культурные модели; мы будем называть их совокупность геокультурой. Но все же не нужно надеяться, а тем более пытаться отыскать политическое или культурное единообразие в нашей мироэкономике. Вся структура держится главным образом на разделении труда, которое в ней и возникло»⁶.

Разделение труда формирует социальную иерархию, связывает представителей разных классов и статусных групп, обуславливая две противоположные, но дополняющие друг друга идеологические тенденции: универсализм и дискриминацию. Механизм капиталистического мира-экономики работает на социальное исключение из получения благ большинства населения путем включения всей потенциальной рабочей силы мира в систему организации труда, в многослойную иерархию. Эта система исключения через включение была серьезно усилена распространением в XIX веке господствующей идеологии либерализма⁷.

Понятие геокультуры у И. Валлерстайна почти синонимично понятию идеологии. Обе выполняют функции укрепления и стабилизации развития миросистемы. «Проникающая сила идеологической приверженности» капиталистическому строю поддерживает складывающееся разделение труда. Показателем устойчивости мира-экономики служит степень, в которой персонал, или специалисты, или кадры системы ощущают, что их благосостояние зависит от выживания системы и компетентности ее лидеров. Этот персонал «не только проповедует мифы, но и верит в них»⁸.

---

⁵ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 189.

⁶ Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. М., 2006. С. 85.

⁷ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 320.

⁸ Там же. С. 42.

Господствующая идеология (геокультура) современной миросистемы – либерализм – ведет отсчет собственной истории с эпохи Великой французской революции (1789 г.), провозгласившей лозунг: «Талантам путь открыт». По мнению сторонников либеральных ценностей, естественные иерархии приемлемы для основной массы людей, составляют законную оправданную основу власти, тогда как наследственные иерархии исключают возможность социальной мобильности.

Либеральная идея «равных возможностей» реализуется, в частности, в распределении должностей в зависимости от квалификации и способностей соискателей. Так создается кадровая структура миросистемы, называемая «меритократия» (власть достойных), к которой, впрочем, не относятся люди, находящиеся на вершине власти и богатства, а также подавляющее большинство рабочей силы, занятой в самых разных отраслях⁹.

Социолог отмечает, что «люди, вошедшие в кадровый состав миросистемы, чувствуют, что заслужили свое положение, достигнув этого статуса, они могут забыть о том, что принципы универсализма соблюдались далеко не всегда, и не обращать внимания на претензии всех остальных на материальные блага, которые достаются в первую очередь кадровому составу. Универсализм как норма очень удобен тем, кто умеет извлекать выгоду из системы»¹⁰.

Одновременно распространяются и нормы антиуниверсализма, которыми удобно объяснять полярность положения социальных групп внутри государств, а также полярность миросистемы, разделение труда по оси «центр–периферия». «Нормы антиуниверсализма оправдывают положение нижестоящих слоев, закрепляют это положение и умудряются сделать его приятным для тех, кто его занимает. Нормы антиуниверсализма преподносятся как некие естественные, вечные истины, не подверженные никаким социальным переменам. Их представляют даже не как культурные данности, а как биологические потребности жизнедеятельности человека-животного, и происходит это не только завуалировано, но и вполне открыто»¹¹.

---

⁹ См.: Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. С. 112, 115.

¹⁰ Там же. С. 116.

¹¹ Там же.

И. Валлерстайн эмоционально критикует геокультурные основы капитализма: «Система, ставящая на первое место материальные ценности, открывает дорогу крысиным гонкам, войне всех против всех. Возникает абсолютно эгоцентрическое мировоззрение»¹². «Европейцы навязывали свои ценности остальному миру, выдавая их за ценности универсальные. И таким образом защищали свое господство и богатство. Действительно, последней, наиболее изощренной формой эгоцентрического универсализма стала концепция меритократии, требующая, чтобы “крысиные” гонки велись по честным правилам, но игнорирующая, что бегуны начинают гонку с разных стартовых позиций, которые обусловлены социально, а не генетически»¹³. Стало быть, объективные основы осуществления идеи «равных возможностей» отсутствуют.

Геокультура служит отправным пунктом авторских рассуждений о взаимосвязи идеологии, социальных движений и социальной науки. «Идеология, – пишет он, – это не просто набор идей или теорий. Она больше, чем моральный выбор или мировоззрение. Идеология – это гармоничная стратегия поведения на социальной арене, на основе которой можно сделать определенные заключения политического плана»¹⁴.

Идеологии представляют собой долгосрочные политические стратегии, построенные так, чтобы отвечать верованиям и чаяниям определенных слоев населения. Социальная стратификация людей создает проблему «групповой идентичности», принадлежности к той или иной общности. Объективно обусловленное расслоение отражается в дефиниции идеологии как политической программы, основанной на деятельности различных групп¹⁵. На протяжении последних полутора веков ведущими идеологиями были либерализм, консерватизм и социализм (радикализм).

В концептуальной схеме миросистемного анализа идеология составляет надстройку мира-экономики, относится преимущественно к социально-политической сфере миросистемы, будучи

---

¹² Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 221.

¹³ Там же. С. 222.

¹⁴ Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. С. 149.

¹⁵ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 171, 318.

стратегией социальных сил (групп, слоев, классов): господствующих – «просистемных» и противостоящих им – антисистемных. Логика перехода от одного термина к другому проста: «Если есть идеологии, значит, должны быть и соперничающие группы с соперничающими долговременными стратегиями, которые знают, что делать с переменами и кто должен их возглавить»¹⁶.

Исходной исторической точкой своих теоретических изысканий американский социолог выбрал «мировую» революцию 1848 года – время утверждения радикальной социалистической идеологии и рождения двух главных разновидностей антисистемных движений: социального (наемных рабочих) и национально-освободительного (обездоленных народов, меньшинств). Такое сочетание положило начало модели, которая на протяжении последующих полутора веков многое определяла в миросистеме. Основными «политическими игроками» стали антисистемные движения, стремившиеся к серьезным изменениям в общественном устройстве¹⁷. Динамика и перспективы внутрисистемной борьбы описываются отчетливой тенденцией: «Всемирная “семья” антисистемных движений становилась все сильнее, все смелее, все разнообразнее, и ее все труднее было сдерживать. Оппозиция всепроникающая и неистребима»¹⁸.

Противоречия интересов субъектов историко-экономического процесса, социальных групп обуславливают и институционализируют движущие силы эволюции капиталистической миросистемы – антисистемные движения. Спектр противоречий между социальными группами определяет палитру конфликтующих сил. Соответственно образуются три основных типа антисистемных движений: социал-демократические в государствах ядра мира-экономики, социалистические и коммунистические в странах периферии миросистемы, национально-освободительные на периферии, в третьем мире.

При наличии досконально проработанных идеологий и антисистемных движений, направляющих энергию недовольства, толь-

---

¹⁶ Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. С. 149.

¹⁷ Там же. С. 155, 161.

¹⁸ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 116.

ко теоретический аппарат способен обеспечивать эффективность геокультуры – так в миросистемном анализе обозначается место социальных наук.

Их возникновение в XIX веке И. Валлерстайн объясняет предпочтениями и потребностями политически господствующих сил. После Великой французской революции власти осознали полезность изучения поведения общества. Чтобы управлять, нужно было понимать, по каким законам строилось общество и как оно функционировало, ибо политические перемены были признаны нормой, а народ – обладателем суверенной власти. Поиск такого знания стали называть социальной наукой¹⁹.

На содержание и структуру обществоведения воздействует идеология. Согласно предписаниям либерализма в современном западном мире выделяют три сферы цивилизованной жизни: рынок, государство и гражданское общество. Соответственно каждую из сфер изучает своя особая наука: рынок исследуется экономикой, государство – политологией, общество – социологией. Перечисленные дисциплины считаются номотетическими в противовес преимущественно гуманитарным и идеографическим наукам, таким как, например, история, антропология.

Обществознание выполняет незаменимую функцию в развитии геокультуры, представляет собой «осовременивание идеологической надстройки капиталистического мира-экономики», предлагает то, что могло бы стать эффективным механизмом легитимизации исторической системы, не столько для массы населения мира, сколько для «мировых специалистов», которые вместе с тонким слоем «крупномасштабных агентов накопления капитала» получают основные выгоды от этой системы²⁰.

Контроль над социальной наукой означает для государственно-го аппарата и капиталистических предприятий в известном смысле контроль над будущим. Общественные науки – сильный союзник в борьбе за власть и интеллектуальное превосходство в университетах, где осуществляется подготовка новых, молодых кадров – носителей идей, ценностей и норм капиталистической миросистемы.

---

¹⁹ См.: *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ : Введение. С. 172, 173.

²⁰ См.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем... С. 124.

Общественно-научные дисциплины служат теоретическим обоснованием различных идеологий и теоретико-методологической основой историко-экономической науки. Такую взаимозависимость нежелательно игнорировать, и ее постижение – занятие отнюдь не праздное, предполагающее диалектическую логику.

Социальные науки определяются идеологией и сами, в свою очередь, укрепляют идеологию. Наука рационально аргументирует объективную необходимость действующего миропорядка и раскрывает закономерности его эволюции. Рациональность оказывается «ценностно нагруженным» понятием. «Научность» идеологии преподносится и воспринимается как критерий истинности познания социально-экономической действительности.

Изучение общественно-научных дисциплин в университетах формирует идеологические предпочтения кадров миросистемы. Поэтому очень важна постановка проблемы – что и как исследуют социальные и исторические науки, преподаваемые в высшей школе. Особое значение имеет использование герменевтики при осмыслении исторического опыта и интерпретации исторических фактов.

В историко-экономической науке просматривается два «пласта»: во-первых, исследование изменений идеологий и их носителей – социальных сил, т.е. понимание, чем обуславливаются и кем насаждаются идеологии; во-вторых, объяснение влияния идеологических установок на общественное сознание. С одной стороны, исторический анализ развития идеологий. С другой стороны, идеологическое оправдание («научного видения») и толкование исторического процесса. Оба направления научного поиска взаимосвязаны и переплетены.

Открывается широкое поле для герменевтического творчества, для «инвентаризации предрассудков» разных школ, течений научной мысли, моделей, методологических подходов экономической истории и теории. Понимание единства противоположных убеждений, идеологий, ценностей, интересов, теоретических воззрений и т.п. весьма актуально. Оно содержательно обогащает историко-экономическую науку, делает ее «научнее», «объяснительнее».

Обсуждая проблему социальных наук в контексте современной геокультуры, И. Валлерстайн показывает предпосылки возникновения собственной концепции миросистемного анализа, истоки которого восходят ко времени появления марксизма в качестве научного обоснования антисистемной идеологии.

Социальные науки предложили антисистемным движениям язык, с помощью которого можно прояснять и разоблачать действие критикуемой исторической системы, обрисовывать ее противоречия и точно указывать ее уязвимые места. Пытливые умы, озабоченные содействием социальному преобразованию мира, старались разработать аналитическую модель общественной жизни, отличную от теоретических концепций ученых, представляющих буржуазию или истеблишмент.

Наиболее признанной альтернативной моделью стал марксизм. Неслучайно К. Маркс и Ф. Энгельс говорили, что их теорию и практику следует называть «научным социализмом». Поскольку политическая стратегия антисистемных сил, ориентированная на взятие государственной власти, была реалистичной, то и разработка «контрмодели» как интеллектуальной стратегии была разумной и результативной, способствовала политической мобилизации масс и выбору адекватной тактики борьбы²¹.

Однако, по мнению И. Валлерстайна, марксизм оказывал двойственное воздействие: подрывал капиталистический миропорядок и в то же время выполнял «консервативную» функцию, служил оправданием статус-кво. «Слабости» марксизма обуславливались принятой интеллектуальной стратегией. Создание контрмодели сопровождалось признанием предпосылок современной науки и основных черт картины, нарисованной господствующей историографией, претендующей на изображение того, «что действительно произошло»²².

Подчиненная роль марксистской науки вписывалась в исторический вектор развития социальных наук. «В условиях геокультуры, которую <...> удивительным образом поддерживали сами антисистемные движения, созданные, казалось бы, чтобы

---

²¹ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 124, 125.

²² Там же. С. 126.

с нею бороться, социальные науки были призваны обеспечивать интеллектуальную основу моральным оправданиям, благодаря которым все механизмы миросистемы работали как часы. И с этой задачей они успешно справлялись, по крайней мере до того времени, пока не разразилась мировая революция 1968 года»²³.

Революционеры 1968 года имели сильные позиции в ведущих мировых университетах и во время протестов ставили вопросы о структурах знания. Социальная наука истеблишмента и марксистская социальная наука обнаружили возрастающие трудности в объяснении реального мира, в направленности происходящих исторических перемен. Возникшую ситуацию теоретик интерпретировал широко, видя в ней не столько «кризис марксизма», сколько «кризис исторических социальных наук»²⁴.

И. Валлерстайн обосновывает методологию собственного миросистемного анализа через отрицание и синтез отраслевых общественных наук: «Именно тогда, в начале 1970-х годов, ученые впервые заговорили о миросистемном анализе как о новом взгляде на мир. Миросистемный анализ был попыткой объединить и логически решить вопросы о единице анализа, о временных отрезках и о разобщенности социальных наук»²⁵.

Автор нового, «революционного», неомарксистского научного направления представил свою социологическую «контрмодель» современного мироустройства, альтернативную другим течениям обществоведческой мысли. «Непочтительное» отношение к границам, теоретико-методологическим предпосылкам и фундаментальным положениям общественных наук вызвало предсказуемую, пристрастно-критическую реакцию научного сообщества на воззрения смелого ученого, отдававшего себе отчет о возможных последствиях пересмотра традиционных устоев. По мнению новатора, «выдвинув свои три основополагающих принципа (миросистема, а не национальное государство в качестве единицы анализа, длительная протяженность и едино-

---

²³ Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. С. 175.

²⁴ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 126.

²⁵ Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. С. 74.

дисциплинарный подход), миросистемный анализ покусился на множество священных коров»²⁶.

Неоднозначность репутации И. Валлерстайна обычно отмечают во вступительных статьях комментаторы его произведений: «Размах его теоретических достижений так или иначе признается почти всеми и отмечен множеством почетных званий и наград. При этом сам Валлерстайн никуда не вписывается среди существующих школ. Отсюда настороженное, если не прямо враждебное, отношение с самых разных сторон»²⁷.

Свою главную задачу социолог видит в расчистке завалов прежних идеологических концепций и обретении новой перспективы – не конкретной теории, а метатеоретической возможности по-иному взглянуть на мир: как на целостную систему, внутри которой расположены в неразрывном взаимодействии государства и рынки, классы и статусные группы, культурные комплексы и способы хозяйствования, идеологии и политические движения. Восстановление целостности знания и целостный эволюционно-исторический подход к изучению человеческих обществ и есть задача миросистемного анализа.

Если американский ученый прав, то пересмотру подлежит основная часть корпуса современных представлений о мировой политике и экономике. В своих работах он регулярно, не называя имен, проясняет, а порой и напрочь сносит целые напластования прежних дискуссий: а ведь на них росли чьи-то репутации, делались диссертации и карьеры. Так И. Валлерстайн превратился в самого неудобного теоретика²⁸.

На репутации сказывается и отношение к научным дискуссиям. Известно, что И. Валлерстайн никогда не ввязывается в интриги и не вступает в полемику с оппонентами. Его принцип – четко заявить свою позицию и предоставить другим судить о преимуществах разных подходов²⁹.

---

²⁶ Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. С. 79.

²⁷ Дерлугьян Г. М. Самый неудобный теоретик // Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. С. 32.

²⁸ Там же. С. 20, 31.

²⁹ См.: Дерлугьян Г., Харрис К. Эволюция командных высот капитализма : Венеция – Амстердам – Лондон – Нью-Йорк // Арриги Джовани. Долгий двадцатый век : Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006. С. 26.

Впрочем, кроме названных причин, есть еще ряд соображений, подтверждающих, что И. Валлерстайн являет собой воплощение «самого неудобного из альтернативных теоретиков», творчество которого крайне сложно поддается научно-критическому осмыслению и прикладному использованию.

«Неудобства» при чтении трудов творца миросистемного анализа создают дефиниции, содержательные определения понятий и их применение в научном дискурсе. Цепкий взгляд и острый ум помогают ученому видеть и выделять в изучаемом предмете взаимодействие его противоречивых моментов, свойств, посмотреть на проблему с противоположных точек зрения, показать ее оборотную сторону.

Вместе с тем, для теоретических построений неомарксиста характерны весьма условные понятийные грани. Он спокойно объединяет разные термины через взаимосвязь (в частности, геокультуру, идеологию, социальные науки), почти отождествляя их. Поэтому получается «пластичная», до аморфности, логика изложения материала, позволяющая, в зависимости от поставленной цели, то заострять противоречия до антагонизма, то сглаживать. Последнее достигается поиском общих моментов, игнорированием различий между ранее определенными противоположностями, отрицающими друг друга сторонами общественных отношений. Такая гибкость позволяет «лепить», доказывать, «что угодно».

Особый колорит придает концептуальным схемам выдвижение теоретических положений в форме оксюморона, подчеркнутого соединения в одном понятии логически взаимоисключающих противоположностей, крайностей. Примером подобных парадоксов служит суждение: деятельность антисистемных движений «в целом идет на пользу системе, значительно укрепляя ее»³⁰.

«Оксюморонный» стиль повествования затрудняет восприятие написанного, складывается впечатление «бабушка надвое сказала»... Когда на один и тот же вопрос звучат минимум два противоположных по смыслу ответа, то нелегко разобраться, взаимоисключают или взаимодополняют они друг друга; в последнем

---

³⁰ Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. С. 160.

случае, какова логика их взаимосвязи. Возникают проблемы верификации, установления достоверности, обоснованности понятий, выяснения приемлемости исходных посылок (постулатов, аксиом), оправданности логики построения понятий и правомерности логических переходов между положениями теории.

Непросто согласиться с оригинальной системой доказательств, в которой последующие теоретические рассуждения отрицают предыдущие. Своевольное обращение с логикой наблюдается в изложении истории идеологической борьбы. Вначале социолог дает определения трех основных современных идеологий – консерватизма, либерализма и социализма – с момента их зарождения. Затем идет пассаж, фактически дезавуирующий предложенную классификацию: «Все три идеологии уже присутствовали к 1848 г. и с тех пор в течение XIX и XX вв. вели между собой шумные битвы. Повсюду создавались политические партии, явно отражающие эти идеологические позиции. Строго говоря, никогда не существовало бесспорной и окончательной версии ни одной из этих идеологий, всегда существовало немало путаницы с разграничительными линиями между ними. Однако как в профессиональном, так и в народном дискурсах всегда было общепризнанным существование этих идеологий и то, что они представляли три разных “настроения”, три различных стиля политики при признании перемен нормой: политика осторожности и осмотрительности; политика постоянной рациональной реформы; политика ускоренного преобразования. Иногда мы называем это политикой правых, центра и левых»³¹. Чуть позднее публикуется еще одно негативное заявление: «120 лет после 1848 г. – то есть по крайней мере до 1968 г. – под видом трех конфликтующих идеологий мы на самом деле имели лишь одну, безоговорочно господствующую, идеологию либерализма»³².

Так легко прерывать логические цепочки в системе доказательств собственной теории, перепрыгивать через «мешающие» теоретические положения и факты, перескакивать к желаемым результатам, сохраняя при этом видимость целостности исследования, его логической стройности от исходных посылок до итоговых выводов.

---

³¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 304.

³² Там же. С. 307.

Быть может, это есть продолжение марксистской традиции в социологии, отмеченной Й. Шумпетером³³. И, перефразируя слова австрийского экономиста, надо сказать, что внутрисистемная функция отдельных теорий или теоретических положений в миросистемном анализе гораздо важнее, чем мера успеха, с которой они решают свои задачи. Ради сохранения целого непредвзято мириться с недостатками его частей.

И. Валлерстайн постоянно подчеркивает различия, противоречия между реальными историко-экономическими, социально-политическими процессами и их отражением, осмыслением в человеческом сознании, науках, идеологии. Избранные автором гносеология и методология подчеркиваются даже в формулировке его знаменитой посылки об осевом, центр–периферийном разделении труда между производственными процессами, странами и зонами мировой экономики.

Поскольку производственные процессы, как правило, сосредоточены в определенных странах, то стали говорить о зонах ядра и периферии, или даже о государствах ядра и периферии. «Но, подразделяя страны таким образом, важно помнить, что речь идет не о странах как таковых, а характерных для них производственных процессах. В миросистемном анализе понятие “ядро-периферия” является относительным, не надо наделять каждое из этих двух слов отдельным конкретным значением, не надо материализовывать их»³⁴.

И все-таки свойственные ядру процессы группируются в нескольких государствах, поэтому мы можем говорить о странах ядра. В некоторых государствах процессы, свойственные ядру, равномерно перемешаны с процессами, свойственными периферии. Такие государства можно назвать полуперифериями. Однако нет смысла выделять производственные процессы, характерные только для полупериферии³⁵.

Следуя за автором по извивам такого научного дискурса, поневоле вспомнишь ремарку, в сердцах брошенную его главным оппо-

---

³³ См.: *Шумпетер Й. А.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 54.

³⁴ *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ : Введение. С. 76.

³⁵ Там же. С. 94–95.

нентом Й. Шумпетером: «Мы можем быть уверены, что писаки и фарисеи построят мостик из соответствующих фраз через любую пропасть между доктриной и действительностью»³⁶.

Итогом противопоставления науки и предмета научного исследования оказывается бессубъектность, деперсонафикация концептуальных схем И. Валлерстайна. Нельзя точно указать, какие страны входят в ядро (сердцевину) мира-экономики, каким образом идеологии, стратегии и реальная политика соотносятся с анти-системными движениями. Ставятся под сомнение познавательные возможности миросистемного анализа как рабочей гипотезы. Неслучайно американского социолога упрекают в недостаточной или ошибочной конкретизации общетеоретических положений его доктрины.

Весьма показательно скептическое отношение ученого к критике: «В конечном счете вопрос не в том, чья методология лучше и правильнее, а в том, кто сможет дать более убедительное объяснение истории и пролить свет на долговременные крупномасштабные социальные перемены»³⁷. В нем присутствует здравый смысл. Ведь научные положения воспринимаются массовым сознанием посредством их герменевтической интерпретации и включения в идеологию и политические стратегии. А здесь риторика, искусство красноречия, со своей «железной логикой» играет неменьшую роль, чем выверенность логики теоретических положений.

Резюмируя размышления по поводу научного творчества «самого неудобного альтернативного теоретика», желательно констатировать моменты, достойные пристального внимания. «Жесткость» суждений, оценок и выводов сочетается в трудах социолога с «мягкостью» теоретических конструкций. И. Валлерстайн показывает относительность, условность, «релятивность» научных понятий, схем, концепций.

В таком теоретико-методологическом подходе видно стремление к истине. Во-первых, гибкость содержательных граней понятий и логики перехода между ними объективно необходима для постижения диалектики историко-экономических и социально-по-

---

³⁶ Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. С. 389.

³⁷ Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. С. 80.

литических процессов, для выявления закономерностей развития миросистемы. Во-вторых, справедливо предполагается, что каждое понятие или теоретическое положение имеет силу при определенных («прочих равных») условиях, обстоятельствах.

Специфика социальных наук проявилась в принижении рационального познания, теоретического осмысления в пользу эмоционального, чувственного восприятия или неприятия происходящего, исторической практики, в привнесении определенных идеологических предпочтений, интересов в «предрассудки» миросистемного анализа.

Эластичность, неортодоксальность, внутренняя противоречивость понятий, теоретических схем и методологии позволяют концептуальным построениям И. Валлерстайна выдерживать натиск оппонентов. Перечисленные свойства миросистемного анализа означают его развитие в русле традиций марксизма: создают возможности для герменевтического творчества, толкования, интерпретации неомарксистского «учения», обеспечивают сохранение целостности миросистемной парадигмы при критической переработке ее отдельных фрагментов. Миросистемный анализ открыт для развития, обогащения, совершенствования, использования в прикладных исследованиях.

***«Призраки коммунизма»:
идеология и политика антисистемных движений***

Взаимодействие идеологии и социальных наук образует поприще для неизбывной полемики ученых обществоведов. Кризисные потрясения, видоизменяющие мир-экономику, заставляют по-новому взглянуть на его историческую эволюцию, инициируют очередной всплеск споров в научной среде. Экстраординарным поводом к обсуждению идеологических вопросов стала либеральная критика марксизма в конце 80-х гг. XX века в связи с отказом от «социалистической» модели государственно организованной экономики в Китае, СССР и странах Восточной Европы.

И. Валлерстайн выступил оппонентом своему соотечественнику – американского ученого Френсиса Фукуямы, который опубли-

ковал в 1989 г. статью «Конец истории?», заявляя о неоспоримой победе экономического и политического либерализма. Ф. Фукуяма писал: «Триумф Запада, западной *идеи* очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив. В последнее десятилетие изменилась интеллектуальная атмосфера крупнейших коммунистических стран, в них начались важные реформы. Этот феномен выходит за рамки высокой политики, его можно наблюдать и в широком распространении западной потребительской культуры в самых разнообразных ее видах. <...> То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. <...> Либерализм пока победил только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы еще далеко. Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот, идеальный мир и определит *в конечном счете* мир материальный»³⁸.

Убежденный либерал утверждает, что марксизм-ленинизм был полностью дискредитирован в Китае. Однако с приходом М. С. Горбачева к власти «именно события в Советском Союзе – “родине мирового пролетариата” – забивают последний гвоздь в крышку гроба с марксизмом-ленинизмом. <...> Марксизм-ленинизм был своего рода магическим заклинанием, это была единственная общая основа, опираясь на которую элита соглашалась управлять советским обществом»³⁹. По мнению Ф. Фукуямы, марксизм-ленинизм мертв как идеология, мобилизующая массы: под его знаменем людей нельзя заставить трудиться лучше, а его приверженцы утратили уверенность в себе⁴⁰. Соответственно «исчезновение марксизма-ленинизма сначала в Китае, а затем в Советском Союзе будет означать, крах его как жизнеспособной идеологии, имеющей всемирно-историческое значение»⁴¹.

---

³⁸ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3. С. 134.

³⁹ Там же. С. 142.

⁴⁰ Там же. С. 147.

⁴¹ Там же. С. 148.

Реакция И. Валлерстайна на разящие выпады противника была предсказуемой. Тональность и содержание бескомпромиссной отповеди передают названия очерков: «Конец какой современности?», «Крах либерализма», «Агония либерализма: что обещает прогресс?»⁴²

Пolemическое отрицание либерализма со времен его зарождения как теоретической концепции, политической доктрины (идеологии) и реальной политики используется И. Валлерстайном для обоснования и защиты собственных неомарксистских положений миросистемного анализа. Тому же замыслу служит параллельная, не менее изощренная критика исторического опыта марксизма-ленинизма в практике антисистемных движений капиталистической мирэкономике.

Убежденный марксист обличает антиэгалитарность либеральной идеологии. По его мнению, либерализм всегда был аристократическим учением, проповедовал власть лучших, не наследственной знати, а представителей меритократии. Но лучшие – всегда группа, меньшая, чем все. Либералы хотели власти лучших, аристократии, чтобы не допустить власти всего народа, демократии⁴³. Она требует равного слова в политическом процессе на всех уровнях и равного участия в системе социально-экономического вознаграждения. Величайшим ограничением такого стремления был либерализм, обещавший неизбежное поступательное улучшение посредством рациональной реформы. В ответ на демократическое требование равенства сейчас либерализм предлагал отложенную надежду, систему обманных обещаний⁴⁴.

Либерализм заявил лозунг: вначале технологический прогресс, а затем использование его достижений для решения насущных социально-экономических проблем. Эта идея выглядела привлекательной, соответствовавшей духу эпохи Просвещения и развернувшейся с начала XIX в. промышленной революции. В годы между 1815 и 1848 была выработана геокультура, предназначенная для продвижения современности технологии, бес-

---

⁴² Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 166, 302, 324.

⁴³ Там же. С. 330.

⁴⁴ Там же. С. 364.

конечного накопления капитала и богатства при одновременном сдерживании демократии, самореализации человека⁴⁵.

Либерализм изобрели, дабы противостоять демократии и сдерживать опасные классы. Стабильности капиталистической миросистемы предполагалось достичь путем интеграции рабочего класса в политическую систему и преобразования господства, основанного только на силе и богатстве, в господство, основанное на согласии. Либеральное решение состояло из двух частей. Во-первых, опасным классам обеспечивался ограниченный доступ к политической власти в форме всеобщего избирательного права, результатом чего оказывались лишь незначительные институциональные изменения. Во-вторых, трудящимся классам передавалась определенная доля всемирного прибавочного продукта, большая его часть оставалась в руках господствующих слоев и сохранялась бесперебойно функционирующая система накопления капитала и система государств, подкрепляющая ее⁴⁶.

В период 1848–1914 гг., в условиях глобальной гегемонии Великобритании, либеральная программа заключалась в приручении трудящихся классов зон сердцевин мира-экономики при помощи всеобщего избирательного права, политики государства всеобщего благосостояния и национального самосознания. В период 1917–1989 гг., когда мировым гегемоном были США, либеральная программа на всемирном уровне состояла в приручении Юга, стран третьего мира⁴⁷.

Политический проект либерализма XIX в. для стран сердцевин капиталистической миросистемы опирался на надежду и предположение, что простой народ будет умиротворен ограниченной передачей благ и поэтому не будет оказывать давления на власть ради осуществления полноты своих «прав человека». Пропаганда лозунгов прав человека, свободы, демократии была частью приручения опасных классов. Незначительность социальных уступок, дарованных опасным классам, оттеняет два факта. Первый – на общий уровень жизни в странах сердцевин благотворно влиял

---

⁴⁵ См.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем... С. 167, 170.

⁴⁶ Там же. С. 307, 363.

⁴⁷ Там же. С. 311.

перевод прибавочного продукта из периферийных зон. А локальный национализм центральных государств мира-экономики дополнялся коллективным национализмом «цивилизированных» наций по отношению к «варварам»⁴⁸.

Вторым важным моментом государства всеобщего благосостояния было появление социальных выплат – получение растущей доли дохода наемных работников не из денег работодателя, а опосредованно через государственные учреждения. Частичное отделение дохода от занятости способствовало некоторому выравниванию заработной платы среди работниками разной квалификации. Оно передвинуло часть переговоров между трудом и капиталом на политический уровень, где благодаря всеобщему избирательному праву у рабочих есть определенный перевес. Однако государство всеобщего благоденствия установило для рабочих внизу шкалы меньшую зарплату, нежели для расширявшегося среднего слоя, который служил опорой правительств, приверженных либеральной идеологии⁴⁹.

Либеральная геокультура действовала на национальном уровне в странах ядра миросистемы XIX в. куда более успешно, чем на мировом уровне в XX в. Формула либерального государства в странах сердцевины XIX в. – всеобщее избирательное право и политика всеобщего благосостояния – работала замечательно. Когда аналогичная формула была применена в XX в. к межгосударственной системе в виде самоопределения наций и экономического развития слаборазвитых стран, она споткнулась о невозможность создать государство всеобщего благосостояния на всемирном уровне без покушения на процесс накопления капитала⁵⁰.

Поскольку в рамках капиталистического мира-экономики существуют (непризнанные) встроенные ограничители «совершенствованию» общества и государства, либеральная идеология достигла своих пределов в 1968 г. и 1989 г. и утратила свою эффективность. Дальнейшее расширение политических прав и экономического перераспределения угрожало бы самой системе

---

⁴⁸ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 196.

⁴⁹ Там же. С. 173.

⁵⁰ Там же. С. 363.

накопления капитала. Однако политика либерализма уперлась в собственные ограничения раньше, чем секторы всемирных трудящихся классов оказались приручены подачками небольших, но существенных благ. Большинство населения периферийных и полупериферийных зон все еще оставалось исключенным из функционирования системы. В том же положении прозябало весьма значительное меньшинство населения зон сердцевины, так называемый внутренний третий мир⁵¹.

Господство либерализма опиралось на преобладание современности технологии, накопления капитала над современностью освобождения, выравниванием социально-экономических условий жизни людей. Поэтому закономерным историческим итогом развития капиталистической миросистемы стала всемирная революция 1968 г., выросшая из осознания того, что современность освобождения – это все, и она пока еще не достигнута, а современность технологии – ловушка и обман⁵².

Всемирная революция 1968 г. знаменовала собой то, что либеральный пакет уступок опустошен и либерализм утратил роль определяющей идеологии геокультуры. Революционные потрясения вернули либерализм на место, которое он занимал в 1815–1848 гг.: он был всего лишь одной из противоборствующих идеологий. Процесс разжалования либерализма с поста геокультурной нормы в одного из соперников на глобальном рынке идей был завершен в течение последовавших за 1968 г. двух десятилетий⁵³.

Материальный блеск периода 1945–1968 гг., восходящей А-фазы (подъема) кондратьевского цикла, когда либерализм казался таким «платежеспособным» во всемирном масштабе (самоопределение плюс экономическое развитие), исчез во время нисходящей Б-фазы (спада) большого цикла. Стагнация 70–80-х гг. фактически аннулировала экономические достижения большинства периферийных зон. Она привела также к падению (с разной скоростью) реальных доходов трудящихся классов Севера. Обман

---

⁵¹ См.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем... С. 312, 317.

⁵² Там же. С. 179.

⁵³ Там же. С. 337.

оказался громадным. То был крах иллюзий и предательство надежды на последовательное, устойчивое, упорядоченное улучшение перспектив жизни, особенно в периферийных и полупериферийных зонах. 1989 г. был продолжением 1968 г. и означал не триумф либерализма и тем самым вечность капитализма, а совсем наоборот – крах либерализма и грандиозное политическое поражение тех, кто поддерживает капиталистический мир-экономику⁵⁴.

Подводя итоги оппонентскому дискурсу, И. Валлерстайн выносит «приговор» внутренне противоречивой либеральной идеологии: «Сегодня либерализм загнан в угол своей собственной логикой. Он продолжает утверждать законность прав человека и, чуть менее громко, прав народов. Он все еще не имеет в виду того, что есть на самом деле. Он утверждает права с целью, чтобы они не были применены в полном объеме. Но это все труднее сделать»⁵⁵.

Успех капитализма как создателя материальной продукции устраняет все оправдания неравенства, выражаются ли они материально, политически или социально. Неравенство кажется еще хуже, потому что отделяет достаточно представительную группу, не меньше чем одну пятую или одну седьмую мирового населения, от всех остальных⁵⁶.

Мир-экономика поляризован социально-экономически и демографически. Между Севером и Югом зияет разрыв, и есть все признаки, что в ближайшие десятилетия он станет еще шире. Последствия очевидны. Существует громадное давление миграционного потока с Юга на Север, против которого правительства стран сердцевины принимают ограничительные меры⁵⁷.

«Внутренние противоречия либеральной идеологии, – как пишет И. Валлерстайн, – носят тоталитарный характер. Если у всех людей равные права и у всех народов равные права, мы не можем сохранять такую неэгалитарную систему, какой был и всегда будет капиталистический мир-экономика. Но если это от-

---

⁵⁴ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 180, 181, 202.

⁵⁵ Там же. С. 204.

⁵⁶ Там же. С. 343–344.

⁵⁷ Там же. С. 204.

крыто признать, то капиталистический мир-экономика потеряет легитимность в глазах опасных (то есть обездоленных) классов. А если система лишена легитимности, она не выживет»⁵⁸.

Опровергая тезис Ф. Фукуямы о торжестве либерального капитализма и «конце истории» марксизма-ленинизма, И. Валлерстайн довольствуется альтернативным утверждением о системном крахе навязываемой идеологии либерализма. Автор миросистемного анализа в излюбленном «оксюморонном» стиле развертывает контраргументацию. Соглашаясь с тем, что «марксизм-ленинизм как стратегия и идеология отыграл свою историческую роль и оказался на обочине политико-экономического развития миросистемы», он заявляет: «Маркс и его идеи процветают, они стоят на ногах крепче, чем идеи любого другого аналитика XIX в., и обещают оставаться в центре социальной жизни в миросистеме XXI в.»⁵⁹. Отталкиваясь от исходных предпосылок своих оппонентов, И. Валлерстайн приходит к противоположным выводам.

Завершение эпохи господства марксизма-ленинизма (т.е. ленинской версии интерпретации и осовременивания марксизма) в среде антисистемных движений позволяет критически изучать и переосмысливать его исторический опыт с момента победы большевиков в революции 1917 г. до ликвидации СССР в 1991 г.

Социолог избрал оригинальную методологию исторического анализа – сопоставление противоположностей – «ленинизма» и «вильсонизма». Он поясняет: «1917 год часто берется как идеологически поворотный пункт в истории современной миросистемы. Я согласен, что он был таковым, но не совсем так, как обычно доказывают. 2 апреля 1917 г. президент Вудро Вильсон обратился к Конгрессу США и призвал объявить войну Германии. Он говорил: “Мир должен быть безопасен для демократии”. В том же году 7 ноября большевики штурмовали Зимний дворец во имя рабочей революции. Можно сказать, что в 1917 г. родилась великая идеологическая антиномия XX в. – вильсонизм против ленинизма. <...> Она прекратила свое существование в 1989 г. <...>

---

⁵⁸ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 206.

⁵⁹ Там же. С. 250.

Ключевой проблемой, к которой обращались обе идеологии, являлась политическая интеграция периферии миросистемы. <...> В качестве механизма такой интеграции как вильсонизм, так и ленинизм рассматривали “национальное развитие”, а существенные разногласия между ними были лишь в вопросе о путях такого развития»⁶⁰.

Параллельное, синхронное исследование противоборствующих идеологий – несомненно, верный методологический прием, в духе гегелевской диалектической триады, предполагающей противопоставление изучаемых явлений, поиск и раскрытие общих черт, совпадение и взаимные переходы между сторонами противоречия, характеристику взаимодействия противоположностей в рамках противоречивого целого – единого исторического процесса.

Обращение к событиям 1917 г. можно понимать как неявный исторический и логический переход от антиномии английского либерализма и марксизма, т.е. от противостояния идеологий в центре мира-экономики, от социального противостояния господствующих классов и наемных работников в Европе 1848–1914 гг. к противостоянию американского либерализма и ленинизма, к противостоянию ядра миросистемы – США и лидера полупериферии – России.

Первая мировая война привела к смене глобального гегемона; США вытеснили с этих позиций Великобританию. Соответственно идеологическая доктрина английского либерализма, опиравшегося на колониальную стратегию, отступила под натиском американского либерализма, предложившего политическую деколонизацию и новую модель социально-экономической эксплуатации периферии – неокOLONИализм. Смена парадигмы либеральной мысли сопровождалась распространением идеологической борьбы по всей миросистеме.

Вильсонизм имел универсальный характер, основывался на традиционных либеральных предпосылках, заявляя о возможном их применении в равной мере повсюду, уделяя особое внимание законности и формальным процедурам. Он подразумевал, что

---

⁶⁰ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 151.

каждый действует согласно рационально осознанному интересу и в конечном счете разумен. Поэтому мирная реформистская политика считалась реализуемой. Новацией В. Вильсона было применение принципа индивидуальной свободы к межгосударственным отношениям⁶¹.

Принцип самоопределения наций на всемирном уровне был структурной аналогией принципа всеобщего избирательного права на государственном уровне. Если каждый индивид признается равным и имеющим один голос, то и нация должна быть суверенной, политически равной, обладающей одним голосом; этот принцип позднее был провозглашен в Генеральной Ассамблее ООН. Однако на том вильсоновский либерализм не остановился. На национальном уровне после введения всеобщего избирательного права началось учреждение государства всеобщего благоденствия – перераспределение части прибавочного продукта через государственный трансферт доходов. На всемирном уровне следующим шагом после самоопределения должно было стать «национальное (экономическое) развитие», программу которого выдвинули Ф. Рузвельт, Г. Трумэн и их наследники после Второй мировой войны⁶².

В. Вильсон говорил о ликвидации находившихся в процессе распада Австро-Венгерской, Османской и Российской империй, которые включали в себя периферийные и полупериферийные зоны. Позже Ф. Рузвельт поднял эту тему, говоря о ликвидации британской, французской, голландской и других еще остававшихся имперских структур, распространяя принцип самоопределения на все остальные колониальные зоны – в Африке, Азии, Океании и Карибском бассейне. Здесь было бы уместным добавить, что «свободолюбие» американских президентов преследовало прагматичный, корыстный интерес – ослабление или устранение ряда политико-экономических преимуществ своих главных конкурентов – стран сердцевины или полупериферии.

Отправным пунктом сравнительного анализа ученый выбирает представление ленинизма в качестве «великого оппонента»

---

⁶¹ См.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем... С. 151, 152.

⁶² Там же. С. 309.

вильсонизма, учитывая, что В. И. Ленин и большевики выступали против соглашательского «либерал-социализма», ревизии западноевропейскими социал-демократами учения К. Маркса, участия рабочих в Первой мировой войне. Но сразу же после характеристики ленинизма как воинствующей альтернативы американского либерализма, захватившей государственную власть в России⁶³, автор приступает к описанию общих моментов соперничающих идеологий.

В. И. Ленин, по убеждению И. Валлерстайна, стремился к очень схожим с американской доктриной целям, но под политическими лозунгами пролетарского интернационализма и антиимпериализма. Его взгляды основывались на иных предпосылках. Его универсализм принадлежал мировому рабочему классу, которому вскорости предстояло стать единственным классом, который можно отождествить с «народом». Тем не менее по окончании гражданской войны в Советской России марксисты-ленинцы ушли от теории пролетарского восстания против мировой буржуазии к новой роли теории антиимпериализма. Этот сдвиг в расстановке акцентов марксизма-ленинизма со временем лишь увеличивался. В последовавшие десятилетия, вероятно, больше людей читали «Империализм как высшую стадию капитализма», чем «Манифест коммунистической партии»⁶⁴.

Далее социолог перекидывает логический мостик к общности черт двух идеологий и их тесному взаимодействию, повествуя, что вильсонизм и ленинизм возникли как соперничающие учения, рассчитывавшие привлечь народы зон периферии, а потому делали ударение в пропаганде на различиях между собой. Но у них было и глубинное сходство. Обе идеологии поднимали общую тему самоопределения наций, верили, что она отвечает потребностям политической жизни периферийных зон, благоприятствовали тому, что позже стало называться «деколонизацией». Различия касались путей к самоопределению. Вильсонянцы выступали за конституционный путь, постепенную, упорядоченную передачу власти посредством переговоров между имперской державой и полномоч-

---

⁶³ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 310.

⁶⁴ Там же. С. 152, 153.

ными представителями народа, судьба которого решается. Ленинизм исходил из «революционной» традиции и рисовал повстанческий путь к «национальному освобождению», не отрекаясь и от мирной деколонизации⁶⁵.

Уравняв ленинизм с заклятым врагом марксизма – либеральной идеологией, легко приписать ему и все «грехи» последней. В условиях консенсуса с вильсонизмом «ленинизм, великий оппонент либерал-социализма на национальном уровне, стал подозрительно напоминать либерал-социализм на уровне всемирном»⁶⁶.

Вильсоновский либерализм был способен соблазнить и приручить ленинский социализм примерно теми же способами, какими европейский либерализм обольстил и приручил социал-демократию XIX в. Программой ленинизма стала не мировая революция, а антиимпериализм плюс социалистическое строительство, риторический вариант вильсоновско-рузвельтовской концепции самоопределения наций и экономического развития слаборазвитых стран. В реальном ленинизме современность технологии вновь взяла верх над современностью освобождения⁶⁷.

Перспектива национального развития оправдывала легитимность центр-периферийной структуры миросистемы. Стремление к национальному развитию было более совместимо с ленинистской риторикой, а борьба за деколонизацию – с вильсоновской. Поскольку процесс состоял из двух стадий – сначала деколонизация (или сопоставимое политическое изменение), затем экономическое развитие, – постольку вильсоновская часть пакета всегда поджидала своего ленинистского своего выполнения. В этом смысле судьба либеральной идеологии зависела от судьбы марксизма-ленинизма. «Говоря более грубо и менее добрыми словами, ленинистская идеология была фиговым листком вильсоновской идеологии»⁶⁸.

Теоретик считает ленинизм союзником либеральной идеологии, толкая о ленинской версии обещаний рассудительного ре-

---

⁶⁵ См.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем... С. 153, 154.

⁶⁶ Там же. С. 311.

⁶⁷ Там же. С. 179.

⁶⁸ Там же. С. 164.

формизма (нареченной социалистической революцией). По его убеждению, ленинизм на практике оказывал очень консервативное влияние, проповедуя неизбежную победу народа (тем самым неявно проповедуя терпение). Вера в ленинизм служила в течение по меньшей мере 50 лет основной силой, сдерживающей опасные классы миросистемы⁶⁹.

Историко-критический анализ марксизма-ленинизма конкретизируется и расширяется применительно к периоду после Второй мировой войны. В это время, согласно воззрениям американского обществоведа, СССР активно проводил политику поощрения «социалистического строительства» в ряде государств и де-факто присоединился к выполнению программы мирового либерализма по экономическому развитию слаборазвитых стран. Таким образом, в 1945–1970 гг. либерализм пережил свой второй апофеоз. Если в десятилетия перед 1914 г. он торжествовал в Европе, то в 1945–1970 гг. он торжествовал по всему миру. США, всемирный выразитель либерализма, были державой-гегемоном, а их теоретический оппонент СССР осуществлял тактическую программу, по сути не отличающуюся от либеральной, и содействовал США в приручении опасных классов миросистемы. Более того, казалось, что либеральная политика на самом деле приносит плоды тем самым опасным классам⁷⁰.

1945–1968 гг. были периодом триумфа антисистемных сил с марксистско-ленинской идеологией. Сочетание успехов двух, по-видимому, взаимоисключающих стратегий, по мнению аналитика, – явление закономерное. Лишь кажется парадоксом, что самый момент апогея США в миросистеме и глобальной легитимизации либеральной идеологии стал также моментом, когда все движения, структуры и стратегии которых формировались в 1848–1945 гг. как антисистемные движения, пришли к власти. Так называемые «старые левые» в трех своих исторических вариантах – социал-демократы, коммунисты и национально-освободительные движения добились государственной власти в своих географических зонах⁷¹.

---

⁶⁹ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 182.

⁷⁰ Там же. С. 200–201.

⁷¹ Там же. С. 334.

В западных промышленно развитых странах социал-демократические партии получили, в большей или меньшей степени, «право» управлять 50% времени и вводить законодательные перемены, известные под названием «государства всеобщего благосостояния», которые разнообразными способами благоприятствовали трудящимся слоям.

Во второй группе стран, раскинувшихся от Восточной Европы до Восточной Азии, пришли к власти движения, восходящие к Третьему интернационалу, и создали социалистические государства. Они национализировали средства производства и занялись программой относительно быстрой индустриализации, расширили социальное обеспечение граждан.

В третьей группе стран, расположенных преимущественно в Южной и Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке и странах Карибского бассейна – иногда называемых «Тремя континентами» или «Югом», – националистические или национально-освободительные движения пришли к власти в большинстве стран. Эти движения во многих случаях добились некоторой «национализации» базовых ресурсов, некоторого развития инфраструктуры и коллективного политического кредита (доверия) на мировой сцене. «Жизненные шансы» урбанизированных слоев с определенным образованием улучшились⁷².

Кажущийся парадокс одновременного идеологического триумфа либерализма, ленинизма и других осовремененных версий марксизма И. Валлерстайн объяснял нижеследующими соображениями. Прежде всего, совместный успех длился сравнительно недолго и был частью невероятного глобального расширения экономики 1945–1970 гг., когда темпы экономического роста почти во всех периферийных странах были весьма велики. Это были годы оптимизма. Перелом долговременной мировой экономической конъюнктуры к худшему коренным образом изменил раскладку социальных сил⁷³.

Ученый утверждает, что антисистемные движения в долгосрочной перспективе служили в большей мере поддержанию ка-

---

⁷² См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 119–120.

⁷³ Там же. С. 201.

питалистической миросистемы, чем ее подрыву. Так, сталинизм служил для США идеологическим оправданием и цементирующим фактором миросистемной гегемонии. Сталинизм оказывал умеряющее, а не радикализирующее влияние на всемирные антисистемные силы, гарантировал порядок в одной трети мира; после смерти Сталина СССР пошел к упадку⁷⁴.

Формы идеологической борьбы мировых антисистемных движений были не столь воинствующими, какими они казались или провозглашались. Антисистемные силы мира на самом деле стремились, большей частью невольно, к либеральным идеологическим целям гомогенизирующей интеграции в систему. Они предлагали преувеличенную надежду и основывали приверженность своему делу на этих надеждах и обещаниях⁷⁵.

Движения социалистической традиции вели себя не в соответствии с собственной риторической критикой либерализма, а чаще наоборот. Социальной базой этих движений, которые всегда очень громко претендовали на выступление от имени человеческих масс, была узкая группа трудящегося населения: квалифицированные и полуквалифицированные городские трудящиеся классы, различные отряды интеллигенции, наиболее образованные и квалифицированные группы в сельских зонах. «Старые левые» опирались на сильное и угнетенное меньшинство мирового населения. Такая демографическая реальность ограничивала возможности политического маневра. Левое движение выбрало роль шпоры, которой подгоняли выполнение либеральной программы рационального реформизма, и в этой роли преуспело. Блага, которых оно добилось для своих основных участников, были реальными, хотя и частичными. Но большое количество людей осталось за пределами уравнивания. «Старые левые» говорили универсальным языком, но проводили партикулярную политику⁷⁶.

Партикулярность имела еще одно весьма примечательное измерение – рост неравенства на международном и национальных уровнях. Хотя антисистемные движения нередко выступали про-

---

⁷⁴ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 257–258.

⁷⁵ Там же. С. 314.

⁷⁶ Там же. С. 339–340.

тив старого неравенства, они не стеснялись создавать его новые формы. Однопартийная система в социалистических странах означала наличие очень привилегированной страты – номенклатуры, чье существование делало достойным осмеяния идеологические претензии ленинистов выступать в роли поборников равноправия. Номенклатура коммунистических режимов имела свои аналоги в третьем мире и в социал-демократических режимах западных стран.

Неравенство вовсе не было случайным распределением. Оно было связано со статусными группами (по расовой, религиозной или этнической принадлежности) на всемирном уровне и внутри государств. Наблюдалась также корреляция с возрастными, гендерными группами и другими социальными характеристиками. Множество групп, не получивших выгод от развития, составило больше половины населения мира. Такова была в 1945–1968 гг. реализация давних надежд, о которых стали думать как о псевдореализованных, что и привело к всемирной революции 1968 г.⁷⁷

Эта революция, как пишет И. Валлерстайн, выросла из ощущения, что национальное развитие не состоялось; она еще не была следствием осознания иллюзорности самой цели. Возмущение было направлено прежде всего против исторической системы в целом – против США как державы-гегемона, экономических и военных структур, составлявших несущие конструкции миросистемы. Но не менее того революция была направлена против СССР как тайного партнера своего показного идеологического врага – США, профсоюзов и других рабочих организаций, которые воспринимались как узкоэкономические, защищавшие в первую очередь интересы особых статусных групп. Изрядно досталось и «старым левым», которые пришли к власти в различных вариантах по всему миру – социал-демократии на Западе, коммунизму на Востоке, национально-освободительным движениям на Юге. На «левые» движения нападали за то, что они не совершили действительного преобразования мира, как они обещали в период мобилизации, за то, что они в слишком большой степени были частью господство-

---

⁷⁷ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 335–336.

вавшей системы и слишком мало проявили себя как антисистемные. Их уже могли судить не только по обещаниям, но и по практической деятельности у власти⁷⁸.

Существовавший консенсус, в частности, между вильсонизмом и марксизмом-ленинизмом, по поводу законности и неизбежности национального развития получил два удара, от коих, по убеждению автора миросистемного анализа, уже не оправится. Первым ударом была всемирная революция 1968 г., вторым – общемировая стагнация 1970–1990 гг., экономический провал почти всех правительств периферийных и полупериферийных зон и коллапс режимов в так называемых социалистических государствах. Идеологическая скорлупа была взломана мировой революцией 1968 г. 1970-е и 1980-е годы сорвали остатки идеологических покровов, обнажив зияющую рану поляризации между Севером и Югом⁷⁹.

Нежданым сюрпризом оказались драматические преобразования 1989 г. в Восточной и Центральной Европе, распад КПСС и СССР. Заслуживающими внимания представляются размышления социолога о политике М. С. Горбачева – перестройке и гласности, в которых усматриваются конъюнктурный ответ на возникшие трудности и попытка элит под предлогом возврата к ленинизму перегруппироваться после всемирного провала идеологии и стратегии (марксизма)-ленинизма. Главной дилеммой М. С. Горбачева было отсутствие альтернативной идеологии и стратегии, которыми можно было бы заменить «скончавшийся» марксизм-ленинизм⁸⁰.

Следует отметить прогностические возможности концепции миросистемного анализа в оценке И. Валлерстайном перспектив радикальных трансформаций экономики и ортодоксальной замены директивно-плановой идеологии на свободно-рыночную в бывших социалистических странах. По мнению эксперта, «коллапс коммунизма в 1989–1991 гг. был просто последним в долгой серии открытий, приведших к пониманию того, что даже самая радикальная риторика не гарантирует современности освобождения,

---

⁷⁸ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 160, 336.

⁷⁹ Там же. С. 159.

⁸⁰ Там же. С. 263.

и даже для современности технологии является весьма слабым гарантом. Конечно, в растерянности и под влиянием момента широкие слои населения коммунистических стран приняли лозунги “мировой правоты”, мифологию “свободного рынка” (в виде, следует сказать, в котором их не найдешь даже в США или Западной Европе), но это было быстро проходящим миражем⁸¹. Маловероятно, что большинство государств, отвергнувших «социалистические» лозунги во имя рыночных, увидят в 1990-е гг. существенное улучшение уровня жизни⁸².

И. Валлерстайн достойно отвечает Ф. Фукуяме, возражая против торжества либеральных идей в «конце истории», «отпевания» марксистской идеологии коммунизма. Несгибаемый марксист утверждает, что так называемое поражение антисистемных сил в 1989 г. на самом деле было великим освобождением. Оно устранило либерально-социалистическое оправдание капиталистического мира-экономики и таким образом стало крахом либерализма как идеологии-гегемона. 1989 год представлял собой агонизирующий конец эпохи⁸³.

Напряжение ответного удара оппоненту передают следующие слова: «Сегодня фиговый листок отпал, и король – голый. Все вопли о торжестве демократии в мире в 1989 г. ненадолго скроют отсутствие серьезных перспектив экономической трансформации периферии в рамках капиталистического мира-экономики. Таким образом, не ленинисты будут петь реквием по ленинизму, но вильсонианцы. Эти они в затруднительном положении и не имеют убедительных политических альтернатив»⁸⁴.

Ученый-социолог не скрывает своего преимущественно негативного отношения к марксизму-ленинизму – ленинской версии интерпретации, осовременивания марксизма, к ее применению в политической практике антисистемных движений, показывает историческую обусловленность и ограниченность одной из возможных форм реализации марксизма. Он прибегает к при-

---

⁸¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 182.

⁸² Там же. С. 160.

⁸³ Там же. С. 323.

⁸⁴ Там же. С. 165.

ему реминисценции и заимствует образ, который использовали К. Маркс и Ф. Энгельс еще в 1848 г. в «Манифесте коммунистической партии», утверждая, что «призрак бродит по Европе, призрак коммунизма»⁸⁵.

Историческая ретроспектива используется для перспективной оценки в рамках миросистемного анализа. И. Валерстейн видит проблему масштабно: «“Призрак коммунизма”, который бродил по миру в 1917–1991 гг., стал чудовищной карикатурой призрака, бродившего по Европе с 1848 по 1917 гг. Старый призрак излучал оптимизм, справедливость, нравственность – это и были его сильные стороны. Второму призраку были присущи стагнация, предательство и уродливые формы угнетения. Виден ли на горизонте третий призрак? Первый призрак являлся не столько России или Восточной и Центральной Европе, сколько всей Европе (и миру). Второй призрак существовал для всего мира. Третий призрак, конечно же, будет снова общемировым. Но можем ли мы назвать его призраком коммунизма? В терминах 1917–1991 гг., конечно же, нет. Можем только в том смысле, в каком этот термин употреблялся в 1848–1917 гг. Тем не менее призрак пугает, он прямо связан с текущими проблемами современного мира, сочетающего огромные материальные и технические достижения с чрезвычайной поляризацией населения мира»⁸⁶.

«Призрачные» рассуждения автора не только вызывают уважение, но и побуждают к критическому переосмыслению его аргументации, к постановке ряда проблемных вопросов. В частности, насколько правомерно делать выводы из сопоставления идеализированного «призрака» коммунизма времен 1848–1917 гг. с его реальным воплощением в последующие семь десятилетий? Непонятно, почему «оптимистичный, справедливый, нравственный» вариант учения К. Маркса не смог одолеть английский либерализм, а «чудовищная карикатура» марксизма – ленинизм эффективно институционализировался в идеологии и реальной политической власти антисистемных сил, оставаясь жизнеспособным весьма длительный срок?

---

⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1972. С. 23.

⁸⁶ Валлерстейн И. Анализ мировых систем... С. 382.

Впрочем, противопоставление идеальной теоретической модели ее практическому применению имеет в концепции И. Валлерстайна исключительное значение: оно позволяет защищать, осовременивать марксизм, интерпретируя его положения в зависимости от поставленных целей, под видом возвращения к истинным истокам учения. В известном смысле теоретик делает то, против чего он искренне негодует – как и В.И. Ленин осовременивает парадигму марксистской общественно-экономической мысли.

Интересно, что наблюдается совпадение взглядов И. Валлерстайна и Й. Шумпетера на отношение В. И. Ленина к марксизму. Й. Шумпетер «каламбурит»: «Испокон веков все еретики всегда утверждали, что они вовсе не хотят разрушить прежние святыни – наоборот, они стремятся восстановить их первоизданную чистоту. Ленин тоже не стал нарушать эту освященную традицией практику и вместо того, чтобы отречься от верности учению, заделался еще большим марксистом, чем сам Маркс. Во всяком случае, он сделал важный ход, выдвинув тезис <...> о том, что он исповедует “марксизм эпохи империализма”. И <...> в определенных границах Ленину было не трудно соблюсти и форму, и содержание нефальсифицированного марксизма. С другой стороны, нетрудно заметить и то, что он покинул эту твердыню и занял по существу антимарксистскую позицию»⁸⁷.

В предисловии к русскому изданию сборника своих очерков И. Валлерстайн прямо пишет, что с окончанием коммунистической эпохи произошла смена идеологических ортодоксий (в том числе и в нашей стране), а он по-прежнему считается еретиком, чье научное творчество продвигается в стороне от общепризнанных направлений социальной науки⁸⁸.

Словами Й. Шумпетера о ленинском прочтении К. Маркса, с некоторыми оговорками, непредосудительно характеризовать также и подход американского социолога к отстаиванию взглядов основателя научного коммунизма и к критике «ереси» (марксизма)-ленинизма. И. Валлерстайн увещевает: «Важно помнить, что в конце своего существования марксизм-ленинизм функционировал

---

⁸⁷ Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. С. 427.

⁸⁸ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 13.

скорее как идеология национального развития, чем как идеология социалистического строительства. Национальное же развитие является в рамках капиталистической мироэкономики во многом иллюзорным понятием. Оно никогда не будет осуществлено, даже частично, в большинстве стран. Причина, по которой марксизм-ленинизм умирает сегодня как идеология, в том, что умирают все идеологии, основанные на идее развития. Однако марксизм начался не как идеология национального развития, и не обречен на понимание только таким ограниченным образом. Существуют и другие возможные прочтения Маркса»⁸⁹. Они могут дать возможность построить более демократический, более эгалитарный мир.

Однако защитники просистемной идеологии неравенства и иерархии – либерализма – столь же успешно могут воспользоваться герменевтической схемой ученого-марксиста и заявить, что «приказала долго жить» исторически преходящая вильсонская версия либеральных идей. Следовательно, возможно иное толкование либеральной доктрины. И если противопоставление интересов социально, институционально и даже государственно организованных сил объективно обусловлено, то ему будет соответствовать идеологическое соперничество социальных стратегий с разным сочетанием общих (коллективных) и индивидуальных ценностей, приоритетов, интересов.

Завершая столь подробный обзор идеологического противоборства, уместно поставить вопрос о значении идеологии в миросистемном анализе и в историко-экономических исследованиях. Миросистемная концепция предполагает ведущую роль экономики в историческом развитии при активном воздействии на него культурной, политико-идеологической сферы (надстройки).

Идеология рассматривается в качестве элемента политической деятельности, укрепляющего или преобразующего систему: «Вспомним хотя максимуму Мао “власть исходит из дула винтовки”, – но сила всегда была лишь придатком к центральным организующим мотивам антисистемной идеологии. Юг, периферийные зоны, трудящиеся классы мира вели свои битвы под зна-

---

⁸⁹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 264.

менем идеологии преобразований и надежды, идеологии, содержащей ясный призыв к власти народа»⁹⁰.

Взаимодействие идеологии с экономикой опосредуется политикой в режиме самоподдерживающегося цикла. Власть, и прежде всего экономическая, но подкрепленная властью государства, дополняется убеждением, которое, в свою очередь, является в значительной мере функцией от власти⁹¹.

Идеология – компонент исторического процесса, отражение интересов социальных групп. Она взаимосвязана с экономикой, но производна от экономических отношений, это средство организации процессов социально-экономического развития, сохранения или изменения существующей миросистемы.

На вопрос, правомерно ли объяснять экономическую историю СССР стремлением правящей власти реализовать идеологию (стратегию) марксизма-ленинизма (социализма, коммунизма), теоретические изыскания И. Валлерстайна дают повод ответить отрицательно.

Вектор экономического развития определяли глубинные (базисные) социально-экономические силы (процессы). Согласно миросистемному подходу история нашей страны – это конкурентная борьба всеми средствами (экономическими, политическими, военными) за выход из полупериферийного состояния в состав ведущих мировых держав, за попадание в зону сердцевины мира-экономики. Исторический отсчет такой борьбы следует начинать не позднее чем с эпохи Петра Великого, т.е. задолго до возникновения марксизма.

Впрочем, не стоит игнорировать взаимодействие идеологии с духовно-нравственными ценностями и ее влияние на образцы и нормы поведения людей. Здесь затрагивается серьезнейшая проблема нравственного измерения экономики, ибо культура и геокультура представляют собой свод нравственных норм и неформальных институтов.

Геокультура современной миросистемы начала формироваться в эпоху Просвещения в ходе секуляризации, обмирщения и

---

⁹⁰ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 314.

⁹¹ Там же. С. 353.

вытеснения из социальной жизни религиозно-нравственных ценностей. Секуляризация протестантских догматов нашла свое воплощение в либерализме, идеях и идеале рыночного фундаментализма. Господство английской социально-экономической мысли на основе протестантизма распространилось с конца XVIII в. не только на «нравственную философию», но и на «политическую экономию». Замена английской версии (парадигмы) либерализма на американскую произошла в рамках тех же религиозных установок. Протестантская идеология соответствует капиталистическому духу миросистемы, разделяет людей, социальные группы и государства на избранных и отверженных.

Марксизм-ленинизм как оппонент светской, секуляризованной идеологии либерализма трагически вторгнулся в область духовно-нравственных ценностей, отрицая религиозные ценности вообще, являя собой образец атеистической идеологии. Крах ленинизма в нашей стране стал крахом богоборчества, крахом несоответствия духовно-нравственным нормам. К сожалению, и в современной России официальная идеология либерализма и государственная политика рыночного фундаментализма противостоят православным христианским ценностям.

«Эксперимент» под эгидой марксизма

Образы, при помощи которых И. Валлерстайн характеризует идеологическую сферу, достаточно точны. Действительно, идеология представляет собой «скорлупу», «надстройку», «покров», оформление политики и интересов социальных сил. Ее главная задача – внедрить в массовое сознание желаемые культурные нормы, образцы поведения, которые обеспечивали бы признание легитимности, справедливости или, наоборот, неправомерности, несправедливости проводимой политики.

Идеология апеллирует скорее к эмоциям, чем к разуму, формулируется риторикой, а не научным дискурсом. Поэтому компоненты «начинки» (цели и содержание) реальной политики могут иметь мало общего со своей идеологической «оберткой». Стало быть, изучение экономической истории с сугубо идеологических

позиций едва ли будет плодотворным по причине несоответствия теоретико-методологических посылок предмету исследования; идеология и экономика – разные сферы общества, с непохожими закономерностями.

При описании социально-экономической истории И. Валлерстайн вполне оправданно задвигает на задний план как мало относящуюся к делу идеологию марксизма-ленинизма и ведет речь о стратегии экономического развития – «девелопментализме»⁹².

Здесь опять наглядно проявилась специфика научной культуры и добросовестность автора в изложении материала исследования, в котором последующее теоретическое положение либо почти не связано с предыдущим, либо вовсе его опровергает и им допустимо пренебречь. Осознавая ущербность собственной аргументации, исследователь пытается сохранить видимость важности рассуждений о взаимодействии идеологий и начертать логику вынужденного перехода от истории идеологий к истории экономики. Политика оказывается удобным посредствующим звеном между идеологией и экономикой.

Для интерпретации современной истории миросистемы и нашей страны социолог воспользовался оригинальными терминами. Прежде всего, он определяет эпоху как коммунистическую интерлюдия⁹³. Автор декларирует: «Я буду считать такой интерлюдией период между ноябрем 1917 г. (так называемая Великая Октябрьская революция) и 1991 г., годом роспуска Коммунистической партии Советского Союза (в августе) и распада самого СССР (в декабре). Это период, когда в России и ее империи, в Центральной и Восточной Европе, существовали государства, управляемые коммунистическими или марксистско-ленинскими партиями. <...> Но эпоха, в которую существовал «блок социалистических государств», <...> завершена. Также <...> закончилась

---

⁹² Переводчики не рискнули предложить адекватный русскоязычный термин и сохранили транслитерацию с английского языка – «developmentalism» – «девелопментализм» и производное от него «девелопменталист» (см.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 12).

⁹³ Интерлюдия (лат. *inter* – между и *ludus* – игра) – небольшая музыкальная пьеса или связующее построение, исполняемые между актами оперы или драмы или между основными частями музыкального произведения.

эпоха, когда марксизм-ленинизм был идеологией, пользующейся значительной поддержкой»⁹⁴.

Термин «интерлюдия» фактически характеризует историческое место периода; т.е. было время, предшествовавшее эпохе существования блока государств с марксистско-ленинской идеологией, а сегодня мы живем уже в следующем временном периоде. Специфическим моментом рассматриваемой эпохи были «социалистические эксперименты» в миросистеме под эгидой марксизма⁹⁵.

Однако при ближайшем изучении выясняется, что политика антисистемных движений опиралась не на догматы марксизма-ленинизма, а на идею экономического развития страны, т.е. на фундаментальную и долгосрочную стратегию. Неслучайно автор вводит понятие геокультуры развития – исторической формы культурного давления во всех государствах с целью обеспечения программы «модернизации» или «развития»⁹⁶.

Экономическую историю СССР некорректно интерпретировать как воплощение «заповедей» марксизма-ленинизма; она постижима посредством рабочей гипотезы (предположения) о реализации стратегии ускоренного экономического развития и изменения позиций державы в миросистеме. Соответственно исходным пунктом анализа служит полупериферийное положение России/СССР в международном разделении труда. Траектория экономической истории обуславливалась статусным местом страны, а вектор политики правящей власти определяло желание достичь уровня ведущих стран сердцевины мира-экономики.

Отказ от доминирования идеологических установок расширяет спектр потенциальных возможностей миросистемной концепции, подвигает к применению ее в качестве инструмента историко-экономического исследования. И. Валлерстайн констатирует, что Россия/СССР пытались использовать политико-военную мощь для осовременивания тех видов экономической деятельности, которые осуществлялись в зоне ее/его контроля,

---

⁹⁴ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 371.

⁹⁵ Там же. С. 250.

⁹⁶ Там же. С. 215.

увеличивая уровень накопления капитала. От Екатерины II до С. Ю. Витте, а затем до И. В. Сталина и нынешнего дня Российское государство достигало неустойчивых и сомнительных успехов в таких попытках⁹⁷.

Даже при сжатии временного горизонта теоретического экскурса – с двухсот лет до столетия – сохраняется историко-экономическая преемственность вне зависимости от идеологических «покровов» хозяйственной политики. Данный вывод подтверждают слова И. Валлерстайна: «Факт состоит в том, что Россия была полупериферийной страной, и ее руководители (здесь существовала преемственность от Витте до Сталина) определяли быструю индустриализацию в качестве приоритета с точки зрения места страны в мироэкономике. Ленинский лозунг “коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны” до совсем недавнего времени продолжал висеть в Москве на больших транспарантах. Все руководство верило в “социалистическое накопление капитала” и вплоть до 1980-х гг. гордилось успехами в достижении этой цели»⁹⁸.

История «коммунистической интерлюдии 1917–1991 гг.» вполне объяснима без привлечения идеологического фактора, что показывает научный анализ ученого-марксиста. Иллюстрацией тому служит следующий пассаж: «Русская революция была революцией в полупериферийной стране, соотношение внутренних сил в которой было таково, что с конца XIX в. она начала соскальживать к периферийному статусу. Это было результатом заметного проникновения иностранного капитала в промышленный сектор (что вело к устранению из него всех местных капиталистических сил), сопротивления механизации сельскохозяйственного сектора, упадка относительной военной мощи (продемонстрированного поражением в войне с Японией в 1905 г.). Революция привела к власти группу государственных управленцев, которые обратили все эти тенденции вспять, используя классические технологии меркантилистского полу-ухода из миросистемы. В этом процессе страна, которая теперь стала СССР, мобилизовала существен-

---

⁹⁷ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 14.

⁹⁸ Там же. С. 256.

ную народную поддержку, особенно среди городского населения. В конце второй мировой войны Россия восстановила свое положение как очень сильного члена полупериферийного сообщества и смогла начать бороться за обретение полноправного статуса в сердцеvine»⁹⁹.

Едва оправившись после революционных потрясений, Советская Россия устремилась к всеобъемлющей интеграции в миросистему, подписав в 1922 г. в Рапалло договор с Германией. СССР вступил в 1933 г. в Лигу наций (и сделал бы это раньше, если бы ему это позволили). Позднее он заключил союз с Западом во Второй мировой войне, стал соучредителем ООН, а в период после 1945 г. беспрестанно добивался признания у всех (и в первую очередь у США) в качестве одной из двух мировых великих держав. Предпринимаемые усилия с трудом поддаются объяснению в терминах марксизма-ленинизма, но вполне понятны как политика военной державы в рамках миросистемы¹⁰⁰.

Полупериферийное положение, а отнюдь не идеологическое противоборство, обуславливало конфликтность истории нашей державы. В полупериферийных странах определенные группы часто старались усилить государственную машину с целью изменить национальную структуру производства и тем самым изменить свое место в мировом разделении труда. Подобные устремления полупериферийных государств, в том числе Советского Союза, наталкивались на встречное давление держав центра и были источником постоянной военной напряженности в межгосударственной системе¹⁰¹.

Жестокая конкуренция, непрекращающееся давление государств сердцевины на нашу страну экономическими, политическими, военными средствами дают основание рассматривать чрезвычайные, революционные системные кризисы и трансформации, происходившие в России, в виде закономерного сочетания внутренних и внешних причин и объективно обусловленного стечения обстоятельств.

---

⁹⁹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 51.

¹⁰⁰ Там же. С. 379.

¹⁰¹ Там же. С. 390.

Переходя к обзору отдельных периодов истории СССР, И. Валлерстайн констатирует враждебность его внешнего окружения. Так, в период 1933–1941 гг. несомненным фактом были маневры Германии, США, Великобритании и Франции в поисках способов разрушить Советское государство. Угрожающая геополитика придавала сталинизму известную легитимность в глазах народа, которую мощно усилила Великая Отечественная война¹⁰².

Экономический прогресс, достигнутый в сталинскую эпоху, обеспечил уровень благосостояния народа, необходимый для упорядоченного окончания сталинизма и начала постепенной демократизации. Новаторство Н. С. Хрущева выразилось в желании представить интересы профессиональных управленцев, чаявших гарантий против террора и роста потребления¹⁰³.

Размышления американского социолога необычны и дают повод для различных обобщений. Он пишет: «Двумя элементами, которые не принял во внимание Хрущев, были уровень урбанизации и изменение характера рабочей силы в СССР и циклические ритмы капиталистической мироэкономики. Открыв в СССР (и соответственно в странах СЭВ) возможности определенной либерализации и роста потребления, Хрущев очень сильно недооценил объем спроса. Давно стало общим местом социологического анализа утверждение, что государству проще быть полностью репрессивным, чем предложить небольшое, но неадекватное пространство для политического и культурного плюрализма. Открытие небольшого пространства возбуждает аппетит, не удовлетворяя его, и поощряет требования большего. Сколь большое пространство необходимо для возврата политического спокойствия, трудно оценить, но ясно, что Хрущев предложил слишком мало. <...> Брежневизм представлял собой попытку загнать джина обратно; как мы знаем, такого рода попытки всегда оказываются безуспешными»¹⁰⁴.

По окончании Второй мировой войны количество «экспериментов» под эгидой марксизма многократно возросло благодаря

---

¹⁰² См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 257.

¹⁰³ Там же. С. 260, 261.

¹⁰⁴ Там же. С. 261–262.

успехам антисистемных движений «старых левых», пришедших к власти в различных регионах планеты. Хронология их миросистемного анализа охватывает полувековой период 1945–1991 гг. – две фазы большого цикла: устойчивый рост мирового хозяйства на волне долгосрочного подъема экономической конъюнктуры до 1970-х гг. и наступивший затем период ухудшения условий экономического развития.

Между 1945 г. и 1970 г. были предприняты значительные усилия по распространению средств производства и подъему его уровня по всему миру. В это время показатель ВВП (валового национального продукта) в абсолютном выражении и в расчете на душу населения стал основным инструментом измерения экономического развития. Очерченный период оказался А-фазой кондратьевского цикла с необычной амплитудой. Темпы роста сильно различались в разных частях мира, но везде показатели шли вверх; не на последних местах были социалистические страны. Тот же период был временем политического триумфа большого количества движений в третьем мире, которые использовали стратегию борьбы за государственную власть с целью осуществления политики национального развития. Девелопментализм стоял в повестке дня, по поводу его необходимости и возможности существовал общемировой консенсус¹⁰⁵.

Экономически СССР пошел по классическому пути догоняющего развития через индустриализацию и продвигался по нему уверенно, принимая во внимание все помехи и стоимость разрушений в годы Второй мировой войны. Весьма впечатляющие на общемировом фоне достижения СССР использовал, чтобы убедить страны-сателлиты идти тем же путем. Хотя для некоторых из них в этом не было смысла, они усердно начали дело. Но экономика была примитивной, и не потому, что не оставляла достаточно места для частных предприятий, а потому, что стремление «догнать» считалось реалистичной политикой, а индустриализация – способом обеспечить экономическое будущее¹⁰⁶.

---

¹⁰⁵ См.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем... С. 159.

¹⁰⁶ Там же. С. 381.

Неординарные темпы подъема экономики Советского Союза основывались на неэффективном, экстенсивном экономическом росте с высокой трудоемкостью. Временно, пока мир-экономика расширялся, увеличивалось отечественное производство ВВП на душу населения. Но неэффективность методов означала, что они достигли своего предела. Уровень жизни в СССР повышался медленнее, чем в странах центра, хотя и не отставал от большей части периферии. Раньше или позже социалистические экономики не смогли бы удовлетворить ожидания улучшений благосостояния широких слоев, достаточно хорошо информированных, чтобы осознавать существование разрывов¹⁰⁷.

Оптимизм периода 1945–1968 гг. исчез в 1970–1980-х гг., в Б-фазе кондратьевского цикла. Переход к мировой экономической стагнации сопровождался двумя драмами: повышением ОПЕК цен на нефть в 1970-х и кризисом задолженности в 1980-х гг. Не все страны пострадали в равной мере. Подъем нефтяных цен означал перераспределение весомой доли мирового прибавочного продукта в пользу государств-экспортеров нефти и утечку средств из стран третьего мира и социалистических стран, не производивших нефти. Отток средств из индустриально развитых стран был краткосрочным, поскольку там имелись резервы реструктурирования энергопотребления.

Прибавочный продукт через нефтепроизводящие страны перераспределялся по трем направлениям. Часть его была использована на программы «национального развития» нефтеэкспортирующих государств, в том числе СССР. Изрядная доля нефтедолларов была потрачена на массивное потребление предметов роскоши, т.е. на перевод их в страны ОЭСР посредством покупки товаров, капиталовложений и индивидуального вывоза капитала. Остальные деньги были размещены в банках США и Европы и перенаправлены в третий мир и социалистические страны в виде государственных заимствований. Займы помогли правительствам на время оттеснить оппозицию и использовать деньги на поддержание импорта, даже в условиях падавшего экспорта, что, в свою

---

¹⁰⁷ См.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем... С. 262.

очередь, поддерживало мировой спрос на промышленные товары стран ОЭСР, уменьшало влияние на них всемирной экономической стагнации.

Падение темпов роста в сочетании с истощением финансовых и социальных резервов породило в 1980-х гг. каскад экономических трудностей в странах периферии и полупериферии. Нарастание задолженности по внешним займам привело к принципиальной неспособности обслуживать долг, не говоря уже о его выплате. К должникам страны ОЭСР повернули свое жестокое финансовое лицо. Столкнувшись с собственными экономическими трудностями, правящие власти сердцевины мира-экономики не захотели с пониманием и терпением отнестись к финансовым проблемам третьего мира и социалистических правительств. Последним были предъявлены ультимативные условия МВФ, которые надо было выполнить для получения смехотворной по объемам помощи, их стали поучать о добродетелях рынка и приватизации. Кейнсианская снисходительность 1950–1960-х гг. отошла в прошлое¹⁰⁸.

Когда в мире-экономике наступил спад, экономические процессы в социалистических странах принципиально не отличались от того, что творилось в третьем мире. Социалистические страны столкнулись с проблемами при продаже своих товаров на международном рынке, оказались неконкурентоспособными. Они страдали от инфляции и падения уровня жизни и были вынуждены искать выход в либерализации национальных рынков. Растущая открытость экономик социалистических стран лишь слегка ослабила их тяготы¹⁰⁹.

Способом уменьшить ущерб от долговременной стагнации было военное кейнсианство Р. Рейгана, которое питало спекулятивный бум 1980-х в США. Эта политика потерпела крах в конце 1980-х гг., утянув за собой СССР. Еще одну попытку преодоления кризисных тенденций предприняла Япония вместе с восточно-азиатскими «драконами» и рядом сопредельных государств. Она вдохновлялась стремлением получить выгоды от неизбежного перемещения производства в условиях Б-фазы кондратьевского

---

¹⁰⁸ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 162, 163, 337.

¹⁰⁹ Там же. С. 263.

цикла. Пределы таких усилий обозначились в 1990-е гг. Нетто-результатом 25 лет экономической борьбы стало всемирное разочарование в обещаниях, связанных с концепцией развития, которую сменили разговоры о глобализации экономики¹¹⁰.

Резюмируя обзор итогов политики «девелопментализма», И. Валлерстайн пишет: «Итак, мы ищем альтернативы, которые, однако, все еще часто формулируются как альтернативные пути к “национальному развитию”. Вчера государственное планирование и замещение импорта, сегодня структурная перестройка (или шоковая терапия) и экспортно-ориентированная рыночная специализация. А кое-где – какой-то невнятный третий путь. Мы движемся от заклинания к заклинанию, безумно, отчаянно, иногда цинично. В ходе этого процесса у немногих дела идут хорошо или еще лучше, но у большинства – нет»¹¹¹.

Повсюду последствия велики, особенно негативны они для «старых левых» – для национально-освободительных движений, коммунистических партий (коллапс коммунистических режимов в Восточной Европе и СССР), социал-демократов. Стало быть, история организаций антисистемных движений была историей гигантских тактических успехов и столь же гигантских стратегических провалов¹¹².

Ученый-социолог полагает, что «мы должны переоценить социалистические эксперименты, осуществленные под эгидой марксизма-ленинизма, рассматривая их как исторически объяснимый, но преходящий феномен в историческом развитии современной миросистемы. Дело не в том, что они не удались. Термины “не удались”, “провалились” подразумевают, что существовали убедительные исторические альтернативы. Я считаю, что таких убедительных альтернатив не существовало – ни социал-демократии, которая возникла в западном мире, ни марксизму ленинизму, который укрепился в СССР и затем в Китае, ни национально-освободительным движениям, пришедшим к власти в третьем мире. <...> Три вида движений фактически представляли лишь три варианта

---

¹¹⁰ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 338.

¹¹¹ Там же. С. 215.

¹¹² Там же. С. 369–370.

одной стратегии: захват государственной власти партией, заявляющей себя выразителем народной воли и использующей государственную власть, чтобы “развить” страну. Эта стратегия оказалась неработоспособной. <...> Движения не должны быть обвиняемы за то, что они были продуктом исторических ограничений своего времени»¹¹³.

Осуществление социалистических экспериментов стало возможным лишь после «огосударствления» антисистемных движений. Поэтому исследование роли государства в мироэкономике необычайно актуально.

Государственно организованный капитализм

Государственные структуры – неотъемлемый элемент мира-экономики, и их значение усиливается. Эту тенденцию отмечает И. Валлерстайн, говоря, что уровень внутреннего порядка миросистемы всегда подвержен флуктуациям и Б-периоды печально известны как момент трудностей. Но в системе в целом на протяжении 400–500 лет порядок постоянно возрастал, что можно назвать феноменом роста «государственности»¹¹⁴. Кроме того, все ведущие идеологии формально были антигосударственными, а на практике работали на укрепление государственных структур¹¹⁵.

Автор миросистемной концепции предложил интересный ракурс плодотворного исследования роли государства в экономике. По его мнению, наша межгосударственная система эволюционировала как надстройка капиталистического мира-экономики, и именно этот факт объясняет специфику современного государства и современной межгосударственной системы¹¹⁶.

Деятельность государства в хозяйственной сфере собственной страны и во внешнеэкономической сфере обусловлена политической организацией мировой экономики в виде межгосударственной системы. Ученый указывает: «Государство (отдельное) реаль-

---

¹¹³ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 264.

¹¹⁴ Там же. С. 365.

¹¹⁵ Там же. С. 193.

¹¹⁶ Там же. С. 389.

но не является “тотальным” институтом. Ни одно из государств (даже держава-гегемон) не может действовать полностью так, как ему хочется. Потому что ни одна из групп, обладающих властью в данном государстве, не свободна трансформировать процессы внутри государственных границ в соответствии со своими представлениями. Каждая из государственных машин *ограничена* функционированием мировой экономики (и межгосударственной системы), необходимостью соблюдать определенные ограничения или же, в противном случае, быть готовым к определенным санкциям со стороны других государств (с целью изменить политический курс, границы или режим)»¹¹⁷.

Государство – это институт, созданный, чтобы отражать потребности классовых сил (социальных групп), полем действия которых служит мироэкономика в рамках межгосударственной системы. Идеология этой системы – равенство суверенитетов, но на самом деле государства не являются ни суверенными, ни равными. Государства навязывают друг другу ограничения на образ политических и военных действий, а также на возможности использовать закон стоимости, лежащий в основе капитализма. Существуют механизмы принуждения государств-нарушителей к изменению политики. История государств, в которых в XX в. у власти находились коммунистические партии, – потрясающее свидетельство эффективности такого давления¹¹⁸.

Политико-экономические задачи государственной власти обуславливаются свойствами капиталистического мира-экономики: стремлением его субъектов к присвоению прибавочной стоимости и бесконечному накоплению капитала, политическим влиянием на уровень цен (капитала, потребительских товаров и труда), устойчивой поляризацией классов (социальных слоев) и регионов (центр – периферия)¹¹⁹.

Государство – наиболее подходящий институциональный посредник при установлении рыночных ограничений (квазимонополий в широком смысле слова) в пользу определенных социальных

---

¹¹⁷ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 391.

¹¹⁸ Там же. С. 408–409.

¹¹⁹ Там же. С. 403.

слоев. Государственные структуры нужны прежде всего для извращения «свободного» функционирования капиталистического рынка и улучшения возможностей одной или нескольких групп получить преимущества¹²⁰.

Стремление к односторонним выгодам не ограничивается внутренним рынком национальной экономики, но распространяется на внешние рынки, хозяйство других стран. Различные группы внутри, вне или поверх границ данного государства постоянно стараются увеличить, сохранить или уменьшить «власть» государства в желанных политико-экономических аспектах. Такие попытки изменить соотношение сил исходят из понимания, что преобразования должны помогать определенной группе в извлечении прямой или косвенной выгоды от участия в мировом рынке.

Опираясь на разницу в мощи государственных машин, сильные страны сердцевины навязывают «неравный обмен» периферийным регионам. Стало быть, капитализм организует и использует не только присвоение собственником прибавочной стоимости, производимой работником, но и присвоение сердцевиной прибавочной стоимости, производимой в мироэкономике в целом¹²¹.

И. Валлерстайн подробно освещает специфику участия государственного аппарата в реализации интересов особых статусных групп. Проблема, по его мнению, не в том, кто имеет право голоса в постоянно идущем процессе принятия решений в государственной машине, а в том, чей голос имеет решающее или критическое значение и в чем состоят ключевые вопросы, за решение которых идет борьба в политике государства¹²².

Суверенные государства контролируют важнейшие для предпринимателей направления: 1) правила, по которым товары, капитал и рабочая сила пересекают государственные границы; 2) законодательное регулирование прав собственности внутри страны; 3) правила найма на работу и размер вознаграждения работни-

---

¹²⁰ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 83.

¹²¹ Там же. С. 38.

¹²² Там же. С. 406.

ков; 4) перечень издержек, которые фирмы должны брать на себя; 5) степень монополизации экономических процессов; 6) сбор налогов; 7) использование власти вне страны и влияние на решения других государств¹²³.

Ключом к пониманию капиталистической мироэкономики служат взаимоотношения государства и предпринимателей. Официально большинство предпринимателей-капиталистов придерживаются идеологии невмешательства (*laissez-faire*), согласно которой государство не должно вмешиваться в рыночную деятельность. Однако им вовсе не хочется, чтобы названное общее правило применялось на практике, тем более в полном объеме, а своими поступками они нередко показывают несостоятельность доктрины свободной конкуренции.

Государство – основополагающий фактор, определяющий уровень цен и прибылей, без которого капиталистическая система не смогла бы преуспеть и выжить. Вмешательство государства в конкурентную борьбу приводит к созданию квазимонополий и олигополий. Государства могут создавать квазимонополии при помощи патентов, ограничения импорта и экспорта, противодействия введению другими государствами мер внешнеэкономического регулирования, предоставления субсидий и налоговых послаблений, крупных закупок определенных товаров по высоким ценам. Квазимонополии живут долго (лет тридцать), для того чтобы обеспечить накопление весомого капитала тем, кто ими управляет¹²⁴.

Осевое разделение труда в капиталистической мироэкономике подразумевает и разделение производства продукции между ядром и периферией, а также соотношение прибыльности производственных процессов. Поскольку прибыльность связана со степенью монополизации, то ядру свойственны производственные процессы, контролируемые квазимонополиями. Периферии остаются конкурентные процессы и товары, обмен которых осуществляется в худших по сравнению с квазимонополиями условиях.

---

¹²³ См.: Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение. С. 124.

¹²⁴ Там же. С. 90, 91.

Поэтому наблюдается постоянный поток прибавочной стоимости от производителей периферии к производителям ядра, получивший название неравного обмена¹²⁵.

В самом трудном положении находятся государства полупериферии, в которых перемешаны производственные процессы сердцевины и периферии мира-экономики. Главная забота стран полупериферии – не скатиться в периферию, но гораздо лучше приблизиться к ядру. Обе задачи требуют серьезного вмешательства государства в дела мирового рынка. Именно полупериферийные государства активно и публично проводят протекционистскую политику, надеясь таким образом защитить свое производство от конкуренции более сильных фирм извне и увеличить эффективность местных производителей, чтобы им было проще конкурировать на внешних рынках. Для достижения «экономического развития» страны полупериферии всегда с готовностью размещают у себя производства новых, некогда ведущих товаров, конкурируя со странами той же полупериферии за получение новых технологий, которых на всех желающих, конечно же, не хватает¹²⁶.

Циклические колебания мироэкономики определяются естественным ходом развития ведущих отраслей промышленности, т.е. постепенным распадом квазимонополий. Основная лидирующая отрасль служит главным стимулом роста мировой экономики и накопления капитала. Одновременно наблюдается рост занятости населения, заработных плат и всеобщий подъем благосостояния. Когда все больше фирм выходит на рынок, некогда принадлежавший квазимонополии, появляется перепроизводство; объем произведенной продукции превосходит спрос на нее. Под нажимом покупателей усиливаются ценовая конкуренция и уровень цен падает. В какой-то момент происходит затоваривание непроданной продукцией, и дальнейшее производство приходится приостанавливать.

При возникновении подобной ситуации можно говорить о сжатии пульсирующего организма мироэкономики, наступлении периода застоя или спада. По всему миру растет уровень безра-

---

¹²⁵ См.: *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем... С. 93.

¹²⁶ Там же. С. 96.

ботицы. Производители, стараясь удержать свои позиции на мировом рынке, пытаются снизить производственные издержки, в частности, посредством перевода производственного процесса в зону полупериферии, где зарплаты традиционно ниже. В результате такого перебазирования в производственных процессах ядра растет напряжение и уровень зарплаты неминуемо падает. Отсутствие эффективного спроса вследствие перепроизводства сменяется его потерей из-за снижения доходов покупателей. В кризисных условиях проигрывают не все производители. Внутри прореженной олигополии, сложившейся в таком производственном процессе, усиливается конкуренция, и яростно сражающиеся компании часто прибегают к помощи государства. Некоторым компаниям и государствам удается «экспортировать безработицу» в другие страны ядра. Мирэкономика сжимается систематически, но определенные страны сердцевины и особенно некоторые страны полупериферии, по всей видимости, неплохо справляются с трудностями.

Процессы расширения или подъема мирэкономки, появление квазимонополий в ведущих отраслях, а также сжатие или спад мирэкономки и распад этих квазимонополий описываются фазами А и Б полувекового кондратьевского цикла. Длина цикла зависит от мер, принимаемых государством для продления фазы подъема и отсрочивания фазы спада, от оздоровительных мер по выходу из Б-фазы, когда появление новой ведущей отрасли может послужить началом новой А-фазы¹²⁷. Стало быть, государственные структуры участвуют в формировании циклических колебаний мира-экономики различной периодичности.

Международное разделение труда институционально воплощается в государственных структурах, формирующихся по оси центр–периферия, поэтому эволюция разделения труда в мировой экономике сопряжена с эволюцией межгосударственной системы. Правомерность высказанного суждения подтверждает краткий авторский обзор тенденций развития межгосударственной надстройки мира-экономики. Согласно ему с течением времени государства

---

¹²⁷ См.: *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение. С. 97–98.

становились сильнее, но действие механизма баланса сил, несмотря на идеологию юридически равного суверенитета, обеспечивало поддержание иерархии неравных держав, связанных в мировую систему. Государства, в которых развивались ключевые виды экономической деятельности, укрепились в результате целенаправленных усилий групп, старавшихся использовать государственную машину для поддержки квазимонополистических привилегий своих предприятий и для предотвращения создания подобных привилегий другим группам в ущерб себе.

Государства с периферийными видами деятельности сначала стали либо сильнее, либо слабее по сравнению с моментом их включения в межгосударственную систему. Впоследствии под давлением более мощных, сердцевинных государств и сотрудничающих с ними местных групп они стабилизировались на уровне «государственной мощи», слишком слабом, чтобы предотвратить движение экономических потоков в мире-экономике, но достаточно сильным, чтобы помогать их движению.

Наконец, в полупериферийных странах известные группы часто стремились усилить государственную машину, чтобы изменить у себя структуру производства и тем самым изменить свое место в мировом разделении труда. Эти попытки полупериферийных правительств наталкивались на встречное конкурентное противоборство стран сердцевины, почти непрерывно генерируя военную напряженность между государствами. Результатом эволюции стало подвижное равновесие: все государства стали «сильнее», но равенство сил осталось прежним, если не увеличилось¹²⁸.

И. Валлерстайн скептически оценивает возможности развития в рамках капиталистического мира-экономики, апеллируя к историческому опыту, последствиям Б-фазы большого цикла на исходе XX в. Он напоминает, что национальное развитие понималось широко, в частности и как задача «догнать» передовые страны. Предполагалось, что она выполнима с помощью правильной и последовательной государственной политики. Имевшиеся представления охватывали всю идеологическую гамму – от облегчения неограни-

---

¹²⁸ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 390.

ченного движения капиталов, товаров и труда через национальные границы до тотального государственного контроля за операциями производства и контроля внутри закрытых в основном границ, при большом разнообразии промежуточных позиций¹²⁹.

Невозможно, чтобы национальное развитие реализовывалось в рамках капиталистической мироэкономики для всех государств. С одной стороны, национальное развитие в определенной мере всегда осуществимо, но является циклическим процессом. Социально-экономические успехи, достижения восходящей А-фазы большого цикла в значительной мере ниспровергаются долгосрочным падением мировой конъюнктуры с наступлением нисходящей Б-фазы.

С другой стороны, накопление капитала предполагает и создает иерархическую систему, в которой прибавочная стоимость неравномерно распределяется в пространстве и между классами. Историческая эволюция капиталистического хозяйства непрерывно воспроизводит свою предпосылку – социально-экономическую поляризацию населения. Поскольку неравное распределение преимуществ как исторически, так и теоретически постоянно, постольку всякое «развитие» одной части мироэкономики имеет своей оборотной стороной «упадок», «регресс» или «слаборазвитость» кого-то другого¹³⁰.

Впрочем, по мнению аналитика, вопреки всем кризисным потрясениям государства и люди будут по-прежнему искать способы, которые обеспечат им вертикальную мобильность, направленную вверх в системной иерархии, или предохранят их от движения вниз, тем более что для некоторых людей и некоторых регионов общемировая стагнация Б-фазы может оказаться периодом большого успеха¹³¹.

Весьма достоверно доказывает И. Валлерстайн объективную обусловленность принятия долгосрочной «догоняющей стратегии» при завоевании антисистемными силами государственной власти: «Существующий способ функционирования мировой экономики и

---

¹²⁹ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 157.

¹³⁰ Там же. С. 214.

¹³¹ Там же. С. 209, 219.

слабости любой отдельной государственной структуры по отношению к совокупности всех действующих сил означает, что при попытке выйти из мировой экономики краткосрочные издержки, влияющие на благосостояние народа и на развитие производительных сил намного выше, чем политически способен выдержать любой режим. Следовательно, при достижении антисистемными движениями государственной власти они испытывают грандиозное социальное давление изнутри в пользу принятия на государственном уровне “догоняющей” стратегии. Стремление данного государства достичь экономического уровня благосостояния более развитых в данный момент государств с неизбежностью предполагает накопление капитала путем экспроприации прибавочной стоимости, пролетаризации труда и дальнейшего отоваривания всех аспектов производства и обмена, которые еще не стали товарными. Догоняющее развитие, короче говоря, означает триумф закона стоимости во всех уголках, до сих пор сопротивлявшихся его господству»¹³². Следует заметить, что приведенный пассаж корректнее было завершить «триумфом» не закона стоимости, а «закона накопления капитала».

Вполне аргументированным надо признать вывод теоретика о том, что советский опыт – антисистемное движение, приходящее к власти и заметно усиливающее государственную машину – не искажение, а результат действия глубоких структурных сил, влияющих на сами социальные движения¹³³. Государственный аппарат в СССР стал сильнее, чем он был в имперской России. Огосударствление экономики нашей страны было обусловлено глубиной кризисных социально-экономических трансформаций в ходе Первой мировой и Гражданской войн.

Укрепление позиций государства в советской экономике, по убеждению социолога, не вывело ее за рамки миросистемы. СССР всегда оставался частью и участником капиталистической мирэкономки. Точно так же, как и другие страны, руководимые коммунистическими режимами, Советский Союз принуждался к отказу от некоторых форм «отклоняющегося» поведения и к поступкам,

---

¹³² Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 395.

¹³³ Там же. С. 391–392.

общепринятым в миросистеме. Поэтому использование в качестве официальной идеологии марксизма-ленинизма еще не означало воплощение идей социальной справедливости.

И. Валлерстайн высказывает сомнения по поводу «социалистического» характера политики антисистемных движений, проводившейся под лозунгами марксизма-ленинизма: «Там, где партии Третьего Интернационала приходили к власти (какими бы методами это ни осуществлялось), они так или иначе принимали законодательство, кладущее конец капитализму (в узком смысле, то есть отменяя частную собственность на большинство производительных предприятий). Устанавливали ли они социалистическое общество, было предметом споров в течение вот уже 70 лет, и больше всего в последние годы»¹³⁴.

По разумению автора, национализация предприятий вовсе не делает их участие в мироэкономике, неотвечающим способу функционирования капиталистической рыночной системы. Они стремятся к растущей эффективности производства с целью реализовать максимальные цены продажи, достигая таким образом более выгодного распределения прибавочного продукта мира-экономики¹³⁵.

Любопытно, что идеологические оппоненты И. Валлерстайна, адепты либерализма Й. Шумпетер и Я. Корнай¹³⁶ не отождествляли понятия «государственный» и «социалистический» и также скептически относились к определению экономики Советского Союза как социалистической.

В этой связи встает вопрос о типологической характеристике и интерпретации истории директивно-плановой экономики СССР. За ответом на него можно обратиться к самому основателю учения марксизма-ленинизма. Литературное наследие В. И. Ленина выходит за рамки интерпретации марксизма, оно содержит множество научных положений, которые могут обогатить развитие современ-

---

¹³⁴ Валлерстайн И. Анализ мировых систем... С. 252.

¹³⁵ Там же. С. 55.

¹³⁶ См.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. С. 244, 293, 389, 421; Корнай Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М., 2000 С. 355.

ной историко-экономической науки. В частности, герменевтическая обработка ленинских работ позволяет изменить концептуальное видение и понимание периода советской директивно-плановой экономики. Достояна внимания брошюра «О продовольственном налоге», написанная в апреле 1921 г. с целью объяснения необходимости перехода к новой экономической политике. Сопоставляя ряд представленных в ней авторских высказываний, допустимо интерпретировать понятие «социализм» почти как синоним понятия «государственный капитализм»¹³⁷.

Применение концептуальных положений миросистемного анализа не следует ограничивать экономической историей Советского Союза. Последовавший за распадом СССР период системных кризисных социально-экономических трансформаций России подтверждает познавательный потенциал указанного направления общественнознания. В частности, чрезвычайное «разгосударствление» и свертывание государственного присутствия в отечественной экономике сопровождалось деградацией отраслевой структуры, падением уровня жизни сокращающегося по численности населения, «третьемиризацией», соскальзыванием России со статуса полупериферийной державы в когорту периферийных стран.

Актуально звучат размышления И. Валлерстайна о взаимозависимости силы государственного аппарата и статусного положения страны в центр-периферийной иерархии мира-экономики. Силу определяет не степень деспотичности и жестокости центральной власти, а ее способность собирать налоги в соответствии с доходами и имущественными возможностями граждан и юридических лиц.

По разумению ученого-социолога, чем слабее государство, тем меньше средств можно накопить, занимаясь экономически продуктивной деятельностью. Поэтому государственный аппарат становится одной из важнейших, а то и важнейшей структурой в процессах обогащения путем жульничества и взяточничества на различных уровнях. Это имеет место и в сильных государствах, но в слабых становится излюбленным методом накопления капитала,

---

¹³⁷ Ленин В. И. О продовольственном налоге // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. М., 1974. С. 210, 212, 213, 222, 223–227.

который отвлекает государство от других дел. Когда государственная машина нацелена на капиталистическое обогащение, обычная процедура смены власти не работает, а результаты выборов подтасовывают, если их вообще проводят, растёт роль военных, потому что при смене власти без них, как правило, не обойтись. Теоретически на законных основаниях силу могут применять только государства, в лице проводников властной монополии – военных и полицейских. На практике же чем слабее государство, тем размытей силовая монополия. Если политические лидеры с трудом контролируют ситуацию в стране, то у силовиков появляется соблазн взять власть в свои руки, как только режим окажется неспособным обеспечивать общественный порядок.

Все это происходит не из-за ошибок в политике, а из-за слабости государственных структур в регионах с периферийными производственными процессами – плохими источниками накопления капитала. Если государство обладает ресурсами, которые дорого стоят на мировом рынке, то казенный доход, по существу, является рентой, и здесь непосредственный контроль над аппаратом также гарантирует, что весомая часть этой ренты может просачиваться в частные руки. Неудивительно, что в таких государствах часто к власти приходят военные¹³⁸.

Рентно ориентированную специализацию современной экономики России и рентно ориентированное поведение нынешней российской власти следует признать аномальными состояниями, характерными для периферийных государств. Складывавшийся на протяжении нескольких веков статус России как сильной державы полупериферии несовместим с проводимой на рубеже XX–XXI вв. государственной политикой. Кардинальная смена выбранного политического курса объективно неизбежна по причине долгосрочных закономерностей экономического развития. Вопрос заключается в том, какие силы и когда займутся осуществлением назревших преобразований.

Г. Гегелю приписывают афоризм: «Истина рождается как ересь, а умирает как предрассудок». Смысл названного апокрифа

---

¹³⁸ См.: *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ : Введение. С. 137–138.

можно понимать и так: новое знание изначально противоречит уже имеющимся знаниям, ставит под сомнение отдельные их фрагменты, а затем входит в состав уже устоявшихся предрассудков, т.е. предсуждений, высказанных предварительно, до окончательной проверки всех фактических моментов. Предварительные суждения закладывают теоретико-методологическую основу, указывают исходные пункты, от которых разворачивается логика понятий и познания предмета исследования. Миросистемный анализ И. Валлерстайна уже перестал быть «ересью» и вошел в корпус социологических «предрассудков»; его надобно, при надлежащей критической переработке, применять в исследовании и интерпретации экономической истории нашей страны.

Глава 17

Экономика развития: «Другой канон» Э. Райнерта

Обоснованию необходимости разработки новой парадигмы экономической науки, в частности с учетом исторического опыта нашей страны, посвящена замечательная книга норвежского экономиста Эрика Райнерта «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными». Отправным пунктом критических размышлений автора служит убеждение: «Мы живем в век невежества, когда аргументы, объясняющие экономическое развитие забыты»¹. Такой нелюбимой оценке удостоилась господствующая ныне парадигма – мейнстрим, стандартная, неоклассическая теория рыночного либерализма. Резкие суждения ученый подкрепляет глубоким и обстоятельным теоретико-методологическим анализом проблем экономического развития, охватывающим в единстве теорию и историю экономики, историю экономической мысли.

Исследование основано на противопоставлении двух европейских традиций, двух типов экономической теории: континентальной и английской, доминирующей в современном мире. Временной горизонт обзора экономических взглядов и учений, а также осмысления экономической истории Европы простирается

---

¹ Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011. С. 289.

до XIII века. Систематическая же критика классической английской теории начинается со второй половины XVIII века. В произведениях Адама Смита (1723–1790) и его последователя Давида Рикардо (1772–1823) ищет Э. Райнерт истоки слабостей и упущений современной стандартной экономической науки.

«Рикардианский грех» классической теории

Необычным приемом в рассуждениях Э. Райнерта оказалось методологическое использование понятия «метафора» – употребление для большей образной выразительности словосочетаний в переносном, иносказательном смысле, основанное на сравнении, сходстве или контрасте.

Обращение к метафорам при цитировании позволяет передать умонастроение теории Адама Смита в частности показать условность грани между верой в судьбу, провидение Божие и верой в «невидимую руку» рынка, которая автоматически обеспечивает сочетание частных интересов с общим и помогает экономике приходить в состояние равновесия.

В своем незабвенном труде «О природе и причинах богатства народов» (1776) Адам Смит утверждает, что каждый отдельный человек «не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. <...> Он имеет в виду лишь свой собственный интерес <...> он преследует лишь собственную выгоду, причем <...> он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения. Преследуя собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»².

Уникальна следующая цитата Адама Смита: «Разделение труда <...> отнюдь не является результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей то общее благосостояние, которое будет порождено им: оно представляет собою последствие – хотя очень медленно развивающееся – определенной склонности человеческой природы <...> к торговле, к обмену одного предмета на другой. <...> Эта склонность обща всем людям и, с другой стороны,

---

² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 332.

не наблюдается ни у какого другого вида животных, которым, по видимому, данный вид соглашений, как и все другие, совершенно неизвестен. <...> Никому не приходилось видеть, чтобы одна собака сознательно менялась костью с другой»³. Эта излюбленная метафора обменивающихся собак не единожды встречается в тексте монографии норвежского ученого.

Э. Райнерт указывает: «В конце 1700-х годов английская экономическая мысль разошлась с континентальной европейской теорией. Во время первой индустриальной революции Адам Смит, бывший среди прочего таможенным чиновником, описывал мировую экономику как коммерческое общество, занятое больше покупкой и продажей, чем производством. В то же время экономисты континентальной Европы, например Иоганн Бекман (1739–1811) из Гёттингена, писали о производстве, технологиях и знаниях как об основах создания богатства. <...> Производство, знания и изобретения исчезают из экономической науки Адама Смита потому, что он сводит производство и торговлю до уровня абстрактных трудовых часов»⁴.

Автор оговаривается, что Адам Смит тоже пишет об изобретениях, но в его понимании они зарождаются вне экономической системы (они экзогенны), считаются бесплатными (совершенная информация) и одновременно приходят в головы всех сообществ и людей. У Адама Смита инновации и новые технологии создаются автоматически и бесплатно, невидимой рукой, которую нынешняя экономическая идеология именует рынком⁵.

Вопреки почти всеобщему восхвалению норвежский экономист крайне негативно отзываясь о результатах научного творчества Адама Смита: «Такое утверждение звучит несколько недобро, но главный вклад Смита в понимание богатства и бедности заключается в том, какие понятия он вынес за пределы или исключил из экономической науки, ставшей сегодня мейнстримовой. Смит вычеркнул из стандартной экономической модели четыре понятия, необходимых для объяснения экономического развития:

---

³ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 27.

⁴ *Райнерт Э. С.* Указ. соч. С. 71.

⁵ Там же. С. 79–80.

1. Понятие *инноваций*, считавшееся важным в общественной науке Англии более 150 лет, начиная с эссе “О новшествах”, написанного Френсисом Беконем в начале XVII века, и заканчивая “Исследованием принципов политической экономии” Джеймса Стюарта (1767 г.).

2. Идея, что экономическое развитие – это результат синергии и что люди, выходящие на рынок труда в стране, где действуют инновационные отрасли, будут получать большие зарплаты, чем остальные; эта тема повторялась в европейской экономической мысли еще с XV века.

3. Понимание того, что разные виды экономической деятельности могут качественно различаться как источники экономического развития.

4. Сведение производства и торговли к *трудовым часам*. Именно оно проложило дорогу ныне доминирующей в общественном сознании теории торговли Рикардо. Эта теория понимает мировую экономику как систему, в которой обменивающиеся собаки Адама Смита меняются друг с другом трудовыми часами, лишенными каких-либо свойств⁶.

Включив в свою систему невидимую руку и исключив из нее четыре основных понятия прежней экономической науки, Адам Смит заложил основу идеологии, которая считает экономику некой «теорией гармонии», в которой рынок должен автоматически создать повсеместную гармонию и выровнять всеобщее благосостояние. Стандартная экономическая наука по сей день следует его примеру⁷.

Преимственность в английской школе экономической мысли несомненна. Адам Смит сделал первый шаг, когда свел всю экономическую деятельность человека к трудочасам. Идя по его стопам, Рикардо выстроил теорию международной торговли, заимствовав идеи торгового общества – Смитову метафору собак, обменивающихся трудовыми часами⁸.

---

⁶ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 82.

⁷ Там же. С. 84.

⁸ Там же. С. 136.

В книге 1817 года «Принципы политической экономии и налогового обложения» Давид Рикардо предложил объяснение мирового экономического порядка, сформулировал теорию сравнительных преимуществ, взяв для примера торговлю вином и тканями между Португалией и Англией. Он попытался доказать, что специализация и торговля могут быть взаимно выгодными, если каждая страна специализируется на том, в чем она относительно более эффективна (или наименее неэффективна) по сравнению с другой страной.

«Важно понять, – подчеркивает автор, – что эта теория представляет мировую экономику в виде процесса обмена трудочасами, лишенными каких-либо характеристик. Один трудочас работника Силиконовой долины в ней равен одному трудочасу работника-беженца в суданском Дарфуре. Парадоксальным образом капиталистическая теория торговли не учитывает роли капитала»⁹.

Интерпретация концептуальных построений Рикардо опирается на мнение австро-американского экономиста Йозефа Алоиса Шумпетера (1883–1950), к которому норвежский ученый относится с нескрываемым пиететом. Внимание сосредоточивается на серьезнейших методологических проблемах.

Критические замечания Й. Шумпетера звучали неоднозначно: «Экономическая теория это не склад политических рецептов, а <...> ящик с аналитическими инструментами. Эти инструменты не груда разрозненных элементов; они образуют механизм, который выдает результаты в широких пределах, независимо от того, какая задача была в него введена. Механизм работает формально одинаково. <...> Значит, в этих пределах механизм можно сконструировать раз и навсегда, подготовив его для использования при решении бесконечного множества задач. Инстинктивно это ощущалось всегда. Аналогичную идею высказали Кантильон и физиократы. Однако никто до Рикардо не овладел ею с такой силой, как он. <...> Он начал строить такой универсальный механизм. Это означало решительное продвижение вперед, но в случае признания успеха за дефектным механизмом такое продвиже-

---

⁹ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 335.

ние легко может оказаться ложным путем. <...> Рикардианский анализ представлял собой ложный путь. Вследствие конструирования такого механизма отдельные элементы, составляющие общую экономическую науку, слились в одно целое, чего раньше никогда не было»¹⁰.

Особое беспокойство Й. Шумпетера вызвали выработка и применение оригинального, но порочного метода исследования экономики. Он отмечал, что Рикардо «интересовал четко очерченный результат, имеющий непосредственное практическое значение. С целью получения такого результата он резал общую систему на куски, связывал в узел как можно более крупные части системы и клал их на “холод”, чтобы как можно больше зафиксировать и сделать “заданным”. Затем он накладывал одно упрощающее допущение на другое до тех пор, пока у него не оставалось всего несколько агрегатных переменных, между которыми с учетом этих допущений он устанавливал простые односторонние зависимости; таким образом, в конце получались желаемые результаты, очень похожие на тавтологии. <...> Это превосходная теория, которую никогда нельзя будет опровергнуть, – в ней есть все, кроме смысла. Назовем привычку применять результаты такого характера к решению практических проблем “рикардианским грехом”»¹¹. Экономическая наука страдает от «рикардианского греха», когда строится на априорных допущениях безо всякого эмпирического основания¹².

Мировоззрение Рикардо воплотилось в экономической науке в ряде порочных теоретико-методологических предпосылок, которые воспринимаются либо как постулаты, т.е. условно допустимые без надлежащей аргументации положения, либо как аксиомы, вообще не требующие доказательства. «Греховной» аксиомой надобно признать утверждение, что в основе торговли и пропорций обмена продуктами лежат трудочасы, затраченные на производство реализуемых товаров. К сомнительным постулатам относится

---

¹⁰ Шумпетер Й. А. История экономического анализа : в 3 т. Т. 2. СПб., 2001. С. 621.

¹¹ Шумпетер Й. А. Указ. соч. Т. 2. С. 619.

¹² См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 70.

предпосылка о единственно возможной – убывающей – отдаче от увеличения количества труда и капитала, вовлекаемого в расширение хозяйственной деятельности.

К чему привело внедрение названного постулата, напоминает Э. Райнерт: «Когда Мальтус и его друг Рикардо вернули убывающей отдаче центральную позицию в экономической науке, одновременно упразднив растущую отдачу и инновации, последствия оказались трагическими: было потеряно прежнее понимание богатства как совместного продукта синергии, возрастающей отдачи и инноваций. Концентрация на убывающей отдаче завоевала Рикардовой экономике титул “мрачная наука”. Его теория торговли по сей день остается главным оправданием колониализма и неоколониализма, а также основой механизма, который не дает бедным странам разбогатеть»¹³.

Рикардо предложил «этическое обоснование колониализма». У него впервые встречается идея, что у колонизаторов есть моральное право не давать другим странам развиваться выше уровня производителей сырья¹⁴. Исключив из экономической теории качественное понимание экономических перемен и динамики, Рикардо создал теорию, которая позволяет стране полноценно специализироваться на бедности. В его теории экономика никуда не движется, в ней нет прогресса, а значит, не с чем и соревноваться¹⁵.

Но, пожалуй, самый соблазнительный порок в теории Рикардо – методология дедуктивной логики, при помощи которой легко выстраивать концептуальные схемы, не заботясь об их соответствии реальной экономике. Норвежский исследователь констатирует наличие методологической ущербности: «Экономическая наука, строго говоря, создала некоторые элементы самоотносимой логики, напоминающие худшие карикатуры времен схоластики»¹⁶.

Первая волна популярности Рикардовой экономической теории достигла пика в 1840-е годы. Общественные проблемы многих европейских стран обернулись революциями с 1848 по 1871 год

---

¹³ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 105.

¹⁴ Там же. С. 92.

¹⁵ Там же. С. 50.

¹⁶ Там же. С. 47.

и показали, что без продуманной политики рынок не способен создать экономическую гармонию. К 1890-м годам стало ясно, что абстрактная система Рикардо не отражает реальности и кроме нее существуют другие типы экономической теории¹⁷.

Современный неоклассический мейнстрим в полной мере наследовал «рикардианские грехи» и сверх того обзавелся собственными. Ренессанс идей Адама Смита и Давида Рикардо наблюдался в стандартной экономической науке во второй половине XX века.

Форма, которую экономическая наука приняла после Второй мировой войны, обнаружила слабости концепции Адама Смита. Основатель классической политической экономии лишил теорию понятия производства, объединил торговлю и производство в общее понятие трудочасов. Поэтому когда мировую экономику стали рассматривать как систему, где все обмениваются неопределенными трудочасами в отсутствие технологий, экономии на масштабах производства, т.е. работой, которую все выполняют одинаковым образом, ничто не помешало экономистам сделать вывод, что свободная торговля принесет выгоду всем.

В послевоенный период экономисты отказались от непредвзятого здравого смысла ради самоотносимых моделей, и экономическая наука в очередной раз пошла путем наименьшего математического сопротивления, удаляясь от релевантности (отношения к существу дела, уместности. – Г.Ч.). Вместо того чтобы изъясняться на родных языках, экономисты перешли на математический язык и утратили ключевые качественные элементы своей науки: свободу владения теоретическими моделями и реальным миром, способность корректировать ошибки в моделях¹⁸.

Не-Рикардова экономическая наука господствовала в США и континентальной Европе первые 40 лет XX века. Однако повальная математизация общественных наук после Второй мировой войны в сочетании с холодной войной вернули Рикардо его былую популярность. Рынок вновь, как в 1840-е годы, стали считать механизмом создания автоматической гармонии, а революции 1840-х годов объяснять социальным расслоением внутри стран. Се-

---

¹⁷ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 72.

¹⁸ Там же. С. 152–153.

годня опять стоит проблема неравенства, с той разницей, что теперь неравны в большей степени страны, а не граждане одной страны¹⁹.

Математизация экономической науки усугубила пороки системы Рикардо – неспособность учитывать факторы реальности, от которых во многом зависят богатство и бедность. Когда экономисты пытаются изучать общество только при помощи количества и знаков, математика вытесняет качественное понимание предмета. Математика, используемая в экономической науке, сообщает ей замкнутый, самодостаточный характер.

Если взять систему, в которой все факторы и вводные данные качественно равны и применить ее в мире, лишенном контекста, то результатом непременно будет единообразие, а естественным выводом – экономическая гармония. Выводы заранее встроены в предпосылки. Афоризм, верно отражающий ограниченность математических методов, гласит: «Если утверждения математики относятся к реальности, они не точны, а если они точны, они не относятся к реальности». Два типа понимания мира – количественное и качественное – должны не конфликтовать, а дополнять друг друга²⁰.

Неудовлетворенность состоянием экономической теории нагнетается. Широкую известность получили слова историка экономической мысли Марка Блауга о том, что современная экономическая наука все больше становится интеллектуальной игрой просто ради игры, а не ради практического применения. Экономисты превратили свой предмет в некую разновидность социальной математики, в которой математическая точность – это все, а эмпирическая релевантность – ничто. Если какая-либо тема не укладывается в формальную модель, она приговорена к периферийному существованию²¹.

Зачастую экономическая наука воспринимается как образ мышления, ибо фактического знания в ней не существует. В неоклассической теории математическая точность значит больше, чем собственно объект анализа – экономика. Методология и систе-

---

¹⁹ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 73.

²⁰ Там же. С. 74–76.

²¹ Цит. по: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 75.

ма стимулов работают в стандартной экономической науке таким образом, что большинство экономистов предпочитают быть точно неправыми, нежели примерно правыми. Математическая тщательность оказалась неприемлемой для качественного анализа²².

Иллюзия упорядоченности окружающего хаоса создается посредством отречения от целого ряда существеннейших аспектов экономического мира. Инструментарий экономистов достиг такой абстрактности, что в нем почти не осталось инструментов для фиксирования качественных различий между видами экономической деятельности. Точность мейнстримовой экономической науки и ее нерелевантность – продукты одного и того же процесса, когда из теории исключалось все больше релевантных факторов, создавая белые пятна²³.

Грустная ирония сквозит в словах Э. С. Райнерта: «После преобразований, которые экономическая наука пережила в XXI веке, она утратила два важных аспекта – время (историю) и пространство (географию). Мир экономической науки превратился в скажочный мир, где нет ни времени, ни пространства, ни трения, мир автоматической, бесконечной гармонии. <...> В результате такой абстракции получается, что в реальной жизни постоянно происходит то, что происходить не должно»²⁴.

Норвежский ученый поясняет, почему для мейнстримовой экономической науки необходима самая важная и наименее обсуждаемая предпосылка о равенстве: «Если виды экономической деятельности качественно различны между собой – стандартной экономической науке конец. В стандартной теории совершенная информация и совершенная конкуренция легко решают проблему, одним махом превращая сообщество каменного века в сообщество Силиконовой долины»²⁵. Но такого не бывает.

Непригодность «неоклассики» для изучения развития экономики отмечается исследователем: «Стандартная экономическая наука, которая пытается осмыслить экономическое развитие в

---

²² См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 64, 65.

²³ Там же. С. 55, 59, 290.

²⁴ Там же. С. 66.

²⁵ Там же. С. 137.

рамках безупречных совершенных рынков, не видит самого главного: совершенные рынки – для бедных. Точно так же бесполезно пытаться понять экономическое развитие в рамках того, что экономисты называют провалом рынка. Согласно стандартной экономической теории, экономическое развитие – это один гигантский провал совершенных рынков»²⁶. Приведенное высказывание допустимо интерпретировать как констатацию теоретико-методологического «провала» современного мейнстрима экономической науки.

Игнорирование исторического, политического и институционального контекста развития оборачивается познавательным бессилием, логической аморфностью и теоретическими прорехами неоклассического направления экономической мысли, которые не помогло исправить обращение к альтернативной, институциональной концепции. Преобладавшая в Америке с конца XVIII века до окончания Второй мировой войны институциональная экономическая теория представляла оппозицию английской неоклассической традиции. Недавно появившаяся новая школа была создана на базе неоклассической теории, а институты были привлечены к ней ради толкования того, что не могла объяснить стандартная экономическая наука.

Раньше способ производства считался фактором, определяющим институты человеческого общества. Сегодня новая институциональная экономическая наука, основанная на стандартной теории из учебника по экономике, меняет причину и следствие местами, заверяя, что в бедности виновата нехватка институтов, а не отсталый способ производства. Однако, по мнению критически настроенного автора, институциональные изменения, к которым приводит смена форм производства, важны, но вторичны. Институты, как и капитал, сами по себе не имеют ценности. Они как строительные леса поддерживают производственную структуру страны в период роста. Проблемы стран-неудачниц и причины их институциональных провалов не могут плодотворно обсуждаться в отрыве от экономической деятельности, на которой специ-

---

²⁶ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 49.

ализируются эти страны. Утратив понимание процесса развития, связанное с осознанием роли производства, а не только обмена и торговли, неоклассические экономисты утратили и понимание взаимодействия между производством и институтами²⁷.

Эклектичность современной стандартной экономической науки, «окруженной непроницаемой стеной математики», дополняется «несуразностью» ее предпосылок и суждений. Наука, кажущаяся на первый взгляд незыблемой мудростью, на поверку представляет собой смесь отрывков разных теорий, при помощи которых можно доказать практически все, что угодно²⁸.

«Конец истории» или холодной войны либерализма с марксизмом

Возрождение и утверждение Э. Райнертом концепции «Другого канона» перекликаются с идеями И. Валлерстайна об обновлении парадигмы социально-экономической мысли, рассмотренными выше. Прежде всего, имеется совпадение в хронологических рамках анализа перемен, вызванных крахом директивно-плановой экономики в СССР и странах Восточной Европы.

Норвежский ученый пишет, что он активизировал свои изыскания в 1991 году, сразу после падения Берлинской стены – события, которое знаменовало собой окончание холодной войны и которое американский философ Френсис Фукуяма назвал «концом истории». Страны с плановой экономикой потерпели фиаско, и казалось бесспорным, что только свободная торговля и рыночная экономика способны сделать все страны мира одинаково богатыми. Дальнейшее развитие такой апокалиптической логики было обусловлено сохранением мировоззрения холодной войны, распространенного среди экономистов мейнстрима. Холодная война перечеркнула не только теоретические вопросы, в прошлом считавшиеся важными, но и прежнее разделение на единомышленников и противников. Проблемы, которые признавались ключевыми для изучения неравномерности развития стран, в современном

---

²⁷ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 253–255.

²⁸ Там же. С. 232, 233.

дискуссе исчезли без следа. Поэтому надо выйти за рамки миропонимания холодной войны и заново пересмотреть экономические теории прошлых лет²⁹.

Автор не преминул обыграть изменение научно-публицистической позиции Ф. Фукуямы с точки зрения экономиста. Он отмечает, что в 1992 году американский философ, специалист по международной политике и защитник либеральной демократии в своей книге «Конец истории и последний человек» приветствовал конец холодной войны как «конец истории». Однако уже в 2006 году в книге «Америка на распутье» Ф. Фукуяма отказался от своих взглядов, придя к выводу, что неоконсерваторы, похоже, считали демократию естественным состоянием, в которое попадает государство сразу после того, как в нем происходит принудительная замена режима, а не результатом длительного трудоемкого процесса построения государственных институтов и проведения реформ.

Подобный процесс переосмысления нужен и экономистам. Неолибералы утверждали, что стоит только перестать контролировать работу рынка, как в мире сами собой наступят благосостояние и экономический прогресс; их не придется долго и последовательно создавать. Жизнь после «конца истории» рассудила иначе. В плане понимания экономического роста мир сейчас проходит стадию развития, которую Френсис Фукуяма прошел с 1992 по 2006 год³⁰.

Другое весьма примечательное сходство публикаций И. Валлерстайна и Э. Райнерта – раскрытие общих моментов марксистского и либерального течений экономической мысли – времен научного творчества самого К. Маркса в XIX веке и послевоенного периода, эпохи холодной войны.

Норвежский исследователь точно указывает единый источник двух противоборствующих идеологий – теорию Рикардо: «Когда от Маркса потребовалось решение проблем капитализма, он обратился к трудовой ценности Рикардо. <...> Выбор Маркса имел очень серьезные и долгосрочные последствия: он позволил абстрактному мышлению Рикардо воцариться по всей политической оси, от

---

²⁹ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 39.

³⁰ Там же. С. 19–20.

правого до левого фланга, на протяжении холодной войны и после ее окончания. <...> Получается, что коммунизм и либерализм – это если не родные, то двоюродные братья, два абстрактных теоретических учения, витающих над тривиальными фактами реального мира. В обеих теориях не хватает того, что мы называем капиталом человеческого духа и воли – новых знаний, инноваций, предпринимательства, лидерства и организационных способностей. Поскольку процесс производства свелся к применению одинаковых трудовых часов, мировую экономику можно свести к покупке и продаже уже произведенных товаров. Аналогичным образом человеческая деятельность свелась к поставке идентичных трудовых часов, лишенных каких бы то ни было качеств, и к потребительской деятельности. Рассуждая таким образом, коммунисты решили, что можно заменить рынок с его спросом и предложением огромным калькулятором и что результат при этом не изменится. Благодаря Фридриху фон Хайеку (1899–1992) в либеральной теории появился предприниматель, создающий в экономике равновесие. Другой тип предпринимателя, по-настоящему важный, – Шумпетеров предприниматель, который своими инновациями нарушает равновесие и тем самым создает экономический рост – труднее было формализовать, поэтому он остался за пределами системы»³¹.

С появлением миропонимания холодной войны теория Рикардо безраздельно возобладала в мире, безоговорочно принятая левыми и правыми. Как коммунизм, так и либерализм (как Иосиф Сталин, так и Милтон Фридмен) ведут начало от теории Рикардо. Следовательно, холодная война была гражданским конфликтом между двумя ветвями Рикардовой экономической науки, разделявшими несколько общих убеждений³².

Эту мысль Э. Райнерт комментирует подробнее: «Когда коммунисты провозгласили принцип “от каждого по способностям, каждому по потребностям”, неоклассическая экономическая наука ответила им теорией Самуэльсона, опубликованной в 1945 году. Она доказывала, что исходя из стандартных теоретических предпосылок, глобальная свободная торговля приведет к снижению

---

³¹ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 71.

³² Там же. С. 61.

цен на производственные факторы, т.е. цена на труд и капитал станет по всему миру одинаковой. Рынок будет лучше коммунизма, все станут одинаково богатыми, надо только дать “невидимой руке” полную свободу. Долгое время эта теория считалась такой нелогичной, что никто не пытался применить ее на практике. <...> Именно эта пародия на полноценную теорию в итоге легла в основу работы Всемирного банка и МВФ в странах третьего мира. Она привела к последствиям – ни много ни мало – катастрофическим для многих развивающихся стран, однако несмотря на это, продолжает действовать вместе с теми, кто ее проповедует. Этому немало способствует то, что не-Рикардова экономическая традиция, Другой канон, сегодня практически умерла»³³.

Сопоставляя два направления рикардианской науки, норвежский экономист показывает не только их сходство, но и различия, причем, иногда отдает предпочтение марксистской школе экономической мысли. Неоднозначное отношение к К. Марксу и его последователям, возможно, обусловлено противоречивостью теоретических положений их концепции. Так, автор замечает, что в зрелой форме обе ветви рикардианства не признавали ни важности технологий и предпринимательства, ни роли государства. При коммунизме государство, например, должно было «раствориться». Чтобы достичь мифического Рикардова равновесия, коммунизм просто заменил рынок огромным калькулятором³⁴. И тут же в сноске следует оговорка: «Разумеется, марксистская экономическая теория включала и многое другое, в частности тонкий анализ технического прогресса и экономического развития. Однако метод переворачивания социальной пирамиды оказался слишком простым решением для общественных проблем, описанных Марксом»³⁵.

Более того, на протяжении научного повествования неоднократно подчеркивается совпадение взглядов К. Маркса и Й. Шумпетера по стержневой проблеме экономики развития – факторам экономического роста. Непримириемые политические противники консерватор Шумпетер и радикал Маркс соглашались, что капи-

---

³³ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 230.

³⁴ Там же. С. 61.

³⁵ Там же. С. 353.

тал бесплоден без инвестиционных возможностей, а их создают только новые технологии и инновации³⁶. По мнению исследователя, лучшая промышленная стратегия, вероятно, рождается там, где марксисты и шумпетерианцы являются политическими союзниками, что произошло в Японии после Второй мировой войны³⁷.

Для рикардовой экономической науки характерен приоритет формы над реальностью, поэтому ее оба полюса развились в некое подобие религии. Доктрина Рикардо распространилась среди политиков разных убеждений, создала прочный фронт против основанной на опыте экономической науки. Близкое родство коммунистического планирования и неолиберализма позволяет экономистам с легкостью менять одну крайность на другую: из левых рикардианцев становиться правыми рикардианцами³⁸. Последнее, очень глубокое замечание служит объяснением, почему в наших российских вузах марксистские учебники политэкономии капитализма и социализма с легкостью были замещены неоклассическими учебниками стандартного курса «Economics».

«Рикардианский грех» обуславливает простоту встречных теоретических заимствований и логических переходов марксизма и рыночного либерализма. О том говорит норвежский ученый: «Интересно, что сегодняшнее капиталистическое общество использует торговую теорию, основанную на трудовой теории ценности, которая не сохранилась нигде, кроме коммунистической идеологии. Капиталистическая теория торговли описывает производство, происходящее в отсутствие капитала. Это наблюдение возвращает нас к путанице, возникшей между капитализмом и коммунизмом времен холодной войны, и виноваты в этой путанице их общие корни из экономической теории Рикардо»³⁹.

По мнению Э. Райнерта, сегодняшнее коллективное понимание мира погрязло в экономических заблуждениях, порожденных холодной войной, когда существовали экономические теории, основанные на иллюзорной системе Давида Рикардо, и каждая рисо-

---

³⁶ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 98, 152, 177.

³⁷ Там же. С. 40.

³⁸ Там же. С. 64, 73.

³⁹ Там же. С. 137.

вала собственную утопию – плановой экономики или свободного рынка. Холодная война оставила теоретическое наследство, которое не дает нам заметить, что в ходе сегодняшней глобализации многие страны специализируются на доисторических способах производства. Спор о глобализации в упрощенном виде продолжает спор времен холодной войны. Рынок – это хорошо, государство и централизованное планирование – плохо. Экономики централизованного планирования потерпели крах, стало быть, можно надеяться, что рынок решит все проблемы⁴⁰.

Вместо научного дискурса преобладает риторика. Автор свидетельствует, что экономический смысл политических споров звучит так: «либо ты за глобализацию в ее нынешней форме, либо ты за плановую экономику». Риторика всего периода конца истории представляла собой публичные дебаты ни на низком уровне в попытке удержаться в рамках мировоззрения холодной войны. Дескать, распад Советского Союза доказал, что рыночная экономика эффективнее плановой, что без вмешательства человека рыночная экономика способна создать утопическую всемирную гармонию. Вся шумиха по поводу конца истории стала возможной благодаря экономической теории, которая научно обосновывала мнение, что предоставленный самому себе рынок – это машина по производству гармонии. Но такая модель не имеет отношения к реальности⁴¹.

Альтернативная парадигма «Другого канона»

Представляя «Другой канон» в качестве альтернативной парадигмы экономической науки, Э. Райнерт творчески заимствует теоретические положения из выдающегося исследования американского философа и историка науки Томаса Куна «Структура научных революций», где понятие «парадигма» определяется широко и многоаспектно.

Э. Райнерт начинает изложение первой главы своей монографии с эпиграфа – оригинальной фразы Т. Куна, гласящей, что пара-

---

⁴⁰ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 148–149, 229.

⁴¹ Там же. С. 237–238.

дигма способна, если уж на то пошло, даже изолировать общество от тех социально важных проблем, которые нельзя сформулировать в виде задачи, поскольку их нельзя представить в терминах концептуального и инструментального аппарата, предполагаемого парадигмой⁴². Затем, возвращаясь к этой цитате, норвежец констатирует, что правящая экономическая парадигма – неоклассический стандарт – не располагает инструментами для понимания основных факторов, делающих экономическое развитие неравномерным⁴³.

Смена парадигм означает научную революцию и меняет историческую перспективу общества. Новые знания создают предпосылки технических инноваций. Поэтому автор обращается к понятию технико-экономической парадигмы, предложенной в начале 1980-х годов Карлотой Перес и Кристофером Фрименом. Его заинтересовали нижеследующие теоретические аспекты.

Обновление технико-экономических парадигм происходит волнообразно, когда крупные инновационные волны прокатываются по всему обществу, нарушают однородность производственного развития – создают технологические прорывы. Инновации приводят к тому, что Й. Шумпетер называл созидательным разрушением: меняется универсальная технология, на которой основывается экономика, появляются новые продукты и услуги, отрасли хозяйства, трансформируется структура спроса и цепочек увеличения стоимости. Технико-экономические парадигмы можно рассматривать как принципиально новый способ повышения качества жизни за счет взрывного роста производительности в ключевой отрасли промышленности и соответствующего увеличения заработной платы работников.

Чередование парадигм не ограничивается влиянием на экономику и затрагивает все общество, изменяет образ мысли, потребности людей, социальные институты, экологическую обстановку, географическое размещение населения и его хозяйственной деятельности, раскладку сил мировых экономических лидеров⁴⁴.

---

⁴² См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 32.

⁴³ Там же. С. 77.

⁴⁴ Там же. С. 156–158.

Приведенная схема периодического обновления технико-экономических парадигм, разработанная К. Перес и К. Фрименом, по существу, совпадает с широко распространенной периодизацией больших циклов (длинных волн), представляет собой одну из интерпретаций теории Н. Д. Кондратьева.

Ссылка на Т. Куна сопровождается еще одним изыском Э. Райнерта: «Нормальная наука, как правило, действует в рамках одной научной системы, пока она не исчерпает себя; затем происходит радикальная смена парадигмы; в экономической науке два параллельных подхода могут существовать одновременно. Воспользовавшись метафорой американского экономиста Кеннета Эрроу, можно сказать, что традиция Другого канона “действует, как подземная река, появляясь на поверхности только раз в несколько десятилетий”. <...> В целом же разные типы экономического анализа циклически сменяют друг друга в зависимости от моды. В некоторые периоды (в 1760-е годы во Франции, в 1840-е Европе и 1990-е чуть ли не во всем мире) абстрактный тип мышления становился единственно принятым, за что пришлось платить немалую цену»⁴⁵.

Заявленная противоречивость, двойственность экономической мысли позволяет позиционировать Другой канон как парадигму альтернативную стандартной, неоклассической школы. Противопоставление двух типов экономической науки пронизывает всю книгу Э. Райнерта, составляет логический каркас его исследования.

Другой канон был задуман как исходная точка экономики реальности и профессиональная сеть инакомыслящих экономистов, специалистов по экономике развития. Представляя собственную концепцию, ученый подчеркивает ее практичность и историческую обусловленность: «Альтернативную экономическую науку, основанную на опыте, методологию, которую до сих пор использует Гарвардская школа бизнеса, мы будем в дальнейшем называть Другим канонам. Он объединяет экономические подходы и теории, которые исходят в своих рассуждениях об экономике из фактов и опыта. Начиная с конца 1400-х годов только экономической теории Другого канона, с ее убежденностью в том, что виды экономиче-

---

⁴⁵ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 74.

ской деятельности качественно различаются как носители экономического роста, удавалось вытаскивать страны из бедности»⁴⁶.

Парадоксальное на первый взгляд сочетание преподавания самых современных достижений науки с изучением истории в процессе подготовки руководителей бизнеса имеет объяснение. Организатор и первый декан Гарвардской школы бизнеса Эдвин Гей (1867–1946) учился в немецкоязычных университетах и был последователем исторического подхода немецкого экономиста Густава Шмоллера (1838–1917). Метод ситуационного исследования (кейс-стади), распространенный в деловых школах, основан на методологии Немецкой исторической школы, на понимании и использовании экономических механизмов (инструментов), успешно зарекомендовавших себя в прошлом. Изучаемые случаи становятся искусственным опытом, на примере которого принимают решения в новых социально-экономических контекстах. В бизнесе опыт ценится больше, чем в академическом мире. К сожалению, экономическая теория холодной войны обесценила опыт до критического уровня, напрочь лишив экономику реальности престижа. В противоположность стандартной экономической науке, которая приучает людей смотреть на мир сквозь методологические и математические линзы, упуская из вида факторы реальной жизни, исторический подход собирает любые фактические доказательства, если они имеют отношение к делу⁴⁷.

Поле предпринятого исследования и перспектив дальнейшего научного поиска автор описывает так: «В своей работе я попытался объединить несколько учебных дисциплин: прежде всего эволюционную (шумпетерианскую) экономическую теорию, экономику развития, историю экономической мысли и экономическую историю. Мне показалось, что для понимания неравномерного экономического роста разных стран нужны два новых направления исследований – немарксистская теория неравномерного роста и история экономической политики. Ни того ни другого нет в природе»⁴⁸.

---

⁴⁶ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 60.

⁴⁷ Там же. С. 35, 316.

⁴⁸ Там же. С. 43.

По мнению Э. Райнерта, задача не в том, чтобы упразднить один набор догматических правил и заменить его другим. Напротив, должно принять все богатство и разнообразие экономической теории и практики, осознать, что нам нужен куда более обширный экономический инструментарий, чем тот, который используется сегодня. Политика, которая будет благотворной для Великобритании, не будет полностью совпадать с той, что благодатна для Швейцарии, и будет иметь мало общего с политикой, благоприятной для Экваториальной Гвинеи, Мьянмы или Вануату. Только история может быть нашим проводником в путешествии по новым контекстам. Вместо того чтобы строить теории методом исключения, надо начать строить их методом включения, как это было принято в исторической экономической школе⁴⁹.

Спектр разногласий стандартной экономической науки и альтернативного канона широк – от глубинных методологических установок до конкретных практических рекомендаций. Расхождение начинается с «философии экономики», с противоположного понимания качеств человека как субъекта хозяйственной деятельности. Автор подробно останавливается на «человеческой типологии».

В английской традиции человеческий мозг принято считать пассивной *tabula rasa*; он обитает в некой машине по исчислению ощущений удовольствия и боли, которая стремится избежать боли и получить удовольствие. Такой взгляд ведет к гедонистической и основанной на обмене экономической науке с соответствующей системой ценностей и стимулов. Экономический рост в ней понимается как механическое сложение капитала с трудом. Континентальная же традиция полагает, что сущность человека – это его потенциально благородный дух и активный мозг, постоянно регистрирующий и классифицирующий окружающий мир. Поэтому экономическая наука строится вокруг производства, а не обмена, а также производства знаний и инноваций, их ассимиляции и распространения. Движущая сила в континентальном типе экономической науки не капитал как таковой, а дух и воля человека. Для

---

⁴⁹ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 232–233, 291.

того, кто придерживается английской традиции, континентальная традиция неактуальна, и наоборот. Английская точка зрения позволяет выстроить простую, поддающуюся качественному и количественному определению статическую экономическую теорию. Континентальная версия науки из-за большей сложности требует сложной и динамичной теории, которую нельзя свести к цифрам и символам⁵⁰.

Столкновение интересов отдельного человека и общества также дает повод для противопоставления двух типов экономической теории. Э. Райнерт подробно обсуждает сложившееся методологическое разномыслие, подчеркивает, что сегодняшняя экономическая наука построена вокруг интерпретации МанDEVИЛЯ и СМИТА и отличается от трактовки экономистов континентальной Европы XVIII века.

Адам Смит утверждал, что не от благожелательности мясника, пивовара или булочника мы получаем свой обед, а от соблюдения ими своих эгоистических интересов и выгод⁵¹. Так постулировался парадокс удовлетворения наших потребностей за счет жадности другого человека. Идея Адама Смита была частью полемики XVIII столетия, начатой Бернардом МанDEVИЛЕМ, который заявил в 1705 году, что пороки отдельных людей можно обратить в общественную пользу. К моменту опубликования Адамом Смитом «Богатства народов» в 1776 году спор почти завершился, встретив изрядное неприятие посылки МанDEVИЛЯ о существовании общественной выгоды благодаря порокам отдельных людей.

Норвежскому ученому близок иной подход, предложенный миланским экономистом Пьетро Верри в 1771 году, согласно которому лучшей гарантией общественного счастья служит совпадение частного интереса каждого индивида с общественным интересом. Поскольку в рыночной экономике эти интересы не всегда сосуществуют в идеальной гармонии друг с другом, постольку задача законодателя вести политику, способствующую сближению частных интересов с общественными⁵².

---

⁵⁰ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 80–81.

⁵¹ См.: Смит А. Указ. соч. С. 28.

⁵² См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 239–240.

Исследователь указывает на отличие Другого канона от мейнстрима по трем важным пунктам. Во-первых, нельзя считать интересы индивида единственной движущей силой общества, как это делает стандартная экономика. Добродетель отдельных людей редко оборачивается чем-то иным, кроме частной или общественной добродетели. Однако общественная добродетель может проявляться частными пороками. Чувства более благородные, чем жадность и стремление к прибыли, труднее поддаются моделированию.

Во-вторых, рыночная экономика, если в нее не вмешиваться, усиливает, а не уменьшает экономическое неравенство. Экономическое развитие является непреднамеренными последствиями хозяйственной деятельности только в присутствии факторов возрастающей отдачи, разделения труда, динамической несовершенной конкуренции, инноваций. Соответственно экономическое развитие – это преднамеренные последствия определенной экономической политики. Однако стандартная экономическая наука не замечает вышеперечисленных факторов, считая все виды экономической деятельности равноправными. Когда вводятся различия возрастающей и убывающей отдачи, результатом становится система, приводящая к развитию одной стороны и отставанию другой. Бедность колоний – последствие отсутствия в них факторов инновационного развития.

В-третьих, можно зарабатывать деньги способами, противоречащими общественным интересам, даже за счет уничтожения экономики, как это делал Джордж Сорос. Предпринимательство разделяется на продуктивное, непродуктивное и деструктивное. Стандартная наука не способна понять этого, ибо ее методологический индивидуализм по определению отказался от понятия национального общественного интереса: такого понятия, как общество, не существует, считает Маргарет Тетчер. В противоположность английской экономической науке экономика континентальной Европы сохранила понятие национального интереса в качестве отдельной категории⁵³.

---

⁵³ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 240–241.

Необходимо учитывать оба фактора – общее благо и роль личности, чтобы понять взгляд на общество и явление экономического роста. Именно такой амбивалентный теоретический подход, признание, что интересы общества и отдельной личности в одинаковой степени служат мерой экономического анализа, был типичен для экономистов континентальной Европы до начала Второй мировой войны. Сегодня теоретической амбивалентности почти не встречается у экономистов, а проблема столкновения интересов свелась к дискуссиям о соотношении различных свобод. Утрата двойственной теоретической точки зрения все-речь ограничивает понимание бедности⁵⁴.

Сопоставление двух подходов к изучению мировой экономики, богатства и бедности стран обусловило макроэкономический уровень научного исследования, позволяющий сочетать анализ процессов экономического развития в границах отдельных государств и в рамках международного хозяйствования. Э. Райнерт дает развернутую сравнительную характеристику обеих парадигм по важнейшим теоретико-методологическим предпосылкам.

Стандартный канон предполагает: высокий уровень абстракции знаний и механистический способ понимания проблем; отсутствие разнообразия и равенство всех видов хозяйственной деятельности как носителей экономического роста и благосостояния; целевую установку общества на создание условий для идеальной ситуации совершенной товарной и ценовой конкуренции; использование понятия «репрезентативная фирма»; несущественность возрастающей отдачи от масштаба хозяйствования; независимость экономики от общества; совпадение реальной и финансовой экономики; игнорирование исторического контекста и опыта в теоретических и практических рекомендациях экономистов; некумулятивность теории (отрицание тенденций к усилению, накопительному действию экономических процессов); накопление капитала и инвестирование экономического роста за счет воздержания от потребления; капитал как движущую силу

---

⁵⁴ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 103.

капитализма при отсутствии факторов человеческой воли и ума; бесплатный доступ к технологиям; наличие рыночного механизма регулирования цен; функционирование экономики в режиме саморегулирующейся системы, которая стремится к равновесию и гармонии, статической оптимизации; равновесие на основе совершенной рациональности, совершенной информации и совершенного предвидения; отказ от объяснения инноваций.

Концепция Другого канона признает инновации центральной движущей силой экономического развития и опирается на соответствующие теоретико-методологические предпосылки: выбор уровня абстракции в зависимости от поставленной задачи исследования; качественный способ понимания проблем, не сводимый к цифрам и символам; предопределенность экономического роста и благосостояния видами хозяйственной деятельности, имеющими неодинаковые потенциалы применения новых знаний; разнообразие как ключевой фактор экономического развития; целевую установку общества на создание условий для прогрессивной, несовершенной конкуренции, подвижной инновациями и знаниями; уникальность каждой фирмы; динамику отдачи – решающее условие разницы в доходах фирм, регионов и стран; неразрывную связь экономики с обществом; регулирование объективно существующих конфликтов между реальной и финансовой экономикой; использование исторического контекста и опыта при разработке теоретических и практических рекомендаций специалистов; кумулятивность причинно-следственных связей в теории; прибыль – источник накоплений, которые сами по себе не способствуют экономическому росту и нежелательны; производство знаний и технологий, которое имеет издержки, защищается и стимулируется законами, институтами и государственной политикой; новое знание, которое формирует спрос на создание капитала в финансовом секторе; наличие движущих сил экономики – человеческого ума, воли, знаний, предпринимательства; функционирование рынка в качестве места соперничества и выбора продуктов и решений; стабильность конфликтной экономической системы, которая достигается по-

средством стратегических мер; динамическую оптимизацию, обучение и принятие решений в обстановке ограниченной рациональности и нестабильности⁵⁵.

Противопоставление относительно статичной теории равновесного роста экономики и динамичной теории инновационного экономического развития наглядно показывает теоретико-методологические разногласия двух парадигм.

Модель инновационного капитализма

Основная идея книги Э. Райнерта – экономическое развитие зависит от вида деятельности; стало быть, руководствоваться теорией торговли Рикардо в практике бедных стран очень опасно⁵⁶. Отраслевая структура определяет потенциал и направление развития экономики страны. Качественные различия – убывающая отдача природоэксплуатирующих и сырьевых производств или возрастающая отдача в обрабатывающей промышленности – обуславливают особенности модели национальной экономики, ее специализацию в мировом хозяйстве и международной торговле.

Ни одной стране не удалось разбогатеть без промышленности и сферы продвинутых услуг. Экономические секторы (сельское хозяйство, промышленность и производство услуг) по-своему формируют экономику страны и следуют каждый своим экономическим законам, когда развиваются в разной последовательности. Поэтому мировая экономика развивается неравномерно⁵⁷.

Представляет интерес авторское сравнение идеальных моделей двух секторов национальной экономики: 1) производства сырьевых товаров (в том числе и ряда отраслей сельского хозяйства) с типичными чертами убывающей отдачи «Мальтусовых» видов деятельности и 2) обрабатывающей промышленности с типичными чертами возрастающей отдачи «Шумпетеровых», инновационных видов деятельности. Таким образом, раскрывается еще один аспект противостояния альтернативных парадигм экономической

---

⁵⁵ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 339–341.

⁵⁶ Там же. С. 310.

⁵⁷ Там же. С. 180, 181.

мысли. Другой канон позиционируется как концепция и путь прогрессивного развития и накопления богатства наций, а современный стандартный мейнстрим обличается как теория и вариант сохранения бедственного положения и даже разрушения экономического потенциала стран с низким уровнем развития и благосостояния.

В сравнительной характеристике названных моделей просматривается три блока проблем: особенности режимов функционирования рыночного механизма, динамика макроэкономических процессов, взаимосвязь отраслевой и социальной структур экономики.

Рыночный сектор производства сырья отличается убывающей отдачей, совершенной товарной конкуренцией, низкой эластичностью спроса по доходам (становясь богаче, люди покупают больше тех же самых продуктов), сильным колебанием цен (на величину дохода больше влияет выбор времени продажи, чем качество продукта), цикличностью производства и перепроизводства, ухудшением условий торговли по сравнению с обрабатывающей промышленностью, невыгодностью внешней торговли (экспортом сырьевых товаров и импортом продуктов с высокой степенью переработки), преобладанием неквалифицированного труда.

Хозяйствование в отраслях обрабатывающей промышленности осуществляется в обстановке возрастающей отдачи, динамичной несовершенной конкуренции, взаимно поддерживающего роста спроса и производительности, относительно стабильного и приспособляющегося к потребностям производства, улучшения условий торговли по сравнению с сельским хозяйством, выгоды внешней торговли (экспорта продуктов с высокой степенью переработки и импорта сырьевых товаров), преобладания квалифицированного труда.

Макроэкономическая динамика сырьевого сектора описывается сравнительно медленным ростом производительности труда, реверсивными (гибкими) зарплатами и натуральными выплатами, преобладанием инновационных процессов по сравнению с инновационными продуктами, созданием малого количества синергетических эффектов (связей, кластеров), снижением цен в результате технологического прогресса.

Изменение макроэкономических параметров обрабатывающего сектора выглядит иначе. Здесь наблюдаются периоды «взрывного» роста производительности (по заверению специалиста, начиная с 1400-х годов), защита нереверсивных, негибких зарплат профсоюзами, преобладание инновационных продуктов, которые по мере устаревания становятся инновационными процессами с понижением прибыльности, создание больших синергетических эффектов, повышение под воздействием технологического прогресса зарплат, прибылей и налогов.

Социально-структурная проблематика освещается на примере многовекового исторического опыта. Сельскохозяйственная и сырьевая специализация означает: социальную дифференциацию населения, усиление классовых противоречий и даже личную зависимость работников; проблему роста населения в условиях убывающей отдачи и отсутствия новых земель; деиндустриализацию и рост бедности (ибо стране лучше иметь относительно неэффективный сектор обрабатывающей промышленности, чем никакого вообще); богатство только тех крестьян, которые делят с промышленностью рынки продуктов, избыточной рабочей силы и технологий; минимальный уровень разнообразия и разделения труда; невыгодность специализации из-за падающей отдачи, снижения производительности и увеличения издержек; ограниченные возможности инноваций. В природоэксплуатирующей модели экономики обстоятельства для возникновения системных эффектов и всеобщего блага традиционно неблагоприятны.

Индустриально ориентированная экономика, наоборот, создает предпосылки социальной солидарности. Всеобщее богатство встречается уже в городах с ремеслом и обрабатывающей промышленностью, порождающих системные эффекты, например (*il ben commune*), во Флоренции 1200-х годов. Индустриальная, городская среда формирует средний класс и споспешествует становлению демократии, делает необходимым рост населения, емкости рынков и масштабов промышленного производства, благоприятствует притоку денежно-кредитных и финансовых ресурсов, стимулирует синергию между городами и сельской местностью, подъем пригородного аграрного производства, способствует рас-

ширению и углублению разделения труда, увеличению разнообразия профессий, повышает прибыль предприятий посредством международной специализации, входных барьеров на рынках, роста отдачи, экономии на масштабах производства и снижения издержек, концентрирует возможности инноваций в нескольких видах деятельности⁵⁸.

Впрочем, в реальной экономике обычно сосуществуют отрасли с разной динамикой отдачи: убывающей, возрастающей и относительно постоянной. Поэтому стабильное развитие предполагает взаимодействие секторов с разной отдачей в пределах одного рынка труда. История показывает, что порочный круг бедности и отсталости удается разорвать, качественно меняя производственную структуру страны. Успешная стратегия включает диверсификацию производства, переход от секторов с убывающей отдачей (традиционное производство сырьевых материалов и сельское хозяйство) к секторам с возрастающей отдачей (интенсивная обрабатывающая индустрия и услуги). Углубляющееся разделение труда трансформирует структуру общества. Подъем сельского хозяйства увеличивает товарооборот городских рынков, способствует специализации и инновациям, появлению новых технологий, альтернативных секторов трудовой занятости и экономической синергии. Можно преуспеть и в производстве сельскохозяйственных товаров. Но прибыльное изготовление сырьевых продуктов всегда происходит при высокотехнологичной индустрии. Только собственная обрабатывающая промышленность позволяет модернизировать сельское хозяйство страны⁵⁹.

Противопоставление идеальных моделей отраслей (секторов) с убывающей и возрастающей отдачей воспринимается в контексте аналогичных, во многом совпадающих сравнений: экономик бедных и богатых стран, парадигм неоклассической и исторической школ экономической мысли.

Несомненной заслугой норвежского исследователя должно признать постановку проблем противоречивости развития отраслевой структуры национальной экономики, качественно различ-

---

⁵⁸ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 181, 292–293.

⁵⁹ Там же. С. 98, 284, 328.

ной динамики отдельных отраслей, мультипликативного эффекта переработки сырья. Ученый утверждает, что между сырьем и готовым продуктом находится мультипликатор – производственный процесс, который требует знаний, механизации, технологий, разделения труда, возрастающей отдачи и одновременно сам создает их, увеличивает занятость рабочей силы. Виды экономической деятельности, возникающие в процессе превращения сырьевых материалов в конечный продукт, подчиняются совсем другим законам, чем те, которые управляют производством сырьевых товаров. По ходу истории мультипликатор обрабатывающей промышленности обеспечивал экономический прогресс и становление политической свободы⁶⁰.

Методологически правомерно рассматривать разнообразие как фундамент экономики развития. Справедливы нижеследующие аргументы экономиста: «Во-первых, разнообразие видов деятельности с возрастающей отдачей (максимизация количества профессий в экономике) – это основа синергетических эффектов, которые способствуют экономическому развитию. Это было известно экономистам еще в 1600-е годы. Во-вторых, современная эволюционная экономика считает разнообразие основой для выбора технологий, продуктов и организационных решений, которые являются ключевыми элементами зарождающейся рыночной экономики. В-третьих, разнообразием объясняется исключительность Европы, где массовость конкурирующих друг с другом национальных государств привела к толерантности и спросу на разнообразие. Ученый, взгляды которого не нравились какому-то королю или правителю, мог устроиться на работу в другом государстве, способствуя разнообразию идей»⁶¹.

Концепцию Э. Райнерта позволительно называть теорией инновационного капитализма, ибо в ней развитие экономики понимается как эмуляция и накопление знаний. Фундаментальные теоретико-методологические предпосылки Другого канона обосновываются опытом европейских стран: «Основная стратегия, сделавшая Европу такой равномерно богатой, заключается в том,

---

⁶⁰ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 118.

⁶¹ Там же. С. 288.

что экономисты Просвещения называли эмуляцией (*англ.* emulation), а также в применении обширного инструментария, разработанного для этой цели. Оксфордский словарь английского языка определяет слово *emulation* как “попытку сравниться с другими или превзойти их в каком-либо достижении или качестве; желание или стремление сравниться или превзойти”. Эмуляция была по своей сути позитивным усилием, в отличие от *зависти*. В современной науке эмуляции можно найти эквиваленты в терминологии американского экономиста Мозеса Абрамовица (1912–2000), идеи которого о *догоняющем развитии* и *опережении* созвучны тому же пониманию динамической конкуренции»⁶².

Развернутое определение содержит еще ряд постулируемых предпосылок: «Согласно альтернативной экономической парадигме Другого канона, которая сочетает элементы исторической и эволюционной теорий, развитие происходит благодаря эмуляции и ассимиляции: менее продвинутые страны учатся у более продвинутых, копируя их экономическую структуру и институты. Ключевые элементы в этой стратегии эмуляции и ассимиляции – патентная защита, научные академии и университеты. Экономическое развитие зависит от вида деятельности, оно привязано к кластерам экономической деятельности, для которой характерна возрастающая отдача, динамическая несовершенная конкуренция и быстрый технологический прогресс. Помимо капитала для развития необходима передача умений и их освоение»⁶³.

Авторская ирония скрашивает критику стандартного мейнстрима: «Все согласны, что новые знания – это основной фактор, благодаря которому растет уровень жизни. Однако уже при попытке смоделировать процесс роста начинаются разногласия. Возьмем объяснение экономического роста, сформулированное Йозефом Шумпетером: основные движущие силы экономического роста – это *изобретения*, а также *инновации*, рождающиеся, когда изобретения появляются на рынке в виде новых продуктов или процессов; инновации создают спрос на инвестиционный капитал и наполняют капитал, который без них бесплоден, жизнью

---

⁶² Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 46.

⁶³ Там же. С. 279.

и ценностью. Теперь вернемся к метафоре Адама Смита – обменивающимся собакам: для собак капитал – кости, которые они закапывают в землю, чтобы съесть позже. Этот капитал не может произвести ни больше костей, ни инновационных продуктов. <...> Эти инновации <...> а также знания, необходимые для того, чтобы их использовать, были вынесены за пределы теории; теория даже не пытается объяснить, откуда они берутся. Задача в том, чтобы вернуть инновации и новые знания в теорию и при этом отказаться от предпосылки о равенстве, допустив возможность существования гетерогенности и ключевых переменных»⁶⁴.

Достоинство уважения желание ученого представить капитализм в виде инновационной модели экономики. Он соглашается со стандартным объяснением причин дифференциации стран по уровню развития. Одни страны выбрали капитализм и разбогатели, другие не приняли его и остались бедными. Капитализм как «система производства» так и не затронул колониальные страны или сельскохозяйственный сектор⁶⁵.

Интерпретация термина «капитализм» оригинальна и восходит к традициям континентальной парадигмы. Э. Райнерт пространно аргументирует свое видение проблемы: «В период холодной войны сформировались два определения понятия “капитализм”. В “свободном мире” капитализм понимается как система частной собственности на средства производства, в которой координация за пределами фирм происходит за счет рынка. Это понимание развилось в определение, никак не связанное с понятием производства; даже племя из каменного века, если только оно обменивалось и не прибегало к центральному планированию, можно считать капиталистическим. Благодаря марксизму капитализм стал системой, определяемой через отношения между классами общества: собственниками средств производства и рабочими. Однако существует и третье определение капитализма, сформулированное еще до холодной войны, но забытое, потому что оно не сочеталось с разделением мира на левый и правый политические фланги. Если мы примем определение, данное капитализму немецким экономи-

---

⁶⁴ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 155.

⁶⁵ Там же. С. 150.

стом Вернером Зомбартом, то поймем, почему капитализм в его сегодняшнем понимании позволяет странам специализироваться на бедности или на богатстве»⁶⁶.

Норвежский аналитик выделяет в воззрениях В. Зомбарта системообразующие моменты. Прежде всего, капитализм исторически возникает при совпадении ряда факторов во времени и пространстве благодаря набору обстоятельств. Экономическое богатство растет вследствие стремления к нему и в результате сознательной политики.

Предлагаемая методологическая постановка проблемы отличается глубиной, широтой и гибкостью. Она позволяет сочетать пространственные и временные параметры, вводить в экономический дискурс социальные, политические и иные понятия, изучать взаимодействие различного набора факторов, взаимные причинно-следственные переходы, обеспечивающие непрерывность и воспроизводство хозяйственных процессов.

Включая движущие силы в условия и в основу существования капитализма, В. Зомбарт демонстрирует диалектичность «континентальной» историко-экономической методологии. Он объясняет значение важнейших элементов капиталистической системы. Во-первых, предприниматель инициирует хозяйственные решения, олицетворяет капитал человеческого ума и воли. Во-вторых, современное государство формирует институты (законодательную систему, школы, университеты, инфраструктуру, стандартизацию единиц измерения, патенты и т.д.), улучшающие производство и распространение благ, создает стимулы, при которых корыстный интерес предпринимателя совпадает с интересами всего общества. В-третьих, механизация производства (индустриальная система) обеспечивает высокую производительность, технологический прогресс за счет экономии на масштабах производства и синергетического эффекта. Понятие «индустриализма» близко по смыслу тому, что сегодня называют национальной инновационной системой⁶⁷.

Для функционирования капитализма нужны еще три вспомогательных элемента – капитал, труд и рынки. Эти «три кита

---

⁶⁶ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 150.

⁶⁷ Там же. С. 151.

стандартной экономической науки» лишь дополняют главные движущие силы. По авторскому разумению, «обменивающиеся собаками Адама Смита» не смогли бы сотворить капитализма, даже имея они капитал, трудочасы и рынки. В отсутствие человеческой воли и инициативы капитал, труд и рынки – бессмысленные понятия⁶⁸.

Ученый указывает на истоки ущербности неоклассической доктрины, утверждая, что основные экономические инструменты – предпринимательство и инициативу, государственную политику и промышленную систему, состоящую из технологического развития и инноваций – невозможно свести к цифрам и символам. Количественно можно выразить только дополнительные факторы – капитал, рынки и человеческий труд. Поэтому неоклассические экономисты, как строгие формалисты, перестали изучать движущие силы капитализма и сосредоточились на дополнительных факторах⁶⁹.

Теоретико-методологические установки предопределяют концептуальные схемы, моделирование динамики национальных хозяйственных систем. Э. Райнерт рассказывает о разнообразии возможных вариантов развития, обусловленных спецификой модели экономики страны и выбором стратегии экономического роста. Он пишет, что стремительный рост производительности в какой-либо отрасли промышленности действует как катапульта, резко поднимая уровень жизни населения за счет понижения цен или повышения зарплат.

Экономисты-неоклассики полагают, что единственное следствие снижения цен – рост богатства. Но классическая модель обогащения людей отражает лишь одну из известных схем распределения доходов. Существует альтернативная модель «сговора», в которой плоды технологического прогресса делятся между: а) предпринимателями и инвесторами, б) работниками, в) остальным местным рынком труда и г) государством в виде большей налогооблагаемой основы⁷⁰.

---

⁶⁸ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 152.

⁶⁹ Там же. С. 153–154.

⁷⁰ Там же. С. 160.

Экономическое развитие основывается на коллективном соиспании – капиталистами, рабочими и государством – ренты (прибыли, превышающей нормальный уровень дохода), которая возникает от синергии растущей отдачи, инноваций и разделения труда, чаще встречающихся в городах и промышленности. Индустриализация содействует укреплению рыночной власти промышленных предприятий и рабочих, их способности удерживать цены и зарплаты на высоком уровне. Фактором роста богатства служит крайне несовершенная конкуренция на рынке труда и на рынке товаров. Богатые страны получают монопольную ренту от производства продвинутых товаров и услуг, эмулируют друг друга, скачком увеличивая производительность. Такой подход противоположен стандартам экономической науки, ибо совершенная конкуренция, которую идеализируют в учебниках экономики, типична для стран третьего мира⁷¹.

Норвежский исследователь показывает привлекательные стороны инновационной модели капитализма, отмечая в качестве движущих сил экономического сообщества капитал духа и воли (новые знания, предпринимательскую деятельность и организаторские способности в частной и общественной жизни), праздное любопытство, свободное от мотива получения прибыли, возможность обуздать страсти человечества и направить его энергию в созидательное русло. Он очень хочет, чтобы в мире достигался максимальный уровень реальной заработной платы, а не максимальный уровень прибыли⁷².

В теории инновационного капитализма особого внимания заслуживает активнейшее участие государственной власти, причем с рыночной, предпринимательской мотивацией – максимизацией собственных ресурсов (ренты). Э. Райнерт напоминает о недавней безуспешной попытке ухода государства из экономики в соответствии с постулатами неоклассической науки: «Во время триумфального начала 1990-х годов снижение роли государства было неотъемлемым условием Вашингтонского консенсуса. Слова *государство* и *правительство* стали почти ругательными.

---

⁷¹ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С 109, 162, 164.

⁷² Там же. С. 35, 59, 117, 123.

Однако чем больше проходило времени, тем больше государство и правительство возвращались в свою прежнюю роль под маской управления»⁷³.

Если капитализм понимать как систему несовершенной конкуренции и непреднамеренных последствий, а не как систему совершенных рынков, то можно проводить мудрую экономическую политику, без которой рыночный механизм сам по себе не способен создать экономическую гармонию⁷⁴. Истоки подобных взглядов восходят к меркантилистскому мировоззрению XVII века. Но в современной экономической науке преобладает негативное отношение к теории и политике меркантилизма, навеянное, вероятно, известным критическим разбором «меркантилистской системы политической экономии», занявшим едва ли не четверть всего трактата Адама Смита «Богатство народов».

Впрочем, в завершение своего анализа классик английской политэкономии констатировал избирательную, предпринимательскую, капиталистическую направленность меркантилизма: «Не может составить большого труда установить, кто был вдохновителем <...> меркантилистской системы: то не были <...> потребители, интересы которых были оставлены совершенно без внимания; то были производители, об интересах которых так старательно позаботились; и среди этих последних главными действующими лицами были наши купцы и владельцы мануфактур. В меркантилистских постановлениях <...> больше были приняты во внимание интересы наших мануфактуристов, а принесены были в жертву им интересы не столько потребителей, сколько интересы некоторых других групп производителей»⁷⁵.

Э. Райнерт заступает за меркантилизм, осовременивает его, доказывает актуальность государственной поддержки отечественных промышленных производителей. Аргументация излагается в полемическом стиле: «Ничто так не оскорбит экономиста, как назвать его меркантилистом. И это несмотря на то, что самые знаменитые экономисты XX века Джон Мейнард Кейнс и Йозеф

---

⁷³ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 256.

⁷⁴ Там же. С. 72, 242.

⁷⁵ Смит А. Указ. соч. С. 479.

Шумпетер защищали как меркантилизм, так и до-Смитову экономическую науку в его контексте. Меркантилистами часто называют тех, кто считает, что определенные виды экономической деятельности активнее способствуют росту экономики и общественного благосостояния, чем другие. Меркантилисты создавали перекос в экономике, чтобы продвигать виды деятельности с возрастающей отдачей»⁷⁶.

Меркантилизм – очень мощный экономический инструмент, предполагающий точную постановку цели и умелое использование. Политика избирательной поддержки товаропроизводителей неизбежно упирается в старую как мир и ныне злободневную проблему коррупции. Норвежский ученый прекрасно это осознает и открыто излагает собственное понимание сложного вопроса, демонстрируя скандинавскую мудрость без крайностей.

Нынешние призывы индустриализовать бедные страны встречают возражение приверженцев неоклассической доктрины, по мнению которых активная промышленная политика приводит к соисканию ренты и nepotismу⁷⁷. Но ведь сами по себе названные процессы не имеют однозначной оценки; их исследование предполагает конкретизацию. Получение ренты в парадигме Другого канона – важнейший стимул, главная движущая сила капитализма. Институты приобретения ренты и ускорения экономического развития появились примерно в конце 1400-х годов: патенты для защиты знаний и тарифы для распространения производства в новые географические области. Патенты и тарифы узаконивают присвоение рентных доходов, недостижимое при совершенной конкуренции. Желательно, чтобы эта рента распространялась на все общество в виде более высоких прибылей и зарплат, а также большей базы налогообложения.

Серьезным выглядит опасение nepotизма, провоцируемого промышленной политикой, при которой зарабатывать можно

---

⁷⁶ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 285.

⁷⁷ Англ. *nepotism* – кумовство, семейственность, от лат. *nepotis* – внук, племянник. Nepotизм в государственном управлении – использование должностных ресурсов для систематического предоставления привилегий на основании родства, знакомства и иных социальных связей.

только благодаря связям или знакомству с «правильными» людьми. По-своему понимая справедливость, стандартная экономическая теория не терпит образования ренты и коррумпированного капитализма. Но здесь есть ключевые различия. Коррупционер, добывающийся субсидий сырьевого товара с убывающей отдачей, конкурирует на мировом рынке в отрасли с совершенной конкуренцией. Он практикует непотизм Мальтусова типа, который ведет его страну по пути убывающей отдачи в такой деятельности, где технологический прогресс бессилён поднять реальные зарплаты. Напротив, непотизм по Шумпетеру приводит к иным результатам – создает перекося в экономике в пользу отраслей, сочетающих возрастающую отдачу с быстрым технологическим прогрессом⁷⁸.

Теоретик непринужденно обнажает односторонность неоклассического подхода к научному моделированию капитализма. По его убеждению, отказываться от промышленной политики только потому, что несовершенная конкуренция обогатит несколько коррупционеров, значит неправильно понимать природу капитализма; свободная от коррупции экономика существует лишь в моделях неоклассических экономистов. Суть капитализма в том, чтобы уйти от совершенной конкуренции. Главное, чему учат студентов в хороших школах бизнеса, как избежать ситуации той самой совершенной конкуренции, которую сегодняшние экономисты принимают за предпосылку собственных теорий. Экономика развивается, когда общественные интересы страны не противостоят частным корыстным интересам капиталистов.

Благодаря структурным переменам нарушается равновесие и создается рента. Настаивать на отсутствии ренты – то же самое, что требовать от государства полной неподвижности. Объективно необходимо выбирать, какую отрасль защищать, а какую нет. Предпочтение Шумпетерова непотизма увеличивает обрабатывающий сектор страны и мира и дает шанс бедным странам освободиться от экономической зависимости. Непотизм, связанный с распределением денежной гуманитарной помощи, ничего не уве-

---

⁷⁸ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 285, 286, 288.

личивает, кроме зависимости от зарубежных стран, и отвлекает бедную страну от создания национальных ценностей⁷⁹.

Нынче нередко путают причину экономического подъема – инновации, новые технологии и знания – со свободной торговлей, транспортировкой товаров через границы, т.е. со средством распространения прогресса. Существующий мировой экономический порядок максимизирует международную торговлю, а не общий мировой доход. Развитые страны специализируются на производстве капиталоемких и инновационных товаров, по полной извлекая выгоду экономии на масштабах и возрастающей отдаче. Менее развитые страны специализируются на производстве низкотехнологичных товаров или занимаются сборкой готовых деталей в условиях отсутствия экономии на масштабах. В итоге свободная торговля больше уничтожает национальное богатство, чем приносит. Современное распространение режима свободной торговли сопровождается деиндустриализацией и примитивизацией национальной системы производства небогатых стран⁸⁰.

Происходящее в мировой экономике Э. Райнерт рассматривает как последствия применения на практике рекомендаций доктрины неоклассического мейнстрима, как закономерный итог игнорирования прагматичной теории Другого канона. Исследователь раскрывает механизм взаимодействия экономик богатых и бедных стран в режиме глобальной свободной торговли, противопоставляя воззрения двух нобелевских лауреатов, представителей альтернативных парадигм экономической науки.

Один из лауреатов – американец Пол Самуэльсон, приверженец стандартной неоклассической теории, доказал математически, что международная торговля без ограничений ведет к выравниванию цен на производственные факторы – труд и капитал – во всем мире. Теория Самуэльсона покрывает общие контуры мирового развития и способна до определенной степени предсказывать развитие внутри однотипных групп стран.

Второй лауреат – швед Гуннар Мюрдаль, сторонник Другого канона, считал, что беспрепятственная мировая торговля лишь

---

⁷⁹ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 286.

⁸⁰ Там же. С. 194, 214.

усугубляет уже существующий разрыв между доходами в бедных и богатых странах. История последних десятилетий противоречит идеям Самуэльсона, но подтверждает предположение Мюрдаля: богатые страны стараются объединиться в сообщество, а бедные страны стремятся к более однородной бедности.

Теории, предложенной Мюрдалем, сегодня практически нет. Она существует либо фрагментарно, либо в извращенной форме «новой институциональной экономики», ветви неоклассического мейнстрима. Оригинальная концепция почти не преподается на экономических факультетах ведущих университетов. Поэтому специалисты неохотно признают, что Мюрдаль лучше объясняет отношения между богатыми и бедными странами, нежели Самуэльсон⁸¹.

Э. Райнерт подчеркивает взаимосвязь экономического развития с индустриализацией и атрибутами капитализма, а также обличает некомпетентность и коварство политики международных финансовых организаций: «Запад посчитал, что, направляя капитал в бедную страну, где нет ни предпринимательства, ни государственной политики, ни промышленной системы, он сможет построить капитализм. Сегодня мы заваливаем деньгами страны, в которых нет производственной структуры, пригодной для инвестирования, потому что им запрещено проводить промышленную политику, которую в свое время использовали все богатые страны. Развивающиеся страны получают займы, которые они не могут выгодно употребить. <...> Рано или поздно система рухнет, и те, кто ее придумал, неплохо на этом зарабатывают, а сами бедные страны оказываются в проигрыше»⁸². Возникает эффект «обратной волны» бедности, о котором писал Гуннар Мюрдаль: из бедных стран в богатые течет больше квалифицированного труда и больше капитала, чем из богатых в бедные⁸³.

Экономическое развитие реализуется в виде новых продуктов, в форме повышающейся производительности согласно потребностям и неравномерно распределяется между разными

---

⁸¹ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 77–78.

⁸² Там же. С. 154.

⁸³ Там же. С. 223.

отраслями и регионами. В любой конкретный момент времени лишь некоторые виды хозяйственной деятельности располагают потенциалом интенсивного инновационного роста и характеризуются крутой восходящей кривой производительности. Инновации, а вовсе не сбережения и капитал, двигают экономику вперед, поддерживают уровень благосостояния. Глобальную экономику допустимо рассматривать как пирамиду – иерархию знания, в которой лишь постоянно инвестирующие в инновации остаются на пике благосостояния. Стремление сохранить status quo неминуемо приводит к бедности. Инновационный механизм предопределяет очень высокую динамичность капиталистической системы, но он же создает огромный разрыв между богатыми и бедными странами⁸⁴.

Весьма необычным выглядит игнорирование в исследовании международной торговли и мирохозяйственных связей понятия «конкурентоспособность», порожденного наукой периода конца истории и вошедшего в моду в начале 1990-х годов. Растолковывая неоднозначность упомянутого термина, норвежский экономист опирается на теоретические наработки авторитетнейшего специалиста в области конкурентной стратегии, профессора Гарвардской школы бизнеса Майкла Портера, который отмечал: «Национальная конкурентоспособность стала одним из центральных предметов озабоченности правительства и отрасли в каждом государстве. Однако, несмотря на все дискуссии, дебаты и публикации на эту тему, до настоящего времени не существует убедительной теории, объясняющей конкурентоспособность в национальных масштабах. Более того, не существует даже общепринятого определения понятия конкурентоспособности применительно к стране»⁸⁵.

В отношении фирмы названный термин довольно прямолинейно характеризует способность расти, соревноваться и получать прибыль в условиях рынка. На национальном уровне единственно разумная концепция конкурентоспособности – производительность, т.е. объем выпуска продукции, производимой единицей за-

---

⁸⁴ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 173, 177.

⁸⁵ Портер М. Конкуренция. М., 2000. С. 166.

траченного труда или капитала. Производительность зависит от качества и свойств продукции, определяющих цены, а также от эффективности производства. Производительность – основной детерминант долгосрочного стандарта жизни; это основной источник национального дохода на душу населения. Производительность, обеспечиваемая людскими ресурсами, обуславливает зарплату; производительность использования капитала задает доходы, получаемые его владельцами. Уровень жизни в стране зависит от способности национальных компаний достигать высокого уровня производительности и повышать его с течением времени. Постоянный рост производительности предполагает постоянное совершенствование экономики⁸⁶.

Согласно воззрениям Другого канона конкурентоспособность – это процесс, в ходе которого реальные заработные платы и национальный доход поддерживаются несовершенной конкуренцией и приносят стране ренту. Традиционно, когда рыночные условия препятствовали обогащению страны, для защиты областей, в которых технологический прогресс шел успешно, вводились тарифы, но конкуренция сохранялась. Чем более отсталой была страна, тем более высокие тарифы ей требовались для того, чтобы повысить эффективность приоритетных отраслей⁸⁷.

«Меркантилистское» видение чуждо неоклассическим экономистам, допускающим иное понимание конкурентоспособности, как стратегии снижения заработных плат. Автор не скрывает своей досады: «Этот гибкий термин отлично подходит нашему веку туманного мышления и объясняет провал ведущих экономических теорий. Он может описывать механизм всеобщего обогащения, <...> а может использоваться, чтобы убедить рабочих смириться с еще большей бедностью <...>. Печально то, что в Европе этот термин все чаще используется во втором значении, на пару с “гибкостью рынка труда” (которая неизменно означает гибкость в сторону понижения). Для того чтобы быть конкурентоспособными, мы должны снизить свой уровень жизни»⁸⁸.

---

⁸⁶ См.: *Портер М.* Конкуренция. С. 168.

⁸⁷ См.: *Райнерт Э.* С. Указ. соч. С. 259.

⁸⁸ Там же. С. 260.

***Теория и история неравномерного
экономического развития***

Фундаментальное научное достижение Э. Райнерта – концептуальная разработка теории неравномерного эволюционного развития экономики и методологии межстранового сравнительного анализа. Исходные предпосылки исследования оговариваются рядом соображений: рост в конкретный период времени происходит только в нескольких определенных областях деятельности, между отраслями существует эффект синергии (взаимодействия, взаимной поддержки), богатство увеличивается по спирали «кумулятивной каузации» (накапливающегося, усиливающегося причинно-следственного взаимодействия факторов)⁸⁹. Неравномерность экономического развития во времени и в пространстве во многом определяется инновациями (нововведениями).

Прерывистость во времени, ритмичность экономического роста обусловлены периодичностью, цикличностью осуществления различных по масштабам инноваций. Ученый включает в парадигму Другого канона уже известные теории (концепции, модели): кластеров (разделения труда, кооперации, синергии), больших циклов (технично-экономических парадигм), жизненных циклов товаров (технологий, отраслей), наполняет их реальным содержанием, отражающим исторический контекст.

Понятие кластера описывает пространственно-отраслевой аспект разделения труда, концентрацию в определенное время на данной территории взаимодействующих хозяйствующих субъектов. Оно употребляется исследователем не столько для объяснения процветания отдельных регионов за счет распространения инноваций и изобретений, увеличения разнообразия (диверсификации) производств и профессий, падения затрат на единицу продукции и возрастающей отдачи, сколько для анализа возможностей получения, передачи и использования знаний в странах с разным уровнем развития.

Имеющиеся в кластере факторы придают силу друг другу, формируют систему самоускоряющегося, диверсифицированно-

---

⁸⁹ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 169.

го экономического роста. Знание, разработанное в одной области, переходит в другие, не связанные с первой, доказывая, что новое знание создается путем соединения фактов или событий, которые раньше считались несвязанными⁹⁰. В бедных государствах почти нет условий кластерных эффектов и синергии.

Э. Райнерт ставит под сомнение расхожий тезис: образование – ключ к повышению благосостояния народов третьего мира. В регионах, которые специализируются на немеханическом производстве, т.е. находятся в технологическом тупике, повышение образованности населения не способствует подъему его жизненного уровня, ибо нет спроса на образованный персонал. Обучение людей пополняет поток эмигрантов из страны. Стратегия развития образования приносит успех лишь в комплексе с промышленной политикой, предоставляющей квалифицированным кадрам рабочие места. Поскольку виды экономической деятельности ощутимо различаются по применимости знаний, постольку многие страны специализируются на производствах, не требующих серьезного образования работников⁹¹.

Теория больших циклов и смены технико-экономических парадигм дополняется моделью сговора – коллективного соискания ренты, что позволяет растолковать, почему зарплаты в промышленных странах, где часто происходят взрывы продуктивности, стабильно растут, в отличие от зарплат в бедных регионах⁹². Но, пожалуй, самое главное в такой постановке проблемы – предпринимательское участие государства в хозяйственной жизни, создающее условия долгосрочного, устойчивого экономического роста.

Концепция технико-экономических парадигм конкретизируется теориями «жизненного цикла товара» и «кривых производительности и эффективности». Э. Райнерт подробно описывает типичную схему технологического прогресса применительно к международному разделению труда. Новая технология рождается, стремительно развивается, затем ее потенциал понемногу снижается, рост производительности выравнивается. Богатые страны, в

---

⁹⁰ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 124–126.

⁹¹ Там же. С. 145, 146.

⁹² Там же. С. 162–163.

которых возникают технологические инновации, производят и экспортируют товары, пока кривая производительности (затрат труда на единицу продукции) крутая, а также работают механизмы «модели сговора» в создании богатства. Выравнивание кривой производительности означает, что почти весь потенциал по увеличению богатства использован. Производственный процесс больше не прогрессирует, не способствует повышению уровня жизни и переносится в бедную страну.

Знания, особенно новые, дорого стоят, доступны не всем, защищены барьером на вход, главными элементами которого служат экономия на масштабах и накопленный опыт. Чем больший объем производства нарастила компания, тем меньше ее суммарные издержки, измеряемые кривой общей эффективности. В гонке снижения издержек фабрики бедных стран с маленькими рынками, незнакомые с новыми технологиями, проигрывают. На ранней стадии внедрения новой технологии производство зависит не от стоимости рабочей силы, а от уровня ее подготовки и близости к научно-исследовательским центрам. Дальнейший рост объема производства снижает издержки и обеспечивает получение прибыли. Бедные страны обычно вступают в конкуренцию, когда кривые производительности и общей эффективности выравниваются, знания становятся общим достоянием, конкурентоспособность основывается на низких зарплатах и относительной бедности⁹³.

Хотя встречаются случаи употребления кривой производительности для обогащения бедных стран посредством поочередного освоения высоких технологий. Подобную модель эволюции японский экономист Канаме Акамацу назвал «летащими гусями». Другой японский экономист Сабуро Окита предположил, что бедная страна может совершенствовать свои технологии, перепрыгивая от одного продукта к следующему, повышая наукоемкость. Изложенные принципы удачно воплощаются в регионе Восточной Азии⁹⁴.

Норвежский ученый углубляет теорию экономического развития, конкретизирует применение ее общих положений, моде-

---

⁹³ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 168–170.

⁹⁴ Там же. С. 171.

лей, факторов в межстрановом сравнении, показывает специфику воздействия технологического прогресса, смены технико-экономических парадигм на центр и периферию мировой экономики. Он пишет: «Тот факт, что технический прогресс по-разному влияет на разные географические области (для центральных стран он созидателен, а для периферийных наоборот), возвращает нас к понятию *двойственной экономики*. Специалисты по экономике развивающихся стран считали ключевой характеристикой неразвитых стран, когда современный сектор (экономический анклав) не интегрируется в общую экономику страны. В условиях замещения импорта национальным продуктом, индустриализации и диверсификации производства пропасть между современным и отсталым секторами сокращается. Вследствие деиндустриализации и снижения уровня протекции в конце 1980-х годов во многих средних и малых бедных странах диверсифицированность производственного сектора сошла на нет. Эти страны вплотную подошли к анклавной экономике – монокультурной экономике на основании экспорта сырьевых товаров. Из-за общей деградации им становится все труднее следить за деятельностью анклавов, которыми, как правило, владеют иностранные компании»⁹⁵.

Новые технологии могут создавать или уменьшать спрос на квалифицированный труд, причем во всех странах – и в центре, и на периферии. Инновационные продукты распространяются в экономике иначе, чем инновационные процессы. Продукты создают высокие входные барьеры и высокую прибыль. Однако когда инновации просачиваются в другие отрасли промышленности в виде инновационных процессов, они приводят к падению цен, а не к росту зарплат⁹⁶.

В эволюции человеческого сообщества хозяйственная деятельность, географические поселения и политический строй всегда были структурно взаимосвязаны. Для экономии на масштабе, с разделением труда и многочисленными новыми производствами, большое, сконцентрированное население было важным условием экономического роста. Убывающая отдача была

---

⁹⁵ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 219.

⁹⁶ Там же. С. 179, 219.

причиной большинства переселений людей, и сегодня миграция происходит из областей с убывающей отдачей в области с возрастающей отдачей.

Нововведения способны снижать добавленную стоимость в определенных сферах деятельности и географических регионах. Людям с идеями, которые в прежние времена можно было бы успешно развивать в национальной инновационной системе, сегодня приходится переезжать в места, где есть инновационная среда и венчурный капитал. Интересные идеи, изобретаемые под эгидой национальной инновационной системы в периферийных странах, как правило утекают в страны «первого мира». Тот факт, что инновации зачастую претворяются в жизнь в центре, хотя изобретены на периферии, – еще одна сторона географии развития, по Шумпетеру⁹⁷.

Теория неравномерного экономического роста подтверждается обилием исторических фактов и примеров. Образцом успешной эволюции служит Европа, начиная со времен господства итальянских городов-государств – Генуи и Венеции. Выбор временного и пространственного масштаба международных сравнений – несколько веков целого континента – свидетельствует о том, что концепция Другого канона представляет собой парадигму экономической мысли, сопоставимую с миросистемным анализом И. Валлерстайна и концепцией мира-экономики Ф. Броделя.

Прогрессу Европы способствовали многие факторы: местонахождение источников энергии (угля), наличие в колониях пищи, древесины и рынков, а также жестокость, религиозный фанатизм, организаторские способности, институциональная изобретательность (например, внедрение бухгалтерского учета) и интеллектуальное любопытство.

Многообразия и раздробленность европейской части света благоприятствовали возникновению специфических географических, климатических, этнических и политических механизмов. Они образовали банк альтернативных идей и подходов, стали отправной точкой конкуренции, которая инициировала и поддерживала

---

⁹⁷ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 104, 221, 222, 312, 319.

эмуляцию между разными странами. Важной частью европейской жизни было копирование технологий и умений обитателей других континентов – мусульманского мира, Азии и Африки. История Европы – прежде всего история экономической политики, сумевшей преодолеть устрашающие преграды, поставленные на пути к богатству географией, климатом и культурой⁹⁸.

Сочетание многообразия и соревнования в Европе порождало большое количество теоретических школ и технологических решений. Великое множество идей и их продукты постоянно сравнивались между собой, формировались и развивались на рынках. Конкуренция городов-государств, а впоследствии национальных государств финансировала европейские изобретения, которые тоже были побочным результатом состязания между народами и их правителями в военных успехах и роскоши. Как только было осознано, что направление всех ресурсов на решение проблем в военное время приводит к изобретениям и инновациям, подобная модель управления стала применяться и в мирные будни.

Политико-экономическое соперничество и войны создали в Европе динамичную систему несовершенной конкуренции и возрастающей отдачи. Новые знания и инновации распространялись в экономике в виде растущих доходов и пополняющихся казенных финансов. Основой европейской экономической политики было убеждение, что развитие обрабатывающей промышленности решает все основные проблемы: создает рабочие места, прибыль, большие зарплаты, базу для налогообложения и лучшее денежное обращение⁹⁹.

Первое богатство ведущих государств Европы обеспечивалось тройной рентой – тройной рыночной властью в экономической деятельности, которая отсутствовала в бедных странах. Это были промышленное производство, почти полная монополия в одном важном виде сырья, а также прибыльная международная торговля. Созданное богатство сохранялось при помощи высоких входных барьеров: знаний, разнообразия промышленного про-

---

⁹⁸ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 44, 45, 46.

⁹⁹ Там же. С 48, 49.

изводства, эффекта межотраслевой синергии, рыночной власти, низких издержек, экономии на масштабах в использовании военной силы¹⁰⁰.

Европа периода ранней современности видела связь между географическими, научными открытиями и инновациями, между развитием теории и практики. Понимание того, что Вселенная бесконечна и постоянно расширяется, предопределило меркантилистское мировоззрение: если космос может бесконечно расширяться, значит, экономика может то же самое. Меркантилизм явил собой долгосрочный совместный политико-экономический проект создания национальных государств: индустриализацию, инвестиции в инфраструктуру, режим свободной торговли в пределах страны. Ключевыми объектами инвестирования инфраструктуры, формирующими целостность национальных экономик, были дороги, каналы, порты, позднее железные дороги и телефонные линии¹⁰¹.

В рамках парадигмы Другого канона предполагается, что капитализм в той форме, в какой он сложился в Европе благодаря многообразию, фрагментации, соревнованию и соперничеству, можно осмыслить как набор изначально непреднамеренных последствий, которые были затем замечены, описаны и закреплены в системе стратегических средств и институтов. Взгляд на капитализм как на явление в некотором смысле случайное возрождает аналитическую традицию В. Зомбарта и Й. Шумпетера¹⁰².

Э. Райнерт легко переходит от эпох ранней современности и меркантилизма к изучению эволюции экономики последних десятилетий. Один из оригинальных фрагментов его научного творчества посвящен исследованию реконструкции европейской экономики во второй половине 1940-х годов по планам правительства США.

Когда победа союзной коалиции во Второй мировой войне была уже очевидной, пришла пора задуматься, что делать с Германией, дважды за 30 лет инициировавшей глобальные вооруженные конфликты. Дабы обезопасить мир от нового немецкого покуше-

---

¹⁰⁰ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 108.

¹⁰¹ Там же. С. 105, 135, 322.

¹⁰² Там же. С. 48.

ния, министр финансов США Генри Моргентау предложил план превращения Германии в сельскохозяйственную страну посредством полного уничтожения промышленности, в частности вывоза промышленного оборудования, заливки шахт водой или цементом и т.п. Программа, одобренная союзниками на совещании в Канаде в конце 1943 года, вступила в силу сразу после капитуляции Германии в мае 1945 года.

Реализация «Плана Моргентау» оказалась своеобразным экспериментом преднамеренного разрушения хозяйства страны и уже к началу 1947 года крайне обострила ситуацию в немецкой экономике. Механизмы синергии между промышленностью и сельским хозяйством заработали в обратную сторону: деиндустриализация сопровождалась резким падением производительности в сельском хозяйстве. Люди, лишаясь работы в промышленности, возвращались в крестьянство; в экономике возобладали тенденции убывающей отдачи, распространения безработицы и падения жизненного уровня населения.

Проявив умственную и политическую гибкость, Соединенные Штаты отказались от ошибочного замысла Моргентау. Для изучения причин растущей бедности в Германию был командирован бывший американский президент Герберт Гувер, который в своем отчете доложил, что новую Германию, оставшуюся после аннексии территории, невозможно превратить в сельскую страну, не уничтожив или не вывезя из нее 25 млн жителей. Наблюдая мрачные последствия деиндустриализации, Гувер заново открыл меркантилистскую теорию народонаселения: промышленная страна способна содержать и кормить больше людей, чем сельскохозяйственная такого же размера.

В июне 1947 года государственный секретарь правительства США Джордж Маршалл объявил о начале осуществления «Плана Маршалла», который имел противоположную цель – реиндустриализацию Германии и остальной Европы. Предполагалось не только восстановить немецкую промышленность до довоенного уровня, но и создать «санитарный кордон» богатых стран, от Норвегии до Японии, вдоль границы с коммунистическими странами Европы и Азии.

Политики извращают смысл «Плана Маршалла», когда называют так любой крупный денежный перевод бедным странам. Суть плана заключалась в реиндустриализации, подъеме промышленной жизни страны; капитал играл второстепенную роль. Для внедрения плана были введены тарифная защита национальной промышленности от импортных продуктов и строгие правила в отношении валютных сделок. Признавалось, что рабочие места нуждаются в долгосрочной защите, а зарубежная валюта – ценный и редкий ресурс¹⁰³.

Судя по количеству стран, которым удалось выбраться из бедности, следуя «Плану Маршалла», этот план реиндустриализации, по оценке норвежского ученого, можно признать самым успешным проектом развития в истории человечества. Он вырос из идеи, что хозяйственная деятельность в сельской местности и городах качественно различается, а также из признания важности экономической политики, которую в прежние века проводили камералисты (специалисты по административным и экономическим вопросам. – Г. Ч.) и меркантилисты. К сожалению, доминирующая в современном обществе экономическая наука не видит разницы между программами Моргентау и Маршалла. Концептуальные средства, необходимые для различия двух названных макроэкономических проектов, не являются частью инструментария стандартной теории¹⁰⁴.

Неординарность научных достижений Э. Райнерта доказывают приведенные логические схемы механизмов реализации планов Маршалла и Моргентау. Их значимость определяется разработкой методологии и теории воспроизводства на уровне взаимодействия национальных экономик в рамках мирового хозяйства. Оригинален подход – описание глобальных политико-экономических проектов в виде формально-логической модели, концептуальной схемы динамики и неравномерности экономического развития.

Самовоспроизводящийся механизм эволюции по «Плану Маршалла» характеризует системное взаимодействие элементов модели «спирали богатства»: повышения производительности, роста

---

¹⁰³ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 211–212.

¹⁰⁴ Там же. С. 183–184, 273, 311.

реальной заработной платы, спроса, накоплений, инвестиций, прибыли и возможностей налогообложения (улучшения здравоохранения, образования и т.д.), рентабельности трудосберегающих технологий, высокого соотношения капитала и труда, крупного масштаба производства, системных синергетических эффектов диверсифицированной экономики, экономии на масштабе от диверсификации производства. Однако устойчивость прогрессивного развития может быть нарушена различными обстоятельствами, например повышением спроса на импортные товары, снижением экспортных цен одновременно с увеличением производительности и «замораживанием» зарплаты и т.п.¹⁰⁵

Модель «Плана Моргентау», «порочных кругов бедности», описывает взаимодействие иных элементов: производства технологически зрелых или подверженных убывающей отдаче продуктов, слабого роста производительности, совершенной международной конкуренции, снижения цен, ограничения реальных зарплат, низкого уровня спроса, накоплений, инвестиций, налогообложения и сферы социальных услуг, нерентабельности трудосберегающих технологий, невысокого соотношения капитала и труда, небольших объемов недиверсифицированного производства, неблагоприятного платежного баланса, сравнительного преимущества в трудозатратных отраслях с низкой реверсивной зарплатой. В такой системе бессмысленно увеличивать инвестиции, создавая избыточные производственные мощности при отсутствии спроса из-за низких зарплат¹⁰⁶.

Успехи современной экономики во многом зависят от динамики доходов населения. Богатые страны увеличивают реальные зарплаты своих граждан, снимая сливки с крутой части кривой производительности. Некоторые экономисты дали этому принципу название «система Форда», «фордизм»: рост производительности в обрабатывающей промышленности распространяется в виде растущих зарплат сначала по промышленному сектору, а затем по всей экономике.

---

¹⁰⁵ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 272.

¹⁰⁶ Там же. С. 275.

Опыт богатых стран свидетельствует, что ежегодный рост производительности на 4% обеспечивает увеличение зарплаты наемных работников. Такая система, которая до недавнего времени существовала только в Северной Америке и Европе, построена на балансе уравновешивающих друг друга сил работодателя и работника. Постоянный спрос на увеличение зарплат – важный стимул развития современной промышленности. По сравнению со стоимостью рабочей силы капитал (а с ним и механизация труда) становится все дешевле, уводя экономику вверх по спирали богатства¹⁰⁷.

Представляет интерес краткий обзор опыта автоматической индексации зарплат в Италии 1970–1980-х годов во время инфляционного периода. Он полностью опровергает «догматы» антиинфляционного лиходейства российских властей и раскрывает разрушительный характер монетаристской, фундаментально-рыночной политики, проводимой в нашей стране государственным аппаратом с начала 1990-х годов по сей день.

Исследователь пишет: «На первый взгляд, система автоматической индексации – это механизм, который способствует инфляции. Однако за тот период итальянская обрабатывающая промышленность механизировалась и существенно выросла производительность труда. Благодаря росту зарплат и инфляции компаниям стало выгодно заменять труд капиталом. Повышение зарплат обернулось ростом спроса, а значит, новыми рабочими местами. Одновременно эти же растущие зарплаты побуждали промышленность к механизации, которая приводила к новому увеличению продуктивности и так далее, вверх по спирали растущего благосостояния. Люди, занятые в отраслях, где рост производительности невозможен (такие как парикмахеры), становились богаче, поднимая цены на свои услуги в соответствии с ростом зарплат в промышленности. Парикмахеры в богатых странах значительно увеличили благосостояние, в отличие от своих коллег из бедных стран. Таким образом, зарплаты в секторе услуг поднимаются на волне производительности в промыш-

---

¹⁰⁷ См.: *Райнерт Э. С.* Указ. соч. С. 173, 174.

ленном секторе. Реальная зарплата парикмахера стала зависеть от того, с кем он делит рынок труда, а не от его собственной эффективности»¹⁰⁸.

Вторая часть вышеприведенной цитаты имеет самостоятельное теоретическое и практическое значение – выделение сектора услуг национальной экономики, в котором рост производительности невозможен или нежелателен и функционирование которого в режиме совершенной конкуренции нецелесообразно. Восприятие Другого канона показывает абсурдность и вредоносность политики рыночного реформирования социальной сферы отечественной экономики, осуществляемой российским правительством. Результаты внедрения конкурентно-рыночных принципов в образование, здравоохранение, культуру и прочие отрасли социальной сферы Российской Федерации предсказуемы – «антиразвитие» и обострение социальной напряженности в стране.

Становление фордизма – одновременного роста зарплат и производительности ведущего промышленного сектора, по мнению Э. Райнерта, имело далеко идущие последствия. Распределение ВВП между трудом и капиталом было относительно стабильным большую часть XX века. Сегодня реальные доходы все больше формируются падающими ценами, а не растущими зарплатами. В некоторой степени снижение уровня цен – закономерный признак циклической дефляции, обычно следующей за взрывом производительности. Однако нынешняя дефляция демонстрирует устойчивые системные свойства.

На мировом рынке утвердились два крупных игрока – Китай и Индия – с отсутствием фордизма в политике зарплат и слабостью профсоюзов. Доля реальных зарплат в ВВП начала падать во многих странах, в том числе в США, где недавние сокращения налогов пошли на руку богатейшим слоям населения, которые тратят ничтожную часть своего дохода и скорее купят на средства, оставшиеся после вычета налогов, замок во Франции, нежели гамбургер в закусочной на углу. Такое потенциальное недопотребление, не учитываемое неоклассической экономической наукой, циклически

---

¹⁰⁸ Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 174–175.

повторяется при капитализме; от него не спасает политика регулирования налогов или заработной платы¹⁰⁹. Ритм подобных макроэкономических колебаний формируется динамикой конъюнктуры больших циклов.

Соотнесение двух моделей историко-экономической эволюции – планов Моргентау и Маршалла – не праздное любопытствование, обращенное к изучению забытых уроков прошлого, а ответ на насущнейшие вызовы современности, затрагивающие нашу страну.

Норвежский ученый честно заявляет свою позицию: «Я считаю, что процесс глобализации, начавшийся в середине 1980-х годов и ставший особенно активным с момента падения Берлинской стены, принял форму Плана Моргентау. Страны “второго” и третьего мира с их слабой, еще развивающейся промышленностью были подвергнуты шоковой терапии, когда согласились на введение неограниченной свободной торговли. В Монголии 90% промышленности было уничтожено всего за 2–3 года, а в России и Перу в первые безумные годы после введения свободной торговли была сокращена половина рабочих мест в промышленности, а уровень реальной зарплаты упал вдвое. Между потерей рабочих мест и падением заработной платы, разумеется, существует связь. Глобализация стала современной колонизацией стран, и помогает ей в этом План Моргентау: сегодня колония, как и 5 веков назад, – это страна, которой позволено производить только сырьевые товары»¹¹⁰.

Экономическая политика должна строиться с учетом специфической ситуации в каждой стране. Впечатляющее экономическое развитие Китая, Индии и Южной Кореи преподносится как пример успешной глобализации. Однако эти страны в течение 50 лет осуществляли разные варианты политики, которую Всемирный банк и МВФ запретили в бедных странах. Россия, напротив, применила рекомендованную шоковую терапию, и последствия ее были чудовищными. Множество промышленных предприятий и компаний в Восточной Европе вымерли быстрее, чем успели рас-

---

¹⁰⁹ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 175–176.

¹¹⁰ Там же. С. 212.

считать собственные издержки, как это принято в рыночной экономике. С течением времени станет очевидным, что шоковая терапия конца истории была безумием¹¹¹.

Эволюция бывает направленной в сторону прогресса и модернизации или в сторону регресса и примитивизации. Последнее произошло со странами, подвергнутыми шоковой терапии, когда внезапное падение производства уничтожило виды деятельности, в которых возможны экономия на масштабах и возрастающая отдача. Выжили только виды деятельности с постоянной или убывающей отдачей – сектор традиционных услуг и сельское хозяйство. Если промышленный сектор страны слаб, то надо работать над его эффективностью, а не закрывать вовсе. Это, вероятно, самое важное правило, забытое после наступления в 1989 году конца истории. Бедность во многих странах третьего мира и бывшего «второго» мира связана не с переходным периодом, а с устойчивыми характеристиками стран, имеющих разный экономический статус. Глобализация в ее сегодняшней форме оставляет многие страны позади, деиндустриализует их¹¹².

Рано или поздно даже самые убежденные идеологи будут вынуждены признать страшные преступления, которые творятся на экономической периферии под флагом глобализации. Однако запустить обратный процесс реиндустриализации будет гораздо труднее, чем в 1947 году. В XX веке бедным странам удавалось нагнать богатые при помощи технологии воспроизведения или инженерного анализа. Теперь все больше высокотехнологичных отраслей защищены патентами, копирование стало почти невозможным. Наукоемкий сектор зависит от спроса, создаваемого старой промышленностью, и он не возникает там, где нет покупательной способности населения. Как всегда, за развитием или недоразвитостью стоит кумулятивная каузальность, которая создает либо порочный круг бедности, либо спираль богатства¹¹³.

Вызывает симпатии искренняя, противоречивая оценка Э. Райнертом экономической истории нашей державы. Хотя исследова-

---

¹¹¹ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 147, 148, 283.

¹¹² Там же. С. 195, 203, 274, 276

¹¹³ Там же. С. 212–213.

тель пишет об отсутствии демократии в СССР, в его книге находятся доводы, объясняющие объективность и даже оправданность сложившейся отечественной политико-экономической системы. По мнению автора, советское централизованное планирование экономики было несовместимо с демократией, поскольку между экономическим и политическим строем существуют тесные структурные связи¹¹⁴. В то же время исторически имеется только один способ разорвать порочный круг бедности – необходимо сначала изменить производственный строй. Иногда требуется ввести жесткие политические меры¹¹⁵. Никто не хочет о том говорить, но даже известная своей неэффективностью промышленность коммунистических стран поддерживала уровень жизни населения более высокий, чем сегодня это делает в них капитализм¹¹⁶.

С позиции методологии Другого канона, парадигму директивно-плановой экономики позволительно описывать моделью «Плана Маршалла», направленной на ускоренную индустриализацию страны. Сформировавшаяся в СССР в 1930-е годы экономическая система инвестиционно-мобилизационного типа обеспечивала интенсивное развитие тяжелой, прежде всего оборонной, промышленности. Свидетельством тому служат нижеследующие рассуждения норвежского ученого: «После шока 1957 года, когда Советский Союз запустил первый спутник и стало ясно, что СССР опережает США в космической гонке, русские могли бы, вооружившись торговой теорией Рикардо, аргументированно утверждать, что американцы имеют сравнительное преимущество в сельском хозяйстве, а не в космических технологиях. Последние, следуя этой логике, должны были бы производить продовольствие, а русские – космические технологии. Однако президент Эйзенхауэр выбрал тогда стратегию эмуляции, а не сравнительного преимущества. В 1958 году была основана НАСА, чтобы *эмулировать* Советский Союз, и это было стратегической мерой в лучших традициях Просвещения, но решительно противоречило духу Рикардо»¹¹⁷.

---

¹¹⁴ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 320.

¹¹⁵ Там же. С. 315.

¹¹⁶ Там же. С. 195.

¹¹⁷ Там же. С. 46.

Пора бы и нынешним российским властям отказаться от идеологии рыночного фундаментализма рикардианской неоклассики и от реализации «Плана Моргентау» по рецептам международных финансовых организаций и заняться эмуляцией европейского опыта успешного экономического развития.

Аномалии экономической науки

Особое место в книге занимают раздумья Э. Райнерта о взаимосвязи экономической науки и профессионального статуса экономиста. Взгляд «изнутри» обнажает различные пороки процесса формирования современной парадигмы экономической мысли и серьезные противоречия проводимой на основе рекомендаций стандартного мейнстрима экономической политики. Автор делится своими сокровенными размышлениями по поводу мало обсуждаемых и даже нарочно замалчиваемых злободневных проблем. За полусушительными и ироничными интонациями скрываются теоретико-методологическая глубина, желание исправить положение, вернуть экономической науке практическую ценность.

Нынешнее состояние «цехового братства» экономистов и господствующих экономических теорий характеризуется неутешительно: «Экономистов как группу можно описать теми же словами, которыми когда-то в Европе в шутку определялась нация, – это группа людей, объединенных общим непониманием своего прошлого и общей неприязнью к соседям (в данном случае – соседним областям науки, таким как социология и политология). Каноническая последовательность трудов, описываемая историей экономической мысли, отличается от последовательности книг, оказавших наибольшее влияние на умы своего времени. <...> Теории, которые когда-то помогли богатым странам разбогатеть, исчезли из современных учебников и практической экономической политики, но одновременно с этим тексты, в прошлом породившие успешные экономические стратегии, исчезали из библиотек. Похоже, генетический материал мудрости прежних времен намеренно уничтожался»¹¹⁸.

---

¹¹⁸ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 40–41.

Профессия экономиста как отрасль производства, по мнению норвежского ученого, обнаруживает несколько странностей. Первую можно назвать системой первичных стимулов: экономисты работают ради признания своих коллег. Причина кажущейся абсурдности встроена в структуру экономической науки в большинстве учебных заведений и научных институтов. Чтобы заработать профессиональный статус и престиж, современные экономисты должны публиковать статьи в журналах, рецензируемых их же единомышленниками, а не изучать реальный мир. Не существует связи между реальностью, о которой докладывается властям, и той, которую можно увидеть в действительности. Сегодняшние экономисты-теоретики решают важную задачу по разработке риторики в духе Рикардо, почти не влияющую на национальную политику страны. Со времен Адама Смита эзотерические (абстрактные, для нужд немногих посвященных) теории успешно используются пропагандой.

Вторая странность заключается в том, что любое развитие (для бедняков оно может быть как прогрессом, так и деградацией) сильно зависит от выбранного пути, однако вот уже многие поколения экономистов следуют по «дороге» наименьшего математического сопротивления, который не учитывает зависимости от пути. Третья странность – одновременное сосуществование двух парадигм в рамках одной науки. Наличие двух параллельных традиций делает возможными оппортунизм и подмену теоретико-методологических установок¹¹⁹. Жонглирование разными наборами предпосылок в разных частях теории – главная черта стандартной экономической науки. Гуннар Мюрдаль называл оппортунистическим невежеством передергивание экономических понятий ради достижения политических целей. Мало того что между экономической риторикой и реальностью лежит пропасть, экономисты подменяют предпосылки, превращая свою науку в инструмент реализации корыстных и политических интересов. Экономическая наука в некоторых вопросах тесно пере-

---

¹¹⁹ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 53, 73–74, 209.

мешана с властью и идеологией. То, что выдается за связанную теорию, на деле оказывается сборной солянкой из разрозненных подходов¹²⁰.

По мнению Э. Райнерта, провал международной политики на основе рекомендаций Вашингтонского консенсуса с 1990 по 2007 год стал закономерным результатом применения идей неоллиберализма и рыночного фундаментализма, требовавших среди прочего свободной торговли, потоков прямых иностранных инвестиций, дерегулирования и приватизации. Исследователь подвергает резкой критике современную мейнстримовую риторику – следствие подсознательного стремления авторов Вашингтонского консенсуса спасти стандартную экономическую науку и ее основные предпосылки.

Адепты неоклассической теории предлагают для окончательного решения проблем бедности «привести в порядок» цены, право собственности, институты, управление, конкурентоспособность, инновации, предпринимательство, образование, климат. Такой подход демонстрирует искусство сохранения парадигмы, когда все внимание концентрируется на исправлении факторов за пределами стандартной экономической модели, а содержание теории остается нетронутым. Названные факторы важны, но они не влияют на суть процесса развития, ведь самое главное – «привести в порядок экономическую деятельность». Набор упрощенных объяснений отвлекает от постижения развития как единого процесса и заставляет рассматривать его отдельные проблемы¹²¹.

Скепсис доминирует в оценке современных решений проблем бедности: «Сегодняшний подход позволяет продолжать глобализацию и расширять область ее действия (как в случае переговоров с ВТО), не исследуя проблем, которые она создает в периферийных странах. В мире продолжают царить экономические мифы, основанные не на практике, а на идеологии, и построенная на них практическая политика. К сожалению, решение поставить людей, которые когда-то разработали и воплотили в жизнь неоклассическую политику шоковой терапии, во главе проекта целей тысячелетия

---

¹²⁰ См.: Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 70, 354.

¹²¹ Там же. С. 236, 248, 249.

было явной ошибкой. Именно это решение во многом привело к ситуации, которую мы сегодня наблюдаем, поскольку оно гарантирует, что мы никогда не увидим основательного обсуждения *ошибок*, допущенных в период конца истории. Однако нам очень нужна теория, которая объяснила бы, почему экономическое развитие по своей природе является неравномерным процессом. Только после этого могут быть приняты действенные стратегические меры»¹²².

Норвежский ученый рационально определяет истинность научных рекомендаций: «Моя цель не в том, чтобы представить читателю мозаику теорий, которые я объединил под общим названием “Другой канон”, в качестве непреложной истины. Понятие “истина” в экономической политике – это всегда крайне сложное явление. В реальном мире порой приходится делать невероятно сложный компромиссный выбор между разными периодами времени (и даже поколениями) в условиях неопределенности. Любая рекомендация по экономической политике полностью зависит от ситуационных и структурных особенностей <...> а следовательно, от конкретного знания»¹²³.

В завершение обстоятельного разбора альтернативной экономической парадигмы не грех прислушаться к мудрому пожеланию Э. Райнерта – воспитывать собственных экономистов¹²⁴. Национально ориентированные специалисты, вооруженные прагматичной теорией, способны обеспечить возрождение и развитие экономики России. Необходимо разрабатывать теорию российской модели экономики с учетом лучших традиций отечественной науки и достижений мировой социально-экономической мысли.

---

¹²² Райнерт Э. С. Указ. соч. С. 299–300.

¹²³ Там же. С. 64.

¹²⁴ Там же. С. 317.

Глава 18

Теоретико-методологические и духовно-нравственные проблемы формирования русской модели экономики

Формирование экономики – процесс, охватывающий историю, настоящее и будущее, не только «взыскиваемое и чаемое», но и «творимое»¹. Творить новое предстоит поколению молодых, студентам. Их квалификация, образ мысли во многом определяются парадигмой образования – долговременным способом мышления научного сообщества, закрепленным в учебниках и лекционных курсах.

Современная парадигма отечественной высшей школы нуждается в обновлении, в усилении духовно-нравственных компонентов преподаваемых социально-гуманитарных дисциплин. Достойным решением озвученной проблемы было бы включение в вузовские образовательные программы факультативов богословских курсов.

Польза такой новации очевидна. Во-первых, студенты постигают предмет «Основы безопасности жизнедеятельности», чтобы спасти свои тела, а как душу защищать от грехов и соблазнов не ведают. Во-вторых, изучение святоотеческого наследия не менее увлекательно и востребовано, нежели концепций современного

---

¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 519.

естествознания. Достаточно упомянуть и ныне актуальные слова из послания апостола Павла к ефесянам: «Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом» (Еф. 5, 18). Или призыв к единению поколений, преемственности: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость. <...> И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6, 1,4).

Переходя от светлых надежд на будущее к настоящему, следует констатировать удручающее соответствие примитивной официальной социально-экономической науки нестроению российской экономики. Представленные в учебниках теории хозяйственного поведения людей и организаций почти полностью сводятся к сугубо экономическим интересам, сиюминутной выгоде. Вскользь говорится о том, что экономические отношения регулируются нормами права, и совсем не упоминаются неформальные институты: культура, трудовая этика, нравственность, религиозные убеждения.

Нравственность организует сознание. «Ум, переставший созерцать Бога мыслью, становится или демоном, или скотом»². Без нравственной основы ни экономика, ни право не эффективны. Представления о грехе и добродетели предшествуют законотворчеству. Деградация нравственности ведет к разрушению законности, правовому нигилизму.

В православной России с 1990-х гг. утвердилась неолиберальная модель экономического развития, опирающаяся на протестантскую идеологию, разрушающая наше общество. Неолиберальная политика государства снимает с себя социальные функции по поддержанию достойных условий жизни людей. А человек, оставшись наедине со своими социальными проблемами, перестает ощущать себя обязанным обществу, обязанным соблюдать общепринятые нравственные нормы и законы.

Складывается неверное общественное мнение о неизбежности выбора между духовностью и благополучием, которое имеет безнравственное происхождение, ибо приобретается только об-

---

² Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. М., 2003. С. 268.

маном, воровством, вымогательством. Поэтому достижение материального успеха требует отказа от высоких принципов и принятия правил «грязной» игры.

В обстановке развала русской цивилизации молодому поколению внушается, что оно – поколение «Мне», что превыше всего «Я», «Моё», что все покупается и продается, что нормой жизни является раскрепощение, все возрастающее удовлетворение инстинктов, получение удовольствия. Это дорога в никуда...

На формирование человека потребляющего, раба собственных примитивных и пошлых инстинктов, направлена целая индустрия, подстрекающая к презрению жизни духа, заинтересованная в изгнании культурно-нравственных ценностей из сознания людей.

Человек не может существовать без «вертикального» измерения своего бытия. Возрождению духовности обязано содействовать обновление образовательных программ. В частности, при изучении экономических дисциплин следует делать акцент на теоретико-методологическом обосновании объективной необходимости духовно-нравственных начал в экономике.

Хозяйственный механизм общества представляет собой своеобразную хозяйственную парадигму: систему экономических знаний и практических навыков, образцов (примеров) поведения, стимулов и регуляторов воспроизводства, организационных форм, правовых, культурных, религиозных норм, идеологических установок. У каждого народа образуется свое сочетание государственной регламентации и частного почина, идеологии соборности и индивидуализма, почитания традиций и веры в здравый смысл. Хозяйственная парадигма формирует тип работника, трудовую этику, потребности, хозяйственное право, которые придают национальные и исторические особенности экономике.

Все сферы человеческой жизни взаимосвязаны и воздействуют друг на друга. Национальная экономика каждой страны формируется под влиянием духовно-нравственных устоев ее населения. Экономические модели и соответствующие им идеологии обуславливаются религиозными воззрениями.

**Методология использования основ протестантской этики
в теоретических моделях капиталистического хозяйства
М. Вебера и А. Смита**

Духовной опорой ортодоксального либерализма служит протестантская социально-экономическая теория, эмблемой которой стали работы Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», «Протестантские секты и дух капитализма», опубликованные в начале XX века. Оригинальные труды немецкого ученого инициировали полемику, не утихающую и по сей день. Понимание и интерпретация взглядов М. Вебера предполагают их серьезное теоретико-методологическое осмысление. Прежде всего, следует выяснить, с каким «капитализмом» и с каким «духом» соотносится протестантская этика, каков характер этого соотношения.

Автор ведет речь об обусловленности «хозяйственного мышления», «этоса» (греч. *ethos* – характер, нрав, обычай, совокупность устойчивых черт индивидуального характера. – Г.Ч.) данной формы хозяйства определенной религиозной направленностью. Иллюстрацией тому должна служить связь современного хозяйственного «этоса» с рациональной этикой аскетического протестантизма. Следовательно, рассматривается лишь одна сторона определенного каузального отношения³.

Соответственно исходной теоретической предпосылке выбирается методология, позволяющая установить, существует ли (и в каких пунктах) определенное «избирательное сродство» между известными формами религиозного верования и профессиональной этикой, между неприятием мира, аскезой, церковной набожностью и участием в капиталистическом предпринимательстве⁴. Исследование ведется на уровне «идеальных», а не эмпирически найденных средних типов⁵.

М. Вебер утверждает, что капиталистическая форма хозяйства и «дух», в котором оно ведется, находятся в отношении «адекватности», понимаемой не номотетически, как обусловленная «зако-

---

³ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 56.

⁴ Там же. С. 67, 106.

⁵ Там же. С. 90.

ном» зависимость⁶, а идеографически, в традициях описательного исторического анализа. Ученый предостерегает от огрубления и упрощения его взглядов при толковании и критике, особенно в историко-экономическом аспекте. Он выступает против «нелепого доктринерского тезиса», будто «капиталистический дух» мог возникнуть *только* в результате влияния определенных сторон Реформации, будто капитализм как *хозяйственная система* является продуктом Реформации, ибо ряд важных форм капиталистического предпринимательства значительно старше названной эпохи⁷.

Анализ влияния религиозных идей на образ жизни людей, их культуру и национальный характер не заменяет односторонней «материалистической» интерпретации каузальных связей в области культуры и истории столь же односторонней спиритуалистической каузальной интерпретацией. Оба подхода допустимы в равной степени как предварительный этап установления исторической истины⁸. Хозяйственное развитие влияет на судьбы религиозных идей. Однако религиозные идеи не могут быть просто дедуцированы из экономики. Они являются важными пластичными элементами «национального характера», полностью сохраняющими автономность своей внутренней закономерности и свою значимость в качестве движущей силы⁹.

Немецкий социолог стремился установить лишь следующее: играло ли *также* и религиозное влияние – и в какой степени – определенную роль в качественном формировании и количественной экспансии «капиталистического духа» и какие конкретные *стороны* сложившейся на капиталистической основе *культуры* восходят к этому религиозному влиянию. Он пользуется понятием «исторические констелляции» для характеристики «невероятно сложного переплетения взаимосвязей между материальным базисом, формами социальной и политической организации и духовным содержанием эпохи»¹⁰.

⁶ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 85.

⁷ Там же. С. 106.

⁸ Там же. С. 208.

⁹ Там же. С. 266.

¹⁰ Там же. С. 106.

Опираясь на вполне корректную теоретико-методологическую постановку вопроса о развитии экономики под влиянием духовно-нравственной сферы общества, М. Вебер пытается придать статус универсально-исторической проблемы частному случаю взаимодействия в рамках европейской культуры капиталистического хозяйства и протестантской этики. Как констелляцию¹¹, с претензией на всеобщность, автор формулирует проблему: «Какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались – по крайней мере как мы склонны предполагать – в направлении, получившем *универсальное* значение»¹².

Западная цивилизация, по мнению теоретика, отличается рациональной организацией практически всех сфер общественной жизни. Лишь Запад знает рациональную и систематическую, т.е. профессиональную, научную деятельность специалистов-ученых, господствующих в данной культуре специалистов-чиновников – опору современного западного государства и западной экономики¹³. Государство как политический институт с рационально разработанным правом и ориентированным на рационально сформулированные правила и законы управлением чиновников-специалистов известно только Западу¹⁴.

В социально-экономических концептуальных построениях ученого государство играет исключительную роль «компенсатора» и «противовеса», который дополняет и уравнивает крайний индивидуализм деятельности отдельных граждан. Примечательна характеристика государства в работе М. Вебера с истинно протестантским названием «Политика как призвание и профессия»: «Современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные

---

¹¹ См.: «Констелляция» в лексиконе астрологов означает взаимное расположение планет, предсказывающих судьбу.

¹² Вебер М. Указ. соч. С. 44.

¹³ Там же. С. 46.

¹⁴ Там же. С. 47.

средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции»¹⁵. «Нормальный протестантизм» абсолютно легитимировал государство, т.е. средство насилия, как божественное учреждение¹⁶.

Политика и господство рассматриваются как предприятия, требующие постоянного управления, а государство – как крупнейший предприниматель¹⁷. Поэтому констатируется тенденция к бюрократизации государственного управления. Немецкий социолог пишет о превращении «современного чиновничества в совокупность трудящихся, высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь»¹⁸.

«Рационально» определяется и самый могучий фактор нашей современной жизни – капитализм. Он «безусловно тождествен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно возрождающейся прибыли, к рентабельности»¹⁹. Капиталистическое предприятие предполагает рациональную организацию формально свободного труда, ведение бухгалтерского учета²⁰. Из всего многообразия типов капитализма – авантюристического, торгового, ориентированного на войну, политику, управление и связанные с ними возможности наживы – «идеальным» считается промышленный,

¹⁵ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 651.

¹⁶ Там же. С. 701.

¹⁷ Там же. С. 599, 648, 660.

¹⁸ Там же. С. 657

¹⁹ Там же. С. 48.

²⁰ Там же. С. 51.

рационально организованный капитализм²¹. Следовательно, вопрос сводится к тому, чтобы определить своеобразие западного рационализма и объяснить его развитие²².

Рассуждения М. Вебера нередко строятся на довольно странной игре понятиями «рациональное» – «иррациональное». Так, он пишет, что надлежит выяснить, какой дух породил ту конкретную форму «рационального» мышления и «рациональной» жизни, из которой выросли идея «призвания» и та – столь иррациональная с точки зрения чисто эвдемонистических интересов отдельной личности – способность полностью отдаваться деятельности в рамках своей профессии, которая является одной из характернейших черт нашей капиталистической культуры²³.

Объяснение «духа капитализма» представлено серией фрагментов, из которых наиболее обобщающим оказывается определение высшего блага этики. Оно заключается во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов. Эта нажива мыслится как самоцель, становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека. Не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство²⁴. Единственная цель жизни капиталистического предпринимателя, его призвание – накопление материальных благ, стремление к тому, чтобы сойти в могилу обремененным деньгами и имуществом²⁵.

По разумению теоретика, необходимое капитализму отношение к труду как к самоцели, «призванию» складывается вследствие аскетического протестантского религиозного воспитания. Автор доказывает, что во всех протестантских течениях, деноминациях, «состояние религиозной избранности» воспринималось как сословное качество (*status*), которое ограждает человека от скверны

---

²¹ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 53.

²² Там же. С. 55.

²³ Там же. С. 95–96

²⁴ Там же. С. 75.

²⁵ Там же. С. 90.

рукотворного мира и утверждается посредством специфического поведения. На этой основе у отдельного человека возникает импульс к методическому контролю своего поведения и к аскетическому, ориентированному на божественную волю и потустороннее блаженство, рациональному преобразованию всего существования. Названная рационализация жизни в миру – следствие концепции профессионального призвания аскетического протестантизма²⁶.

Анализируемое религиозное обоснование предпринимательской этики помогает лучше понять современную идеологию индивидуализма – либерализм. Исходным протестантским догматом считается учение об избранности к спасению, о предопределенности²⁷. Согласно «двойному декрету», избранные предназначены к спасению, отверженные к гибели; часть людей предопределена к блаженству, остальные же прокляты навек²⁸.

Поскольку решения Бога изначальны и неподвержены изменению, постольку божественное милосердие не может быть утеряно теми, кому оно дано, и недостижимо для тех, кто его лишен²⁹. «Духовная аристократия святых в миру» отделена от остальных, от века предопределенных к гибели людей. Непреодолимая пропасть глубоко врезалась во все сферы социальной жизни, ибо божественная милость, дарованная избранным «святым», требует не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему своему в сознании собственной слабости, а ненависти и презрения к нему как врагу Господню, отмеченному клеймом вечного осуждения³⁰.

Патетически бесчеловечное учение порождает ощущение неслыханного внутреннего *одиночества отдельного индивида*. В решающей жизненной проблеме – вечном блаженстве – он обречен одиноко брести своим путем навстречу предначертанной ему судьбе. Никто не может ему помочь. Эта отъединенность яв-

²⁶ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 183.

²⁷ Там же. С. 139.

²⁸ Там же. С. 167.

²⁹ Там же. С. 142.

³⁰ Там же. С. 157.

ляется одним из корней лишенного каких-либо иллюзий пессимистически окрашенного индивидуализма, наблюдаемого в «национальном характере» и в институтах народов с пуританским прошлым³¹.

Образование аскетических общин и сект с их толкованием заповеди повиноваться более Богу, чем людям, было одной из важнейших предпосылок современного «индивидуализма». Любовь к ближнему, мыслимая только как служение Богу, а не твари, находит свое выражение в выполнении профессионального долга, обретает безличный характер деятельности, направленной на рациональное преобразование окружающего нас социального космоса³².

Наилучшим средством для обретения внутренней уверенности в спасении служит неутомимая деятельность в рамках своей профессии. Она дает уверенность в своем избранничестве, ощущение, что человек является орудием Бога и осуществляет его провиденциальные веления. Утилитаризм протестантской этики обуславливает политический и экономический рационализм кальвинистов, их жесткий, формальный и активный характер, адекватный буржуазно-капиталистическому предпринимательству³³.

От религиозного обоснования пуританской идеи профессионального призвания М. Вебер переходит к изучению ее влияния в сфере предпринимательской деятельности, к исследованию соотношения мирской аскезы и капиталистического духа. В таком аспекте интересно сопоставить взгляды немецкого социолога с воззрениями Адама Смита, представленными в знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов». Для сравнительного подхода достаточно оснований.

Исследование взаимосвязи протестантской аскезы и духа капитализма М. Вебер проводит на примере опыта Англии, цитируя слова Монтеस्कье о том, что англичане превзошли все народы мира в трех весьма существенных вещах – в набожности, торговле и свободе³⁴. М. Вебер предполагает, что наиболее по-

---

³¹ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 142–143, 144.

³² Там же. С. 146.

³³ Там же. С. 147, 171.

³⁴ Там же. С. 69.

следовательное обоснование идее профессионального призвания дает выросший на почве кальвинизма английский пуританизм³⁵.

Принадлежность шотландца А. Смита к когорте английской социально-экономической мысли обуславливает соответствие его идей кальвинистским традициям. Так, излагая проблему финансирования учреждений для религиозного обучения, он критикует римско-католическое духовенство, дает краткий исторический очерк реформации, отмечает, что религиозные секты зарождались среди простого народа и усваивали систему строгой нравственности³⁶. О набожности приверженца свободной торговли можно судить по восхвалению им официальной шотландской пресвитерианской церкви, сформировавшейся на основе кальвинистского учения³⁷.

Влияние пуританской этики на дух капитализма М. Вебер объясняет, затрагивая проблемы труда, профессионального призвания, капиталистического предпринимательства, сбережения и накопления капитала, рабочей силы и заработной платы. Иногда «сугубо протестантскими» оказываются лишь нюансы, степень осознания и реализации этических норм. В заслугу пуританизму ставится страстная проповедь упорного труда – поставленной Богом цели всей жизни, а нежелание работать порицается как симптом отсутствия благодати³⁸.

Изречение Кальвина, что народ (рабочие и ремесленники) послушен воле Божьей лишь до той поры, пока беден, было секуляризировано в положение, что люди работают, лишь когда их заставляет нужда, и вошло компонентом в теорию «производительности» низкой зарплаты, став «лейтмотивом» капиталистического хозяйства³⁹.

Аскетическая литература *всех* вероисповеданий исходит из представления, что добросовестная работа, даже при низкой ее оплате, является делом, чрезвычайно угодным Богу. В *этом* от-

³⁵ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 184.

³⁶ См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 566.

³⁷ Там же. С. 575–577.

³⁸ Вебер М. Указ. соч. С. 187.

³⁹ Там же. С. 202–203.

ношении протестантская аскеза не создала ничего нового. Она «бесконечно углубила» это предоставление и добавила к нему лишь отношение к работе как к призванию, к единственному средству увериться в своем избранничестве, легализовала эксплуатацию специфической склонности к труду, объявив «призванием» и стремление приобретателя к наживе⁴⁰.

Богатство порицается, если оно таит в себе искушение предаться лени, бездеятельности и грешным мирским наслаждениям, а стремление к богатству – если оно вызвано надеждой на беззаботную и веселую жизнь. В качестве же следствия выполнения профессионального долга богатство морально не только оправданно, но даже предписано⁴¹.

Так возник специфически буржуазный профессиональный этос. В обладании милостью Божьей и Божьим благословением буржуазный предприниматель, не преступая границ формальной корректности, обязан был соблюдать свои деловые интересы – максимизировать прибыль собственного предприятия. К тому же, религиозная аскеза предоставляла в его распоряжение трезвых, добросовестных, чрезвычайно трудолюбивых наемных рабочих, рассматривавших свою деятельность как угодную Богу цель жизни. Аскеза создавала спокойную уверенность в том, что неравное распределение земных благ, так же как и предназначение к спасению немногих, – дело Божественного провидения, преследующего тем самым свои тайные, нам не известные цели⁴². Немецкий ученый по-своему расставляет акценты, связывая с пуританизмом дальнейшее утверждение провиденциального толкования экономического космоса, известного уже схоластам.

Мирская аскеза протестантизма принуждала к бережливости, стремилась сократить потребление, особенно когда оно превращалось в излишества, требовала от состоятельных людей отказа от наслаждения богатством и употребления его в практически полезных целях. Ограничение потребления в сочетании со

---

⁴⁰ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 203–204.

⁴¹ Там же. С. 191.

⁴² Там же. С. 202.

стремлением к наживе, к прибыли имело объективным результатом накопление и производительное инвестирование капитала⁴³.

Во многом прав М. Вебер, утверждая, что пуританизм способствовал установлению буржуазного, рационального с экономической точки зрения образа жизни, стоял у колыбели современного «экономического человека»⁴⁴. Это еще одна точка соприкосновения взглядов немецкого социолога и английского экономиста. Неслучайно в «Протестантской этике» М. Вебера присутствует две прямые ссылки на первые две главы «Богатства народов» А. Смита.

Обстоятельно разбирая «компендиумы» пресвитерианского священника Ричарда Бакстера, немецкий обществовед указывает на близость его взглядов «с известным апофеозом разделения труда» в первой, одноименной главе незабвенного труда А. Смита, отмечая, что в соответствии с провиденциальной целью разделение по профессиям – специализация – способствует повышению производительности труда, служит общему благу⁴⁵.

Выдержка из издания британской баптистской деноминации квакеров, в которой еда, питье и приобретение относятся к естественным, а не духовным актам⁴⁶, помогает понять, почему А. Смит считает естественной, присущей человеческой природе, склонность к торговле, к обмену одного предмета на другой, следствием чего и является разделение труда⁴⁷. По разумению экономиста, каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем, а само общество превращается, так сказать, в торговый союз⁴⁸.

С таких позиций можно называть страну «нацией лавочников»⁴⁹, говорить о «духе лавочников»⁵⁰, которым, несомненно, проникнуты протестантское мировоззрение и экономи-

⁴³ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 197, 198, 199.

⁴⁴ Там же. С. 200.

⁴⁵ Там же. С. 189.

⁴⁶ Там же. С. 247.

⁴⁷ Смит А. Указ. соч. С. 27.

⁴⁸ Там же. С. 33.

⁴⁹ Там же. С. 446.

⁵⁰ Там же. С. 205.

ческая теория А. Смита. Социальные слои мелкой и средней, в том числе торговой, буржуазии были носителями «духа капитализма», ибо их профессиональный выбор соответствовал пури-танским критериям полезности, угодности Богу: нравственности, важности производимых благ для общества, доходности⁵¹. Привычка к порядку, бережливости и вниманию, которую воспитывает в купце занятие торговлей, делает его способным к осуществлению с прибылью и успехом любого проекта⁵².

Мелкобуржуазная протестантская этика определяет поведение «экономического человека» в концептуальных построениях теории А. Смита, о чем свидетельствует его знаменитое обоснование общественной пользы и рациональности индивидуализма: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах»⁵³. Именно эту цитату М. Вебер использует для сравнительной характеристики умеренного реформаторства Лютера с более радикальным учением кальвинистов⁵⁴.

Протестантская этическая основа отчетливо видна в самом известном, встречающемся почти в каждом учебнике экономической теории, высказывании А. Смита о «невидимой руке», управляющей поведением хозяйствующих субъектов. Автор констатирует, что каждый отдельный человек «не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказать поддержку отечественной промышленности, а не иностранной, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, а направляя эту промышленность таким образом, чтобы ее продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не

---

⁵¹ См.: *Смит А.* Указ. соч. С. 190.

⁵² Там же. С. 301.

⁵³ Там же. С. 28.

⁵⁴ См.: *Вебер М.* Указ. соч. С. 98.

входила в его намерения. Преследуя собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»⁵⁵. Стало быть, речь идет о «невидимой руке» Бога, об осуществлении воли Божией. Однако в учебниках экономической теории происходит смысловая подмена, некорректная интерпретация слов А. Смита: божественная провиденциальность подменяется «невидимой рукой» рынка. Теоретической абстракции – рынку – придается онтологический смысл.

Книгу III Богатства народов «О природе капитала, его накоплении и применении» можно считать теоретическим обоснованием хозяйственной этики пуританизма. Стиль изложения научного материала напоминает проповедь. А. Смит говорит, что капиталы возрастают в результате бережливости и уменьшаются вследствие мотовства и неблагоразумия, что непосредственной причиной возрастания капитала является бережливость, а не трудолюбие. Что бы ни создавало трудолюбие, капитал никогда не мог бы возрастать, если бы бережливость не сберегала и не накапливала⁵⁶. Каждый расточитель оказывается врагом общественного блага, а всякий бережливый человек – общественным благодетелем⁵⁷.

Там, где преобладает капитал, господствует трудолюбие, где преобладает доход, там господствует праздность. Поэтому всякое увеличение или уменьшение капитала, естественно, ведет к увеличению или уменьшению промышленной деятельности, количества производительных рабочих, а следовательно, и меновой стоимости годового продукта земли и труда страны, реального богатства и дохода ее жителей⁵⁸. В торговых и промышленных городах, где низшие слои народа существуют благодаря приложению капитала, они по общему правилу трудолюбивы, трезвы и бережливы, как это наблюдается во многих английских и в большинстве шотландских городов⁵⁹.

⁵⁵ Смит А. Указ. соч. С. 332.

⁵⁶ Там же. С. 249.

⁵⁷ Там же. С. 251.

⁵⁸ Там же. С. 249.

⁵⁹ Там же. С. 248.

Общность идей А. Смита и М. Вебера подтверждает их негативная оценка монопольных привилегий в хозяйственной деятельности. М. Вебер писал о том, пуританские секты выступали против союза церкви и государства с «монополистами» на почве христианского социализма, против пользовавшегося государственными привилегиями капитализма торговцев, скупщиков и колониалистов, противопоставляя им индивидуалистические импульсы рационального легального предпринимательства, основанного на личных качествах, на инициативе⁶⁰. Он отмечал, что характерная для Англии XVII в. антимонополистическая направленность общественного мнения исторически сложилась из сочетания политической борьбы против королевской власти с этическими мотивами пуританского учения и с экономическими интересами мелкой и средней буржуазии, враждебной финансовым магнатам⁶¹.

«Антимонопольная проповедь» А. Смита звучала не менее страстно, чем восхваление трудолюбия, бережливости, стремления к наживе. Монопольная торговля – это «мертвый груз в работе одной из великих пружин, приводящих в движение значительную часть хозяйственной деятельности человечества», это помеха, которая ради предполагаемой выгоды отдельной страны суживает потребности и задерживает развитие промышленности всех других стран⁶².

В угоду «мелочным» интересам одного немногочисленного класса монополия понижает доход жителей страны и их способность к накоплению капитала, препятствует содержанию большего количества производительного труда⁶³.

Кроме того, высокая норма прибыли уничтожает естественную для купца бережливость. Трезвая пуританская добродетель представляется купцу уже излишней, а расточительная роскошь кажется соответствующей улучшению его положения. Обладатели больших торговых капиталов необходимо становятся вождями и руководителями всей промышленной деятельности страны, и их пример оказывает гораздо большее влияние на нравы всей трудя-

---

⁶⁰ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 204.

⁶¹ Там же. С. 271.

⁶² См.: Смит А. Указ. соч. С. 431.

⁶³ Там же. С. 442–443.

щейся массы, чем пример какого-либо иного класса. Это препятствует накоплению в руках тех, кто больше всех расположен к накоплению⁶⁴.

Проведенный, далеко не полный, сравнительный анализ дает повод к критическому переосмыслению использования научного творчества А. Смита в качестве теоретико-методологической основы универсальной модели рыночного и капиталистического хозяйства. Характеристика экономического поведения хозяйствующих субъектов в «духе» протестантской этики едва ли может претендовать на всеобщность, на адекватное отражение хозяйственной этики людей других религиозных убеждений. Формулирование и формирование экономических моделей должно учитывать национальную специфику даже при наличии родственных конфессиональных предпочтений.

Об этом писал С. Ю. Витте в своей работе «Национальная экономия и Фридрих Лист», сопоставляя экономические теории и хозяйственные системы двух протестантских стран – лютеранской Германии и кальвинистской Англии. Российский политический деятель и экономист считал, что А. Смит был одним из создателей «не политической, а космополитической экономии». Основатели этой науки имели в виду все человечество, а не нацию, исходя из гипотезы, что нации всего земного шара составляют одно общество и ко всем странам надо применять одну и ту же неизменную доктрину⁶⁵. Стало быть, западная либерально-протестантская экономическая теория изначально формировалась с прицелом на глобальное господство.

Последователи творцов упустили из виду это обстоятельство и начали проповедовать космополитические аксиомы как непреложные законы для национального общежития. Между тем факты и сама жизнь шли вразрез с этими законами, следствием чего явилось тупое доктринерское отрицание всех национальных потребностей, которые не согласуются с принципами творцов политической экономии⁶⁶.

---

⁶⁴ См.: *Смит А.* Указ. соч. С. 445.

⁶⁵ См.: *Витте С. Ю.* Национальная экономия и Фридрих Лист // *Вопр. экономики.* 1992. № 3. С. 139.

⁶⁶ Там же. С. 143.

Не потеряли актуальности слова, сказанные еще в 1889 г.: «Наши экономисты возымили мысль кроить экономическую жизнь Российской империи по рецептам космополитической экономии. Отдельным голосам, восставшим против такого сумасбродства, наши проповедники, облекшись в тогу попугайской учености, возражали теоремами из учебников политической экономии. Несомненно, что такой способ доказательства в глазах толпы имел и имеет значительную убедительность. Толпа верит и не может не верить в теоремы политической экономии по их букве, а не по разуму. <...> Чтение национальной экономии в наших высших учебных заведениях, как прикладной части политической экономии, могло бы принести громадную пользу»⁶⁷.

Серьезное исследование духовно-нравственных основ хозяйственной деятельности ставит теоретико-методологический вопрос о границах применения концепции М. Вебера, причем с учетом его собственного мнения. Аргументированной критике подверг воззрения немецкого ученого историк Фернан Бродель, который отрицательно ответил на вопросы: равнозначно ли пуританство капитализму и равнозначен ли разуму капитализм?

По мнению французского ученого, «идеалистическое» объяснение появления современного капитализма духом наживы или экономии, рассудком либо вкусом к рассчитанному риску, делающее из капитализма воплощение определенного типа мышления, – это увертка от признания марксистской теории⁶⁸. Существовало несколько рациональностей внутри единой экономики: рациональность свободной конкуренции и рациональность монополии, спекуляции и могущества⁶⁹.

Крупные «купцы» былых времен никогда не специализировались, а без различия занимались одновременно торговлей, банковским делом, финансами, биржевой спекуляцией, промышленным производством. Спектр торговой, промышленной, банковской де-

---

⁶⁷ *Vumte С. Ю.* Национальная экономия и Фридрих Лист. С. 144.

⁶⁸ См.: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 400.

⁶⁹ Там же. С. 586.

тельности, т.е. сосуществование нескольких форм капитализма, развертывался в католической Флоренции уже в XIII в.⁷⁰

Более высокий уровень экономического развития позволил Южной Европе осуществлять в эпоху Средневековья колонизацию, просвещение, освоение, строительство городов по всей «дикий» Северной Европе, которую старый латинский мир, церковь Рима, распекали, поучали, эксплуатировали. Реформация означала конец южноевропейской колонизации. Сплотившиеся североευропейские страны одержали верх над конкурентами из блистательной средиземноморской экономики, которую уже на протяжении веков обживал капитализм. Примерно к 90-м годам XVI в. вся Европа склонилась к протестантскому Северу, и он с этого времени оказался в привилегированном положении⁷¹. Победа менее требовательных протестантских предпринимателей объясняется прежде всего материальными причинами, связанными с конкурентоспособными издержками, низкой заработной платой, дешевыми перевозками, дешевыми товарами, ставшей непревзойденной промышленностью⁷².

Признавая обоснованность критических и альтернативных суждений Ф. Броделя, следует привести доводы в защиту концептуальной схемы М. Вебера. Немецкий ученый сам очерчивал границы своей теории. Прежде всего, он рассматривал зарождение промышленного капитализма в протестантских странах, оставляя в стороне иные формы капиталистического предпринимательства. Среди многообразия «духовных» мотивов капиталистического хозяйства исследовалось лишь воздействие пуританской аскетической этики, да и то на примере одной Англии. Полноценными носителями «духа капитализма» признавались только представители мелкой и средней буржуазии. Наконец, исторические рамки взаимодействия протестантской этики и духа капитализма охватывали период от начала Реформации в XVI в. до установления господства механического машинного производства в первые десятилетия XIX в.

⁷⁰ См.: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 641.

⁷¹ См.: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 2. Игры обмена. С. 578.

⁷² Там же. С. 579.

Научное творчество А. Смита – экономиста эпохи мануфактур – пришлось на то время, когда расцвет чисто религиозного энтузиазма был уже позади, когда корни религиозного чувства постепенно отмирали, уступая место утилитарной посюсторонности. В это время «Робинзон Крузо», изолированный от мира экономический человек, занимающийся отчасти и миссионерством, вытеснил в народной фантазии «пилигрима», одинокого человека, все усилия которого были направлены на то, чтобы поскорее миновать «ярмарку тщеславия» в поисках царства Божьего⁷³.

М. Вебер признавал, что не только до и после, но и во время изучаемой им исторической эпохи существовали другие виды капитализма со своими духовно-нравственными принципами. Безудержное, свободное от этических норм приобретательство имело место на протяжении всего исторического развития повсюду, где для него складывались благоприятные условия. Подобная войне или морскому разбою, свободная торговля, не связанная какими-либо нормами по отношению к людям, не встречала никаких препятствий. «Внешняя мораль» дозволяла за пределами общности то, что строго порицалось в отношениях между «братьями». Абсолютная и вполне сознательная бесцеремонность в погоне за наживой часто сочеталась с самой строгой верностью традициям⁷⁴.

Представители такого рода предпринимательства – капиталистические авантюристы – существовали во всем мире во все времена. Их шансы на успех (вне торговых, кредитных и банковских операций) либо имели чисто иррационально-спекулятивный характер, либо были ориентированы на насилие, прежде всего на добычу; эта добыча могла извлекаться непосредственно в ходе военных действий или посредством длительной фискальной эксплуатации государственных подданных⁷⁵.

Автор искал аргументы, подтверждающие истинность его теоретических положений, понимая, что «титаны в области экономики», «капитаны индустрии» всегда стояли и стоят по «ту

---

⁷³ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 201–202.

⁷⁴ Там же. С. 79.

⁷⁵ Там же. С. 50.

сторону добра и зла», вне нравственно-религиозных норм и традиций. Как бы велико ни было их значение в хозяйственной жизни страны и какие бы преобразования в этой области они не совершили, по его разумению, не они определяют, какой хозяйственный дух господствует в ту или иную эпоху, в той или иной области. И не они были творцами или носителями специфически западного *буржуазного* «духа»⁷⁶.

По мере того как аскеза начала преобразовывать мир, внешние мирские блага все сильнее подчиняли себе людей и завоевали наконец такую власть, которой не знала вся предшествующая история человечества. В настоящее время дух протестантской аскезы ушел из этой мирской оболочки. Победивший капитализм не нуждается более в подобной опоре с тех пор, как он покоится на механической основе фабричного машинного производства. И лишь представление о «профессиональном долге» бродит по миру, как призрак прежних религиозных идей. Стремление к наживе, лишенное своего религиозно-этического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной⁷⁷.

Стало быть, не совсем правомерно оценивать развитие современного капитализма с позиций теории М. Вебера. Нынешний либерализм избирательно воспринимает устои протестантской этики. Неолиберальная доктрина, навязываемая Западом остальным странам мира, опирается на учение об избранности к спасению части людей, социальных групп и государств, о предопределении остальных к проклятью и гибели, на легитимность применения любых форм насилия в отношении «отверженных». Сочетание крайнего индивидуализма с культивированием все возрастающего потребления и страстью к обогащению провоцирует поляризацию социальной структуры общества, десоциализацию граждан.

Происходит подмена индивидуализма протестантской этики отрицанием религиозных ценностей вообще. Когда религия объявляется частным делом, то следование нравственным нормам

---

⁷⁶ См.: Вебер М. Указ. соч. С. 279.

⁷⁷ Там же. С. 206, 207.

оказывается необязательным. Наш современный лексикон определяет подобное состояние как «беспредел». Есть и научный термин – «агрессивный секуляризм» – «расцерковление».

Стало быть, формируемая в России модель хозяйствования атеистична, асоциальна, не патриотична и полностью соответствует политике глобализации, проводимой в интересах наиболее развитых стран мира. Организатором и главным исполнителем глобализации выступают США и ТНК (транснациональные корпорации). Они внедряют ценности выгодной им псевдоуниверсальной геокультуры, в которой нет места национальным культурам и цивилизационным особенностям других государств, религиозно-нравственным ценностям. Очищенная от остатков протестантизма (который все-таки воздаст должное трудовой этике), нелиберальная идеология вбивает в массовое сознание идеал человека-потребителя, создает культуру примитивного, стандартного, ненасытного потребления, обеспечивает загрузку производственных мощностей, сбыт продукции и получение прибылей крупнейших ТНК.

Высшей ценностью глобальной геокультуры являются финансовые ресурсы, ради которых устанавливается универсальный мировой порядок, втягивающий в единое экономическое пространство все население планеты. Неслучайно современный глобализм даже в светских научных кругах определяют как «люциферианство», или сатанизм⁷⁸.

При всей серьезности вызова глобализации нет повода для уныния. Исторический опыт свидетельствует о том, что попытки создания мировых империй разбивались о цивилизационные основы народной жизни. Россия – государство глобального масштаба, и вся ее история – это история взаимодействия цивилизаций, начиная с крещения Древней Руси, восприятия православной культуры Византии.

К сожалению, история Византии, в том числе экономическая, не изучается ни в школе, ни вузах при подготовке студентов по экономическим специальностям. Обращение к корням собствен-

---

⁷⁸ См.: *Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире*. М., 2002. С. 362.

ной культурной традиции и к истокам включения Руси в международное разделение труда будет лучшей отповедью пропаганде нашей ущербности и неизбежности глобализации с ее антикультурным диктатом. Древняя Русь была не менее культурна и экономически развита, нежели раннесредневековая Центральная и Западная Европа.

Мы с благодарностью вспоминаем ныне «учителей словенских» Мефодия и Кирилла, заложивших основы славянской письменности и традиций православной культуры. Языковые особенности богослужения – католического на латинском языке, православного на греческом и церковно-славянском языках – оказались одной из важнейших причин возникновения и развития цивилизационных различий между Восточной и Западной Европой.

Католическая доктрина социально-рыночного хозяйства

Примерно в то же время, что и М. Вебер, на рубеже XIX–XX веков, интенсивной разработкой социально-экономического богословия занялись католические теологи. Ими была создана богословская экономическая концепция, получившая катехизическое значение. Современная «Социальная доктрина католической церкви» исходным пунктом экономического развития признает модель социального рыночного хозяйства.

Краткий, но содержательный очерк важнейших социально-экономических положений католической догматики представил В. В. Симонов (игумен Филипп) в своем фундаментальном труде «Церковь – общество – хозяйство». По мнению православного ученого, эклектичность концептуальных основ католической социальной доктрины, соединяющей нелиберальные, неокейнсианские и отчасти, западные неосоциалистические идеи, весьма затрудняет ее критическое восприятие, а оно необходимо, ибо рациональность постижения идей логична для христианского богословия⁷⁹.

---

⁷⁹ См.: Симонов В. В. (игумен Филипп). Церковь – общество – хозяйство. М., 2005. С. 342.

Наиболее значимы в указанном критическом богословском обзоре следующие моменты. Экономико-философские и экономико-теологические положения католической концепции формулируются в рамках христианских ценностей. Определение зачастую дается через отрицание или антиномию. Так, перед изложением позитивного идеала социально-экономического развития перечисляются его недопустимые формы: система, в которой социальные связи обуславливаются исключительно экономическими факторами, противоречит природе человеческой личности и ее деятельности; система, которая подчиняет основополагающие права индивидов и групп коллективной организации производства, противоречит человеческому достоинству; теория, которая ставит прибыль в положение исключительной нормы и конечной цели экономической активности, морально неприемлема, поскольку беспорядочная жажда денег является одной из причин конфликтов, разрушающих социальный порядок; любая практика, которая рассматривает личность лишь как средство получения прибыли, поработачает человека, ведет к идолоизации денег и содействует распространению атеизма; регулирование экономики только посредством централизованного планирования извращает базис социальных связей; регулирование экономики только законами рынка искажает социальную справедливость⁸⁰.

Целевые характеристики описываются проблемно. Экономическое процветание не представляет для Церкви само по себе ни добра, ни зла; важно то, как оно используется. Экономика – не единственная и не высшая цель, выше нее стоят достоинство и свобода человека, брак и семья, религия и нравственность, культурные ценности, сам Бог. Целью экономической активности является не непрерывно растущее снабжение материальными благами, а служение общечеловеческим, социальным ценностям. Инициатор, центр и цель экономики – человек, поведение которого должно соответствовать религиозным устоям.

---

⁸⁰ См.: *Симонов В. В.* (игумен Филипп). Указ. соч. С. 324.

Экономика, рассматриваемая как сфера культуры, не может быть абстрактной, оторванной от человека и его совести. Всякое хозяйствование – это человеческое решение, и оно подчиняется законам нравственности. Христианская этика – не область, но заповедь экономики⁸¹.

Оценка трудовой деятельности человека в католическом богословии разворачивается на основе общих христианских ценностей. Труд воспринимается как «соратничество» Богу, в смысле познания Творения и соучастия в нем, как общественное служение, как основа распределения экономических результатов труда. Трудовая деятельность задает ритм досугу, выделяет воскресный день, посвященный Господу.

Конкретизация исходных положений доктрины происходит в направлении констатации и обоснования существующей неолиберальной модели социального рыночного хозяйства, которая признает главную и положительную роль предпринимательства, рынка, частной собственности и ответственности за средства производства, свободную творческую деятельность человека в секторе экономики. Предполагается разумное регулирование посредством законов рынка в сочетании с экономической инициативой, подкрепленной истинной иерархией ценностей и направленной на общее благо, полную занятость, стабильные цены, экономический рост и внешнеторговый баланс⁸².

Осмысление трудовых отношений между субъектами экономики, в частности и по поводу собственности, опирается на складывающуюся западноевропейскую хозяйственную практику, со всеми ее противоречиями. С одной стороны, утверждает, что собственность на земные блага не может принадлежать каким-либо определенным людям, ее Бог дал всему человечеству как одной семье, чтобы заботиться о ней, владеть ей в процессе труда и пользоваться ее плодами на основе естественного права. Поэтому собственность трактуется только как владение во взаимоотношениях между индивидами и между государства-

⁸¹ См.: *Симонов В. В.* (игумен Филипп). Указ. соч. С. 326.

⁸² Там же. С. 327–328.

ми. С другой стороны, частная собственность признается явлением вечным, заложенным в самой природе вещей, естественно-правовым, данным человеку природой и самим Создателем для обеспечения надежности его жизни, гарантии свободы и человеческого достоинства, удовлетворения потребностей⁸³.

Католические богословы отмечают, что в современную эпоху частная собственность утрачивает функцию побуждения и усиления собственной инициативы и личной ответственности, перестает быть основой экономической обеспеченности наемных работников, возлагающих свои надежды на зарплату и систему социального страхования, не соотносится в очень широких сферах экономики с властью распоряжения и ответственности (в частности, и в результате «революции управляющих»), приобретает «общественную власть» принуждения работников к зависимости от капитала⁸⁴.

В области трудовых отношений надобно руководствоваться идеей обеспечения на собственную ответственность условий жизни для себя и членов своей семьи, а также идеей социального партнерства при капиталистическом способе производства. Предполагается участие наемных работников в процессе образования капитала через «диффузию или дисперсию собственности» путем покупки ими акций. Решение социально-экономических проблем достигается при помощи всех форм солидарности: бедных друг с другом, богатых и бедных, рабочих в своей среде, наемных рабочих и нанимателей в бизнесе. Предлагается идея создания «экономики экономии» вместо «экономики потребления», хотя рабочий рассматривается именно как потребитель, а не как производитель благ⁸⁵.

Новая экономическая парадигма морально-нравственно оправдывает ссудный процент. Признавая прибыль («в смысле разумного эгоизма») критерием экономической эффективности производства, католическая социальная доктрина призывает при оценке

---

⁸³ См.: *Симонов В. В.* (игумен Филипп). Указ. соч. С. 328–329.

⁸⁴ Там же. С. 331–332.

⁸⁵ Там же. С. 332–334.

эффективности предприятий принимать в расчет морально-этические соображения – сохранение человеческого достоинства в системе управления и подчинения. Предпринимательская прибыль должна быть облагорожена осознанием служения всему обществу. Впрочем, монопольная прибыль безоговорочно осуждается⁸⁶.

Роль государства в современной экономике определяется функциями установления правового режима экономических отношений, защиты собственности, перераспределения доходов, поддержания благосостояния и нематериального благополучия – социальной справедливости, построенного на нравственных ценностях образования, высокоразвитой культуры и науки, образцового здравоохранения, соблюдения свободы совести и религиозной свободы.

Особого внимания заслуживает проблема глобализации. Усиление экономических взаимосвязей охватывает весь мир, сопровождается отчуждением человека, обострением противоречий между техническим и этическим развитием. Одной из главных задач католическое богословие считает преодоление нарастающего безбожия. Люди изначально противопоставляют человека Богу, а потом замечают, что человек сам по себе нечеловечен, он не может удержать самого себя. Атеистический гуманизм есть драма с плохим концом⁸⁷.

Завершая очерк католической социально-экономической доктрины, автор пишет: «Трудно удержаться от мысли о том, что во многих случаях она попросту предполагает, что читатель должен на веру принять то, что подлежит радикальной проверке доводами разума. Доводы же эти очень часто свидетельствуют, что перспективы и возможности практической реализации предлагаемой модели (а любая модель ценна именно своим практическим потенциалом, без него она – лишь набор более или менее удовлетворительных лозунгов и берущих за душу красивых фраз) могут быть поставлены под весьма серьезное сомнение»⁸⁸.

⁸⁶ См.: *Симонов В. В.* (игумен Филипп). Указ. соч. С. 337.

⁸⁷ Там же. С. 341.

⁸⁸ Там же. С. 345.

***Православно-богословское осмысление формирования
российской модели экономики***

Результаты социально-экономических реформ в современной России вынужденно поднимают проблемы их духовно-нравственных координат. Католические доктрины пока не годятся, поскольку финансирование социальных проектов российскими властями ведется по остаточному принципу, а отечественное хозяйство, пожалуй, рыночное, но едва ли социальное.

Приверженность российской политико-экономической элиты ценностям неолиберальной модели хозяйствования предполагает восприятие ею «благодати» духа протестантизма. Однако протестантская этика, да и то лишь отчасти, может тешить гордыню представителей сословия «новых русских». Чиновная же бюрократия вряд ли захочет соответствовать идеалу протестантской веберовской бюрократии, заботящейся о соблюдении законности и общем благе, трудолюбивой, умной, честной, предприимчивой, но неподкупной.

А как быть с подавляющим большинством населения, воспитанного в духе православия или других традиционных конфессий нашего Отечества? Ответ на вопрос очевиден. Навязывание России неолиберальной модели развития возможно только посредством отказа от ее национально-культурной самоидентичности, от религиозно-нравственных устоев жизни ее народа.

Если экономическая история России, при наличии множества общих черт со странами западноевропейской цивилизации, имеет также немало специфических моментов, то это лишь подтверждает, что мы развиваемся в рамках собственной модели экономики, которую можно и должно совершенствовать.

Особую значимость приобретают усилия Церкви по возвращению христианских ценностей в хозяйственную деятельность граждан, коммерческих и некоммерческих организаций, государственной власти. Добрым знаменем стала активная работа Русской православной церкви по формированию социально-экономических концепций и принятию общественно значимых документов.

Архиерейским собором Русской православной церкви были приняты в 2000 г. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», в 2008 г. «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека». В этих документах среди прочего провозглашаются ценности, отличные от традиций западноевропейской цивилизации, прежде всего от протестантской либеральной идеологии. Так, «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», кроме свободы выбора, утверждают свободу от греха. Общественное устройство должно ориентироваться на обе свободы, гармонизируя их реализацию в публичной сфере⁸⁹.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» содержатся положения, общие для всех христианских конфессий, и высказывания, передающие особую позицию Русской православной церкви по заявленным проблемам. Разделы, посвященные «вечным» отношениям: «Труд и его плоды», «Собственность», соседствуют с разделами «Церковь и проблемы экологии», «Международные отношения. Проблемы глобализации и секуляризма», затрагивающими злободневную социально-экономическую проблематику⁹⁰.

По мнению специалиста, в разделах о труде и собственности православная теология находится на рубеже, обозначенном еще в начале XX века богословием свт. Владимира (Богоявленского), «балансирует на грани святоотеческой традиции и политико-экономических построений “серебряного века” российской общественной мысли»⁹¹. Поэтому необходимо формирование современного экономического богословия как самостоятельной отрасли науки.

На основе синтеза экономической теории и богословия следует создавать категориальный аппарат, включающий все основные категории экономики (труд, собственность, общественное воспроизводство, богатство, бедность, капитал, земельные отношения,

⁸⁹ См.: Официальный сайт Русской православной церкви. URL: Патриархия.ру <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 13.10. 2009).

⁹⁰ См.: Официальный сайт Русской православной церкви. URL: Патриархия.ру <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 13.10. 2009).

⁹¹ *Симонов В. В.* (игумен Филипп). Указ. соч. С. 444.

государство, общество, милосердие и т.д.), которые должно воспринимать с позиций исторического генезиса, системы этических взглядов и оценивать с позиций различных отраслей богословской науки. Перед богословием стоит позитивная задача выработки граничных параметров макромоделли экономического развития, нравственных оценок ее общественной эффективности⁹².

Труд, согласно «Основам социальной концепции Русской Православной Церкви», является органическим элементом человеческой жизни, творческим раскрытием человека, которому в силу изначального богоподобия дано быть сотворцом и соработником Господа. Однако грехопадение ослабило творческую составляющую труда, сведя его преимущественно к способу добывания жизненных средств. Освящение труда определяет его календарный ритм, свободный от повседневных занятий день Воскресения Христова.

Труд сам по себе не является безусловной ценностью, а становится таковой лишь при условии соработничества Господу и способствует исполнению Его замысла о мире и человеке. Во-первых, это труд для собственного пропитания, дабы никого не отягощать. Во-вторых, труд в благотворительных целях, чтобы подавать нуждающемуся. Благословляется всякий труд, направленный на благо людей, вне зависимости от сферы деятельности, соответствующий нравственным нормам.

Работающий вправе пользоваться плодами своего труда, а отказ в оплате честного труда является не только преступлением против человека, но и грехом перед Богом. Церковь призывает общество к справедливому распределению продуктов труда, при котором богатый поддерживает бедного, здоровый – больного, трудоспособный – престарелого⁹³.

В трактовке отношений собственности позиция православной церкви явно противопоставляется протестантскому мировоззрению, ибо в ней специально оговаривается, что имущественное положение человека само по себе не может рассматриваться как

---

⁹² См.: *Симонов В. В.* (игумен Филипп). Указ. соч. С. 13–14.

⁹³ См.: Официальный сайт Русской православной церкви. URL: Патриархия.ru <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 13.10. 2009).

свидетельство того, угоден или не угоден он Богу. Констатируется традиционное для отечественного богословия понимание относительности права собственности, поскольку люди получают все земные блага от Бога, которому принадлежит абсолютное право владения ими. Церковь призывает христианина воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним. Признается многообразие форм собственности и осуждается посягательство на нее. Отторжение и передел собственности с поправлением прав законных владельцев не одобряются.

Обеспокоенность проблемами, порожденными современной цивилизацией, присутствует в разделе, посвященном экологии: «Сегодня облик Земли искажается в планетарных масштабах. Поражены недра, почва, вода, воздух, животный и растительный мир. Окружающая нас природа практически полностью вовлечена в жизнеобеспечение человека, который уже не довольствуется многообразием ее даров, но безудержно эксплуатирует целые экосистемы. Деятельность человека, достигшая масштабов, соизмеримых с биосферными процессами, постоянно возрастает благодаря ускорению темпов развития науки и техники. Повсеместное загрязнение природной среды промышленными отходами, неправильная агротехника, уничтожение лесов и почвенного покрова приводят к подавлению биологической активности, к неуклонному свертыванию генетического многообразия жизни. Истощаются невозполнимые минеральные ресурсы недр, сокращаются запасы чистой воды. Появляется множество вредных веществ, многие из которых не включаются в естественный круговорот и накапливаются в биосфере. Экологическое равновесие нарушено; человек поставлен перед фактом возникновения необратимых пагубных процессов в природе, включая подрыв ее естественных воспроизводительных сил.

Все это происходит на фоне невиданного и неоправданного роста общественного потребления в высокоразвитых странах, где стремление к изобилию и роскоши стало нормой жизни. Такое положение создает препятствия к справедливому распределению естественных ресурсов, являющихся общечеловеческим достоянием. Последствия экологического кризиса оказались болезнен-

ными не только для природы, но и для человека, находящегося с ней в органическом единстве. В результате Земля оказалась на пороге глобальной экологической катастрофы»⁹⁴.

Православная церковь призывает к активному сотрудничеству в общественных акциях, направленных на защиту творения Божия. Вместе с тем, она отмечает, что усилия такого рода будут более плодотворными, если основы, на которых строятся отношения человека с природой, станут носить не только сугубо гуманистический, но и христианский характер. Одним из главных принципов позиции Церкви в вопросах экологии является принцип единства и целостности сотворенного Богом мира. Православие не рассматривает окружающую нас природу обособленно, как замкнутую структуру. Растительный, животный и человеческий миры взаимосвязаны. С христианской точки зрения природа есть не вместилище ресурсов, предназначенных для эгоистического и безответственного потребления, а дом, в котором человек является не хозяином, а домоправителем, а также храм, в котором человек – священник, служащий, впрочем, не природе, а единому Творцу. Сама жизнь в многообразных ее проявлениях носит священный характер, являясь Божиим даром, поправление которого есть вызов, брошенный не только божественному творению, но и Самому Господу⁹⁵.

Экологические проблемы порождены человеком, а не природой. Посему ответы на многие вопросы, поставленные кризисом окружающей среды, содержатся в человеческой душе, а не в сферах экономики, биологии, технологии или политики. Природа преобразуется или погибает под воздействием человека. Его духовное состояние играет решающую роль, ибо сказывается на окружающей среде как при внешнем воздействии на нее, так и при отсутствии такого воздействия. Взаимосвязь антропологии и экологии с предельной ясностью открывается в наши дни, когда мир переживает одновременно два кризиса: духовный и экологический. Полное преодоление экологического кризиса в условиях кризиса духовного немыслимо.

---

⁹⁴ Официальный сайт Русской православной церкви. URL: Патриархия.ru <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 13.10. 2009).

⁹⁵ Там же.

Необычной для экономической науки оказывается постановка в заключительном разделе «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» вопроса о взаимодействии экономического и культурно-информационного измерений глобализации, наряду с ее политико-правовым измерением.

В экономике глобальные процессы связаны с функционированием транснациональных корпораций, в которых сосредоточены значительные материальные, финансовые и трудовые ресурсы. Руководство международных экономических и финансовых структур обладает огромной властью, неподконтрольной народам и даже правительствам и непризнающей никаких пределов – будь то государственные границы, этническо-культурная идентичность, традиции и религиозные устои населения, необходимость сохранения экологической и демографической стабильности.

В культурно-информационной сфере глобализация обусловлена развитием технологий, облегчающих перемещение людей и предметов, распространение и получение информации. Общества, прежде разделенные расстояниями и границами, а потому по большей части однородные, сегодня с легкостью соприкасаются и становятся поликультурными. Однако данный процесс сопровождается попыткой установления господства богатой элиты над остальными людьми, одних культур и мировоззрений над другими, что особенно недопустимо в религиозной сфере. В итоге наблюдается стремление представить в качестве единственно возможной универсальную бездуховную культуру, основанную на понимании свободы падшего человека, не ограничивающего себя ни в чем, как абсолютной ценности и мерила истины. Такое развитие глобализации многими в христианском мире сопоставляется с построением Вавилонской башни.

Положительные плоды глобализации доступны лишь нациям, составляющим меньшую часть человечества, имеющим схожие экономические и политические системы. В то же время народы, составляющие пять шестых населения планеты, оказываются выброшенными на обочину мировой цивилизации. Они попадают в долговую зависимость от промышленно развитых стран, составляющих меньшинство, и не могут создать достойных условий для своего существования.

Практика финансовых спекуляций стирает зависимость доходов от затраченного труда, приводит к утрате приоритета труда и человека над капиталом и средствами производства. Поэтому Церковь ставит вопрос о всестороннем контроле за транснациональными корпорациями и за процессами, происходящими в финансовом секторе экономики, с целью подчинения любой предпринимательской и финансовой деятельности интересам человека и народа, через использование всех механизмов, доступных обществу и государству.

Духовной и культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией, необходимо противопоставить совместные усилия Церкви, государственных структур, гражданского общества и международных организаций ради утверждения в мире равноправного взаимообразного культурного и информационного обмена, соединенного с защитой самобытности наций и других человеческих сообществ.

Вызов глобализации требует от современного общества адекватного ответа, основанного на заботе о сохранении мирной и достойной жизни для всех людей в сочетании с их стремлением к духовному совершенству. Надо стремиться к мироустройству на началах справедливости и равенства людей перед Богом, исключая подавление их воли национальными или глобальными центрами политического, экономического и информационного влияния.

Современная международно-правовая система основывается на приоритете интересов земной жизни человека и человеческих сообществ перед религиозными ценностями, закрепляя этот принцип в национальном законодательстве многих стран, регламентируя различные формы деятельности органов власти, построение государственной образовательной системы и т.д. Многие влиятельные общественные механизмы используют такой подход в открытом противостоянии вере и Церкви, нацеленном на их вытеснение из социальной жизни. Происходит секуляризация жизни государства и общества.

Уважая мировоззренческий выбор нерелигиозных людей и их право влиять на общественные процессы, Церковь не может

одобрять такое устройство миропорядка, при котором в центр всего ставится помраченная грехом человеческая личность. Поэтому, сохраняя открытой возможность сотрудничества с людьми нерелигиозных убеждений, Церковь стремится к утверждению христианских ценностей в процессе принятия важнейших общественных решений на национальном и международном уровне. Она добивается признания легитимности религиозного мировоззрения как основания для общественно значимых деяний (в том числе государственных и международных) и как фактора формирования международного права⁹⁶.

При всей важности принятия «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», представленный в ней «генеральный подход» к экономике не позволяет разрабатывать моделей хозяйствования, «которые не были бы конфликтными в отношении социокультурных констант, о которых так много говорится сегодня в литературе»⁹⁷.

Своеобразной конкретизацией православной социальной доктрины стал «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», принятый в 2004 г. VIII Всемирным русским народным собором⁹⁸ – авторитетным форумом, который объединяет многочисленные общественные организации в России и за рубежом под эгидой православной церкви, а также представителей других традиционных для нашей страны религиозных общин.

Свод нравственных принципов и правил предлагается для добровольного принятия руководителям предприятий и коммерческих структур, предпринимателям и их сообществам, работникам, профсоюзам и всем другим участникам экономических процессов, в том числе государственным органам и общественным объединениям, вовлеченным в хозяйствование.

---

⁹⁶ См.: Официальный сайт Русской православной церкви. URL: Патриархия.ru <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 13.10. 2009).

⁹⁷ *Симонов В. В.* (игумен Филипп). Указ. соч. С. 445.

⁹⁸ См.: Всемирный русский народный собор. URL: http://www.vrns.ru/docs/detail.php?nid=247&binn_rubrik_pl_news=163 (дата обращения: 13.10. 2009).

Документ описывает идеальную модель хозяйствования, которая не существует сейчас, но к воплощению которой можно и должно стремиться в повседневности. Речь идет об эффективной и справедливой экономике, свободной и ответственной личности предпринимателя, защите слабых и обездоленных, уважении к власти и честном труде. Возможно, реальность еще долго не будет соответствовать желаемому. Но нельзя заранее говорить, что цель недостижима, ибо в стремлении к чистой совести и достойной жизни человек с помощью Божией может пройти сколь угодно трудными путями, даже если дело касается такой непростой сферы человеческого бытия, как экономика⁹⁹.

Рабочая группа, занимавшаяся написанием Свода, включала в себя представителей разных политических сил и экономических школ и старалась изначально уйти от узкоконфессиональной трактовки текста. Разработчики стремились создать документ, который объяснял бы основные принципы ведения дел в экономике и был в равной степени приемлем для людей, исповедующих православие, и для представителей других религий, а также для людей нерелигиозных.

Учитывался исторический опыт западнохристианской социально-экономической теории, интерпретирующей различные сферы хозяйственной этики. В трудах католических и протестантских ученых, в официальных документах Римско-католической церкви красной нитью проходит мысль о том, что только через установление справедливого порядка распределения плодов труда, через воспитание гражданского общества в духе социальной ответственности возможно возвращение предпринимательского сословия и всего капиталистического общества к основным христианским ценностям любви и жертвенности. Данный подход во многом разделяется Русской православной церковью¹⁰⁰.

Свод стал попыткой определить нравственное измерение экономических процессов. Сформулированные нравственные

---

⁹⁹ См.: Всемирный русский народный собор. URL: http://www.vrns.ru/docs/detail.php?nid=247&binn_rubrik_pl_news=163 (дата обращения: 13.10. 2009).

¹⁰⁰ См.: Русская православная церковь. URL: <http://www.mospat.ru/index.php?page=25722> (дата обращения: 11.02. 2012)

принципы и правила основываются на десяти заповедях, данных Богом¹⁰¹, а также на опыте их усвоения христианством и другими религиями, традиционно исповедуемыми в России. Содержание документа не следует воспринимать как буквальное толкование библейского текста. Скорее речь идет о положениях, вытекающих из Божиих заповедей в их широком понимании, а также из многовекового религиозно-нравственного наследия, в том числе российского¹⁰².

Исходный пункт Свода призывает, не забывая о хлебе насущном, помнить о духовном смысле жизни, не забывая о личном благе, заботиться о благе ближнего, благе общества и Отчизны. Это обращение по-своему воспроизводит евангельские слова: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим» (Лк. 4, 4). И хотя исторически российская духовно-нравственная традиция по преимуществу склонялась к приоритету духовного над материальным, к идеалу самоотвержения личности ради блага народа, мы должны создавать такой экономический уклад, который поможет гармонично реализовывать как духовные устремления, так и материальные интересы личности и общества¹⁰³.

Изложение второго принципа оказалось содержательно нагруженным и несущим в себе критику протестантского мировоззрения. Утверждается, что богатство – не самоцель, не благослове-

---

¹⁰¹ Заповеди, данные Богом:

1. Я Господь, Бог твой. Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим.
2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой.
3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно.
4. Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмой – суббота Господу Богу твоему.
5. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле.
6. Не убивай.
7. Не прелюбодействуй.
8. Не кради.
9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

10. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего. (Исх. 20, 2–17).

¹⁰² См.: Всемирный русский народный собор. URL: http://www.vrns.ru/docs/detail.php?nid=247&binn_rubrik_pl_news=163 (дата обращения: 13.10. 2009).

¹⁰³ Там же.

ние и не наказание, а испытание и ответственность. Бедность или богатство человека сами по себе не говорят о его нравственности или аморальности. Культ богатства и нравственность в человеке несовместимы. Отношение к богатству как к кумиру неизбежно разрушает экономическую и правовую культуру, порождает несправедливость в распределении плодов труда, социальную «войну всех против всех».

Богатство, собственность рассматриваются не только как средство извлечения выгоды, но и как средство созидания достойной жизни человека и народа. Собственность дает максимальную отдачу именно тогда, когда она употребляется эффективно, а плоды ее использования распределяются справедливо и ответственно, «вкладываются» в социальную стабильность.

Благосостояние добросовестных предпринимателей и тружеников должно соответствовать их трудовому вкладу, быть следствием создания, рачительного использования и приумножения ими общественно полезных благ. Уровень потребления и стандарты качества жизни должны быть разумными и умеренными, учитывать состояние окружающей среды.

Особо оговариваются приоритеты предпринимательской деятельности с позиций трудовой этики. Дело – настоящее, захватывающее целиком, – вот богатство предпринимателя. Деньги – лишь средство для достижения поставленной цели. Отсутствие культа денег раскрепощает человека, делает его внутренне свободным.

Третий пункт Свода утверждает, что культура деловых отношений, верность данному слову помогают стать лучше и человеку, и экономике. Отношения должны строиться на уважении прав и законных интересов их участников. Ответственность за свои действия обязаны чувствовать и работники, и работодатели, в том числе государство. Недопустимо на рабочем месте и в деловых отношениях проявление различных людских пороков. Деловая репутация – долгосрочный актив, поэтому главный лозунг российского предпринимательского сословия: «Прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли». Сюда же можно добавить поговорку, подтверждающую силу и значимость слова: «Уговор дороже денег».

Важнейшая мысль, зафиксированная в четвертом пункте, фактически «расшифровывает» соответствующую божественную заповедь о седьмом дне недели. Человек – не «постоянно работающий механизм». Ему нужно время для отдыха, духовной жизни, творческого развития.

Духом пятой заповеди о почитании старшего поколения проникнут аналогичный пункт нравственных принципов хозяйствования, который призывает государство, общество, бизнес вместе заботиться о достойной жизни тружеников, а тем более о тех, кто не может заработать себе на хлеб. Национальное хозяйство саморазрушается без эффективных мер социальной защиты.

Степень благосостояния общества напрямую зависит от его отношения к нетрудоспособным и старикам. Выделение части доходов на помощь пожилым и больным людям, инвалидам и обездоленным детям должно быть нормой для любого рентабельного предприятия, а также для любого состоятельного работающего человека, в том числе наемного работника.

В соответствии с шестой заповедью работа не должна убивать и калечить человека. Создание достойных условий труда не ограничивается соблюдением техники безопасности на производстве, оно также предполагает выплату заработной платы, гарантирующей безбедное существование наемного работника и его семьи. Вполне обоснованным с христианской точки зрения выглядит суждение о том, что бережное отношение работодателя к труду, здоровью и жизни ближнего несет благо и для него самого, и для работников.

Отдельным принципом выделены соображения о необходимости разделения политической и экономической власти. Участие бизнеса в политике, его воздействие на общественное мнение может быть только законным и открытым. Недопустимо нелегитимное вовлечение органов государственной власти в конкурентную борьбу и в разрешение хозяйственных споров. В экономике нет места коррупционерам и другим преступникам.

Российская специфика присутствует в интерпретации божественного назидания «не укради», в понимании многообразных отношений, связанных с имуществом и доходами хозяйствующих

субъектов. Человек преступает нравственный закон, вредит обществу и себе, когда присваивает чужое имущество, пренебрегает имуществом общим, не воздает работнику за труд, обманывает партнера. Привычка с легкостью воровать у государства, соседа или коллектива, портить их собственность должна быть осуждена и изгнана из нашей жизни.

Нравственному осуждению подлежат различные виды хищений и обкрадывания: несправедливое распределение плодов труда среди партнеров и работников, невосполнимый экологический ущерб, неуплата налогов, сокрытие доходов, незаконный увод капиталов за рубеж, задержки выплаты и занижение заработной платы трудящихся, обременительные государственные налоги.

Девятое правило провозглашает, что в конкурентной борьбе нельзя употреблять ложь и оскорбления, эксплуатировать порок и инстинкты. Конкуренция – один из двигателей экономики, поскольку монополизм равнозначен консервации и отсталости. Конкуренция является достойной и нравственно оправданной, если не разрушает деловые отношения, служит интересам общества, ставит его членов в равные условия, предоставляет им право выбора.

Заключительный пункт Свода во многом повторяет положения раздела о собственности «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». Увещевание людей в том, что нужно уважать институт собственности, право владеть и распоряжаться имуществом, что безнравственно завидовать благополучию ближнего, посягать на его собственность, полностью согласуется с десятой заповедью, данной Богом.

Высота помыслов видна в резюмирующей части документа, в которой записано, что состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности. Лишь человек с добрым сердцем и светлым умом, духовно зрелый, трудолюбивый и ответственный сможет обеспечить себя, принося пользу своим ближним и своему народу. Пусть так будет в России, вступившей в XXI век¹⁰⁴.

---

¹⁰⁴ См.: Всемирный русский народный собор. URL: http://www.vrns.ru/docs/detail.php?nid=247&binn_gubrik_pl_news=163 (дата обращения: 13.10. 2009).

Свой вклад в устройство нашей социально-экономической жизни внесло соборное слово XII Всемирного русского народного собора «Поколение наследников», принятое в феврале 2008 года¹⁰⁵.

Даже если наша система высшего образования объективно не готова к включению в учебные планы богословских курсов, то корпус перечисленных документов, разработанных при непосредственном участии Русской православной церкви, должен быть представлен в дисциплинах социально-гуманитарного цикла.

Возвращение духовно-нравственных ценностей в экономику и экономическую науку имеет свое теоретико-методологическое обоснование, заставляющее изменить нынешнюю, перевернутую иерархию приоритетов, в которых господствуют материально-денежные выгоды и производственно-технологическая целесообразность.

О фундаментальности различных ценностей можно судить по исторической длительности их существования. В экономической науке им соответствуют периодические циклы, разной временной протяженности. Наиболее прибыльные торгово-спекулятивные сделки и получение денежной маржи на бирже «проворачиваются» в течение одного дня. Процесс использования потребительских благ и важнейших средств производства редко выходит за границы одного-двух десятилетий. Отраслевая структура экономики, модели хозяйствования и соответствующие им идеологии меняются каждые 40–60 лет.

Когда речь идет о географическом положении, природно-климатических условиях, экологии, счет идет на века. Но самыми фундаментальными ценностями оказываются язык, культура, религия, формирующие общество и экономику в нашей стране уже более тысячелетия. Поэтому накопление капитала, развитие производства и потребления должны быть подчинены экологическим и духовно-нравственным императивам.

Методологически обоснована постановка вопроса о духовной парадигме, которая оказывается гораздо более фундаментальной и исторически более протяженной, чем любая из существовавших

---

¹⁰⁵ См.: Всемирный русский народный собор. http://www.vrns.ru/docs/detail.php?nid=501& binn_gubrik_pl_news=163 (дата обращения: 13.10. 2009).

социально-экономических парадигм. Об этом говорил Святейший Патриарх Кирилл: «У нас должна быть идейная, духовная парадигма, в рамках которой бы осуществлялось <...> воспитание личности, ведь у нас есть ценности <...> – нравственная ответственность <...> свобода, честность, достоинство, справедливость, правда. Не в силе Бог, а в правде»¹⁰⁶.

В основе духовной парадигмы лежит культурный код, передающийся из поколения в поколение незыблемые базисные ценности нашего народа. Россия – многонациональный, многорелигиозный народ, который находится на таких огромных пространствах, что он не может жить без объединяющей идеи. Наш культурный код и есть наша национальная идея, которая воспроизводит каждое последующее поколение людей с точки зрения формирования их системы ценностей. Механизмом и способом передачи ценностей служит традиция. На базисе культурного кода формируется матрица народной жизни¹⁰⁷.

Вышеприведенная краткая сравнительная характеристика трех социально-экономических моделей имела целью постановку проблемы взаимообусловленности хозяйственного строя и религиозно-нравственных основ народной жизни. Дальнейшим ее развитием могло бы быть сопоставление результатов историко-экономического развития различных стран. Но подобное исследование предполагает углубленную разработку и использование соответствующей методологии.

Впрочем, есть основания считать, что провалы долгосрочного отечественного экономического развития и неутешительное состояние современной российской экономики в значительной мере обусловлены недоиспользованием потенциала православия в хозяйственной жизни. Подтверждением тому служит указание норвежского экономиста Э. Райнерта на активное восприятие западноевропейцами духа восточного христианства в начале Нового времени, которое заложило фундамент блестящего взлета Европы к мировой гегемонии: «Когда Константинополь, столица

---

¹⁰⁶ Официальный сайт Русской православной церкви. URL: Патриархия.ru <http://www.patriarchia.ru/db/text/2004759.html> (дата обращения: 09.02.2012).

¹⁰⁷ Там же.

Восточной Римской империи, Византии, пал под натиском турок в 1453 году, многие философы перебрались в Италию. В результате этого западная философия и западная Церковь попали под сильное влияние восточной Церкви. В ходе этого процесса в обществе утвердилась более динамичная версия Книги Бытия – история Сотворения мира. <...> Бог создавал мир 6 дней, а оставшуюся созидательную работу оставил человечеству. Следовательно, создавать и внедрять инновации – это наша прямая обязанность. <...> Бог предусмотрел для человека стимул к инновациям в виде радости от новых открытий. <...> Человечество отправилось в экспедицию за новыми знаниями, и сколько бы мудрости оно ни накопило, мы продолжаем расширять бесконечные границы знания. Так развивалось понимание экономического роста как совместного продукта синергии, разделения труда, растущей отдачи и новых знаний»¹⁰⁸.

Единство духовно-нравственных и социально-экономических процессов – не умозрительная схема, а добротная, рабочая научная гипотеза, объясняющая логику истории. Так, синодальный период руководства Русской православной церкви совпадает по времени с завершением преобразований социально-экономических отношений крепостной зависимости в условиях монархической формы правления. Хронологические рамки существования (историческое место) директивно-плановой экономики СССР точно очерчиваются изменением отношения государства к Церкви.

Постановка вопроса о формировании российской модели экономики – шаг к ее решению. Надо продолжать обсуждение поставленных проблем, не забывая, что «вначале было Слово» (Ин. 1, 1).

---

¹⁰⁸ Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011. С. 105–106.

Научное издание

Черемисинов Георгий Александрович

**ПАРАДИГМА
ДИРЕКТИВНО-ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ:
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ**

В двух частях

Часть 2

Редактор *Е. А. Малютина*
Технический редактор *В. В. Володина*
Корректор *Е. Б. Крылова*
Оригинал-макет подготовила *Н. В. Ковалёва*

Подписано в печать 18.07.2013. Формат 60х84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 26,74 (28,75). Тираж 100 экз. Заказ ..

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.